

БОРИС БЕЛИЛОВСКИЙ

МОИ ЗАПИСКИ

(Первая тетрадь)

2011

О СЕБЕ

Когда я еще только начинал эти записи, то в качестве непрямого условия считал необходимым прочитать все Тоне, а в окончательном варианте записать обязательно с учетом ее мнения. Сейчас же, когда Тони не стало, пусть хотя бы то, что я записал «О себе», будет хоть малой памятью о Тоне - любимой жене и самом близком друге.

Более четырех лет (с середины 1994 года до 19 января 1999 года) я вел эти записи. Сейчас появилась возможность все это перепечатать (если успею, конечно). Это хорошо, т.к. это займет еще какое-то время, а, кроме того, многое из написанного мной очень трудно разобрать, особенно то, что записывал в последнее время. Правда и то, что и при печатании у меня так трясутся руки, что часто бью не по тем литерам и получается много ошибок и исправлений. Печатать постараюсь без серьезной правки, а так, как написано в тетради. Впрочем, как получится.

В Израиль мы приехали 20 апреля 1994 года. А через некоторое время я стал записывать свои впечатления о стране. Да так привык к этому, что продолжаю записывать и до последнего времени, хотя сейчас пишу уже об отдельных фактах, соображениях, воспоминаниях, ощущениях.

Летом 1994 года мы с Тоней побывали в Иерусалиме, после чего я увлекся идеей познакомиться (поверхностно, конечно) с основными мировыми религиями, а также с историей еврейского народа. Ну и в меру своих сил постараться найти ответ на вопрос: «За что же не любят евреев?» При всем этом я достаточно четко представляю, что это будут примитивные рассуждения не очень компетентного человека, не имеющего к тому же ни одного словаря или справочника.

Таким образом, у меня будет:

«О себе» - (детство и юность, война и армия, послеармейская жизнь, впечатления о жизни в Израиле).

«О евреях».

«О мировых религиях».

Записывая «О себе», я, кроме всего прочего, думаю, что если у детей и внуков появится такое желание, они смогут хоть что-то узнать про своего отца и деда. К стыду и сожалению, о своих я знаю до обидного мало.

Прадед по отцу прослужил в Николаевской армии 25 лет кантонистом, за что на его семью не распространился закон «О черте оседлости», и они жили в Калуге. Про деда ничего не знаю. А брат отца Иосиф погиб на фронте I мировой войны.

О бабушке и дедушке по маминой линии знаю лишь то, что в 1941 году немцы их куда-то увели из Одессы и они пропали. Прямо скажем, знаю мало.

А теперь несколько предварительных замечаний.

1. Как я уже написал, пишу для себя. А если это сохранится и заинтересует детей и внуков, то и для них (интересно: на российском телевидении видел передачу «Знаешь ли ты свою родословную?»).

2. При чтении не стоит обращать внимания на ошибки.

Грамматические при желании можно исправить.

Со стилистическими придется смириться - мне уже далеко за семьдесят, а насколько мне помнится, я и раньше не был силен в изящном слоге.

Фактические - постараюсь не врать. Но одни факты подзабылись, другие мне сейчас видятся не так, как они смотрелись раньше. Для правильного освещения третьих у меня нет ни одного справочника.

Правда и то, что все по-честному написать трудно: наверное вспомнится что-нибудь такое, о чем не захочется написать (особенно если это будет касаться умерших, памятуя, что «о мертвых или хорошо, или ничего»). А если вспомню и про себя, что где-то сказал невпопад или допустил явный «ляп», постараюсь не рвать на груди рубаху, доказывая, что я лучше, чем есть на самом деле. Писать правду мне в общем-то не так уж и трудно:

Родине не изменял.

В плен не сдавался.

Жене по-серьезному не изменял.

Не воровал.

Не подличал.

При описании Израиля почти всё - свои наблюдения. Об Алексине и алексинцах мне кое-что сообщил мой одноклассник и друг Костя (Константин Васильевич) Ефремов. И еще: могут быть повторения.

Во-первых, могут встретиться повторения одних и тех же фактов в разных разделах.

Во-вторых, я просто могу забыть, что уже писал об этом.

В-третьих, что-то в конкретном случае просто потребует повторения.

Начал и подумалось: кроме всего, будет интересно самому посмотреть, как я прожил уже (когда печатаю) более 75 лет. И сюда же: что здесь свои воспоминания и соображения, а что где-то узнал - всё перепуталось и, похоже, всё вижу как свое.

О РОДНЕ

Родился я 19 января 1924 года в городе Одесса. 19 января по христианскому календарю - это Крещение. О том, что у меня такое счастливое совпадение, я узнал лишь в 1946 году, когда стали восстанавливать ослабевшую после войны антирелигиозную пропаганду. 20 января меня вызывал замполит и «оттянул» за то, что вчера у меня в землянке отмечалось подобное событие. Пришлось показывать документы и доказывать, что отмечали не Крещение, а день рождения (22 года мне тогда исполнилось). А подобные мероприятия тогда не запрещались.

Родившись в Одессе (да еще на Молдаванке), я уже одним этим получил право называться одесситом, а вместе с этим и правом гордиться Одессой, которая «не город, а невеста»... и «нет в мире краше места», и «красавица Одесса» и много-много других эпитетов, и все в превосходной степени. И то, что там жил Пушкин, и там писали Э.Багрицкий, Ильф и Петров, В.Катаев. А выход в город из партизанских катакомб (это по В.Катаеву) находится во дворе дома, где я родился (так рассказывали). И что из Одессы вышли Леонид Утесов и Марк Бернес, Михаил Жванецкий и маршал Малиновский, памятник которому стоит у оперного театра. Даже купринская пивная «Гамбринус» стоит в Одессе на Дерибасовской. Даже знаменитый бандит времен НЭПа Мишка Япончик из Одессы (как сказали бы в Одессе: «Это не тот босьяк, которого недавно арестовали в Америке, а настоящий Мишка Япончик»). И блатная песня «С одесского кичмана» тоже там родилась. И даже бандит, начальник контрразведки батьки Махно, Лева Задов, тоже одессит. Как сказал Михаил Жванецкий: «Каждый хотел бы родиться в Одессе, но не у каждого это получается».

Одесса - родина самых остроумных анекдотов. А что стоит вот такая формула: «Если ты в Жмеринке был отличником, то в Одессе сойдешь за идиота». И даже службу в армии я заканчивал в 1969 году в полку, который за бои в одесском небе получил звание 9 Гвардейский, Одесский, ордена Суворова, Краснознаменный истребительно-авиационный полк. И первые шесть могил у памятника Неизвестному Матросу в Одессе - это могилы летчиков нашего полка. Перечислить все, что является гордостью и славой Одессы, невозможно и одесситы (и я в том числе) законно этим гордятся.

Все это можно долго и интересно продолжать, но... вырос-то я в Алексине, куда мы с мамой переехали после смерти отца в 1926 или 27 году. Я за свою жизнь изездил, как говорят, полсвета: от Эльбы на западе до Тихого океана на востоке, от Петсамо на севере до Кушки на юге. Побывал во многих странах и почти во всех союзных республиках СССР. Вот сейчас судьба занесла меня на Ближний Восток. Я видел Заполярье и

пустыни, среднерусские места и карельские озера, тайгу и Памир и опять-таки - красавицу Одессу.

И вот, отдавая дань уважения и низко кланяясь Одессе, я считаю лучшим местом на земле маленький подмосковный городок Алексин. Я понимаю, что Алексин и Одесса - несравнимые понятия, у них просто разные «весовые категории». Но в Одессе я был совсем маленьким ребенком, а за несколько коротких посещений, хотя и восторженным, но гостем. А Алексин мне видится глазами молодого (до 17 лет) и беззаботного человека, а тот, наверное, десяток отпусков, которые я проводил сначала один, потом с Тоней, потом с Тоней и Юрой, а потом и с Витей (служил я в это время на севере), только углубили мои знания и любовь к Алексину, тем более что мы жили на полном иждивении у родителей, а мотоцикл с коляской значительно расширял горизонты: от Ясной Поляны до Мелихова и Поленова. Пляжи, рыбалки с ночевкой и многое другое...

Сейчас (воистину, «хорошая мысль приходит опосля») и неудобно, и просто стыдно за то, что мы всей ватагой сваливались на шею родителям, не всегда возвращая хоть какую-то часть их затрат. У меня как-то и не возникала мысль, что может быть иначе. А жаль. Сейчас, во всяком случае, жаль. Для успокоения сегодняшней совести вспомню утешительную формулу: «Дети не возвращают родителям то, что получают от них, они передают это своим детям». Наши сыновья даже после окончания института, даже какое-то время после женитьбы жили у нас на тех же правах. А перед отъездом из Казахстана мы отдали Юре автомашину и капитальный гараж, а Вите сначала двухкомнатную, а потом и однокомнатную квартиры и дачу. Видит Бог, это я не в упрек им, а как бы «узаконивая» свое поведение во время отпусков в Алексине.

Прежде чем обратиться к моему Алексину, вспомню свою основную родню.

Отец. О нем я знаю очень мало. Знаю, что его звали Михаилом, что он умер в 25 или 26 году. Мама говорила, но я забыл, а когда был в 1949 году в Одессе, то на старом еврейском кладбище не нашел его могилы, хотя и был с дядей Соломоном. Мама, правда, утешила, сказав, что хорошо, что я побывал на земле, где он похоронен. Фотографии его я не помню, но Тоня видела и говорила, что я очень на него похож. То же говорила и мамина сестра, тетя Циля. А фамилию я носил мамину - Манилов (и школьная кличка у меня была «Манила»). Даже когда в первое время после войны я приезжал уже офицером в Алексин, старые знакомые называли меня Маниловым. Сегодняшнюю фамилию я получил, когда нужно было получать паспорт.

В Москве в Вадковском переулке (напротив находился институт им. Сталина), жили две сестры моего родного отца: тетя Роза и тетя Соня. Вторая была замужем за Хайкиным (дядя Лева). У них было два сына (Михаил - сын дяди Левы от первого брака, на пару лет старше меня) и Борис (кажется). Этот был несколько моложе меня. До войны была жива баба Гися - маленькая старушка, которая постоянно целовала меня и плакала (тетя Роза тоже). После войны у теток я был трижды:

в августе 45, когда ехал с фронта,

в 48 г., когда с Тоней ехали на север,

в 49 или 50 гг. месяц жил у них, когда приезжал на сессию в академию.

После этого связь с ними прервалась.

Мама. Родилась в 1894 году в городе Глухов Черниговской губернии. Умерла 31 января 1975 года в г. Уссурийске, где и похоронена. Ее родители жили в Одессе (не знаю, на каких правах). Ее отец - Манилов Илья Владимирович. Мать - знаю только - баба Роза. В 41 году немцы их увели, и больше о них ничего не было слышно (разве лишь то, что под Одессой были большие расстрелы евреев). У мамы были два брата и сестра:

Семен. Когда-то от него ушла жена (я ее не помню), оставив ему дочь, которая вскоре тоже умерла. Дядя всю жизнь прожил в семье брата. По завещанию его похоронили рядом с дочерью. Где-то в конце шестидесятых годов мы с Аней были у него на могиле. Но это не там, где похоронен мой отец, а возле «барахолки».

Соломон. Насколько я знаю, какой либо специальности оба дяди не имели и всю жизнь проработали в диапазоне от разнорабочего до кладовщика (тетя Циля, кажется, тоже). Думаю, что это было одной из причин маминых восторгов, когда Тоня окончила университет, а потом и я академию. Сейчас вот вспомнилась английская премудрость: «Для того, чтобы стать джентльменом, необходимо окончить три университета: дедом, отцом и тобою» - но кто-то должен был начинать. Соломон был женат. Жена - тетя Поля, кажется, домохозяйка. Их дочь (моя двоюродная сестра) Аня - 1925 года рождения. У нее есть дочь (думаю, конца 50-х годов рождения).

Циля. Немного моложе мамы. Была замужем за военным, который ещё перед войной окончил две академии. Потом они разошлись. У них была дочь (моя двоюродная сестра) Люба. В Одессе мне говорили, что Люба (это где-то начало 70-х годов) живет в Тбилиси и замужем, кажется, за офицером (его фамилия Чичев). В 1937-38 гг. тетя Циля вторично вышла замуж. Муж - Деев Герасим Петрович. Они купили или построили в тогдашнем пригороде Москвы, Ховрино, дом. У них был сын Женя. Ка-

жется, где-то в начале 70-х годов (точно не помню) я был в Одессе. Побывал у Ани, у тети Цили и у Жени, который собирался уезжать в Израиль. Здесь в Израиле мы с ним не встречались.

После смерти отца мама переехала в город Алексин (тогда Московской, потом Калужской, а потом и до сего времени - Тульской обл.). Я какое-то время жил у бабушки (об этом ничего не помню), а потом мама забрала меня к себе. В 1928 году мама вторично вышла замуж.

Белиловский Владимир Абрамович стал мне настоящим отцом. Мне сейчас думается, что я не смог бы (слава Богу, и не пришлось) вытирать нос чужому ребенку. А он с 1928 года и до самой смерти (18 ноября 1963 года, похоронен в Алексине на старом кладбище) ни разу не дал мне почувствовать, что я ему не родной сын. Мало того, он так же относился и к моим детям, Юре и Вите. Поклон и большое ему за это спасибо. А для себя, моих сыновей и внуков (чтобы не было путаницы): мой отец - это Белиловский Владимир Абрамович, 1889 года рождения. Он из Калуги. Помнится, он рассказывал, что у них в гимназии преподавал Циолковский, а еще раньше там жил Шамиль (!). Мать отца жила у нас и умерла где-то в 36 или 37 году. Я был в это время пионером и, помню, проводил с ней антирелигиозные беседы. И мать и отец - оба медики: мама - врач-стоматолог, отец - провизор.

Иосиф (Ося), мой брат. Родился 15 октября 1929 года. Назвали его в честь брата отца, погибшего в I Мировую войну. С 1942 года я был в армии, поэтому о его детстве (да и потом тоже) я знаю лишь по рассказам родителей. А это были военные и не менее тяжелые послевоенные годы. Впрочем, сейчас, когда ему уже совсем близко к семидесяти (сегодня, когда я печатаю - 12.9.1999 г.) я очень жалею, что настоящей братской дружбы у нас не было всю жизнь. За это время мы с ним встречались раз шесть или семь и не очень регулярно переписывались (в основном обменивались праздничными поздравлениями). Аттестат о среднем образовании он, кажется, «сделал», закончив на самом деле лишь 9 классов. В 1948 году он поступил в Рязанское автомобильное училище, а потом (не знаю, каким образом) оказался в Иркутском авиационно-техническом училище, окончив которое служил авиационным техником, «технарем», на Дальнем Востоке. Позже там же из него сделали «ракетчика» (похоже, ракеты оперативно-тактического назначения). Закончил он службу в Ивано-Франковске в звании капитана (потолок для авиационных техников). После демобилизации он уехал в Уссурийск (его жена Юлия оттуда), прихватив с собой и маму, которая там и умерла (я был у нее на могиле в 1980 году).

У меня много оправданий в том, что я не взял маму к себе: мы жили вчетвером в маленькой проходной двухкомнатной квартире, а Ося выме-

нял в Уссурийске трехкомнатную с отдельными комнатами... и др., а также в том, что не полетел на её похороны: я получил тогда телеграмму, когда смог бы прилететь туда лишь через 3-4 дня после похорон, но все равно вину свою я признаю и сейчас каюсь и сожалею (подчеркиваю эти слова). Больше того: все свои жизненные неудачи (назову это так) я связываю с этим и считаю их расплатой за мое свинское отношение. В Уссурийске я несколько раз был на маминой могиле и просил у нее прощения. Видимо, не простила... Тоня-то умерла...

С Осей мы ездили во Владивосток. Там живет его сын Саша. Он окончил Омскую высшую школу милиции, но по специальности так и не работал. У него тоже сын и тоже Александр. У Юли была своя дочь, Валя. Когда мы были у нее, она была замужем за главным механиком совхоза. У нее тоже дети.

Забыл: еще у мамы была родственница, которая жила в Москве в Варсонофьевском переулке, а перед войной на Арбате у нее жил двоюродный брат, который работал ассистентом (!) у Бурденко. Я у него был в 37-38 г. Помню, мы с ним смотрели в Эрмитаже новый (и, кажется, первый цветной) фильм «Сорочинская ярмарка».

Тоня. Писать о ней отдельно не буду, т.к. всё, что я пишу о себе (разве что кроме самого начала), всё это не только о себе, но и о ней. Родилась она 24 марта 1925 года. 20 ноября 1941 года мы с ней познакомились. Всю войну мы переписывались, а 7 февраля 1947 года поженились. Прожили 52 года. 19 июля 1999 года она умерла. Об этом и многом другом я еще напишу (и не один раз). У нас два сына, Юра и Витя, и четыре внука: Олег и Борис (Юрины), Саша и Стас (Витины). О них отдельно.

Тонин отец, Дурченков Николай Павлович, умер 2.9.42 г. в возрасте 56 лет (склероз сердца). Я его видел раза два, когда бывал у Тони. Тоня говорила, что у отца было семь братьев. Большие семьи в деревнях были делом нередким. Точно не знаю, но мне кажется, что в Бугульме он работал в какой-то артели (не уверен), но когда я его видел, он лежал совсем больной.

Мать, Анастасия Ефимовна, практически неграмотная женщина. У них тоже было семеро детей. Я с ней встречался в 41- 42 г.г., когда заходил к Тоне, два раза мы приезжали к ним в Бугульму, и два раза она приезжала к нам на север, когда родился Юра, а потом и Витя. О тещах сложено очень много разного рода анекдотов (от просто неуважительных до напрямую ругательных). Не знаю. Видимо, мне просто повезло. Земля ей пухом! И еще я прошу у нее и Николая Павловича прощения за то, что не уберег Тоню.

У них было 5 сыновей и две дочери:

Александр и Яков. Я их не видел. Один был директором школы, другой, кажется, инженер. Оба погибли на фронте в 1942 году.

Виктор. Учился в Ленинграде, пропал без вести где-то на подступах к Сталинграду.

Гоша. Он в армии не служил, т.к. работал начальником (к старости, кажется, технологом) в Казани на авиационном заводе. Жив и сейчас (ему более 83 лет, точнее не знаю). Его жена Полина умерла много лет назад. Я у них был несколько раз: в 42 году, когда гонял машину из Бугульмы в Казань, в 47 году, когда провожал Тоню после женитьбы в Казань (кажется, еще раз был после войны). Несколько лет назад у него умер сын Николай. Живет вместе с дочерью и зятем. Дочь, кажется, врач.

Василий. Я его и его семью видел в 47 году, когда ездил в командировку в Новочеркасск. Он работал курсовым офицером в Ростовском артиллерийском училище. Кстати, он женат на еврейке (а Гоша был женат на украинке). На фронте Василий был ранен в голову (мне кажется, что он дослужился до подполковника). В октябре 1998 года он умер. А через два месяца умер его сын Витя - рак почки. Тоне я об этом так и не сказал.

Ну и две сестры: Тоня и Мария.

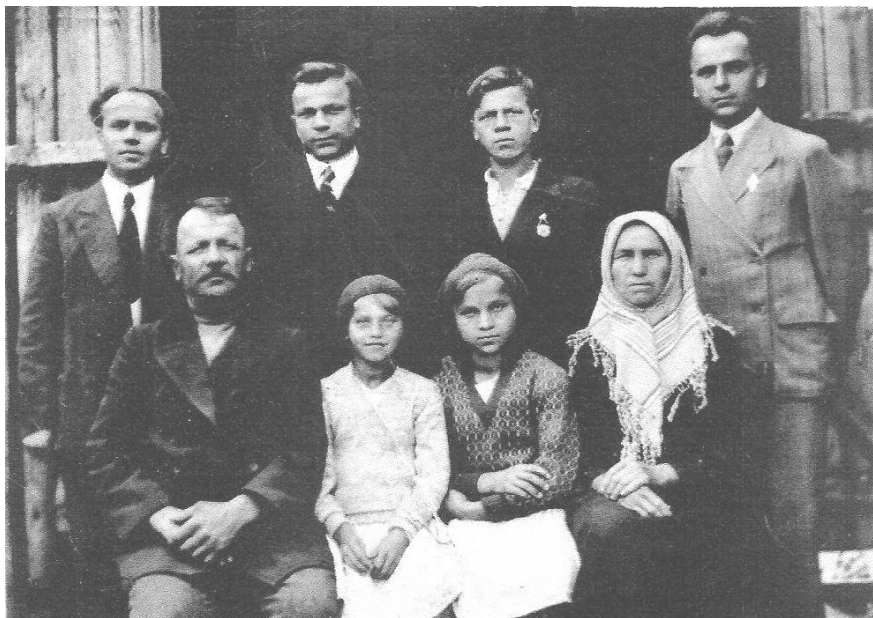
Мария. 1927 года рождения. Живет в Бугульме. Работала директором детского сада. У нее двое детей. Дочь Людмила (52 года). У нее сын заканчивает, кажется, финансовую академию. Сын Валера - военный пенсионер. Живет в Ульяновске.

Мои родители

*Отец - Белиловский Владимир Абрамович
1886 г., г. Калуга - 18.11.1963 г., г. Алексин*

*Мама - Белиловская Елена Ильинична
1894 г., г. Глухов - 31.1.75 г., г. Уссурийск*

Тонины родные

Стоят

Яков (или Александр) – брат. Погиб в 42 г. в районе Сталинграда.

Виктор – брат. Пропал без вести под Сталинградом.

Василий – умер от инфаркта в 1998 г.

Гоша – брат. Живет в Казани (в 1999 г. ему было примерно 85 лет)

Сидят

Отец - Николай Павлович. Умер в 1942 году в возрасте 56 лет.

Маша – 1927 г. рождения. Живет в Бугульме (1999 г.).

Тоня – 1925 г. рождения. Умерла 19.7.1999 г. в Израиле.

Мать – Анастасия Ефимовна – умерла.

Нет брата Александра (или Якова) – я их не знал, а уточнить не у кого.

МОЙ АЛЕКСИН

Вспоминая Алексин и прожитые там годы, хочется с грустью и сожалением привести слова недавно умершего хорошего поэта Бориса Чичибабина: «Мы в той Отчизне родились, которой больше нет».

Старый Алексин (а именно он - тот город Алексин, по которому я тоскую) расположен на правом берегу Оки в треугольнике примерно по 60 км от Тулы, Калуги и Серпухова. Река Ока подходит с юга (от Калуги), потом делает резкий поворот на запад, здесь на высоком правом берегу и стоит Алексин, а потом опять поворачивает на север, где пройдя Егнышевку с ее серебряными елями, мимо имения-музея художника Поленова, Тарусы, идет к Серпухову и дальше до Нижнего Новгорода. Возле Алексина в Оку с левого берега впадает река Мышега, с правого - река Вашана (не по рассказам, а своими глазами видел до войны, как там ловили иво-

выми лукошками рыбу) и пересыхающая летом протекающая через город речушка Мордовка. Кроме того, имеется очень много ключей с вкуснейшей и очень холодной водой. Таким образом, река Ока и большие сосновые боры с трех сторон (читал, что раньше они простирались на сотни километров) с вкраплениями дубовых, березовых, осиновых и даже липовых рощиц, создали своеобразный курортный микроклимат, особенно полезный легочным больным. Алексин называли «Жемчужиной Подмосковья».

Первое упоминание об Алексине как городе имеется в Никоновской летописи в связи с нападением на город татар под предводительством Темира, который разграбил его, поджег и «с большим полоном ушел обратно». Это 1348 год. Сейчас в городе идет подготовка к празднованию 650-летия (в 1998 году). Первоначально город входил в Тарусское, а затем и Московское княжества. Мне видится Алексин (соответственно возрасту, конечно) с начала 30-х годов. Это был маленький, чистенький, ухоженный провинциальный городок. Впрочем, я не совсем уверен, что слово «провинциальный» здесь применимо. Ведь так называли Тулу и Калугу, Вологду и Ярославль, а они в десятки раз больше Алексина.

За исключением нескольких домов в центре, весь город состоял из частных домов с большими садами и огородами (слышал, что тогда под строительство выделяли по 30 соток). У нас было 12. Сейчас обрезали до 6 соток. За исключением двух маленьких кварталов на двух улицах (Ленинская и Советская), где была вымощенная камнем дорога и заасфальтированы тротуары, практически перед каждым домом были палисадники с большими зарослями цветов. Мне почему-то запомнилось преобладание георгинов, хотя, конечно, выращивалось множество и других цветов. Георгины были различных расцветок. Меня же, помню, восхищали черные с белой каймой. Палисадники были предметом гордости и даже похвальбы перед соседями. Думаю, что они стоили этого. Правда, Костя мне рассказывал, что где-то в конце 70-х годов по Советской улице (в верхней ее части) проезжал первый секретарь Тульского обкома партии Юнак и приказал снести палисадники на этой улице. Теперь их там нет, и дома смотрятся как-то голо. А еще на моей памяти (видимо, это начало 30-х годов) некоторые районы по старинке называли «Слободой». Все дома, которые стояли на высоком (метров 300-400) берегу Оки, находились в Рыбной Слободе. Улица, которая шла с севера на юг (самая широкая, как мне помнится) - «Кузнецкая Слобода». Не берусь утверждать, но мне кажется, что там еще стояли одна или две кузни, шум от наковален которых мне мерещится и сейчас. Кузнецкая улица отделяла восточную часть от центра – это две улицы, Советская и Ленинская. Этот центр да еще базарная площадь назывались «Городом» (вон какая древность). Даже тогда,

когда я много позже войны приезжал в отпуск, там говорили: «Я пойду в город» (в магазин, в парикмахерскую, в школу). Надо полагать, что всем этим названиям не одна сотня лет. К востоку от Кузнецкой (это продолжение Советской и Ленинской) улицы назывались «Стрелецкой слободой», а попросту «Стрельцы». А так как этих улиц было две, то одну из них называли «Ленинские стрельцы», а другую «Советские стрельцы», ничего себе словосочетание!

До революции в городе проживало 5 тысяч жителей, перед войной - 6 тысяч. Сейчас - 70 тысяч. И город растянулся на 20 км. Это совсем не значит, что он так расстроился (хотя он строился и много), просто к городу присоединили Соцгород, Петровский и Мышегский заводы (это еще от Тульских Демидовских заводов). В маленьком городке в 5 тысяч населения было шесть церквей.

Никольская (1787-1789 г.г.) - во имя Николая Чудотворца - на улице Советской почти напротив нашей школы. Я помню, как разрушали колокольню и сбрасывали колокола. Самый большой тогда соскользнул с накатов и упал на паперть, расколовшись. Было много молчащего и плачущего народа, милиция и мы, 8-9 летние пацаны, радующиеся неизвестно чему. (Костя пишет, что на двух церквях начали восстанавливать колокольни).

Троицкая (1808 г.) - во имя Святой Троицы. Это кладбищенская церковь, полностью разрушена во время войны.

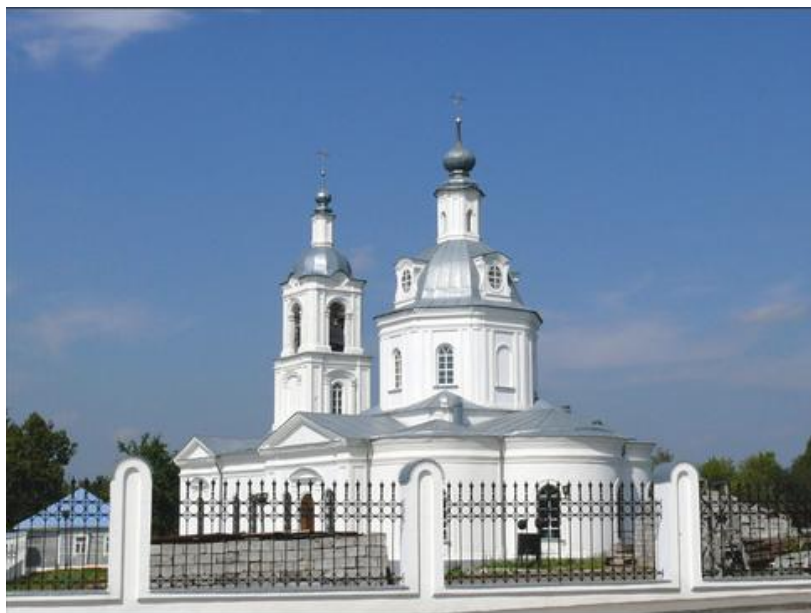
Предтеченская (1778 г.) - во имя Иоанна Предтечи (Крестителя). Стояла около базара (очень смутно помню). Полностью разрушена.

Успенский Собор (1688 г.). Старый архитектурный памятник. Возведен во имя Успения Пресвятой Богородицы. Расположен на базарной площади. Там долгое время были коммухозовские мастерские. До сего времени находится в запустении.

Новый Успенский Собор (1806-1813 г.г.) Находится рядом со старым, действует.

Маленькая церковь. Была на территории тюрьмы. На моей памяти там была уже не тюрьма, а детдом, и церкви, естественно, не было.

И еще на Ильинской горе была часовня во Имя Ильи Пророка - отсюда и название горы. Была очень популярна и на Ильин День собирала много народа. Следует заметить, что о многом (не обо всем) из этого я просто не знал. Да это меня до самого последнего времени не очень и интересовало.

*Алексин. Церковь Николая Чудотворца и Успенский Собор.
(Google Earth)*

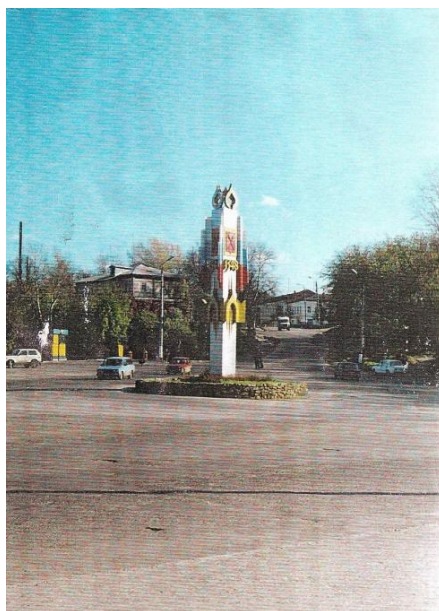
Это мой маленький правобережный Алексин

Снимок я «скомпоновал» (и не очень удачно) из Костиных снимков. Это новый мост через Оку. Впереди (слева и справа от моста) река Ока. За ней:

слева - Щемиловка, а потом новые микрорайоны (которые изуродовали наш прекрасный Бор);

справа - Рыбная Слобода, потом (вверху) городской сад (как это было давно!), справа церковь (Костя пишет, что там восстанавливают колокольню), перед ней Базарная площадь. А вправо - Советская улица (бывшая Перспективная), потом Стрелецкая, Кузнецкая и Пушкарская слободы.

Об Алексине я достаточно написал в записях, да еще много при описании пребывания в отпусках, просто на побывках и проезде. Здесь ничего нового не напишу. Разве что, «С поклоном старинному Алексину - месту, где прошли самые лучшие годы моей жизни как до войны, в юности, так и в период побывок и приездов».

Алексин. Ул. Советская (начало) и Памятный знак в честь 650-летия города (1348 – 1998 г.г.)

Вспоминая множество церквей, их красоту и величие, организацию службы и вообще обряды, я сейчас подумал, что кто-то неглупый придумал отделить церковь от государства, а потом и активизировать антирелигиозную пропаганду, на равных с религией бороться было бы не под силу.

Наличие такого количества церквей, частные дома с хозяйствами, на мой взгляд - это просто показатель патриархального спокойного течения жизни. Я понимаю, что я был еще маленьким и, тем не менее, я просто не помню даже разговоров о каких бы то ни было отклонениях от этого спокойного ритма (разве, что 37 год с его чисткой «врагов народа»).

С запада на восток город делился на две не совсем равные части достаточно глубоким оврагом, по дну которого протекала малюсенькая речушка Мордовка. Там пасли скот и брали глину для частного строительства. Чуть подальше была белая глина, из которой мы лепили всякую всячину. С близлежащих домов туда выгоняли гусей и уток, перегородив для них речушку (получалось что-то вроде маленького водоема). В городе была одна средняя школа, которая занимала два здания – «желтая школа» и «белая школа». Была одна семилетка на Ленинской улице и одна начальная на Пионерской. Сейчас в городе 15 школ и 2 техникума. В моем городе были четыре средние школы.

Мы сначала жили на Советской улице напротив детского сада. Это был большой дом, надо полагать, принадлежавший когда-то богатым хозяевам (комнат, наверно, на десять). Мы с мамой, а потом и с отцом и братом занимали две комнаты. В войну этот дом немцы сожгли, и до восьмидесятых годов там был пустырь. Костя пишет, что к 50-летию Победы там оборудовали какой-то мемориал. Через один дом от нас располагалась милиция с большой конюшней (милиция тогда была конная), и я лет с семи-восьми ездил на лошадях верхом, когда их водили на водопой. А когда к ужасу своему об этом узнала мама, а потом все-таки смирилась, водил (с конюхом, конечно) лошадей и в ночное. Мы собирали хворост для костра, таскали с огородов картошку, даже спутывали лошадей. Картошку пекли на углях и рассказывали всякие ужасы про домовых и ведьм. С тех пор мне нравилась (и я умел) верховая езда (разумеется, уже под седлом). Я и до сего времени помню все «лошадиные» названия: уздечка и недоуздок, потник и супонь, путы и чересседельник, гужи, ухнали и даже «згу» (ни зги не видно). И до сего времени мне нравится запах сбруи, смазанной дегтем. Надо сказать, что в милиции была только очень хорошая кожаная со многими украшениями сбруя. За лошадьми и всеми элементами седловки и упряжи смотрели добросовестно. А чистка лошадей скребком и щеткой нам доверялась лишь в качестве подготовительной. Сахар, конечно, таскали из дома.

Мне до сего времени помнится запах скошенного сена. Причем, мне кажется, что у нашего сена был какой-то свой «алексинский» запах. И мне и сейчас кажется, что я, как та собака-ищейка, у которой «верхний» нюх, дошел бы по запаху сена до алексинских лугов. А еще мне иногда снится конная пахота однолемешным плугом или сохой. Запах вспаханной земли и множество грачей, идущих по-хозяйски за плугом и выбирающих червей. А летом во ржи так много васильков (почему-то они запомнились).

Потом наша квартира приглянулась кому-то из начальства, и нас «переехали» на частную квартиру. Сняли квартиру на 1-й Крапивной улице у Лискиных. При нас он женился. У нее был сын Анатолий. А потом у них родился еще сын (мне кажется, Борис). Дом был «пятистенка» с большим садом, который выходил на 2-ю Крапивную. Мы жили во второй половине с окнами во двор. По моим понятиям Лискин был крепким хозяином: в начале 30-х годов у них была лошадь, корова с телятником, две свиньи, куры, гуси. Плюс хозяин работал в какой-то артели. Часть сада была занята под огород. Но где-то в середине 30-х годов его арестовали и ...с концами. Мы у них жили до 36 или 37 года, пока не построили свой дом. Говоря о Лискине, я вспомнил бытовавшее тогда понятие «собственный дом». В дореволюционной литературе даже как адрес упоминается «собственный дом». В мое время это понятие было уже отголоском прошлого, т.к. появилось новое: «все вокруг колхозное, все вокруг мое» (потом это стало восприниматься как ничье). А тогда к этому относились серьезно и гордились палисадниками и красиво оформленными фасадами. Собственный дом - это хорошо.

После эвакуации, а вернулись родители в 44 году, они какое-то время еще жили у тети Жени. Даже мы с Тоней были там во время моего отпуска. Когда же родители построили небольшой домик и переехали, я почти в каждый приезд бывал у тети Жени. «Нашу» половину она продала священнику. Как-то я, будучи уже капитаном, приехал в отпуск без семьи и у тети Жени попал на Масленицу. Она познакомила меня с отцом Михаилом (он, наверно, на год или два старше меня). Мы с ним под блины с красной икрой (помнится, очень хорошая «закусь») прилично выпили и пели революционные и другие совсем не священные песни. Костя писал, что тетя Женя давно умерла.

Улица Крапивная соответствовала своему названию. Несколько раз в течение дня проезжали повозки, утром и вечером гудел пастуший рожок, собирая и возвращая стадо. Коров хозяйки встречали ласковыми словами и обязательным кусочком хлеба. В перерывах между этим мы гоняли обручи, которые мы подбирали от разохшихся бочек (сейчас детские обручи делают из пластмассы красивыми и гладкими). Кегли и крокет я увидел позже, когда мы переехали в свой дом: там во многих домах

летом жили дачники из Москвы, Ленинграда, Тулы. Мы ловили майских жуков, играли в «чижа», лапту, городки, прятки и догонялки.

Вот вспомнились наши «считалки» и скороговорки:

*Карл украл у Клары кораллы,
Клара украла у Карла кларнет.*

*Ехал грека через реку, видит грека в реке рак.
Сунул грека в реку руку – рак за руку грека к-р-р-а-к!*

На дворе трава, на траве дрова...

Женщины иногда выходили отдохнуть и спали прямо на траве возле своих заборов. Иногда «искались» (были такие густые деревянные гребни). Вдоль многих заборов росла крапива и лопухи. У нас тоже был поросенок и куры. Дрова закупали в леспромхозе (помнится, на Ленинской улице). Дрова в лесу заготавливали «саженями». Привозили их на лошадях. Пилили и кололи для будущего года, так что дрова всегда были сухими. Дрова покупали, в основном березовые, реже дубовые. А осиновые использовались для прожига сажки в дымоходах. Это делали перед началом отопительного сезона.

2-я Крапивная вообще состояла из домов в один ряд, обращенных фасадом к садам 1-й Крапивной, а их сады спускались в Мордовку. 1-я Крапивная улица была в два квартала, разделенная Бассейным переулком (сейчас как-то переименовали). Там между улицами Советской и Ленинской стоял круглый чугунный бассейн с водой емкостью кубометров 30-40 и маленькая будка, из которой продавали воду по 1 копейке ведро. Впрочем, до самого появления водопроводных колонок воду также подвозили в бочках из Оки, такая чистая была вода в реке!

Костя написал (на мой вопрос), что колодцы были в Щемиловке, Стрельцах и еще кое-где. Воду носили на коромыслах. Помню, что у нас было широкое красиво расписанное коромысло.

На углу Бассейного переулка и 2-й Крапивной улицы стоял дом, в котором жили Золотаревы. Когда-то я читал популярную брошюру «Алексин». Так вот, там написано (15-17 века), что многие алексинцы носили фамилии Кулаковы, Лыковы, Золотаревы. Эти Золотаревы имели трех лошадей: вороную очень сильную кобылу, высокого красивой золотисто-гнедой масти жеребца. На этих лошадях они занимались извозом. А третья еще молодая лошадь запрягалась в рессорные дрожки и по заказу алексинцев их отвозили на железнодорожный вокзал, который находился в трех километрах на левом берегу Оки. Много-много позже я узнал у

нашего заместителя командира дивизии Михаила Ивановича Плешкова о том, что в это время на нашей станции работал сцепщиком его отец. Помню, что на масленицу на Новый год на раскрашенных лентами тройках катали подвыпивших баб и нас, ребяташек.

А Золотарева я вспомнил потому, что как-то раз они и меня взяли с собой на вывоз муки из железнодорожных вагонов. После того, как они муку завезли, мы засехали в чайную Рыкалова (была на Советской улице). Как написал Костя, там сейчас держит сапожную мастерскую какой-то кавказец. Я помню, что лошадям скормили по буханке белого хлеба и повернули их мордами к саням с сеном, накрыв большими тулупами (в армии их называют «постовыми»). В чайной они взяли водки, какой-то закуски, щи в большой глиняной миске, мясо - здоровенный кусок на отдельном деревянном блюде. На второе им подали какую-то кашу. А потом большую связку баранок. Чай наливали сами из большущего самовара (Баташовский, с десятком медалей), который стоял на отдельном столе с трубой в дыру в печке. Мне они взяли чай с конфетами, крендель и тульский пряник. В углу играл очень красивый граммофон с большой трубой. Вопрос, который мог возникнуть не тогда, а сейчас: сколько они получили за четверо саней (два рейса) муки? Или то же, но с другой стороны: сколько им стоил обед с кормежкой лошадей и моим угощением? А я знаю, что они были не пьяницы, а хозяева.

Вверх по Крапивной стояли большие крытые соломой сараи (их называли рыга или рига), в которых молотили, сушили и хранили рожь, пшеницу, овес. Были и еще какие-то навесы, под которыми просушивали картофель, морковь, свеклу и др.

Бассейный переулок на юг переходил в крутую дорогу через Рыбную слободу к реке. Там был лодочный перевоз, а зимой санный по льду. Оку схватывало льдом толщиной до метра. Весной (кто-то и этим занимался) лед с реки пилили и развозили по улицам, продавая для закладки на лето (о холодильниках тогда еще и речи не было). Вверх по Оке, километра два выше перевоза, стоял железнодорожный мост. Он охранялся и туда не пускали. Правда, один раз каким-то образом я проходил по этому мосту.

Ока весной очень сильно разливается. На левом берегу, в том месте, где сейчас построили большой мост, стояли развалины дома купца Никодимова. Эти развалины окончательно растащили после войны. А до войны вокруг дома стоял высокий забор в три или четыре кирпича и большие дубовые ворота сантиметров в тридцать толщиной. Рассказывали, что от ледохода укрывались за забором и закрытыми воротами. За ледоходом с базарной площади наблюдали множество зевак, а рыбаки на долбленках между льдинами ловили рыбу. Ее было очень много. Летом наводили два

моста (понтонный и плашкоутный), с которых мы ныряли. Мосты эти были разводными, и когда проходили пароходы или катера с баржами или сверху прогоняли плоты, мосты разводили.

Я помню, как на высокий берег реки там, где базарная площадь, сбегались все жители города, когда по реке впервые после революции (это было где-то в начале 30-х годов) прошли два маленьких буксирных колесных парохода с безыдейными названиями «Стрекоза» и «Муравей». Не знаю, ходили ли пароходы выше Алексина (катера-то ходили), после половодья на реке намывало большие перекаты, и землечерпалки от ледохода до ледостава расчищали фарватер. Иногда намывали и острова, на которых тут же образовывались ивовые заросли (много ивы растет и по берегам). Умельцы рубили ивовые прутья и плели из них различные поделки: «морды» для ловли рыбы, корзины самого различного предназначения (от «мытейных» для переноски белья до базарных сумок и кошельков), коляски, санки и даже дачную мебель. В один из армейских отпусков мы с Тоней и ребятами несколько раз бывали на таких островах. Там всегда промытый и хрустящий песок.

В районе Алексина два каменных карьера. Там взрывали камень и на баржах отправляли (как и песок) вниз по Оке. Верхний (правобережный) каменный карьер находился около Ильинки. Купаться туда не ходили, т.к. там каменистый берег и бьют холодные ключи. Но там водились раки. Как-то раз мы на дохлую курицу наловили их целое ведро, а потом варили на костре.

Несколько позже на реке появился и пассажирский пароход "Алексин". Он был покрашен в белый цвет и, как помнится, на нем постоянно играла музыка. Я был твердо уверен, что это про наш пароход пел Утесов: «Что это движется там по реке?..» Купались практически на всем протяжении реки, но песчаные пляжи напротив города были все на левом берегу, а на правом - ниже нижнего моста, примерно напротив летнего театра, а главный, «Пасхаловский» - напротив имения Пасхалово (так в то время называлось Колосово). Но это уже там, где Ока опять поворачивает на север. Я практически ничего не знаю о Пасхалово. Был, конечно, там и до войны, переплывая с ребятами Оку - это прямо напротив пляжа. Запомнились красивые цветные витражи и полуразрушенная каменная лестница прямо к реке, где тогда еще были остатки деревянной купальни. Были с Юрой на мотоцикле. Там тогда располагался, кажется, сельскохозяйственный техникум. Но все это уже там, где Ока опять поворачивает на север. Если от нашего дома идти напрямую до Пасхаловского пляжа - это километра два с половиной или три (мы жили уже в своем доме, и я учился в 7-м классе). А от каменного карьера (это возле Ильинской горы), где Ока только подходит к Алексину со стороны Калуги, по реке с пово-

ротами километров пять-шесть. Мы шли туда, тянули спички, и кому доставалась короткая (все это при строгом контроле), по берегу нес наше белье, а мы плыли по середине реки, считая за удачу, если удавалось покачаться на волнах проходившего парохода. Я как-то и не представлял себе, что можно устать на воде (можно ведь было и отдохнуть, лежа на спине).

Плавать я конечно научился на Оке, но плавал в Черном, Белом (!) морях, в горных озерах на Тянь-Шане и Алатау, на Иссык-Куле и Балхаше, в Днепре, Немане, Кара-Су и в прекрасном плавательном бассейне в Алма-Ате (да мало ли где еще). А вот за 5 лет жизни в Израиле на Средиземном море не пробовал. Только походил по берегу. А внук Олег поплавал и в Средиземном море, и в Мертвом. А Юрина жена Ирина попробовала даже в Красном. Плавал (вспомнил!) я еще в Каракумском канале, Сыр-Дарье, реке Или...

Во всех этих развлечениях: лошади, плавание, а потом и подводный спорт я участвовал без «благословения» родителей, которые целыми днями были заняты на работе и по дому. Помню, мама пришла в ужас, когда увидела однажды, как я нырнул с моста и долго был под водой (мы часто соревновались, кто дольше пробудет и дальше проплывет под водой). Но так уже бывало, ничего для меня нового. Мы целыми днями были предоставлены сами себе. Просто так уж сложилось, что я дружил с хорошими ребятами.

На востоке (в сторону Железни, Тулы и Серпухова) город заканчивался паровой мельницей, но мне где-то видится и «крупорушка» с наклонным кругом, по которому шла и шла полуслепая старая лошадь, вращая ногами этот круг, от которого и работала сама крупорушка. Потом недалеко от мельницы построили ветлечебницу, а сейчас, как пишет Костя, там два микрорайона, где живут шахтеры. Центром Подмосковского угольного бассейна был Новомосковск (прежде Сталиногорск, а до войны Бобрик-Донской). Говорят, что там иссякли запасы угля, а в Алексине его много. Я понимаю, что дело это неизбежное, но жаль: окончательно угробят мой Алексин.

Дорога от мельницы влево идет через деревни Иншино и Казначеево до Железни (это уже автострада Москва-Симферополь). Дорога вправо шла до крутой горы Свинка (там много дубов и, следовательно, желудей). И там очень много ландышей. Эта дорога шла вдоль железной дороги через станцию Рюриково мимо Тесницких лагерей на Тулу. В октябре 1941 года, когда на Высоком (это старое название Соцгорода, куда сейчас перенесли административный центр Алексина) были большие всполохи пожаров от немецких бомбежек, я пешком возвращался домой из Тесницких лагерей. Но об этом немного позже.

Между Нардомом и базаром был небольшой скверик. Там несколько могил. Одна из них - могила Володи Федоровского, казненного немцами в 1941 году (он учился классом ниже). Зимой 44 года, когда я пытался поступить в академию им. Можайского (опять помешало зрение), в Йошкар-Оле ко мне подошла девушка и спросила, не из Алексина ли я. Она попросила подойти к сидящей женщине - это были сестра и мать Володи.

Продолжение Ленинской улицы вдоль скверика - это старинные лабазы, а потом пожарка. Самая настоящая и с колокольной, на которую зимой мы часто и с вожделием поглядывали: с наступлением каких то определенных морозов на колокольне поднимался красный флаг и в школу идти было не нужно, занятия отменялись. Там были двое ворот, из которых при нужде выскакивали кони-звери по три к каждой бочке, пожарные в надраенных до блеска касках, трубач, требующий дороги... Все равно, как у Гиляровского не описать, поэтому не буду вообще. Помню, что начальником там был небольшой мужичок, которого звали Иваном Петровичем. Жил он на Советской улице, недалеко от нашего дома (когда мы там жили). Из пожарных состоял и городской духовой оркестр. (Кажется, в сороковом или даже раньше в городе был организован еще один духовой оркестр. Руководил этим оркестром Рожнов. Его сын Сергей учился в параллельном классе. Как мне писал Костя, в путанице при приближении немцев его не призвали в армию. А по возвращению осудили в штрафной батальон. Погиб в 42 году. Пожарный духовой оркестр обслуживал общественные мероприятия, от танцев до похорон.

Там, где летом был лодочный перевоз, к Новому году расчищали большой каток с громадной елкой посередине. По углам на кирпичной подстилке разжигали костры, а на тросиках над катком висели бумажные «китайские» фонарики. Пожарная команда приезжала в полном составе и в боеготовности. Наверное существовала какая-то связь с колокольной. Играли вальсы, польки, краковяк. Рядом с катком разворачивали то, что потом стали называть общепитом. И еще: я тогда не знал, что это такое, но пару раз видел, как мужики раздевались догола и опускались в прорубь с непонятным тогда названием «Иордан» (а это было в 30-35-градусный мороз, крещенские морозы стояли). Потом им давали выпить прямо из бутылки и тулуп. Желаящие бежали в ближайший дом на горячую печь. Уже здесь в Израиле я увидел настоящую реку Иордан и паломников, повторяющих обряд крещения (только без наших крещенских морозов).

Каток поддерживался в хорошем состоянии чуть ли не до весны. В 37-38 годах стали появляться в продаже настоящие коньки, а до этого многие катались на самодельных «колодках». На «снегурочки» мы крепили дощечки и привязывали их веревками к валенкам. Уже перед войной появились «дутики» (теперешние хоккейные) и «норвеги» (беговые). У

меня были коньки «английский нормис» (не знаю, правильно ли я их назвал). У кого-то с рук купили тоже английский велосипед «Дукс». Наш Пензенский завод только начинал выпускать велосипеды. И еще вспомнил (кажется, раньше не вспоминал): тетя Роза подарила мне карманные часы. А т.к. ручные часы еще не выпускались, какие то умельцы припаяли крепления для ремешка и у меня появились ручные часы, правда, очень большого размера. И еще о часах. Стекла к часам были в большом дефиците, поэтому сверху и без того большого стекла одевалась еще большего размера решетка.

Напротив центрального скверика стоял длинный двухэтажный дом - городской клуб и кинотеатр. Называлось это тогда Нардом - народный дом (так же, как райисполком назывался РИК). Позже ту часть здания, где располагался кинотеатр, переоборудовали в одноэтажное, но с высоким, в два этажа, потолком. Фильмы обычно крутили по два-три дня, да по два сеанса, т.к. зал был небольшим, а народ, как мне помнится, любознательным. Летом кино показывали в летнем кинотеатре в западной части города на крутом и высоком берегу вблизи реки. Домой приходилось возвращаться через кладбище, вернее через его разгороженную (и без памятников) часть. Тропинки проходили прямо по могильным холмикам, которые растаптывались. Было страшно, тем более что жанр наших побасенок состоял из «страшных» рассказов, в том числе о воскресших покойниках, зарытых в могилах кладах и т.п. И это наше счастье, что тогда не было даже хулиганства, разве что после танцев два «Ромео» выясняли отношения, но это без ножей и прутьев, а разбитый нос считался концом разбирательства. Я так и не знаю, почему та часть кладбища была за оградой и затаптывалась. Ведь совсем рядом было кладбище с каменной оградой, памятниками и даже кладбищенской церковью. И если церковь начали разрушать в предвоенные годы, а закончили в войну, то захоронения здесь производились и в шестидесятые годы (папа похоронен в ноябре 63 года, после чего стали хоронить на Петровке).

Но вернусь к кино. Перед началом кино выступали иллюзионисты (помню Кио-отца), жонглеры, фокусники, чечеточники, певцы. Почему-то часто выступали китайцы. В Алексине было несколько семей китайцев. Они торговали мороженым (его не откусывали, а облизывали), надувными шарами, мячиками на резинках, веерами, разноцветными фонариками. Но главное (для нас это было недоступно, и покупали в основном дачники) - это свинцовые и очень похожие на настоящие револьверы, которые очень громко стреляли достаточно большими пробками. Я помню, как в пятом или шестом классе мы пристроили такой «патрон» под табурет нашей немке. Ее чуть не хватил инфаркт, когда она села, и под ней раздался громкий выстрел с огнем и дымом. По этому поводу собирали ро-

дательское собрание, нас по одному вытаскивали в кабинет директора и на педсовет. Мы стояли с опущенными глазами на сборе пионеров, молчали, как подпольщики в белогвардейском застенке. Мы договорились, что тот, кто выдаст - предатель и изменник, а мы ведь смотрели «Красных дьяволят» и читали «Мальчиша-Кибальчиша». Признались на выпускном вечере в 1941 году.

Первое кино, которое я смотрел (оно запомнилось), называлось «Алим - крымский разбойник». Позже были «Пэтер» с Гали Курчи, Пат и Паташон (еще из дореволюционных комиков, кажется, из Дании), Чарли Чаплин и многие другие еще «немые» фильмы. Сбоку от экрана сидел тапер со свечой на пианино, на котором он пытался исполнять мелодии, созвучные содержанию ленты. Помню, как появилась афиша, взбудоражившая наш маленький город, патриархальный, набожный и, выражаясь сегодняшним языком, «морально выдержанный». Демонстрировалась картина по рассказу Мопассана, но на афише, я помню это, видимо, для увеличения кассового сбора, было написано: «Пышка. Была и есть буржуазная проститутка». А приписка «дети до 16 лет не допускаются» только добавила страстей. К кинотеатру собралась половина города. Пришли даже те, кто никогда в кино не ходил. Во всяком случае, там были все наши учителя во главе с директором. Они нам потом в школе объясняли, что пришли для того, чтобы не допустить нас, несмышленишек. Пришли, конечно, и мы, правда, в основном мальчишки, т.к. девочек пугало само слово «проститутка». И здесь несколько замечаний.

Во-первых, в кино мы все-таки попали, т.к. во дворе была пожарная лестница, а билетерша тетя Маруся, которая была на этом посту и после войны, особой бдительности не проявляла.

Во-вторых, мы, рассчитывавшие увидеть там нечто «такое», были разочарованы, хотя на Мопассана в библиотеке стали записываться в очередь за год. Я очень давно читал «Пышку» и совершенно не помню кино, но, мне кажется, что главная мысль рассказа в том, что французская проститутка не пошла с прусским офицером-оккупантом.

В-третьих, если в 30-е годы взбудоражило слово, то в 60-е, я помню, к нам в штаб дивизии пришли по каким-то делам две молодые женщины, которые сидели на диване первого этажа, а в это время стали входить в моду укороченные юбки (не такие, как сейчас, но колени были видны). Так чуть ли не у половины офицеров дивизионного штаба оказались какие-то дела на первом этаже: дело еще не виданное, а девки молодые и интересные, а мужики не уморенные и тоже молодые. Сейчас же творится черт знает что. И дело даже не в юбках, которые прикрывают лишь малую часть того, что они предназначены прикрывать. В газетах и книгах пишут такое, что я, окончивший юридическую академию и слушавший в Ленин-

граде в медицинской академии лекции по судебной медицине и судебной психиатрии, где, кажется, обо всех извращениях говорилось, перед самым собою не знаю, куда глаза деть. И все это при том, что я не просто помню, но и признаю за истину слова Л.Н. Толстого, что не бывает несовременной молодежи. Это мы не современные. А тут слово «проститутка»... Это, наверно, даже и не конформизм, это, по-моему, деградация взглядов на мораль. Или я совсем старый?..

Кажется в середине 30-х годов появилось первое звуковое кино «Путевка в жизнь» с Баталовым-старшим и Жаровым. И, наконец, «Чапаев», который мы смотрели по десять раз, все надеясь, что Василий Иванович выплывет. Зря сейчас это опошлили и плетут анекдоты один дурнее другого. Вспомнилось, что еще до звукового кино показывали «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Йоргена» с Игорем Ильинским и Анатолием Кторовым. Было много других фильмов, которые, у нас во всяком случае, смотрел весь город, да пожалуй, и вся страна. Это уже потом появились «Юность Максима», «Мы из Кронштадта», «Трактористы», «Цирк», «Волга-Волга». Фразы из кинофильмов всеми повторялись, а многие из стариков не забыли их и до сего времени: «Белые приходят - грабят, красные приходят - обратно грабят. Куда бедному мужику податься», «Муля, не нервируй меня!», «Одним словом, трибунал» - и много других. В каждом фильме была своя песня, которую все знали и напевали. Кажется, в 40-м году появился американский фильм «Большой вальс». У нас, конечно, таких кинофильмов не было. Это лишь после войны мы посмотрели трофейные фильмы «Тоска», «Чио-Чио-Сан», увидели Монику Рок, Еву Браун, слышали Карузо.

Интересно все-таки устроена человеческая память: многое из того, что я сейчас записал, раньше никогда не вспоминалось. Но вот лишь только стоило начать вспоминать, как выплывают мелкие детали и подробности и, цепляясь друг за друга, тянут за собой и другие воспоминания, а те еще и еще... Это немного отвлекает от основной линии воспоминаний, но становится просто интересно вернуться, пусть и на бумаге, к прожитым годам.

В городе, насколько я помню, не было валяющихся пьяных. На углу улиц Советская (с южной стороны) и Бассейного переулка был единственный магазин «Монополька», где продавалась водка калибром от четверти (3 литра) до 125 граммов с ласковым названием «Мерзавчик». Впрочем, это была не моя сфера интересов. В начале 30-х годов рядом с «Монополькой» стоял ларек, хозяин которого привозил свой товар: ручки, перья, карандаши и т.п. Привозил он все это на тележке, с которой и торговал под тентом. В тележку был запряжен ишак - скотина, которая у нас не водилась, и мы бегали на него смотреть. И твердо помню, что в то

время мы так точно и не знали, Фарбер - это хозяин, или обобщенное название товара, или ишак.

С клубом (Нардомом) связаны и такие воспоминания, как празднование Нового года. Устраивались достаточно пышные балы-маскарады с масками, нарядами и множеством елочных игрушек. Но это была уже вторая половина тридцатых годов, и всюду свирепствовала шпиономания. Мы тоже искали врагов и, похоже, «находили», что на елке ветки сплетены в виде свастики, на школьных тетрадах тоже что-то находили вражеское. Это было влияние 37-го года. Я помню, как снимали и разбивали портреты Рыкова (я и не слышал о нем до этого), переименовывали (сейчас восстановили) улицу Муралова. Забрали учителя химии. Посадили очень хорошего учителя истории Христофора Николаевича Барабанщикова. Когда его через 10 лет (уже после войны) выпустили, ему запретили работать, и он ходил по дворам и колот дрова.

Как-то зимой пригласили повесткой в НКВД отца. И мы с мамой часов пять стояли на морозе возле высокого забора. Когда его отпустили, то у него тряслись руки, но он ничего не рассказал - дал подписку. Уже после хрущевской оттепели он рассказал, как допрашивали бывшего главврача военного госпиталя (это была 1 мировая война) подполковника медицинской службы Соболева, в это время он жил в Алексине и работал в больнице. Отец был при том госпитале вольноопределяющимся. Допрашивали полчаса, а сидел в коридоре четыре, наблюдая как там «вводят и выводят».

Наверное что-то и было. Но были и простые показатели «для галочки». Уже в 70-х, после армии, один подполковник-отставник, бывший сотрудник КГБ, рассказывал, что он участвовал по материалам уголовных дел в посмертной реабилитации расстрелянных. Только один случай: человек «признался» что он шпионил в пользу Англии, а связь осуществляли через подводную лодку, которая заходила в Сиваш. А там вся глубина - 1,5-2 метра и грязь. Это рассказывал юрист магазина-салона «Приборы» в Алма-Ате. Но об этом хорошо говорить теперь, а не тогда.

В этой связи мне понравилось одно из стихотворений Константина Ваншенкина, в котором он сравнивает сегодняшних смельчаков с человеком, который бросается на дот, зная, что оттуда убрали пулеметы. Или вот такое: рассказывали, что когда на XX съезде партии Н.С.Хрущев говорил о массовых репрессиях, чинимых Сталиным, то из зала раздался вопрос: «А вы где были?» Хрущев в ответ дважды спросил: «Кто сказал?» А после того, как ответа не последовало, добавил: «Бойтесь? Вот и мы так». Вспоминая эти времена сейчас, мне кажется, что у меня не было однозначного отношения к развенчиванию культа личности. С одной стороны, было интересно слушать, что говорилось нового, с другой - я воспи-

тывался в те времена, слабо представляя, что может быть иначе (и как это может быть), и видимо, не в последнюю очередь – у меня никто из близких родственников не был репрессирован.

Посередине Советской улицы даже в 80-е годы, когда я был в Алексине в последний раз, стояла двухэтажная коробка из красного кирпича (дом сожгли в войну). До войны на первом этаже размещалась типография и редакция районной газеты «Знамя Ильича», а на втором была библиотека. Во дворе стоял локомотив, который крутил (все это на дровах) генератор, дававший электроэнергию в очень малую часть города. В остальной части освещение было от керосиновых ламп, которые были от маленьких 5-ти линейных до 7-10 и даже 12-ти линейных ламп-люстр, которые подвешивались на красивых цепях-шнурах-подвесах к потолку. Были, конечно, и свечи в различных подсвечниках. Но это, как правило, по праздникам. Все это требовало долгой и грязной подготовительной работы, но в памяти это осталось как нечто, создававшее уют. Наверное поэтому впоследствии многие электрические лампы и люстры изготавливались в виде старых ламп и свечей. Где-то в середине 30-х годов за рекой закончили строительство ТЭЦ, которая стала давать круглосуточный свет. Правда и то, что в первый год весь до этого девственно-белый снег не только в городе, но и в бору, был покрыт толстым слоем саж: не было фильтров. И где-то там был радиоузел, по которому передавали алексинские новости. Директором был Иван Сотников. Он заочно учился, а когда окончил институт, пришел к нам в школу учителем. Слышал, что войну он закончил начальником какого-то политотдела и к учительству, естественно, не вернулся. (Он есть на нашей выпускной фотографии).

Библиотека разделялась на взрослую и детскую, и там работали сестры Азимовы. У нас училась их племянница Галя Азимова. В детской библиотеке дважды в неделю проводились громкие читки. Я помню, как нам читали печатавшиеся в «Пионерской правде» «Золотой ключик», «Гиперболоид инженера Гарина», «Старик Хоттабыч» и «Флаги на башнях». Мне одному из первых дали только что вышедшую книгу «Как закалялась сталь», а когда появилась - третья часть «Тихого Дона». Как сейчас помню, книга Островского была в серо-голубой обложке, а наискось - серебряный штык. Я, помнится, даже пару раз прошелся по центру, чтобы все видели, какие взрослые книги я читаю. Потом в школе откуда-то появилась «Пещера Лехтвейса». Она начиналась с 1200 страницы и заканчивалась (вернее, обрывалась) на 2700 стр. Читали ее на уроках, садясь на заднюю парту. Отец рассказывал, что до революции эта книга издавалась сборничками и продавалась по субботам по 3 копейки, обрываясь на самом интересном месте. Подобные сочинения мне еще раз попались в 44 году, когда мы перебрались через Неман и почему-то остано-

лись дней на десять-двенадцать. В доме, где мы стояли, у хозяйки был громадный буфет подобной литературы. А еще помню, когда мы жили у Лискиных, я у них на чердаке обнаружил целую гору журналов «Нива» издания, кажется, с 1912 по 1916 г. Очень понравились и читал целый год. Вот пропустил. Из книг, которые попались за Неманом, вспомнил одну - «Араб и тевтон».

А вообще-то, у меня с детского сада были хорошие и красивые книги. Наверное раннее приобщение к книгам и заставило меня полюбить их: читал много и везде. На фронте у нас был только «Тихий Дон», наверно, раз десять перечитал. Привык. Не усну, если что-то не почитаю. Собрали библиотеку. Только подписных изданий насобирали 80 штук. Втянули в это дело и детей.

От пожарки дорога вела вниз, но через сотню метров от нее отделялся поворот направо вниз через Мордовку. С этим местом у меня связано первое воспоминание об Алексине. Было мне три или четыре года, и мама везла меня куда-то на санках. Помню только, что на ней были высокие белые фетровые боты (прошло более 70 лет). Та дорога, которая шла прямо, вела в Рыбную, Щемиловку, на тот берег через Оку. С левой стороны дороги был крутой склон (подъем), он, насколько я помню, ежегодно засаживался молодыми деревьями, которые потом засыхали. С правой стороны протекала Мордовка. В конце оврага уже не очень далеко от Оки стояла баня. Это было большое и по тем временам вполне прилично оснащенное сооружение с мужским и женским отделениями. Уже после войны ходил туда даже летом. Там была хорошая парилка, а на севере я привык к ней. Думаю, что на окраинах были и частные бани. Ниже был оборудован водопой, куда я еще из милиции водил лошадей. А рядом было место, куда женщины ходили полоскать белье. По городской дороге, так назывался этот спуск, можно было встретить женщин, которые на себе тащили громадные «мытейные» корзины с бельем. Когда еще были частные лошади, белье подвозили на лошадях. Там везде били ключи, и вода была очень холодная и очень чистая (в бане пили прямо из-под крана). Белье после полоскания отбивали вальком. Доски были дубовые и толстые, так что звуки ударов валька были слышны далеко. Гладили белье «рубелем». У нас, правда, был угольный утюг. Но такой в то время, похоже, не все еще могли себе позволить. Кроме того, самотканые льняные холсты (их сушили вдоль Оки), наверно, рубелем легче разглаживать. Проживавшие в Рыбной слободе полоскали белье в Оке. Там было построено много мостков.

Та дорога, которая ниже пожарки поворачивала направо, проходила через мост-трубу, по которой протекала Мордовка, и поднималась вверх, где разделялась на три части (это уже между домами). Вправо - по улице

Радбужской - грунтовая. Во время дождей она превращалась в сплошное болото, но вдоль домов (вернее, вдоль палисадников) сохранялись тропинки. В конце Радбужской стоит большой дом. Старожилы до сего времени называют его домом Стечкина. Там жил главврач Алексинской больницы Стечкин. С его младшим сыном Славой я учился до 4-го класса, потом они переехали в Ясную Поляну. Игорь Стечкин учился на класс старше. Это лауреат Сталинской премии, известный оружейный конструктор (пистолет Стечкина после войны был в армии на вооружении).

Дорога, которая шла прямо, вела к больнице, дальше к туберкулезному санаторию (я еще помню времена, когда там прямо на улице на опушке бора стояли солярии), а дальше - к Жаринскому колодцу. Дорога, которая шла от перекрестка влево, вела к Радбужской горе, с которой на Рождество, Новый год и Масленицу катались на розвальнях с поднятыми вверх оглоблями не только дети, но и взрослые. Справа стояли два дома (один в войну сожгли), где жили коммунары. Чем они занимались, я не знаю, но помню, что ниже были огороды, которые назывались коммунаровскими. У самого основания Радбужской горы стоял двухэтажный дом. На втором этаже жил Шура Мотыльков, веселый парень, участник самодеятельности и танцев (погиб в войну), а внизу (с одной стороны) - две старушки, к которым под сильным нажимом мамы я ходил учиться играть на пианино. У старушек были две собачки, Шоколад и Мармелад. Костя пишет, что дом снесли, т.к. там сейчас проходит дорога. А в самом конце Радбужской улицы почти напротив кладбища был дом частного фотографа Молчанова (у меня есть несколько сделанных им моих детских фотографий).

На Оке прямо напротив летнего кинотеатра была лодочная станция. Во время отпусков мы с Тоней и сыновьями брали там лодку и спускались вниз по Оке до намывного острова. До войны мы с ребятами тоже брали лодки и катались, но главное, подплывали близко к проходившему пароходу и ныряли под ругань и тревожные гудки, хотелось покататься на волнах. При лодочной станции была какая-то организация, которая занималась спасением на водах (по типу теперешнего ОСВОДа). Дело в том, что на Оке в отдельных местах не только били холодные ключи, но были и водовороты. Мы туда не ходили, но почти каждый год на Оке кто-нибудь тонул. Правда, это были, в основном, отдыхающие из домов отдыха: они или лезли туда, где опасно, или купались в подпитии. При ОСВОДе учили основам морского (речного) дела. И мне очень нравились новые слова: «фарватер», «уключины», «кнехт»... На это легла романтика рассказов Станюковича, занятия греблей и «правильным» плаванием и, наконец, водолазное дело. Наверное это и подтолкнуло меня позже, в 41 году, подать заявление в Севастопольское военно-морское училище. Нас

учили вязать морские узлы, учили шлюпочным командам. Мы (мальчишки!) расклешили брюки, нанесли наколки (у меня и сейчас на левой руке выколото М и Б - Манилов Борис).

В 9-м классе (уже перешли в 10-й) из нас собрали команды по 7 человек на шлюпку (4 на веслах, 1- на руле и два запасных), и мы на пяти или шести шлюпках пошли в поход вниз по реке. Я просто не помню, куда мы успели дойти, но весь поход продолжался недели три с половиной. Готовили на кострах, спали под брезентом, выставив вахтенных и затащив шлюпки на берег. Девочки спали в палатках. Продукты покупали. Иногда какая-нибудь шлюпка уходила вперед (отставать не разрешалось, а уходить вперед до назначенного рубежа можно). Мы рвали на колхозных полях помидоры и морковь, подкапывали картофель. Правда, особой нужды в этом не было, т.к. к пристаням жители выносили все эти блага и продавали по дешевке. Но ведь и по чужим садам лазили не из-за нужды, в каждом доме был свой сад. А когда мы попадали к дневной дойке (коровы паслись около реки), нас угощали молоком. Мы были настоящие морские волчата: старались ходить вразвалку, мечтали о тельняшках и капитанках, знали, что при драке ремень нужно наматывать на кулак, умели почти по-боцмански материться (это строжайше запрещалось и пресекалось), плевали через зубы шагов на десять и со знанием дела рассуждали о марсельских кабаках. Сейчас думаю, что когда Константин Симонов написал: «Мы знали все, не зная ничего» - это и про нас тоже было сказано. Очень нравилось встречать пароходы в кильватерном строю, поставив вертикально весла (шлюпочное приветствие). Пароходы обычно нам отвечали короткими гудками. Вниз по Оке наше плавание проходило без особых затруднений, но когда повернули и пошли против течения, стали уставать. Мне до сего времени кажется, что лучшая команда на воде – «суши весла!» За время похода освоили приемы правильной гребли, научились правильно, а не «по-собачьи», плавать, загорели до черноты, обветрились, заработали мозоли на руках и хорошо накачали мускулы.

Алексинский бор - это совершенно уникальное явление. А в сочетании с Окой и дешевыми продуктами - тем более. В редком доме не держали поросят, кур, а возле реки все поголовно держали гусей и уток и практически повсеместно - все садовые и огородные культуры. Когда-то Алексин, как и всё Подмосковье, окружали густые леса. Однако сначала Демидовские заводы (у нас это Мышегский и Петровский заводы), потом плановые вырубки целых лесных массивов, когда по Оке в больших количествах сплавляли мачтовый лес, и, наконец, строительство заводов и ТЭЦ со стоками в Оку, планируемое открытие шахт и строительство вдоль Оки десятков оздоровительных учреждений да и десятикратное (с 7

до 70 тысяч) увеличение населения... Природа Алексина не в состоянии все это переварить.

Но до войны, да еще какое-то время после войны Алексин был прекрасным местом для отдыха и лучшим местом в мире - для меня. Как-то перед войной в газете «Знамя Ильича» была напечатана заметка о том, что в районе Алексина поймали стерлядь. Костин отец Василий Николаевич, помнится, заметил тогда, что в «мирное время» (так он называл до-революционное время) в лучших ресторанах Санкт-Петербурга и Москвы подавали окскую, а не волжскую стерлядь, она нежнее. Уже здесь Михаил Семенович (ему в этом году будет девяносто) рассказывал, что в начале 30-х его на Оке угощал бакенщик стерляжьей ухой. Не об Алексине, но близко. Несколько лет назад один журналист, кажется, из Литературки, просто-таки подловил одного председателя райисполкома - земляка Тургенева. Этот председатель где-то заявил, что в их реках нет, да и не было никогда рыбы. Журналист с ехидцей обыграл эти слова (они это умеют) и процитировал Тургенева о том, что в их реках столько рыбы, что мужики не только удочкой или бреднем их ловят, но, сняв портки и завязав штанины, ловят рыбу и таким образом. Примерно то же было и в Алексине.

Мне много лет пришлось служить в «рыбных» местах: в Заполярье, Беломорье, Карелии, был на памирских и других высокогорных озерах, пробовал все виды сельди, семгу, форель... Но лучшее из того, что мне довелось пробовать из рыбных блюд - это тройная уха в конском ведре на берегу Оки. Сначала варили пескарей, пойманных на «мутилку», потом шли голавли, ерши и другая небольшая рыба, и, наконец, большие куски рыбы. И все это в сопровождении большого количества зелени и различных домашних закусок и, естественно, водки (ни коньяк, ни вино здесь не пойдут), памятуя о старой рыбацкой формуле: «Рыбалка - это та же выпивка, только в резиновых сапогах». Я никогда не «болел» рыбалкой, хотя и бывал на рыбалке не один раз. Утверждаю: лучшее, что я видел из этой области - это ночь на Оке у костра, когда часам к двум ночи начинали выводить независимо от голоса и слуха «Из-за острова на стрежень», успев к этому времени выпить «по потребности», осилить на четверых большое ведро ухи и множество сопутствующих продуктов. А если с вечера зарядили подпуска на 2-3 сотни крючков для утреннего улова, да когда километров за двадцать сначала слышны удары плещ поднимающегося вверх по реке парохода, а потом появляется и сам пароход, клянусь, восторгам воспоминаний нет конца. Думается, что все-таки прав был Аксаков, утверждая, что если рыбак - значит, уже хороший человек (это я со скромностью и про себя тоже)... Костя писал, что в Оке давно нет никакой рыбы. Мало стоков с Калужской парфюмерной фабрики (о чем в свое время писал еще Паустовский), мало периодических сбросов с ТЭЦ и

спусков с десятков заводов. Не так давно в Оку прорвало хранилище фекалий (я видел, что это такое в Алма-Ате), и теперь в реке не рекомендуется даже купаться. Итак: река, из которой без очистки пили воду, и та же (по названию) река, в которой опасно купаться, а уж рыба-то давно вся вымерла. Грустно, конечно. Думается, что это не столько последствия «цивилизации» (на Рейне ее ведь не меньше, а вода-то чистая), сколько наша нищета и, главное, разгильдяйство.

В Алексинских лесах было много грибов, орехов, ягод. Правда, что такое «много», я увидел на Кольском полуострове. Существует такое выражение: «Грибов - хоть косой коси». Там их в самом деле можно было косой косить. Можно было собрать корзину, не сходя с места, что мы и делали. Но там был лишь один гриб, похожий на наш подосиновик - моховик, а в Алексине росли маслята и лисички, сыроежки, подосиновики, и многие другие грибы и, конечно, белый гриб. Мама часто варила супы из белых сушеных грибов, добавляя для запаха сушеные же опята. Сами по себе они ничего существенного не представляют, но в качестве добавки к белым дают прекрасный запах.

Когда мы приезжали с маленьким еще Юрой, отец выходил утром на опушку (а это 40-50 шагов от дома) и набирал за полчаса полную фужерку маслят и кружку земляники для Юры. Немного подальше в лесу были целые заросли малины (нам свою-то росшую в саду девать некуда было), а по дороге на Пасхалово были заросли черемухи. Мы ее поедали в больших количествах, после чего весь рот был, как чернил напился, и его сильно связывало. Со всех сторон было очень много лесных орехов, а они на мой вкус лучше и грецкого, и кедрового, и арахисового. На общественных огородах (инвалидовские, коммунаровские и еще какие-то) засевали подсолнух, и мы иногда сворачивали ему шляпки. Но по моим воспоминаниям, а пару я раз бывал и на деревенских посиделках, лузганные семечки не носило массового характера, больше грызли орехи. Мама говорила, что у половины населения плохие зубы из-за орехов. А в дубовую рощу (на горе Свинка были сплошные дубовые заросли) мы несколько раз ходили собирать желуди для поросенка. Не очень часто, но все же попадалась и красная рябина (черноплодную я видел только в Алма-Ате). Рябину «выдерживали» пока ударят первые морозы, тогда из нее уходит горечь и ее можно есть. Как-то в Алма-Ате мы сварили баночку из еще горькой рябины, получилось что-то необычайное: горьковато-сладкое варенье.

Не знаю как сейчас, но до войны в Алексине увлекались ловлей птиц. Я написал эту фразу, а потом прочитал с десятка страниц и подумалось, что если чеховский герой утверждал, что в Греции «всё есть», то по моим воспоминаниям получается, что это не только в Греции. Но я ведь в

самом начале написал, что Алексин самое лучшее место на земле. Дома держали канареек, а клетки тогда изготавливали в основном из ивовых прутьев, но очень красивые и разнообразные. Кстати помнится, тогда утверждали, что канарейка очень чувствительна к угарному газу, что было тоже не лишним при повсеместном печном отоплении. Зимой ставили кормушки, а весной вывешивали скворечники - от примитивного ящика до роскошного домика. На базаре была площадка для продажи птиц, но мы как люди безденежные пытались ловить самостоятельно. Всех алексинских птиц я не помню, но были синицы, чижи, коноплянки, жаворонки (поймать их никому из наших птицеловов не удавалось), снегири, щеглы и другие. Про соловья отдельно. Когда нам еще только выделили участок под строительство, родители посадили куст сирени, который потом разросся. Там каждое лето распевал соловей. Когда в 41 году немецкие «факельщики» сожгли наш дом, то вместе с ним сгорел и куст сирени, который рос вплотную в дому. Мама говорила, что после войны соловьи у нас не селились. Впрочем, был непреложный закон, который выполнялся: весной птиц выпускали. Другое дело голуби. По моим представлениям в Алексине были все породы голубей: от сизаря до благородного турмана. Но это было связано с деньгами и занимались этим большие парни и мужики, а не малышня. Голубей и голубятен в Алексине было множество и на крыше с шестом можно было увидеть самого почтенного мужчину. Не берусь утверждать, но, кажется, что в лесах водились волки, лисы, зайцы, утки. Во всяком случае, я видел охотничьих собак (борзых и гончих), а их вместо дворняжки не держат.

И чтобы не забыть (хотя и не к этому месту), кажется, в 32 году по всей стране прокатилась волна голода. Мама время от времени ездила по деревням и, как она называла, «санировала» зубы. В одну из таких поездок она взяла меня. Я помню, как в одной деревне нас покормили обедом. Был пустой суп из крапивы и зеленый из лебеды с добавками муки хлеба. И дальше без комментариев, потому что я никаких подробностей не знаю, когда мы приехали в немецкий колхоз (в районе было два немецких колхоза «Рот Фронт» и «Роте Фане»), нас кормили хорошо.

В Алексине «Бором» называют лишь ту его часть, где располагается кинотеатр и дома отдыха, хотя бор – он и напротив нашего дома, и вокруг. Но так уж там принято. Наш бор - это сосновый массив 4-5 километров длиной и 1-1,5 км шириной. Расположен он с западной стороны города. Перед бором был большой луг, часть которого занимали инвалидовские огороды (мы там дергали турнепс), а на другой был стадион с дощатым забором и трибунами (футбольное поле, конечно) и место, где проводились сельскохозяйственные выставки и конные соревнования.

Уже давно там построили микрорайон со своей котельной, отходы от которой попадают на бор и в Оку. Бор поперек (к реке) пересекали «дорожки», их там так называют, и вглубь, но не более чем на пятьдесят-сто метров, стоят дачи. Я не знаю, строились ли там новые дачи, но те, что стояли до войны, перешли (какое обтекаемое слово) от прежних владельцев к государству.

Если идти по первой дорожке (там мы бывали в основном зимой), то она приводила к «шахматной» даче. Это была большая дача (для дома отдыха, наверно, коек на сорок) с пикообразными башнями крыши, окрашенной в шахматном порядке белыми и черными квадратами. А недалеко за дачей была «Флорида» - выступ горы, по очертаниям напоминающий американский штат Флорида. Это достаточно высокая гора, покрытая лесом и имеющая крутые спуски. Спуск по ним, во-первых, требовал умения лавировать между деревьями, а, во-вторых, выносил к самой реке. Катались там не менее чем 8-9-классники. Когда потом в Заполярье в Апатитах довелось ездить на лыжах на спусках с выступающими пнями и валунами, дело это для меня было не очень новое. Примерно там же вдоль реки и бора был громадный луг, на котором проводились авиационные праздники с парашютными прыжками, катанием на У-2, показом планерных упражнений, авиамodelьных соревнований и т.п.

Алексин. Мост через Оку (Google Earth)

Алексин. Сосновый бор (Google Earth)

Вторая и третья дорожки вели к Пасхаловскому пляжу через дом отдыха №4 (или 14?), а четвертая туда же, но уже через дом отдыха им. Октябрьской революции. Я сейчас уже не помню, с какого возраста я стал ходить в дома отдыха вечерами (работали они, вроде, с мая по октябрь). Там почти ежедневно давались концерты на открытом воздухе. Там был маленький заборчик из штакетника и скамейки для отдыхающих. Бывали концерты эстрадных артистов из Тулы, Москвы, Ленинграда. Рядом была танцевальная площадка. А когда не нравилось, шли в соседний дом отдыха или в летний кинотеатр. Помню постоянного массовика Гурвича, который своими «домотдыховскими» шуточками развлекал отдыхающих (мне тогда нравилось). В соседнем доме отдыха массовиком была Тоня - женщина лет тридцати. А после войны (и не сразу) - Алексей Галкин.

Приезжали с выступлениями видные в то время артисты: Хенкин, Ярон. Приезжали и киноартисты. Я помню (это было, видимо, перед самой войной) выступление Марка Бернеса, который исполнял свою знаменитую тогда песню «Любимый город может спать спокойно и видеть сны и зеленеть среди весны», но это вспомнилось в связи с другим: вскоре после начала войны немцы бросали листовки, в которых были напечатаны эти слова. А с 9-го класса я уже и на танцы начал ходить, тем более что в школе была создана школа бальных танцев, которую я окончил. К этому следует добавить, что в бору можно было поиграть в волейбол (там было

несколько площадок), футбол, городки и даже бильярд, хотя с этим было посложнее, т.к. хорошие столы были в помещениях и не для нас, а для отдыхающих.

Алексин. Беседка нашего (родительского, конечно) дома. В отпуске

Тоня на одной из «наших» дорожек. По пути на Пасхаловский (Колосовский) пляж. Во время отпуска

Хотел отнести «на потом», но вот попал в бор, а это связано с ним. Дело в том, что еще до революции в Алексине отдыхали Чехов и Левитан, имели свои дачи артисты МХАТа (я слышал о Качалове, Тарханове, Пашенной). И вот здесь - совершенно невероятно - рассказывали, что МХАТовцы играли летом вместе с алексинцами в самодеятельности. За летним кинотеатром стоял маленький летний театр. Я еще совсем ребенком смотрел там «Враги». Думаю, если великие артисты и не играли в любительских театрах, а просто помогали и консультировали, то и тогда, кому еще так повезло! Но я собственными глазами видел фотографию, где они сняты с алексинцами. А у Лидии Васильевны, мамы Кости, я после войны видел фотографию Народной артистки СССР Веры Пашиной («Васса Железнова») с надписью: «Дорогой Лидочке Ламброзо (девичья фамилия Лидии Васильевны) от Веры Пашенной». Наверно, до войны во многих городах существовала художественная самодеятельность, но в Алексине это было поставлено на широкую ногу. Думается, что сказался МХАТовский заряд. Нардом готовил декорации и вполне приличные костюмы, а участвовали не только школьники, но и взрослые люди, и, главное, свои работы показывали на городской сцене и, помнится, при переполненном зале. Руководителем был художник из Нардома, а его помощником Николай Субботин (летом 44 года мы с ним случайно встретились на фронте, где-то у прусской границы). Играли Островского, играли даже «Коварство и любовь». Я тоже подался в артисты, но быстро понял, что героя-любовника из меня не получится, я исполнял роли «на подхвате». В пьесе Бориса Лавренева «Разлом» (Лео - Д. Падкин, он погиб в войну, Ксения - Вера Евстратова) я тер тряпкой пушку и орал песню: «Распускает Дуня косы, а за нею все матросы...». И все же, за пьесу «Весенний смотр» в 40-м году нас наградили поездкой в Москву. Сначала мы в Туле смотрели «Лес» Островского и оперетту «Цыганский барон», а потом поехали в Москву.

В Доме Актера у нас была встреча с молодым еще Игорем Моисеевым, смотрели в Большом театре «Лебединое озеро» с Семеновой, слушали «Майскую ночь» с Лемешевым, были в Третьяковке, ездили в усадьбу-музей, кажется, Юсупова, ходили по переходам Храма Василия Блаженного, были в Мавзолее. Сейчас, мне кажется, в школах нет художественной самодеятельности в том смысле, как в наше время. Во всяком случае, за 17 лет работы в школе я не слышал. Похоже, телевизор заменил и художественную самодеятельность, и даже, к сожалению, книги (в том объеме и значении, как в мое время). А жалко!

От участия в самодеятельности, от посещения театров у меня до сего времени сохранилось при воспоминании чувство чего-то чистого, красивого, умного, чувство хорошего праздника. И было еще одно, очень

близкое к этому же: в Алексине очень много пели, начиная с детского сада, через пионерскую организацию и дальше - везде были хоры разного уровня и состава. В детстве пели о том, что «погиб наш юный барабанщик, но песня о нем не умрет», что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». Пели у Кости на веранде, собираясь втроем-вчетвером. Костин отец Василий Николаевич и дядя Николай Николаевич имели изумительные голоса (оба пели в церковном хоре). Я помню в их исполнении песни «Быстры как волны все дни нашей жизни» и «С вином мы родились, с вином мы умрем, с вином похоронят и с пьяным попом», а уж «Вечерний звон»... на улице останавливались прохожие и аплодировали им. Наверно, из-за их басов полюбили и Михайлов, и Рейзен, и позже Штоколов. Потом я увлекся песнями В. Козина и Изабеллы Юрьевой (совсем недавно отмечали ее столетие). В школьном кружке пения разучивали романсы «Белой акации гроздь душистые», «Вот вспыхнуло утро», «Пара гнедых». Слушали и подпевали Руслановой. Уже позже появились неаполитанские песни и перед самой войной - «Синий платочек» К. Шульженко (правды ради следует сказать, что сначала эту песню исполнила И. Юрьева). Всё, что пели, вспомнить невозможно, тем более что песни были во всех фильмах, а все танцевальные мелодии с песенными словами: «Где б ты не плавал, всюду к тебе, мой милый», «Челита», «Чайка», и многое-многое другое, в том числе Петр Лещенко, песни которого у меня в памяти связаны со знакомством с Тоней.

Мы с Тоней всегда любили петь вдвоем, начиная со времени нашего знакомства в 41 году - от старинных романсов и дуэтов из «Пиковой дамы», до северных из репертуара хора Колотиловой и наших среднероссийских озорных частушек. Люблю песни и сейчас, и, несмотря на некоторые насмешливо-снисходительные взгляды, постоянно напеваю мелодии в зависимости от настроения. С конца 1997 года это «...Горе-горькое по свету шлялось и на нас невзначай набрело...»

Одной из достопримечательностей Алексина, как, наверно, и каждого маленького городка, был базар. Базарная площадь и сейчас размещается на большой площадке, которая с юга обрывается большим, метров, наверно, 300-400 крутым спуском к реке. По косогору расположены частные дома Рыбной слободы. С западной стороны базарная площадь примыкает к давно запущенному городскому саду со старыми липами и поломанными скамейками. Я смутно, но помню, что там играл духовой оркестр, торговали лотошники и было хорошо и весело. С северной стороны расположены два Собора - новый и старый Успенские Соборы. Третья церковь - это уже с восточной стороны - разрушена, я ее помню очень

Вера Николаевна Пашенная. Народная артистка СССР

На обороте надпись: «Милому другу моей далекой юности Лидочке Ламброзо (девичья фамилия Костиной мамы, Лидии Васильевны Ефремовой, я и не знал долго, что у нее такая фамилия) от искренне любящей и уважающей ее Веры Пашенной». Я знал, что она артистка МХАТа, а в кино я помню ее только по картине «Васса Железнова». Впрочем, я помню, что когда наш драмкружок был в Москве, мы собирались к ней в гости. Не получилось.

В.И. Качалов. 1898 г.

Фотографии Качалова у Кости нет. Он пишет, что есть книга Вадима Шверубовича (сына Качалова) «О людях, о театре и о себе», в которой есть глава «Алексинское лето», где он пишет о пребывании вместе с отцом Василием Ивановичем в Алексине.

смутно. И здесь маленькое, но, как мне кажется, нужное отступление. Между садом и церковной оградой стоял домик церковного сторожа. Сын сторожа Владимир Лихограй (Володя Лях) был старше меня лет на 10-12. И вот о трех моих с ним соприкосновениях.

Первое. У них была белая грязноватая (после милицеских лошадей я уже разбирался в этом) лошадка. Когда мне было лет 8-9, Володя набирал нас, пацанов, человека по три-четыре и катал на саях. А за это мы должны были воровать сено с приехавших в город возов. Я помню, как за мной гнался хозяин саней с кнутом, и если бы догнал, мне было бы не мало. Но я удрал через чей-то огород, потеряв, правда, галоши. А мужик был в тулупе и быстро бежать не мог.

Второе. Много лет я о нем ничего не слышал, да это мне было и ни к чему, но вот числа 11 или 12 октября 41 года (кажется, назавтра мы уезжали в эвакуацию), когда мне казалось, что все власти удрали, а со стороны Калуги уже слышна была артиллерийская стрельба, на углу Советской улицы (возле «Зеркального» магазина) я увидел Лихограя, который стоял и разговаривал со знакомыми ребятами (я сейчас подумал, что в Алексине того времени просто и не было незнакомых ребят).

И вот третье. В декабре 41 года я прочитал в «Правде», находясь уже в Бугульме, что после освобождения Алексина за измену родине повешен В. Лихограй, бывший во время оккупации бургомистром города.

На базар на лошадях съезжались как со всего города, так и из окрестных деревень. Вдоль церковной ограды и вдоль спуска к реке было несколько коновязей. Были крытые ряды, но многие торговали прямо с возов. Мясо лежало на чистой соломе, и многие закупали большими кусками, а баранину тушками. Привозили клетки с гусями, индейками, утками, курами. Картофель, капуста, яблоки, груши, лук, зерно и т.п. продавалось «мерами» - такими цилиндрическими емкостями с красивыми медными обручами. Были меры, полумеры, четверти, кажется, одна восьмая. Продавали и ведрами. Взвешивали безменами (на столах, где торговали на развес) и в меньших количествах обычными весами с гирями. Так как городок был маленький и практически весь состоял из частных домов с садами, огородами и полным набором подсобного хозяйства, то предложение превышало спрос и на базаре было всего полным-полно и задешево. Да и в самом деле, кому, например, нужны были яблоки с базара, если у каждого были свои сады.

Я помню, что в первое время после того, как мы построили свой дом, картошку, капусту и т.п. мы не сажали, а покупали на базаре. Мало того, что когда мы купили картошку на базаре, хозяин довез до дома, помог ссыпать, так он еще просил не покупать в следующем году на базаре, т.к. он привезет прямо домой. Сливочное масло покупали такими «круг-

ляшами» в листьях лопухов, а немцы (я писал, что в районе было два немецких колхоза) продавали в форме кирпичика, завернутого в пергаментную бумагу. Продавали орехи, семечки, ягоды, сало свиное в кусках и внутреннее топленое в форме миски, в которой его застывали. Это продавалось фунтами. Торговали бочками, колесами для телег, гончарными изделиями, различными поделками, льняным домотканым полотном, сапогами и полусапожками, валенками, вязаными изделиями и многим-многом другим. Были ларьки с закусками и промтоварами.

Базарный день был в воскресенье. Был еще один в четверг, но этот, так сказать, по сокращенному варианту. Воскресный же базар был как праздничный день. Но главное - это было место, где можно было пообщаться с алексинцами. Так осталось и после войны, когда мы приезжали в отпуск. Если нужно было кого-то встретить, с кем-то пообщаться, шли в воскресенье на базар.

В сентябре в Алексине проводились Ивановские ярмарки. 11 сентября по православному календарю отмечается День Иоанна Предтечи (Крестителя) и других святых Иванов (Постного и Полетка). В их честь ярмарка и названа Ивановской. Длилась она, по моим воспоминаниям, недели две, а то и три. Торговля шла как обычно, плюс появлялись китайцы, торговавшие серпантинами, бенгальскими огнями, такими длинными конфетами в бумажных обертках с бахромой на концах. Завозили очень вкусные тульские медовые пряники с надписями «Ваня», «Маша», «Коля» и т.д. Устанавливались дополнительные навесы, под которыми работали чайные и закусовые. Приезжали откуда-то цыгане. Они разворачивали кузни, лудили котлы, паяли. У них обязательно были медведи. Цыганята пели, плясали, просто побирались. Цыганки гадали. Устанавливались гигантские шаги и большие качели. Но главное удовольствие составляли карусели. Здесь были серые в яблоках, вороные и гнедые кони, расписные люльки. Хозяин был Масальский. Играла музыка. Это была гармонь и набор подвешенных бутылок с различным количеством воды в них. На них, как на ксилофоне, отбивали ложками мелодию, вторили исполнявшейся на гармошке. Трудно передать тот восторг, который испытывали мы, мальчишки, сидя верхом на коне, ноги в стремях, грива и хвост у коня развеваются, музыка играет, народ смотрит (и кажется, все только на меня), но билеты стоили денег, и мы играли в «расшибалку» или «пристенок», зарабатывая или проигрывая будущее удовольствие. Ребята постарше, да и мужики, крутили карусели наверху, за что хозяин давал им потом покататься. С тех пор прошло много-много лет, а воспоминания о каруселях остались самые приятные.

На восточной окраине за Мордовкой было большое поле примерно в квадратный километр. Там пасли скот. Туда я гонял милицейских лоша-

дей в ночное, кое-где были и какие-то огороды. В начале тридцатых годов, когда в деревне осознали, что колхозы это серьезно, в деревнях стали продавать дома и скот и всеми правдами и неправдами перебираться в город. Я, конечно, не знаю всей механики, но городские власти на этом участке стали нарезать наделы под индивидуальное строительство. С чьей-то легкой руки весь этот район новой застройки называли «Лентяевкой», не хотели, мол, работать в колхозах.

Вот здесь вторым от края по улице Пионерской (кажется, угол Снегиревской, не помню точно) метрах в 40-50 от соснового леса и поставили наш дом. Выделили участок в 12 соток (30 на 40 метров). Дом купили в деревне и перевезли на лошадях. Это был большой дом-пятистенка с застекленной верандой, расположенной лицом к бору, и большой же холодной - из плах - кладовкой (это во двор). Был построен сарай и, конечно, палисадник. Правая большая часть дома состояла из четырех комнат и прихожей. Левая (меньшая) так и не была нами достроена и, помнится, использовалась как кухня. Там посередине стояла большая русская печь и столы для приготовления еды с керогазом и примусом.

Посадили деревья, смородину, крыжовник, малину и везде, где только можно, цветы. Завели поросенка, гусей и кур (пробовали держать индюшек, но они у нас почему-то дохли). Куры были черные, пестрые, красные, а петух красный. Он всегда сидел на заборе и сильно горланил. И кошка, и собака его боялись. Гусей было немного, примерно в конце ноября после месячного содержания без движения и на усиленном питании штук 6-8 обычно забивали. У соседей Косаревских было несколько дочерей, и она готовила им приданое, ощипывала наших гусей и забирала себе пух и перья. Отец вытапливал гусиный жир, и он не переводился у нас круглый год, чистый и со шкварками.

Мясо покупали большими кусками или тушками. У нас был холодный чулан и подвал со льдом. Вот такое вспомнил: в Москве и округе мясом называют только говядину, а остальное свиной или бараниной. Свиная и яйца у нас были своими, их хватало на целый год. Молоко (и много лет после войны) брали у Косаревских. Впрочем, народ на «Лентяевке» поселился в основном деревенский, плюс вблизи еще оставались неплохие выпасы, так что коров держали во многих дворах. Посадили яблони: анисовку, грушевку, коричневку и, конечно, алексинскую антоновку. Она во время съема была зеленая и кислая, но ее клали на чердак на ржаную солому (ее же и накрывали). К Новому году она приобретала золотистый цвет и изумительный кисло-сладкий вкус. А запах на чердаке был просто неповторимый!

Я прожил в Алма-Ате почти тридцать лет и испробовал яблоки многих сортов. Убежден, что полежавшая антоновка лучше всех. Казахстан-

ские груши Дюшес лучше алексинского Бергамота, хотя и те тоже вкусные.

Были у нас слива, вишня, черная и красная смородина, крупный крыжовник, клубника (в Алексине почему-то всю клубнику называют «Викторией», хотя, по-моему, «Виктория» - это просто один из сортов клубники). Выращивали капусту, свеклу, лук, укроп, а позже и картофель.

Русскую печь топили, конечно, не ежедневно. В большом чугуने варили картошку. Когда вода выкипала, то верхний слой запекался и получалась печеная картошка. Для тяжелых чугунов были большие рогахи и катки. Для вытаскивания сковороды - чапельники. Все приготовленное в русской печи намного вкуснее приготовленного на керогазе или примусе, да и сегодняшней газовой плите: топленое молоко с пенкой, борщ, тушеная картошка, пироги. Вспомнилось молоко, топленое в русской печи, с пеклеванным хлебом. Сейчас бы! Это тебе не пастеризованное молоко из пакета. Да, была еще собака-дворяжка и кот. Не знаю, каким спецом он был насчет мышей, но что налеты на кладовку и подвал совершал - это точно.

Если в строительстве дома я практически никакого участия не принимал, то по хозяйству у меня обязанности были. Раз в неделю я должен был принести пару ведер пахты с молочного завода и привезти на тележке десятиведерный бак воды для полива (это ежедневно). На зиму заготавливали капусту в различных видах, свеклу и морковь, солили огурцы и помидоры, мочили яблоки, солили свинину, морозили или коптили гусей. И конечно же, как и все в Алексине, варили несметное количество самых различных сортов варенья (до варенья из лепестков розы). У нас был большой медный таз с деревянной ручкой. Вот в нем на треноге и обязательно на лучинках варили варенье. Я «сшибал» пенки. Зимой покупали лишь хлеб, сахар, молоко. Летом во дворе ставили самовар на шипках, благо, их было много в лесу рядом с домом. Я думаю, что так было если и не во всех, то в большинстве домов. Я не помню, чтобы у нас были хоть когда-нибудь затруднения с питанием. Плюс к тому, мама хорошо готовила, а ее торты и фаршированная рыба - лучшее, что я пробовал в жизни. Это переняла и Тоня.

Немцы в Алексине были чуть больше месяца, но, отступая, многое сожгли и взорвали. Сожгли и наш дом. Родители вернулись из эвакуации в 1944 году. Остановились и несколько лет жили у тети Жени Лискиной. А на своем участке в первый же год посадили только картошку. Собрали что-то очень много, целое богатство по тем временам. Завели поросенка и кур. Ожили. Со временем поставили небольшой домик. В войну, да и некоторое время после войны, мама получала деньги по моему аттестату. Эти деньги и стали основой при покупке дома. Прошлого размаха у них

уже не было, да в 1948 или 1949 году ушел в армию Ося, а на двоих с отцом им не так много было и нужно. Позже они за ненадобностью отдали соседям часть огорода. А в один из отпускных приездов я им оштукатурил курятник и провел туда электричество. Теперь куры несли яйца и зимой. Мама мне, кстати, говорила, что они живут, как при натуральном хозяйстве, покупая только хлеб и сахар, остальное - с хозяйства.

Многие алексинские домовладельцы, особенно из числа тех, чьи дома были расположены поближе к бору, на лето сдавали квартиры дачникам, которые приезжали в основном из Тулы и Москвы. У нас и до войны, и после несколько раз жила семья маминых знакомых из Тулы, Шейниных. У Марии Григорьевны (ее муж приезжал иногда на выходные дни) было двое детей: Сима, мой ровесник, и Гриша, помоложе. До войны, как мне помнится, они постоянно лежали на опушке бора в гамаках, а Мария Григорьевна (и тоже постоянно) носила им какао, сливки, гоголь-моголь (это что-то такое вкусное), творог, в который она мешала куриный желток, и изюм. Это называлось «поправить» детей, хотя они были и так пухленькие. Ходили они постоянно в сандалиях, а не босиком, как я, носили панамы и оберегались от солнца, я же все каникулы бегал босиком и в одних трусах. Вечером они одевали курточки. Мария Григорьевна, помнится, постоянно плакалась на отсутствие у детей аппетита. Как-то, году, наверно, в 38-м, я увел Симу на речку. Дома был большой шум, и я был посажен на неделю под домашний арест. Сима окончил Тульский Оружейный институт (сейчас, кажется, политехнический). Работал в конструкторском бюро и заодно подрабатывал там же переводами «оружейной» литературы с английского на русский. Гриша был умный парень, но «с заскоками». Бывал у моей мамы и после войны. Тоня его видела. Кроме Шейниных гостили и какие-то ещё родственники.

Теперь о школе, хотя я так или иначе касался ее все время. До школы я немного более года ходил в детский сад, который располагался на Советской улице напротив нашего дома. О садике - только два воспоминания: воспитательницу звали тетя Пуся (не знаю, как это перевести на общедоступный язык), и еду мы приносили с собой, я как-то пересолил яйцо, да к тому же размазал его по тарелке - остался голодным.

В школу я поступил в 1931 году. Я не знаю, каким образом сейчас комплектуют первые классы, а тогда, я помню, детский врач устраивала какие-то тесты (с какими-то разноцветными кубиками). Короче, меня определили в класс «А». Не знаю, лучше ли я справился с тестом, или сыграла роль корпоративность - мама работала в этой же больнице. С 1 по 4 классы учительницей была Ветрова Екатерина Николаевна. Правда, в 4-м классе у нас ввели отдельные уроки по немецкому языку и физкультуре. Кажется, во втором классе меня приняли в пионеры (тогда это делали по-

раньше). А летом того же года я поехал в пионерский лагерь. Лагерь располагался на левом берегу Оки недалеко от какой-то деревушки в сторону Калуги. Жили в палатках, но спали на кроватях. Недалеко были церковь и кладбище, и вечер в палатке самими же мальчишками превращался в вечер ужасов: все черти, ведьмы, баба-яга, покойники и прочие страсти - все слетались к нам в палатку, и укрыться от этого можно было лишь, спрятавшись с головой под одеяло. Вечера проводили у костров. Кто-то выступал, читали стихи, вручались призы. Часто в качестве приза была печеная картошка. Испеченная на углях картошка - это вкусно!

Здесь в Израиле я был с внуком Борей на одном «костре». И хотя это немного не то, что у нас, картошка все-таки была. Правда, картошка кем-то к этому дню специально готовится. Ее заворачивают в серебряную фольгу: не пачкаются руки, да и картошка не сгорает.

Тогда такого не было, а печеная картошка была тесно связана с пионерскими кострами. Мы пели: «Тот не знает наслажденья, кто картошку не едал». Пели еще: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры - дети рабочих». Это было время Павлика Морозова и борьбы с кулаками-вредителями. Была и такая песня, которую исполняли как инсценировку: «По дорожке неровной, по тракторной, все равно, нам с тобой по пути, прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати». А в конце, когда кулаки убивают тракториста и сжигают трактор, мы плакали. Хотелось бы узнать, на каком фольклорном материале можно сейчас довести до слез 8-9 летнего мальчишку... Пели и такое: «Мы кузнецы и дух наш молод, куем мы к счастью ключи», «Вперед заре навстречу...», а в 44 году, когда я был в польском городе Замостье, вспомнил и такую песню из своего пионерского далека: «На Дону и в Замостье тлеют белые кости, над полями шумят ветерки. Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки». Были и свои «оркестры»: гитара, мандолина и всегда - деревянные ложки. Реже - пианино и баян. Аккордеон я увидел только во время войны.

Когда был большой отрядный костер, запускали большой воздушный шар, который часто далеко улетал, и мы группами ходили по окрестным полям и лесам в его поисках. И на всех подобных мероприятиях (и в школе тоже) выстраивали «пирамиды», забирались друг другу на плечи, строили мостики, стойки на руках и т.п. И всегда готовились какие-нибудь «речевки». Кстати о речевках. Деревенские мальчишки к нам постоянно задирались (шел ведь только 33 год) и дразнились. Я помню вот такой стишок из репертуара деревенских мальчишек:

*«Пионеры-лодыри царя и бога продали,
Денег накопили и галстуки купили»*

И когда где-то в восьмидесятых годах организатор внеклассной работы пришла ко мне в военный кабинет посоветоваться насчет речевки к пионерскому сбору, я ей посоветовал эту. Но в общем лагерь был хорошим, тем более что мы очень много времени проводили на реке.

Вспомнился и такой случай. Когда учились в третьем или четвертом классе, не знаю, чья умная голова это придумала. При закрытых дверях, со строгим предупреждением о неразглашении нам объявили, что каждый пионер должен принести, кажется, один рубль, который пойдет на строительство секретной подводной лодки «Пионер». Сейчас я уже не помню, каким образом я выпросил деньги у родителей, но к нашему ужасу и сожалению одна девочка, Шумилина, рассказала об этом попу на исповеди. То ли поп был вхож в пионерскую организацию, то ли еще по какой причине, но это стало достоянием класса, который долго бурлил и возмущался.

Учился я, в общем-то, сносно и оценки были «хор» и «оч. хор» и лишь с немецким языком у меня были нелады. Уже в академии, помнится, преподаватель немецкого языка Нина Васильевна Эйхбаум как-то упрекнула меня в слабом знании немецкого языка, на что я ей прямо-таки «ляпнул», что у меня национальная неприязнь к немецкому языку. На это она тут же отреагировала: «А у меня национальная неприязнь к лодырям». В конце-концов она заставила нас учить язык, и я получил по немецкому пятерку. Видимо, в 4-м или 5-м классе у нас было повальное увлечение Робин Гудом, а алексинские леса полны орешника - прекраснейшего материала для луков и стрел.

В шестом или седьмом классе я увлекся авиамоделированием. Материальная база была достаточно хорошей: был бамбук, липовые заготовки для винтов и других деталей, тонкая, но прочная бумага, резина и клей. Сначала на школьном дворе, а потом и городском смотре устраивали соревнования на высоту, дальность и длительность полета. Председателем районного Совета ОСАВИАХИМа был Владимир Романович Воронков. Костя мне писал, что в войну он был летчиком и ему присвоили звание Героя Советского Союза. Еще недавно он был жив. Сейчас - не знаю.

Я уже писал о том, что при школе существовала школа бальных танцев. Играли на баяне. Десятиклассники помогали Серафиму Сергеевичу относить баян домой и называли его Симой. Когда я сам учился в 10-м классе, все то же было и у меня. Разучивали мазурку, па-де-грас, па-де-катр, па-де-па-тенер ну и, конечно, вальс, краковяк и еще что-то. В конце вечера нам разрешали вальс-бостон, фокстрот, танго и как-то раз румбу. Я научился танцевать. Танцы мне нравились и была полная уверенность, что так будет до самой старости. В последний раз мы с Тоней танцевали уже здесь в Израиле. Это было на вечере в честь 50-летия Победы, думаю,

в честь этого не грешно было и танцевать. Танцы мне многое дали. И не только то, что нас основательно обучили изящным манерам, хотя это тоже было. Нас научили, как нужно подойти к партнерше, как отвести ее на место после танца и многому другому. Но главное, пожалуй, это то, что мы иначе стали вести себя по отношению к девочкам (несомненно, и возраст делал свое дело), и изменилась наша одежда. Появились костюмы и галстуки - не в сапогах же гармошкой и косоворотке с воротником на сорок пуговиц приглашать на мазурку.

В стране в это время гремели имена Папанина и Водопьянова, Чкалова и Громова, Стаханова и Виноградовой, школа на все это откликалась: на фронте менялись электрифицированные стенды с изображением разных строек, с маршрутами дрейфа папанинцев, канала Волга-Дон, портреты героев. В 1939 году меня приняли в комсомол. Помню большое поздравительное письмо из Одессы от бабы Розы. Кажется, в конце восьмого или начале девятого класса в школе появился новый преподаватель физкультуры Марк Самойлович Леви, очень деятельный человек. Сначала он организовал спортобщество «Учитель», но так как и тогда школа была организацией небогатой, то он сделал многим из нас справки что мы сапожники, портные или их ученики, и мы влились в мощное общество - общество промартелей – «Спартак». У нас появилась отличная спортивная форма, маты, брусья, конь и козел. А зимой он мне выдал прекрасные лыжи с ботинками и только появляющимися тогда «ротафеловскими» креплениями. Чувство гордости и хвастовства вызывало то, что перед креплением на обеих лыжах было выжжено «Для мастеров», хотя никаким «мастером» я тогда не был и первый разряд по лыжам получил зимой 41 года.

17 лет работы уже после армии в школе дают мне право хотя бы ретроспективно судить о Марке как учителе. Не помню, как он проводил уроки со всеми, но хорошо помню, что он выделил группу посильнее и везде ее показывал. В лыжной группе «перспективных» мне запомнились: Володя Денисов (он есть на нашей выпускной фотографии) - погиб в войну, Василий Чивиков из 10-го «Б» - тоже погиб. С ним мы были внешне похожи и дружили, бывая друг у друга дома. И когда я в августе 45 года на несколько дней приехал в Алексин, то его мама плакала, обнимала меня и называла «Васей». Ну и я был в этой группе. Наша группа (на лыжах-то я ходил и до этого) быстро выделилась среди городских лыжников, и мы стали получать призы. Не менее приятным было и то, что директору звонили из райкома и он отпускал нас, пригрозив, правда, что оставит на второй год. И еще одно: когда был урок немецкого языка, а я к нему не всегда был готов, я шел к Марку (в 10-м классе - не все, конечно, а его «гвардия» - мы его звали просто Марк, не на людях, понятно) и говорил:

«Марк, немецкий...», - на что он отвечал: «Понял. Иди в шестой класс и веди урок физкультуры». Но, в общем, это были отдельные эпизоды.

Вспоминая сейчас 10-й класс и всю предвоенную обстановку, мне кажется, что многие из нас мечтали о военном училище. Я совершенно забыл, как у нас проводилась военная подготовка, а жаль, все-таки я семнадцать лет проработал военруком в Алма-Ате, а мой школьный военрук к тому же был нашим классным руководителем (когда я работал, военрука не назначали классным руководителем). Якунин Георгий Потапович был лейтенантом запаса. Он был призван перед самой войной и в 41 году погиб. Жил он на Пионерской улице через несколько домов от Кости.

В 1939 году вышел Закон «О всеобщей воинской обязанности», и весь выпуск 39 года забрали в армию. Несколько наших ребят: Додик Падкин, Аркадий Ревякин, Николай Чувилин - пошли в Тульское оружейно-техническое училище. Они уже в 41 году приезжали в командирских буденовках и португелях, с двумя кубиками. Додик и Аркадий погибли, а Николай Чувилин был в плену. Ему потом долго не давали покоя. Позже он окончил учительский (не педагогический) институт и где-то в шестидесятые годы был директором семилетней школы. Сейчас, как написал Костя, умер. Парни следующего 40-го года выпуска почти все погибли на западной границе. Из живых я знаю о двоих: Аркадий Лыков живет в Америке где-то под Нью-Йорком. Несколько раз был в Алексине. Костя с ним изредка переписывается. И Анатолий Алексеев (общерайонный отличник) тоже попал в плен. Потом ему долго мешали с учебой. Все-таки стал профессором математики. Костя писал, что он живет в Астрахани. На пенсии.

Зимой сорокового года была Финская война. Прямо скажем, для меня она прошла как-то незаметно: снабжение было нормальным, светомаскировки не было, и главное, я сильно был увлечен лыжами и танцами. А о гибели тысяч наших солдат и о других бедах Финской войны я узнал даже не после войны, а здесь, в Израиле. Правда, в школу приезжал бывший ученик, выпускник Рязанского пехотного училища, который рассказывал отдельные эпизоды Финской войны. И примерно в это же время, не помню, каким образом, я оказался на курсах легких (речных) водолазов. Был тогда такой водолазный изолирующий аппарат ВИА-2, наверно, дедушка сегодняшнего акваланга. Несколько раз я спускался на небольшую глубину. Хотя под водой было и интересно, но дело это было тяжелое и опасное. Тем более что там были более взрослые люди, видевшие в этом профессию, которая достаточно хорошо оплачивалась.

Лыжи взяли верх над всем остальным (кроме школы и танцев). Марк выставлял нас сначала в районном, а потом и областном масштабе. Мы участвовали в эстафетах, гонках на 10 и 30 километров. Это и сильно

изматывало, и мешало учебе. А это ведь был десятый класс. И все же я благодарен Марку. Он научил правильному бегу на лыжах, но главное, научил не сходить с дистанции, как бы ни было тяжело, тянуть до «второго дыхания». Стало получаться. И спасибо ему за это, в армии помогало.

Но в самом конце зимы я заболел крупозным (каким-то «ползучим») воспалением легких. Все-таки мы были еще мальчишками и после бега могли лечь на снег остыть. Я лежал в больнице, и папа, помню, куда-то ездил доставать новый тогда пенициллин. Ребята приходили проведать и приносили учебники и задания. Вышел я из больницы перед самыми выпускными экзаменами, даже сфотографироваться со своим классом не успел. Мне и родители, и некоторые учителя предлагали остаться на второй год, тем более что я моложе своих одноклассников (Костя 1922 года рождения, а я 1924 года). Как бы сложилась жизнь, шел ведь 1941 год?.. В общем, я получил аттестат об окончании Алексинской средней школы.

19 июня 1941 года был выпускной вечер в здании семилетней школы на Ленинской улице.

20 июня мы его продолжили, так сказать, в неофициальном порядке.

21 июня двумя выпускными классами «А» и «Б» мы пошли в лес в сторону Жаринского колодца, где пробыли часов до двух ночи.

Утром 22 июня 1941 года многие пошли в бор. Шли митинги, по радио передавали марши - началась война.

Вот я и закончил первую часть своих воспоминаний: походил по улицам Алексина, был в школе, встретился с еще живыми и даже молодыми родными и друзьями - побывал в неповторимом детстве. Постараюсь продолжить и достать из памяти все, что удастся. Только смогу ли? Попробую.

Сначала два замечания.

Первое. Я жил в почти деревенских условиях: все лето ходил босиком, водил лошадей на водопой и в ночное, лазил по соседским садам и огородам... и многое другое, что принято относить к деревенской жизни. Но у нас были книги, был самодеятельный драматический театр с такими необыкновенными традициями, была школа с хорошими учителями, физкультура на хорошем уровне. Были поездки в Тулу и Москву. Были походы, кружки и многое-многое другое. Была, наконец, школа бальных танцев, где учили почти изящным манерам. Сейчас, конечно, смешно, но я помню, что и возмутился и обиделся, когда один отдыхающий из Тулы сказал мне покровительственно: «А вы ничего ребята, ничем не отличаетесь от городских».

И второе. Хочу записать имена тех, кто погиб на фронте, а также имена умерших и живых сверстников-земляков.

И еще: я очень хочу попасть в Алексин и в первую очередь для того, чтобы отсыпать часть земли с могилы мамы (а теперь и Тони) на могилу папы, покаяться перед ним в грехах и попросить прощения за все, что сделал не так, как следовало бы.

Сначала два замечания.

Первое. Я жил в почти деревенских условиях: все лето ходил босиком, водил лошадей на водопой и в ночное, лазил по соседским садам и огородам... и многое другое, что принято относить к деревенской жизни. Но у нас были книги, был самодеятельный драматический театр с такими необыкновенными традициями, была школа с хорошими учителями, физкультура на хорошем уровне. Были поездки в Тулу и Москву. Были походы, кружки и многое-многое другое. Была, наконец, школа бальных танцев, где учили почти изящным манерам. Сейчас, конечно, смешно, но я помню, что и возмущился и обиделся, когда один отдыхающий из Тулы сказал мне покровительственно: «А вы ничего ребята, ничем не отличаетесь от городских».

И второе. Хочу записать имена тех, кто погиб на фронте, а также имена умерших и живых сверстников-земляков.

И еще: я очень хочу попасть в Алексин и, в первую очередь, для того, чтобы отсыпать часть земли с могилы мамы (а теперь и Тони) на могилу папы, покаяться перед ним в грехах и попросить прощения за все, что сделал не так, как следовало бы.

Попробую сначала составить «срез» моего поколения.

С одной стороны -	уголовник, не раз сидевший в тюрьме,
с другой -	полковник милиции.
С одной стороны -	осужденный к штрафному батальону,
с другой -	Герой Советского Союза.
С одной стороны -	предатель, казненный по суду военного
	трибунала,
с другой -	герой-комсомолец, повешенный немцами.
С одной стороны -	опустившийся человек, пьяница и бомж,
с другой -	кандидаты наук, профессор, всемирно
	известный конструктор вооружения.
С одной стороны -	доносчики,
с другой -	осужденные.
С одной стороны -	не воевавшие парни,
с другой -	воевавшие девочки.

10-А класс Алексинской средней школы. Весна 1941 года.

Эту фотографию мне прислал Костя, скопировав со своей. Он написал на обороте: «Перечень по состоянию на 8.05.1999 года. Слева направо:

Верхний ряд. Богородицкая Нина - умерла, Глазунов Борис - умер, Денисов Владимир - погиб, Павлов Алексей - умер, Климов Глеб - умер, Панов Павел, Ефремов Константин, Галкин Алексей - умер.

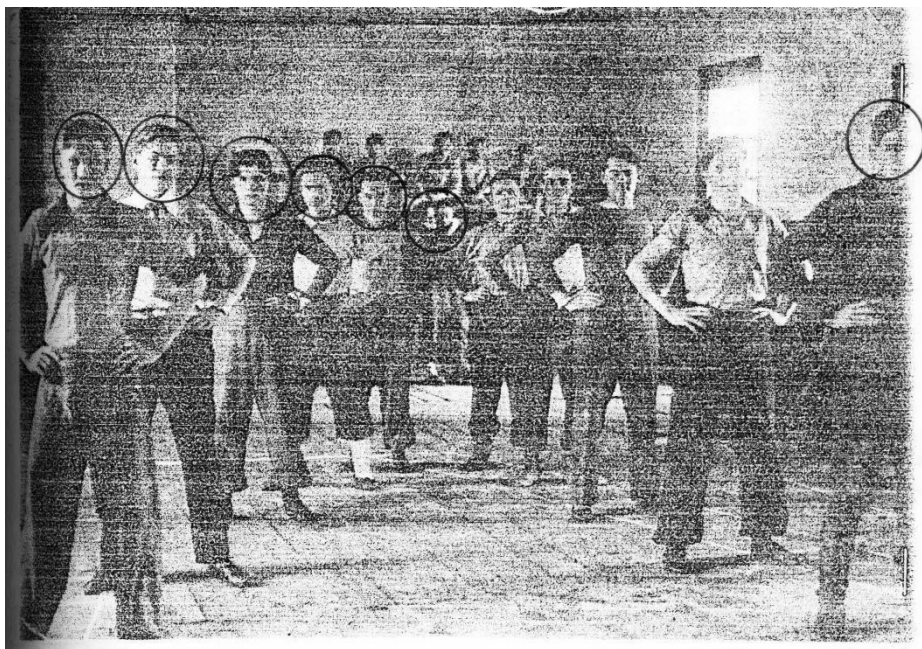
Средний ряд (первый): Зорина Нина, Зыкова Галина, Вязьмина Надежда - умерла, Машикова Татьяна - умерла, Рябов Александр - погиб, Петров Геннадий - погиб, Скворцов Борис - умер.

Средний ряд (второй): Азимова Галина, Ионовна Мария, учителя: Эккерт Эльза Карловна (?), Якунин Георгий Потапович - военрук, наш классный руководитель - погиб, Седов Иван Митрофанович - завуч, учитель химии (?), Колганов Василий Иванович - учитель математики - умер, Сотников Иван Владимирович - учитель литературы (?), Будылин Николай.

Нижний ряд: Севостьянов Иван - умер, Серебрякова Клавдия, Митрохина Мария, Авдейчик Людмила - умерла, Алешкин Михаил - погиб».

Нет на фотографии: Белиловский Борис - болел, Митин Сергей - погиб.

Получается, что из 25 выпускников 41 года (о ком я знаю) 5 человек погибли (и наш классный руководитель) и 10 человек (и один учитель) умерли. Остались в живых 10 человек, а из 10-Б совсем мало (1999 г.).

Это наш спортзал. Средняя школа. 6.4.1941 года

Костя прислал неважную ксерокопию этой фотографии. Я еще раз снял копию. Получилось то, что получилось. И все же лучше, чем ничего. Главное: я узнаю без Костиной «шпаргалки» всех ребят, хотя прошло почти шестьдесят лет.

Левый ряд (слева направо)

<i>Денисов Владимир</i>	<i>(погиб в ВОВ)</i>
<i>Павлов Алексей</i>	<i>(умер)</i>
<i>Ковишник Аркадий</i>	<i>(погиб в ВОВ)</i>
<i>Карасев Аркадий</i>	<i>(погиб в ВОВ)</i>
<i>Петров Геннадий</i>	<i>(погиб в ВОВ)</i>

Правый ряд (справа налево)

<i>Чивиков Василий</i>	<i>(погиб в ВОВ)</i>
<i>Белиловский Борис</i>	
<i>Сидоров Владимир</i>	
<i>Ефремов Константин</i>	
<i>Малютин Василий</i>	

В промежутке между рядами стоят в обнимку возле брусьев Филиппов Юрий (погиб в ВОВ) и Кызенков Алексей (погиб в ВОВ) – оба из 10-Б.

С одной стороны -
с другой -

С одной стороны -
с другой -

целые и здоровые,
раненные и покалеченные.

погибшие в 19-20 лет,
дожившие до сего времени. Их с каждым
годом всё меньше.

Имена

погибших на фронте, имена живых и умерших алексинцев, с кем я
учился, с кем дружил или просто был знаком
(кого вспомнил, прошло почти 60 лет)

Володя Федоровский - учился на класс ниже. Был партизанским связным. Казнен немцами. Похоронен в старом Алексине рядом с кинотеатром. Случайно встретил в 1944 году в Йошкар-Оле его маму и сестру.

Давид Падкин - в 1938 году принимал меня в комсомол. В июне 41 года приезжал в Алексин после окончания Тульского оружейного училища. Погиб в начале войны.

Аркаша Ревякин - окончил это же училище и тоже погиб.

Леонид Жданов (Лялька) - школу окончил в 1940 г. Погиб в 1942 году.

Володя Денисов -

Василий Чивиков — оба окончили школу в 1941 г. Я с ними из одной лыжной команды. Они оба погибли в 1942 г.

Шура Мотыльков (Мотылек) - самый веселый парень. Участник самодеятельности. Погиб в 1942 году.

Шура Рябов - наш классный руководитель и активист. Погиб в 1942 г. Мать получила сразу две «похоронки»: на Шуру и на его отца.

Матвей Панкин - учился на педкурсах. Одно время руководил драмкружком. Погиб в 1942 году.

Коля Акимов - учился с нами до 7 класса, потом работал. Погиб.

А.И. Щукин - учитель рисования. Погиб в 1943 году.

Л.И. Коньков - худрук самодеятельности. Пропал без вести в 1942 году.

Г.П. Якунин - наш военрук. Погиб в 1941 году.

Климовы Борис и Глеб - один погиб в начале войны.

Сергей Рожнов - попал в штрафбат. Погиб в 1942 году.

Коля Галкин - брат нашего Алексея. Пропал без вести в 1941 году.

Алексей Хабаров (Лесик) - вернулся без обоих глаз. Окончил (слепцом) юридический институт. Работал адвокатом.

Павлик Панов - потерял глаз. Работал на заводе.

Борис Скворцов - потерял руку. Работал в конторе.

Алексей Павлов - был тяжело ранен. Умер после войны.

Николай Чувилин - был в плену. Сидел в фильтрационном лагере. Умер в 80-е годы.

Толя Алексеев - был в плену. Сидел в фильтрационном лагере. Окончил университет. Профессор Астраханского (или Ростовского) университета.

Аркадий Лыков - был в плену. Живет в США. Бывает в Алексине.

Владимир Воронков - летчик-истребитель. Герой Советского Союза. До войны работал в ОСОАВИАХИМе.

Петр Тумасьев -

Алексей Тумасьев - братья. Летчики-истребители. Умерли в 80-е годы.

Сережа Чуйков - летчик-штурмовик. Живет в Подольске.

Саша Краснобаев - летчик-штурмовик. Умер в 70-е годы.

И.В. Сотников - учитель литературы. Войну закончил полковником-политработником.

И.С. Михеенко - учитель физики. Умер.

В.И. Колганов - учитель математики. Умер.

М.С. Леви - учитель физкультуры. Сведений нет.

Василий Малютин - начальник милиции г. Тулы. На пенсии.

Борис Глазунов - полковник запаса. Умер в 1998 году.

Михаил Кисляков - полковник. Преподавал в военном училище. Сведений нет.

Анна Будылина - была на фронте. Живет в Алексине.

Нина Богородицкая - была на фронте. Умерла в 1999 году.

Нина Полякова - была на фронте. Потом врач. Живет в Твери.

Володя Будылин - умер в 80-е годы.

Алексей Галкин - умер в 80-е годы.

Коля Субботин - умер в 80-е годы.

Дуся Лифанова - умерла в 1945 году.

Лиза Кисликова - умерла в войну от тифа

Надя Вязьмина - кандидат экономических наук. Умерла в 80-е годы.

Юра Кашинцев - живет в Алексине.

Костя Ефремов - живет в Алексине.

Валя Позднякова - живет в Алексине.

Клава Ефремова - живет в Алексине.

Клава Серебрякова - живет в Киеве.

Зоя Филатова - живет в Харькове.

Нина Зорина -

Галя Зыкова - живет в Москве.

Галя Азимова -

Злата Яськевич -

Вера Евстратова - живет в Калуге.

Н.С. Колосова - учительница биологии. После ее доноса в 1937 году посадили учителя истории. Умерла.

Х.Н. Барабанщиков - учитель истории. Отсидел 10 лет. Умер.

Учитель химии (фамилию не помню) - посадили в 36-37 г.г.

Т.П. Лискин - хозяин квартиры, где мы жили. Посадили в 1937 году.

Шура Панков - мы с ним были вместе еще в детском саду, потом учились до 7 класса. Спился. Побирался. Видел его в 69 г. Умер в 80-е годы.

Коля Шестаков - один из последних коммунаров. Умер в 70-е годы.

Анатолий Соловьев (Тосик) - два или три раза сидел в тюрьме. В шестидесятые годы работал аккумуляторщиком на автобазе.

Николай Иванович Зыков - учитель физкультуры. Потом офицер МВД. Умер.

Коля Будылин (Тима) - в армии не был (почти слепой). Живет в Алексине.

Володя Карпов - в армии не был (несворачиваемость крови). Умер.

Это из Костиного письма от 11.7.1997 г.

Принимали участие в ВОВ – 12262 алексинца (это, наверно, по району).

Погибли – 6507 (данные на 1995 год).

Наш 10А (июнь 1941 года). Выпуск 25 человек (15 юношей и 10 девушек)

Погибли:

Алешкин Михаил

Денисов Владимир

Митин Сергей

Петров Геннадий

Рябов Александр

Умерли:

Вязьмина Надежда

Галкин Алексей

Климов Глеб

Машкова Татьяна

Павлов Алексей

Севостьянов Иван

Скворцов Борис

Умерли позже:

Глазунов Борис

Нина Богородицкая

Класс 10Б (июнь 1941 года). Выпуск 24 человека

Погибли:

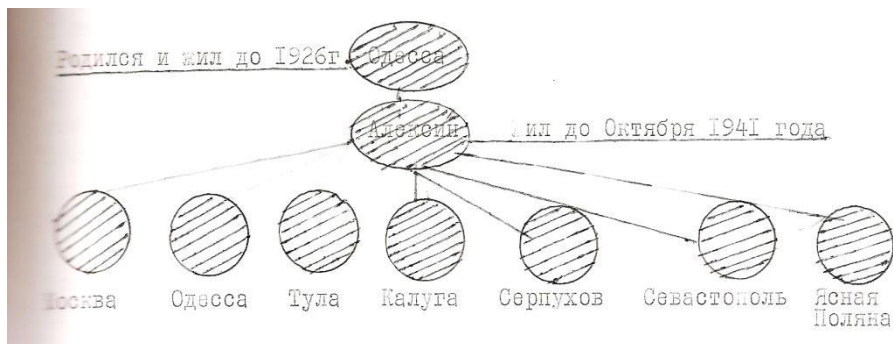
Замосковичев Владимир
Коннов Михаил
Кызенков Алексей
Мотыльков Александр
Филлипов Юрий
Рожнов Сергей
Сергеев Алексей
Чивиков Василий

Некоторые погибшие из предыдущих выпусков:

Сергеев Михаил (брат Алексея)
Фестейский Георгий
Гущина Валентина
Маликов Сергей (жил рядом с Костей)
Подъемщиков Александр
Лыков Григорий
Падкин Давид
Ревякин Аркадий
Мошкин Александр
Савостин Игорь
Галкин Николай (брат Алеши)
Фомин Леонид
Марычев Сергей
Троицкий Виталий
Жданов Леонид (Ляля)
Лебедев Алексей

Это те, кого Костя вспомнил из выпусков 1939 и 1940 г.г. **Земля вам пухом, ребята!** Дальше он привел фамилии ныне живущих и перечислил их сегодняшние «болячки». Я не буду, пусть остаются в памяти молодыми и здоровыми.

1924 – 1941

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ЭВАКУАЦИЯ

О внезапности нападения немцев на Советский Союз написано и рассказано много, и не мне с этим спорить, тем более что позже появились «уточнения», которыми понятие «внезапность» стало делиться на внезапность тактическую и внезапность стратегическую. Я просто вспомню, что я видел.

Выпускники Тульского оружейно-технического училища, которые вызывали нашу зависть и восхищение своей формой и выправкой и которые обещали «обязательно побывать у нас на выпускном вечере», неожиданно были отозваны из отпусков и убыли по своим частям.

В военкомат стали вызываться на сверку документов приписники старших возрастов - военнослужащие запаса, и это делалось с раннего утра и до позднего вечера.

По городской радиосети и в газете «Знамя Ильича» появилось сообщение, что в ночь с 21 на 22 июня будут проводиться большие учения, военные маневры, и потребовали от всех домовладельцев и руководителей учреждений оклеить окна бумажными полосками. Мы тоже оклеили.

И тем не менее, мы, ребята, восприняли войну так, как восприняли войну Финскую. Даже играя в волейбол, мы переиначивали слова Молотова, что «наше дело правое»; мы говорили: «Наше дело (сторона площадки) правое, а ваше - «левое». И не только мы, но и многие взрослые люди считали дни и рассуждали, что вот-вот придут из-за Урала наши дивизии, отбросят немцев за границу и, как не единожды обещал К.Е.Ворошилов, «Разобьют врага на его собственной территории» и займут Берлин. Увы! Это произошло только в мае 1945 года, а по дороге к этому мы разбросали по полям, лесам, оврагам и другим местам двадцать семь миллионов человек!!! Здесь мне очень хотелось бы порассуждать о войне не на уровне мальчишки из 1941 года, а спустя почти 60 лет. Боюсь, что это надолго оторвет меня от самих воспоминаний, так что как-нибудь потом, если не отпадет охота.

Через несколько дней появились первые эшелоны с беженцами. Многие окна в вагонах, в тех, которые были пассажирскими, были выбиты. На меня ужаснейшее впечатление произвела одна молодая женщина. Она была в черном бальном платье и расспрашивала у всех о потерянном ребенке. Мы ходили на вокзал и помогали беженцам едой и одеждой. Впрочем, очень скоро на станции для них стали готовить обеды. С 1 июля через райком комсомола стали собирать сначала комсомольцев, а потом вообще всех 9-ти и 10-тиклассников, как тогда говорили «на окопы» в районе Смоленска. В ночь со 2-го на 3 июля (наутро мы должны были уезжать) нас собрали по классам «Белой школы» и мы слушали выступ-

ление Сталина: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное нападение немецко-фашистских войск, начатое 22 июня, продолжается...» Сталин несколько раз прерывался и пил воду. Не берусь утверждать, что я тогда все осознал, но то, что еще не завтра «отбросят и разобьют на его собственной территории» - это, кажется, до меня дошло.

Утром ребята уехали, а я остался, т.к. на 9 июля у меня была повестка и проездные документы из райвоенкомата в Севастопольское высшее военно-морское училище. Моя «флотская жизнь», если этот период можно так назвать, продолжалась совсем недолго. Я не прошел по зрению, да и свежие еще остатки воспаления легких довершили мою непригодность. Штамп «негоден» не раз напоминал мне о болезни 41 года. Я все-таки успел побывать в бухте, где располагалось училище, сдал зачеты по плаванию усатому мичману (помню, мне казалось, что ему не менее 60 лет), видел, как зенитки отстреливались с суши и с уже перекрашенных кораблей от немецких самолетов, поел макароны по-флотски, но расстался с мечтой о бескозырке с развевающейся лентой, тельняшке, клешах. Жалко к тому же было и то, что меня остригли наголо, лишив хорошего чуба, за которым я постоянно ухаживал. Интересно: несколько дней назад (сейчас, когда я это печатаю, конец сентября 1999 года) по телевизору показывали больницу, в которой находятся раненые и обгорелые от взрыва, организованного террористами. Корреспондент разговаривал с молодым парнишкой, который лежит в больнице, ему, по его словам, похоже, тоже больше всего жалко остриженной головы. Возраст... Ребят из тех, кто не прошел комиссию, оставили матросами, если не ошибаюсь, в береговой обороне. А мне было 17 лет, и им было не до меня - немцы рвались на восток. Выписали проездные и отправили домой.

Когда вернулся домой, там формировали истребительный батальон. Сейчас я назвал бы его не истребительный батальон, а «батальон для истребления». И в самом деле, с кем мы могли сражаться, безоружные совершенно не обученные 17-18-летние мальчишки? Мы, правда, ходили до 12 часов ночи и стучали в окна, если сквозь маскировку пробивался свет. 22 июля, ровно через месяц после начала войны, был первый налет немецких самолетов на Москву. Какая-то часть самолетов пролетала и над Алексинем. Сильно били зенитки. Правда, орудия были еще не автоматические и перерывы между выстрелами были большие. Но пушек было много. Много было и прожекторов. Мы сделали вывод. И позже, когда налеты участились, он подтвердился: охраняли железнодорожный мост, Петровский и Мышегский заводы и комбинат. А сам город прикрывали только «в том числе».

Вот вспомнился один эпизод из жизни истребительного батальона. Как-то нас собрали человек тридцать в райкоме комсомола. Пришла какая-то тетя в гимнастерке и с ремнем и портупеей. Она долго и нудно ставила задачу. Она говорила о нападении немцев, о выступлении Сталина, еще о чем-то, а под конец сказала, что мы должны пройти по домам (нам выделили участки) и посмотреть, нет ли у кого оружия, радиоприемников (их в первые дни войны приказано было сдать), и главное, больших запасов продовольствия, добавив при этом, что последнее не распространяется на ответственных работников. Конечно, тот рейд ничего не дал. Что мы могли отыскать, совершенно не имея подобного опыта? Да и не во все дома нас пускали. А если у кого и было что прятать, наверно давно спрятали. Кто-то, правда, принес детекторный приемник, другой «засек» полмешка муки, один доложил, что видел полбочки керосина. Может, было еще что-нибудь в этом роде.

В армии имеется ряд неписанных (а зря!) изречений из серии «В мире мудрых мыслей». Если вспомню - запишу. Вот, например, такие: «Если начальник сядет - подчиненный ляжет». Есть такое и для данного случая: «Команда выполняется так, как она подается». Неопределенные, ничем не обеспеченные указания так и были выполнены. Впрочем, кого и в чем винить? Готовясь бить врага на его собственной территории в предвоенные годы, к описываемым мероприятиям, похоже, и не готовились, а немцы накатывались лавиной.

Я сейчас подумал, что мама, наверно, получила от Шейниной письмо, очень уж она настаивала на моем поступлении в Тульский оружейный институт. Я сейчас совершенно не помню подробностей, но помню четко, что я стал студентом патронно-гильзового факультета (а был еще ружейно-пулеметный, где учился Сима Шейнин). Он окончил институт и в армии так и не служил. Прочился я совсем немного. Приехал кто-то из авиации и стал набирать в Сталиногорское авиационно-истребительное училище. Я рассказал о своей неудачной попытке в Севастополе, но он не принял этого во внимание, видимо, ему нужны были «единицы». Конечно, меня забраковали, но отправили не домой, а в Тесницкие лагеря (это между Тулой и Алексинем). Там я проболтался несколько дней, даже успел получить винтовку с плоским штыком, т.к. подался в добровольцы. Но приехал командир формируемого корпуса, обругал командира, который взял нас, несколько пацанов, и отправил домой. Ночью пешком (а это километров 30) я добирался до Алексина по шпалам железной дороги Тула-Алексин. На Высоком (на комбинате) горели от немецких самолетов бараки. Поднялся по горе Свинка и совсем под утро пришел домой. Через день встретили нашего физкультурника Марка. Он был с двумя или тремя кубиками на петлицах, в отличной форме, но, главное, с бельгийским

браунигом, которым он давал нам пощелкать. Он сказал нам «по секрету», что немцы взяли Калугу. Это 60 км от Алексина, по Оке слышна была канонада. О Марке (от Кости) я знаю, что он женился на Лизе Кисляковой (она окончила школу в 1940 году), и что она вскоре умерла от тифа под Москвой. Больше о нем известий не было. А это 41-42 годы. И еще одно. У меня совершенно выпало из памяти как, но я четко помню, что пару недель я работал в школе учителем физкультуры.

Не знаю, каким образом родителям удалось устроиться в эшелон эвакуирующихся из Алексина. На фоне того, что в это время творилось, мы эвакуировались относительно сносно: отца не взяли в армию, т.к. к началу 1941 года ему было уже 58 лет, т.е. больше 55-летнего возрастного порога. Бросили, конечно, многое, но взяли все документы, одежду (вспомнились первые беженцы без документов и раздетые). И еще вспомнились немцы из колхозов «Рот Фронт» и «Роте Фане», которые эвакуировались в первые же дни. Я видел, что им подали целый эшелон и они отгрузили не только одежду, но и птицу, и скотину, телеги и все имущество, включая молотилки, сенокосилки и др. Мы ехали через Тулу, Косую гору и 19 октября, когда в Москве было введено осадное положение, мы были уже за Москвой, на станции Черусти. Это, по воспоминаниям маршала Жукова, был самый тяжелый день в обороне Москвы. И еще всплыло в памяти. Сразу после войны появилась кинокартина с Олегом Жаковым «Нашествие». Она начинается с кадров, когда Олег Жаков стоит и смотрит по сторонам (как это умел делать О. Жаков), а окна и двери брошенных учреждений открыты настежь, и ветер гонит по улице бумажки. Сильно похоже по моим воспоминаниям на Алексин последних дней.

На станции Черусти нас поставили на четвертый путь. В это время несколько немецких бомбардировщиков «Дорнье» практически загнали на первый путь наш бронепоезд, который, правда, огрызнулся пулеметным и артиллерийским огнем, хотя и не очень эффективно. Немцы стали бомбить станцию. Одна из бомб попала в эшелон с лесом, который стоял прямо за нами. Шестиметровыми бревнами ударило по соседнему вагону, который буквально снесло до платформы. Хорошо, что там был какой-то металл, а не люди. На первом пути, чуть дальше бронепоезда, стоял эшелон с солдатами, который направлялся в сторону Москвы. Это были казахи или киргизы. Паровоз давал гудки и трогался, впереди него медленно уходил со станции бронепоезд, а солдаты лезли под вагоны (я представляю их ужас: многие из них не только бомбежки, но и паровоза в своих степях не видели). Командиры выгоняли их из-под вагонов и пытались загнать в вагоны всеми подручными средствами: пинками, палками и испытанным способом - матюками. Несколько эшелонов, в том числе и наш, ушли под закрытый семафор на восток. За станцией была насыпь с глущи-

ким оврагом. По косогору лежали люди, которые почему-то выбежали из передних эшелонов. Все другие эшелоны стали быстро уходить на восток, а лежавших по косогору людей немцы стали поливать из пулеметов. По самолетам из зениток и из бронепоезда вели огонь, но главное - мы ушли из-под бомбежки. Было часов пять вечера и уже темнело, а за ночь уехали далеко. Где-то обогнали впереди идущие эшелоны. Больше бомбежек я не видел два года, когда после окончания военного училища в октябре 1943 года попал на фронт. Ехали, наверно, дней 10-12 (точнее не помню).

Когда подъехали к городу Бугульма (это Татария, по дороге на Уфу), то мне показалось, что от станции идет асфальтированная дорога - она блестела. О Бугульме я слышал только по «Чапаеву» Фурманова. А тут в городе горел свет, светомаскировка сюда не добралась. Впрочем, нас никто и нигде не ждал, и нам было совершенно безразлично, где останавливаться. Кто-то вылез, кто-то поехал на Уфу или еще дальше. Для меня же это было ПЕРСТОМ СУДЬБЫ: здесь я встретил Тоню.

Родители наняли телегу. Погрузили вещи, а сами пошли пешком. То, что из вагона показалось асфальтированной дорогой, оказалось грязью по щиколотку. Мы разместились в эвакупункте. Там в большой комнате были устроены деревянные нары. Рядом с нами была семья евреев из Польши, которая приехала раньше нас. Позже я слышал, что младший парень из этих польских евреев остался в Союзе и к концу войны попал на фронт, а старшие ушли с армией Андерса в Иран и Англию. И еще мне запомнилось, что старший очень хвалил внешний вид польских офицеров, которые, не в пример нашим, «как цацки, которые следует ставить на буфет». И еще он рассказывал что-то такое, что у меня много лет спустя слилось с понятием о Катыни.

Через несколько дней родители сняли квартиру в татарской семье. Ося пошел в школу, а родители через какое-то время устроились на работу. Несколько дней я бродил по улицам и смотрел, как готовилась к отправке на фронт пехотная дивизия. По грязным улицам солдат обучали переползанию и перебежкам. Помню и то, что многие солдаты ходили по домам и просили поесть, тыловая норма была скудной. Их кормили, в армии к этому времени были представители практически из каждой семьи. К слову, руководил всем этим Ворошилов. Я его видел несколько раз в маршальской форме и в подоткнутой по-солдатски за ремень шинели.

Город Бугульма Татарской АССР (теперь Татарстан)

Город расположен по дороге из Москвы в Уфу. С юго-запада - Самарская область, с юга - Оренбургская область, с востока - Башкирская АССР (теперь Башкортостан).

Раньше о Бугульме я знал только по книге Фурманова «Чапаев» (глава «На Бугульму!»). Это небольшой городок, позже окруженный большим количеством нефтяных вышек.

В 1941 году в Бугульму эвакуировалось большое количество людей. Там в конце 41 года был ансамбль песни и пляски Красной Армии под руководством Александрова и много артистов (например, семья Баталова).

Осе было 12 лет и у него были свои школьные интересы. Родители целыми днями находились на работе, а я как неприкаянный все время бродил по улицам, не имея ни дела, ни знакомых, ни представления о перспективах. Разочаровался в обещаниях разбить врага на чужой территории, временами мелькала мысль: «А не придут ли немцы и сюда?» И все больше и больше думалось, что так и может случиться, если меня там не будет. Кроме всего, Алексин уже захватили немцы, и я полностью был оторван от своих товарищей.

Сейчас все это смотрится не совсем так, а тогда я во все это верил. Кажется, в начале ноября я пошел в военкомат проситься на фронт и обязательно в лыжный батальон, все-таки у меня был первый разряд по лыжам. Военком-татарин с двумя шпалами, похоже, совсем обалдевший от бессонницы, долго не мог сообразить, о каких лыжах я говорю, если в Бугульме в это время была грязь. А когда понял, прогнал, сказав, чтобы я не мешал, у него было полно людей и в кабинете, и в коридоре. И еще он сказал, что когда подойдет срок (мне ведь было 17 лет), призовут и без моей просьбы. Помнится, он еще начал орать на дежурного за то, что тот пропустил меня в кабинет. Потом я пошел в райком комсомола. Но там были одни девочки, которые, посочувствовав мне, сказали, что это совсем не в их власти. Тогда я пошел в райком партии и добрался до второго секретаря. Похоже, он уже побывал на фронте, т.к. одна рука у него была на перевязи. Этот меня довольно-таки внимательно выслушал и сказал примерно то же, что и в военкомате. А потом он позвонил военному и сказал, чтобы меня устроили на курсы шоферов, а если буду надоедать с лыжами, гнали. Позже, когда я учился в военном училище и зимой (это была зима 42-43 года) ежедневно ходил по 10 км, я понял, что одно дело ходить на лыжах со спортивными целями после плотного завтрака (да имея в кармане кусок сахара или шоколадку) и совсем другое - с военными - в сапогах и полной выкладкой. А если еще и в боевой обстановке... Много позже, когда я работал военруком в школе, я часто задумывался, каким образом Гитлеру, который всего-то у власти был 12 лет (с 33 по 45 г.г.) удалось воспитать настолько преданных и готовых к самопожертвованию (я ведь видел это) молодых людей? И еще. Почему мое поколение, несмотря на видимые на глаз репрессии перед войной (да и после тоже), было предано Сталину? И есть ли сегодня (и до развала страны тоже) у ребят в 17-18 лет что-то святое? За что они готовы к самопожертвованию? И готовы ли? Ведь те, которых показывают - добровольцев для войны на Кавказе, так они в первую очередь интересуются зарплатой. Не хочется думать, что мы все были наивными или глупыми.

В клубе устраивались танцы. Какой-то эстонец крутил пластинки, среди которых было много пластинок с песнями Вертинского и особенно Петра Лещенко.

Уже здесь в Израиле я купил маленький сборник песен Лещенко, а потом и диск с песнями. В книжке много и «бугульминских» песен: «Марфуша», «Не уходи», «Моя Марусечка», «Татьяна», «И льется песня», «Чубчик», «Мое последнее танго», «Студенточка» и много-много других. Я и сейчас помню все эти мелодии. А несколько дней назад увидел в рекламе, что Александр Малинин выпустил диск с этими песнями, назвав их «Буржуйские пляски». К сожалению, в продаже их не встречал, хотя и спрашиваю.

Наверно во второй половине ноября я впервые после начала войны пошел на танцы. В Бугульме в это время находился Ансамбль песни и пляски Александрова, и их артисты в синих галифе с лампасами и кубанках были первыми кавалерами на танцах. В это время в Бугульме был известный артист Баталов, отец или дядя сегодняшнего Баталова, и его мать - очень красивая женщина. У меня не было ни одного знакомого и в первый свой выход на танцы, я простоял, подпирая косяк.

Сейчас я не помню, в первое или второе посещение танцев, но твердо помню, что это было 20 ноября 1941 года, ко мне подошла какая-то девочка и сказала, что вон та девочка хочет со мной потанцевать. Я, конечно, подошел и увидел девочку невысокого роста с высоким лбом и большими серыми глазами, это была Тоня. Я не раз слышал, что знакомство на танцах это легковесное знакомство без серьезных последствий. Но вот два года назад мы отметили «золотую» свадьбу. Тоня очень хорошо танцевала. Я пригласил ее еще на танец. Потом еще... После танцев проводил ее домой. А потом стал ждать следующей встречи. Мы разговаривали на танцах. Разговаривали и тогда, когда я провожал ее домой. Мы говорили, и говорили, и говорили обо всем. Она много читала и много знала, было интересно разговаривать. А иногда что-то напевали, у них, оказывается, «певучая» семья. А один раз, когда мы стояли с Тоней у их калитки, я вырезал на столбе ворот «Т+Б». Когда в 1959 году мы были в Бугульме с Тоней и Витей, эта надпись была цела. Я познакомился с ее друзьями и одноклассниками. Помню Лену Фум, Мару Горскую, Толю Шаталова, Славу Ждярского, Толю Калиновского (погиб на фронте).

И все же я был старше Тони. И дело не в том, что ей было 16 лет, а мне 17. Ну какая здесь разница? Но она только начинала учиться в 9-м классе, а я уже закончил десять. Она жила дома и в городе, который не знал бомбежек и светомаскировки, а я уже видел немецкие самолеты и горящие дома после налетов этих самолетов, убитых и раненых, мы бросили дом и весь привычный уклад жизни.

20 НОЯБРЯ 1941 ГОДА МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ТОНЕЙ

На левом фото Тоня. 9 класс. Бугульма. 1941 год

На правом (слева направо): я, Шура Федотова, Костя Ефремов. 10 класс. Алексин. 1941 г., апрель-май

Познакомились с Тоней мы в гор. Бугульма, куда мы эвакуировались в октябре 1941 года, на танцах, 20 ноября 1941 года. Я пошел ее провожать. На следующий день стал ожидать встречи с ней. Потом еще и еще... да так и влюбился на всю жизнь.

Тоня училась в 9-м классе гор. Бугульма. А я уже окончил Алексинскую среднюю школу, хотя я был всего на один год старше ее.

В 1942 году я ушел в армию. Окончил Московское военно-инженерное училище и уехал на фронт. После войны я служил в Белоруссии (г. Хойники) и все это время мы с Тоней переписывались.

В феврале 1947 года мы с ней поженились. В позапрошлом году отметили Золотую свадьбу. У нас два сына и четыре внука.

23 декабря 1997 года случилась беда: Тоню с внуком Борисом сбила машина. Боря, слава Богу, поправился, а Тоня, пролежав 19 месяцев по разным больницам Израиля, 19 июля 1999 года умерла.

Земля тебе пухом, Тонечка!

Через какое-то время я побывал у них дома. Познакомился с ее мамой Анастасией Ефимовной, младшей сестрой Машей, видел уже сильно больного папу Николая Павловича. Много позже, когда Анастасия Ефимовна приезжала помочь Тоне с родившимся Юрой (я служил тогда в районе теперешнего космодрома Плесецк), то при воспоминании об этом времени она сказала: «Я не знала, а то не разрешила бы». А что нам нужно было запрещать? У нас была чистая и хорошая еще полудетская любовь. То, что у меня было именно так, это точно. Да и у Тони тоже. Тоня, хроническая отличница, 9-й класс закончила с четверками. А ведь это и было время нашей дружбы. Ну а самая большая «вольность» не шла дальше песни: «Холодно, холодно на морозе песни петь, если милый не умеет даже щеки обогреть», это надо же, что откопал в памяти...

Где-то в конце 41 года меня все-таки пристроили на курсы шоферов. До этого моя жизнь складывалась таким образом, что я совершенно не имел дела с техникой (насколько помню, в Алексине и не было автомобилей). Вся группа (а это человек 20-25) была такая же. Это были женщины (в том числе и жены командиров и даже погибших) - все с 6-7 летним образованием, и несколько парней из татарских деревень (тоже не более чем 5-6 летнее образование). Занятия проводились на автобазе. Проводил их механик из Литвы. Начальник автобазы, раненый полковник, часто приходил на занятия и подталкивал: всех шоферов забрали на фронт, а с него требовали план. Я думаю, потому что у меня была все-таки десятилетка, а техника, хотя и незнакомая, была самая примитивная, да и потому, что начальник с согласия райкома решил выпускать «по мере готовности» (а начальник ГАИ не смел перечить райкому партии), я получил права первым и мне дали «стажерку» всего недельную, а были месячные, квартальные и даже полугодовые - это езда в качестве помощника шофера. Кажется, эти права у меня и сейчас целы: эдакий зеленый паренек со значком общества «Спартак» на лацкане куртки. Ловкач-начальник изыскательской партии увез меня прямо с экзаменов, а через час (я успел заскочить домой) мы укатили на пикапе М-1 в степь. Мы искали нефть в районе Альметьево, Туймазы, где-то еще. Оглядываясь, вижу, что я был слабо подготовлен к работе в качестве шофера. Но мне повезло: машина была не полностью разбита, а ездили мы по сельским дорогам без дорожных знаков и ГАИ, да при достаточно больших пробегах. За месяц-полтора я вполне прилично «набил руку». При первом же заезде в Бугульму меня забрали у изыскателей и прикрепили к автобазе. За время работы, а это до августа 1942 года (всего-то полгода), я успел поработать кроме М-1 на ГАЗ-АА, ЗИС-5 и даже на ЯГ-6 (пятитонка Ярославского завода с двигателем «Геркулес»). Пришлось мне пострадать и на газогенераторном ЗИС-5. Это не сегодняшний автомобиль, работающий на газе. Этот рабо-

тал на... дровах. Четверть кузова занимала установка, которую называли «самовар», и дрова - было плохо с бензином, а на фронт такой «чертопхай» посылать боялись, т.к. он мог самовоспламениться или заглохнуть в самый неподходящий момент. Плюс к тому же в качестве топлива предполагались сухие березовые чурки, а так как их не было, то по пути мы не оставили ни одного не гнилого забора. Ко всем этим прелестям систематически угорала голова.

Возили в основном пшеницу из большого села Альметьево (уже давно это город Альметьевск - центр нефтедобывающей промышленности Татарстана). Грузчиков не полагалось, а в кузов ЗИС-5 (это я хорошо запомнил) входило 40 мешков стоя и 3 лежа - все по 60 кг. За смену делали по 2 рейса. А в Бугульме подъемника не было и мешки приходилось таскать на высоту метров 25-30. Итого за смену 560 кг: погрузить, привезти и разгрузить (по сходням). И все же у меня хватало сил после всего этого идти на танцы, а потом провожать Тоню и не ныть, а то она меня пожалеет и уйдет домой. А в 6-00 был первый выезд. Был я молодой и здоровый. И любовь помогала. Следует признаться еще в одной помощи: когда мы приезжали со вторым рейсом, то нас кормили. И кормили хорошо. Давали много мяса и свежего меда с белым хлебом - тоже без нормы. Думаю, что мне помогала и достаточно спортивная юность, лыжи и гребля особенно, я быстро втянулся.

Но сначала какое-то время я поработал и на полуторке. Это была полностью разбитая машина, мало-мальски приличные машины тут же отбирали и отправляли на фронт. Лобовое стекло было из пожелтевшего «триплекса», плохо было видно, тем более что вместо боковых стекол стояли фанерки, были отвратительные тормоза. Когда я после первого месяца работы на полуторке пришел за зарплатой, то оказалось, что «пережег» у меня больше зарплаты и получать мне нечего. В это время на автобазе появились несколько опытных шоферов - мужики лет по 40-50, фронтовые шофера, которым после ранения и выписки из госпиталя давался отпуск для выздоровления. Они быстро приобщили меня к шоферскому братству и научили калымить. Мы подвозили пассажиров, которых почему-то называли «грачами». У нас был строгий и принципиальный гаишник, который ловил нас и отбирал права. Утром мы докладывали начальнику. Тот грозил набить нам морду, если это повторится, и звонил в райком. На выезде из города на мотоцикле с коляской нас ожидал гаишник и, пригрозив, что это в последний раз, отдавал права. Через некоторое время все повторялось: если машины, хоть и плохонькие, еще и были, то шоферов катастрофически не хватало, и план горел. У женщин таскать по 5 тонн не получалось, и их держали на полуторках и подвозе легких грузов - на мелочевках. Иногда сажали по 2 женщины, что-то манипулируя с

зарплатой: а то уйдут и последние. Впрочем, их тоже довольно быстро просветили насчет «левого» заработка. Как-то я подвез груз с молокозавода. Они отправляли груз на фронт, а возили по принципу «как можешь». Женщина-директор молокозавода дала мне головку сыра, которая на базаре стоила немногим меньше моего годового заработка. Подвозили дрова (и себе завез), подвозили и другой разный груз.

После окончания 9-го класса Тоня поехала в Казань к брату Гоше, который не только в войну, но и до и после работал на авиационном заводе. Получилось так, что мы отгоняли несколько автомашин в Казань для фронта, на озере Кабан был приемный пункт. Так что я сумел повидаться с Тоней. После этого мы с ней расстались больше чем на два года, т.к. в Бугульму она вернулась на следующий день после моего отъезда в армию.

Вскоре я получил повестку и 11 августа прибыл в военкомат для отправки в армию. В этот день почему-то не отправили, но во всех моих документах значится, что в армии я служил с 11 августа, хотя фактически уехали все 12 августа 1942 года. Было много провожающих, в основном, конечно, родственники. Существовало неписаное, но всеми выполняемое правило - отпускать с работы родственников парней, уезжающих в армию: шла жестокая война и часто приходили «похоронки». Были, конечно, мама, папа и Ося. Приехал даже «мой» гаишник. Он мне пожелал: «Будь живой».

С этого фактически и началась моя служба в армии, которая завершилась почти через 28 лет, первого октября 1969 года. Ехали в пассажирских вагонах, в которых уже были призывники (все стриженные) из Уфы, Туймазы и других мест. Подсаживались к нам и по пути. Перезнакомились и поняли, что едем в военное училище - почти все были с десятилетней.

На Казанском вокзале, как мне тогда показалось, нас произвольно построили в две шеренги, повернули направо. И я стал курсантом Московского военно-инженерного училища. Другие попали примерно в такое же училище, но в Костроме. В армии часто можно было слышать фразу: «Вы сами выбирали себе профессию». Я, во всяком случае, «выбирал» ее вот таким образом.

ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Наше Московское военно-инженерное училище располагалось в Болшево, пригороде Москвы. Когда я начинал учиться, в училище было 16 курсантских рот (в основном по 120 человек). Когда заканчивал - уже 20 рот. Начальник училища - генерал-майор инженерных войск Ермолаев (говорили, что служил еще в царской армии). Заместитель - полковник Сергеев. Интересно, что адъютантом начальника училища был Борисюк Алексей Павлович. Я его, конечно, не знал (наверно, в училище и не видел). А узнал лишь где-то в шестидесятых годах, когда он пришел к нам командиром батальона после Прыгунова. Было в училище 4 курсантских батальона. Помню только одного комбата - подполковника Городецкого, изумительного умения строевика, который на всех предпарадных тренировках вызывал наше восхищение. В 1941 году он в составе курсантского батальона был на защите Москвы. У нас командиром батальона был подполковник Манн (немец по национальности). Вскоре, правда, он стал одним из заместителей начальника училища, кажется, по учебной части. Командиром нашей роты был вальяжный старший лейтенант Евгений Журавлев. Нас он не баловал своим присутствием и за исключением периода, когда он формировал роту, готовя нас в октябре 43 года к отправке на фронт, да нескольких занятий в масштабе роты, мы его не видели. Рассказывали, что до войны в армии так и было принято - занятия проводили сержанты под наблюдением командиров взводов. Я это вспоминал не раз, когда, будучи уже командиром части, дневал и ночевал на службе, подключив к этому и всех офицеров и сверхсрочников.

Кажется, в самом конце 1968 года, когда я ехал в отпуск, на Казанском вокзале я разговорился с подполковником, командиром саперного батальона, который сказал, что у него начальником штаба был майор Журавлев Евгений. Если это был наш ротный, то у него что-то не склеилось в службе: за четверть века продвинуться с командира курсантской роты до начальника штаба батальона... Впрочем, я знаю не один такой случай. Тогда же я встретил капитана, с которым в свое время был в одном взводе во время учебы в училище (я был уже подполковником). И еще: всю войну начальником штаба батальона у нас был Виктор Иванов. В пятидесятые годы я его видел в Ленинграде, он учился в академии Можайского. А в середине шестидесятых читал в одном из приказов: командир батальона - тоже не густо, учитывая, что в войну он был уже начальником штаба батальона. И еще: уже в конце 60-х годов в нашем полку был такой «веселый» случай: пьяный технарь кричал на аэродроме, что он карьерист, т.к. за 25 лет службы дослужился до старшего лейтенанта.

Заместителем командира роты (не замполитом) был старший лейтенант Розанов (говорили, что отец у него профессор, и было похоже, что это так и есть). Если Журавлева мы встречали не часто, то с Розановым сталкивались постоянно, т.к. он, что называется, «лез во все дырки». По правде говоря, я и сейчас не уяснил, было ли это исключительной добросовестностью или одной из форм укрытия от фронта: одно дело служить в ближнем Подмоскowie и совсем другое - получить роту минирования и разминирования на фронте. А такие взгляды на подобные проблемы я видел даже курсантским глазом. Командиром 1 взвода был Воронин, brave лейтенант, отличный уставник и строевик. Помкомвзвода был старший сержант Нестеренко, парень года на три старше меня, прибывший в училище из госпиталя. Командиров второго и четвертого взводов я просто подзабыл.

А у нас в 3-м взводе был лейтенант Леонтьев, отличный мужик и заботливый командир. Было похоже на то, что он из довоенных сверхсрочников. И хотя перед войной он окончил училище, в одном ряду с училищными лощеными офицерами он не смотрелся: больно уж деревенским парнем он выглядел рядом с Журавлевым и, особенно, Розановым. Говорил, что в училище он попал после ранения. Учил он нас, конечно, по программе. Но и при этом умел делать акцент на выживание в бою, и ему было чем поделиться с нами. Мы больше других занимались переползанием, и я помню и сейчас его «премудрость», когда он видел, как кто-нибудь без особого рвения прижимается к земле: «Задница - это, конечно, не голова, но получить в нее немецкую пулю не только больно, но и позорно». Он заставлял нас наизусть вызубривать все, что касалось оружия и уставов. Нам снились составные части затвора - «стебель», «гребень», «рукоятка». А взводный все твердил, что в бою не будет времени вспоминать, если не знаешь это до автоматизма. Прошло много больше пятидесяти лет, а я и сейчас помню, что «воинская дисциплина - есть строгое и точное выполнение воинских уставов и наставлений» и что «невыполнение приказа является преступлением и карается судом военного трибунала». С тех пор не один раз менялись уставы и наставления, а у меня до сего времени в голове те формулировки, которым нас учил наш взводный. Вот еще вспомнилось, как он просто-таки вдальблывал нам в голову: «Мина требует, чтобы перед ней стояли на коленях». А смысл был в том, что при разминировании необходимо стоять на коленях. Стоя на корточках, можно покачнуться и опереться на взрыватель. И сюда же следует добавить и такое смертельное правило: «Сапер ошибается только один раз!»

НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ АРМЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ: 1942-1969 годы

Призван в армию: 11 августа 1942 г., гор. Бугульма. Курсант Московского Инженерного училища

Уволен: 1 октября 1969 г., гор. Андижан. Узбекистан. Подполковник. Командир отдельного батальона авиационно-технического обеспечения

Выслуга лет: календарные - 27 лет, 2 месяца, 19 дней. С учетом льготных - 32 года и 9 месяцев. После пересчета 1990 года - 34 года. Впрочем, больше 32 лет для пенсии не засчитывается...

Был на фронте: Украина, Крым, Белоруссия, Литва, Сандомир, Польша, Германия (Эльба), Чехословакия, Австрия.

Служил после войны: Белоруссия (Хойники); Беломорье (Плесецкая, Исакогорка); Заполярье (Кольский полуостров); Узбекистан (Кариши, Андижан); Казахстан (Алма-Ата); Узбекистан (Андижан).

Летом 44 года где-то на подходе к Литве мы ночью (хотя в это время в Белоруссии ночи достаточно светлые) на машине заскочили на минное поле. Высокие взрыватели «клиренсной» мины мы объехали правым колесом сантиметрах в тридцати. Остановились, т.к. увидели мину и впереди. Отъехав назад метров на тридцать, наш сапер стал разминировать дорогу. А дальше... все, как нас в свое время предупреждал наш взводный: минер покачулся... и на ветках ближайших деревьев мы обнаружили обрывки его одежды, а нам здорово досталось от комьев земли.

Как и всякий довоенный военнослужащий, наш взводный отлично работал на турнике, брусьях, коне. А так как с помощью нашего школьного физрука многое из этого и для меня было вполне доступно, то после приведения меня к присяге 5 октября 1942 года, меня назначили командиром отделения, а вскоре навесили и один треугольник (с введением погон его заменили на две «лычки»).

Помкомвзвода (это позже их стали называть замкомвзвода) у нас был сержант Муша из Ленинграда. Ему было лет тридцать. С первых же дней из нас готовили командиров штурмовых взводов по разблокированию ДОТов и ДЗОТов. Хотя нам об этом старались не говорить, но мы и сами быстро дошли, что это «офицер на один бой». Нас учили рукопашному бою с метанием ножа и саперной лопаты. Мы до обалдения ползали с десяти- и двадцатикратным повторением бросков в сторону ДОТа. Нужно было незаметно подползти как можно ближе к ДОТу и, ослепив гранатой или ракетой амбразуры, заскочить на крышу ДОТа. Малейшее промедление - и из ДОТа с близкого расстояния кинжальным огнем просто изрубят нападающих. Когда же мы отрабатывали роль обороняющихся, видимо забывая, что основная наша задача не оборона, а именно захват ДОТа, нам говорили, что незамеченным подобраться к ДОТу невозможно: ДОТ со всех сторон был огражден колючей проволокой с подвешенными на ней пустыми банками, МЗП (малозаметные препятствия), а к ним подключены осветительные ракеты... и много другой гадости.

Но здесь три «но».

Первое «но». У нас не было возможности сказать, что передумал и решил учиться на музыканта или начфина.

Второе «но». У нас была твердая убежденность, как писал Константин Симонов (не помню дословно, но мысль запомнилась): «Могут убить кого угодно, но только не меня». Правда, Симонов дальше писал, что часто с этой мыслью и умирали, не успев сообразить, что произошло.

Третье «но». Нам было всего по 18 лет (мне, во всяком случае) и мы старались об этом не думать.

Немцы стояли на Волге, и наш взводный говорил, что на всю учебу нам дадут 5-6 месяцев. Поэтому занятия и «гнали» по 12-14 часов. За всю

учебу не было ни одного выходного дня. Но вот 19 ноября 1942 года началось окружение, а потом и уничтожение Сталинградской группировки. Потом пришел приказ Сталина, запрещающий досрочный выпуск курсантов военных училищ (до этого часто снимали недоучившихся и «затыкали ими дыры»). А через некоторое время пришло указание о перепрофилировании (только нашего батальона) на подготовку полевых аэродромов и обеспечение работы фронтовой авиации. Где-то раньше я уже отметил, а сейчас еще раз, по поводу «свободного» выбора профессии. Пока в учебном отделе для нас готовили новую программу, мы занимались в основном строевой подготовкой. А как-то раз к нам пришел в подпитии - явление для училища совершенно невиданное - наш взводный. Он обвинял нас и говорил: «Вот теперь, мальчишки, вы останетесь живы. А выжить при той специализации мало у кого были шансы».

Кормили нас в это время откровенно. На первое зачастую был рыбный суп. Это такая мутная жижа с кусками клейкой массы. Если она застревала между зубов, то выковыривать ее было делом долгим и мало-надежным. Не знаю, кого этим кормили американцы, но рыбную муку поставляли именно они. Суп подавали в банных оцинкованных (на 30 человек) тазах. Хлеб делили по-тюремному: один отворачивался и на вопрос «кому?» называл курсанта, которому и отдавался данный кусок хлеба. На второе - разваренная пшеница (не пшено).

Наши командиры тоже были голодные, но для того, кто вел роту в столовую, каким-то образом выкраивалась порция. За четырнадцать месяцев учебы (вот как потом растянули нашу учебу) я помню два сытых дня.

Первый - я стоял на посту у пекарни и ночью, сняв шинель, вылавливал из бочки куски подгорелого и прокисшего хлеба - в бочке готовили квас.

Второй - наша рота готовилась заступить в караул, а я получил из дома 200 рублей и вместо отдыха, полагающегося перед заступлением в караул, рванул в самоволку в Подлипки на базар. Купил кусок хлеба, пол-литра молока, одну морковку и дольку капусты и все умял по дороге в училище. А вернувшись, был облаян взводным. И пока взвод стоял в карауле, я «загорал» на нарах на гауптвахте. Правда, хотя и на голых нарах, но отоспался, все-таки свой взвод стоял в карауле.

Всю зиму в казарме было холодно. Отапливали так, чтобы не замерзли батареи. А мы в так называемое «свободное время», а это было минут сорок перед вечерней проверкой, сидели на полу, прижавшись спинами к чуть теплой батарее, и говорили про еду, вспоминая какую вкуснятину до войны готовили мамы.

Постоянные занятия по 14 часов (в том числе 2 часа самоподготовки, которая отличалась лишь тем, что ее проводил не преподаватель, а взводный или назначенный им курсант в его присутствии), мало сказать скудная кормежка - все это оставило в памяти чувство усталости и постоянного желания поесть.

Кажется, в феврале 1943 года, в армии была проведена реформа: были введены офицерские звания и погоны, институт комиссаров заменен замполитами, введена необычная форма обращения: «Товарищи офицеры!», а где-то с мая месяца (после статьи в «Красной Звезде» М.И.Калинина «По-суворовски заботиться о быте солдата») была увеличена норма довольствия курсантов. К этому же приурочили и целый ряд улучшений: из столовой убрали длинные столы и заменили их столами на 4 человека, появились скатерти, стулья, вилки, специи, но самое главное для нас - лучше стали кормить. После более чем полугодовой голодухи, хоть это тоже не было бог знает чем, но все же... Я еще на фронте, где хотя и без белых скатертей, но кормили вполне прилично, кажется, больше месяца просил добавки. Но улучшение произошло с мая, а зима 42-43 года была тяжелой: во-первых, мы занимались еще по программе командиров штурмовых взводов, а это значительно большая физическая нагрузка, во-вторых, немцев от Москвы отогнали совсем не далеко, и чуть ли не каждую ночь нас поднимали по тревоге и мы бежали за километр или полтора в убежище.

Лучше стало, когда выдали сапоги. А первое (и не очень первое) время мы ходили в ботинках с обмотками. Обмотки (проклятые) имели милое обыкновение в спешке по тревоге раскатываться далеко по полу, а одеть их, не скатав предварительно, было невозможно. Правда, сапоги тоже имели свои недостатки: при переползании по снегу туда набивался снег, а сушилка не обеспечивала их просыхание. Мы запасались небольшими обмотками, которыми обматывали верхнюю часть голенища перед тактическими занятиями.

Ночные занятия по тактике проводились с постоянной сменой мест, при этом мы не знали условий местности. «Обороняющиеся» скрытно делали подобие ДОТа и маскировали его, а «наступающие» (и те, и другие в маскхалатах) по-пластунски, а лучше, обломав наст - меньше заметно - метров за 100-150 ползли к ДОТу, сдерживая дыхание, а то услышат. А когда до ДОТа оставалось метров 25-30 и мы уже готовились к броску, кто-нибудь цеплялся за проволоку, и в воздух летела осветительная ракета, освещающая всю местность и нас, конечно, и все начиналось сначала, только с другой стороны. А попробуй ее не зацепи... МЗП - это проволока толщиной 1 мм, покрашенная зимой белой краской (в другое время - под цвет местности). Ее и днем-то трудно увидеть, а тут ночью. Но мы пони-

мали, что деваться нам некуда. И если в училище мы просто повторяли упражнение, то что было бы с нами, высвети мы местность в боевой обстановке. Лучше, конечно, в снегопад или в пургу. А если светила луна. Сейчас помню только зимние занятия.

Наш заботливый и добрый командир взвода на занятиях становился просто зверем: орал на нас и по десять раз заставлял отрабатывать все элементы боя. А в перерывах, когда мы жаловались на кажущуюся нам несправедливость, он, приземляя суворовское правило «Тяжело в учении - легко в бою», повторял нам многократно: «Хочешь жить - вдавливайся в землю».

И еще одним божьим наказанием была... лыжная подготовка, любимое еще совсем недавно занятие. Всю зиму мы почти каждый день ходили по 10 км. Но это были не те километры, что в школе. Во-первых, ходили с винтовкой, большой саперной лопатой, противогазом и загруженным вещмешком. Во-вторых, мы были голодные, и, наконец, существовало обидное, но крайне необходимое правило: «Зачет по последнему». Были случаи, когда отделение укладывалось в хорошие показатели, а получало «двойку» - один отстал. А были поначалу случаи, когда кто-то вообще сходил с дистанции. Ну, это была полная катастрофа. Мало того, что нас «песочили» на комсомольском собрании и грозили исключить - тогда можно было и таким образом напугать. Нам «для развлечения» давали на ночь почистить на кухне два-три мешка картошки. А так как я был командиром отделения, то мне иногда приходилось тащить по две винтовки, а то и цеплять ремнем за ремень и буксировать отстающего. Я вот думаю, что если мне, лыжнику-перворазряднику, было так тяжело, как же доставалось тем, у кого не было такой подготовки. Смешно (а мне тогда было не до смеха), но я был просто счастлив, когда у меня на спине вскочил чирий, и я получил освобождение от лыжной подготовки (дня на два или три), и чуть не заплакал, когда этот чирий созрел и я его ночью раздавил, а мне пришлось опять становиться на лыжи.

Классных занятий было немного, а так как в классе был страшнейший холод, занимались в шинелях, все-таки спрятавшись за спину сидящего впереди, можно было подремать с открытыми глазами. Научился. Можно было таким способом и письмо написать. Я писал родителям и Тоне, которая к лету 43 года окончила школу и поступила в Казанский университет на историко-филологический факультет. Ранее, видимо, под влиянием Гоши, который всю жизнь проработал на авиационном заводе, она делилась мечтой поступить в авиационный институт (вот бы она «строила» самолеты в архангельских лесах или Заполярье...). Сейчас не помню, но наверное через Елизавету Васильевну я связался с Костей, ко-

торый тоже служил под Москвой (кажется, в Костино) в школе младших специалистов-минометчиков.

Но все же наверно процентов 90 занятий мы проводили в поле, и из них значительную часть вел наш взводный. Я запомнил на практике то, что потом узнал в уставных формулировках: основным принципом обучения в армии является «Делай как я!» - подошел к перекладине и показал (не рассказал, а именно показал), как правильно (обязательно правильно) подойти к снаряду, подтянуться и отойти от него. Лыжный шаг, строевой прием, переползание, приемы стрельбы, метание гранаты, ножа и многое другое. Наш взводный по-уставному правильно исполнял приемы отдания чести, но у Журавлева и Розанова это получалось более лихо, а мы уже стали это улавливать и старались у них перенять. А когда во время лыжной подготовки я показал нашему взводному некоторые особенности в лыжном шаге, которые наши переняли у финнов в войне 39 года (это, конечно, нам в свое время Марк показал), это взводному понравилось и он заставил меня провести занятия по лыжной подготовке со всем взводом, хотя этого и не было в наставлении. Думаю, в армии многие годы складывалась и отрабатывалась не одним поколением младших офицеров и сержантов (а раньше еще унтер-офицеров) формула армейской методики: «Краткий рассказ, образцовый показ и тренировка до обалдения».

За без малого три десятка лет службы в армии и 17 лет работы военруком в школе я твердо поверил в правильность и неизменность этой методики. Сейчас с увеличением в боевой подготовке доли науки, быть может, что-то и изменилось и добавилось, но умение окапываться, переползать, стрелять, да и многое другое, наверно, осталось прежним. Можно рассказать о боевых традициях, о боевом пути вооруженных сил, или о роли коммунистической партии в этом, но действовать без показа и многократных тренировок нельзя!

Наш лейтенант четко и доходчиво применял эту методику. В школе я тоже старался этого придерживаться, хотя честно следует признать, что та часть, которая названа «образцовый показ», у меня не всегда четко получалась (и чем дальше, тем хуже). Мне видятся две причины этого.

В школьные военруки я пришел из авиации, а там свои приоритеты, и, наверно, это главное.

Военруком я стал в 48, а закончил в 65 лет, многое уже было просто не под силу (как там: «Если бы молодость знала, если бы старость могла...»).

Некоторое отступление, хотя и имеющее отношение к сказанному. Определенная лихость, даже шик, у Городецкого, Журавлева, Розанова были показателем высочайшей подготовленности. Такое я видел лишь у кремлевских курсантов. Я знаю, что некоторые далекие от армии люди

(давно, еще во времена Лермонтова офицеры называли таких «штафирками») пытаются определить офицерский интеллект степенью начищенности сапог. Генерал Армии Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны» довольно подробно рассматривает этот вопрос. И интеллект военного человека сравнивает с интеллектом инженера, музыканта и даже поэта. Разница (это уже мое) лишь в том, что плохого музыканта или поэта просто не будут слушать, а плохой военачальник оставит после себя горы трупов. Можно по-разному относиться к войне в Персидском заливе (и тем более, в Югославии), но она продолжалась всего 100 часов и закончилась победой при минимальных потерях. А война в Афганистане длилась 10 лет, в маленькой Чечне 2 года, а насчет победы что-то язык не поворачивается говорить. И как здесь насчет интеллекта? И еще сюда же: в последние годы моей работы в школе (я уволился в 1989 году) появились неумные разговоры об отмене начальной военной подготовки и введения за счет этих часов (их всего-то было по 2 в неделю в 9 и 10 классах) уроков эстетики, музыки, рисования и т.п. На последней (моей) районной конференции в конце августа 1988 года я говорил, что с этим можно было бы согласиться при условии, что ребятам не придется служить в армии или, не дай бог, участвовать в войне. А лучше всего спросить об этом родителей, просветив их предварительно, что на фронте необученных или слабо обученных погибает значительно больше. Впрочем, кажется, я ушел в сторону.

Начальник училища требовал не только хорошей индивидуальной выучки курсантов, но и взводной, ротной и батальонной слаженности. И лозунг «Красив в строю - силен в бою», который потом был на всех строевых плацах, а еще позже и в школах, существовал не для ублажения начальника, он отражал истину, согласно которой строевая подготовленность солдат, а потом и строевая слаженность подразделения напрямую отражались в боевой слаженности и подготовленности. У каждой роты была своя «коронная» песня, хотя, конечно, пели и другие песни. У нас такой песней была: «Белоруссия родная, Украина золотая! Ваше счастье молодое мы стальными штыками оградим...» Пели, помнится, мы и песню из репертуара гражданской войны: «В боях Чонгарской переправы». В апреле 1944 года я был в тех местах - у Чонгарской переправы...

Пару раз в неделю, когда позволяла погода и не было ночных занятий, во время вечерней прогулки устраивались своеобразные общеучилищные строевые смотры. Хотя «смотр» - слово здесь несколько условное, т.к. везде соблюдалась светомаскировка и качество строевой подготовки определялось больше на слух. Генерал, его заместители и командиры батальонов стояли на высоких ступенях главного корпуса, а курсантские роты с офицерами впереди, с песнями и в порядке номеров рот (у нас

был 4-й батальон - 13, 14, 15 и наша 16 рота) проходили от своей казармы и вокруг учебного корпуса. При подходе к начальству командир роты подавал команду: «Рота, отставить песню!» - и затем: «Смирно! Равнение направо!» Руки по этой команде прижимались к корпусу, а головы всех, кроме правофланговых, поворачивались направо. В темноте был слышен слаженный шаг 120 человек, а если хоть один сбивался, это было слышно. Затем командир роты докладывал, генерал здоровался, мы на ходу, под каждый удар ноги о землю, отвечали. Если наша подготовленность нравилась генералу, то он благодарил нас, а мы тоже на ходу отвечали: «Служим Советскому Союзу!» Помнится, что после команды «Вольно!» песню необходимо было начать с первым же шагом. Конечно, это достигалось много- (и много-много) -разовой тренировкой. А сначала у нас было такое, что на армейском сленге называют: «Как нищего...». Но когда стало получаться хорошо, было приятно. Не по этому поводу, но, вообще, о хорошо выполненном деле Твардовский писал: «Праздник любят в каждом деле». Впрочем, бывали и сбои. Тогда провинившаяся рота отводилась в сторону, получала втык от командира батальона и шла по второму кругу. А потом за счет личного времени, за счет обеденного перерыва и других из имевшихся немногих перерывов роту дополнительно тренировали (та самая «тренировка до обалдения»). Поэтому на смотрах все старались. Из нашего дома в Алма-Ате слышно было по вечерам, как «гоняли» курсантов погранучилища. С одной стороны, это мне напоминало мои курсантские годы, с другой - я сразу различал «молодых» курсантов и «стариков» по тому, как они исполняли песню.

В нашем курсантском батальоне самые высокие ребята были в 13-й роте. Мы располагались на одном этаже, но у них был свой вход. Старшиной у них был украинец с русской фамилией Андреев. Он служил в армии, видно, с начала 30-х годов. Это был превосходный уставник и строевик и роту содержал в отличном состоянии. Но у него было два недостатка.

Первый - у него было четырехклассное образование (рота вся была с десятилеткой). В курсантских ротах не полагалось иметь «освобожденно-го» старшину, это должен быть курсант. Выходили из положения таким образом: Андреев служил до выпуска роты. Всем присваивали офицерские звания, а старшина переходил в новую «молодую» роту. В роте, да и вообще в училище к нему относились уважительно, хотя между собой не упускали случая «пройтись» по поводу его грамотности. Курсанты 13 роты рассказывали, что он мог объявить благодарность подобными словами: «От имени мого выношу Вам подяку (благодарность по-украински)». Но это так, в порядке мелкого зубоскальства. Вслух этого никто не делал. Не говоря о своих, но и курсанты других рот, отдавая ему честь, печатали

шаг лучше, чем офицерам: разбирался он в этом, думаю, лучше всех, а разгильдяйства он никакого бы не допустил.

Вторым его недостатком было то, что он был невысокого роста. А в роте курсанты были в основном по 185 см роста. Когда роту вел офицер, то старшина, как и положено, шел сзади роты. А когда роту вел старшина, он становился в строй роты правофланговым, хотя и не доставал соседу до плеча. Но он был всегда строго по уставу и с армейским шиком одет и блестяще командовал из строя. Рота была «сколочена» лучше всех и подобная вольность прощалась. Подобное (не по росту, правда) я видел пару раз после войны, когда пленные немцы ходили без конвоя, а вел ее офицер, который сам стоял в строю правофланговым.

В 1942 году ожидали, что в ноябре может быть парад на Красной площади, и чтобы мы могли держать равнение, держа винтовку с прижатым штыком, нас строили в три шеренги по 40 человек с винтовкой «на руку». Локоть правой руки выносился вперед, касаясь соседа справа, а острие штыка касалось верхней части шва шинели (гимнастерки) идущего впереди курсанта. По сорок - это для отработки равнения, а так готовили «коробки» по восемь в ряд. Когда все отработали и стало получаться, было красиво. Когда много позже мне приходилось видеть красиво идущую колонну, я всегда думаю: «Сколько же вы, ребята, тренировались, чтобы так получилось!» Гоняли нас много. Болела левая рука, державшая в вытянутом положении винтовку, локоть правой руки, ноги с оттянутым носком и негнущиеся в коленях. Несколько раз были и травмы, когда кто-нибудь, споткнувшись, колол штыком впереди идущего.

Помнится, я очень уставал (такая нагрузка, да еще при нашем питании!). Но у меня в недалеком прошлом были лыжные и шлюпочные походы, да и полугодовая погрузо-разгрузочная работа шофером, они создали определенный запас прочности. Но в нашей роте были с десяток уже семейных (лет за тридцать) курсантов. Они пришли из штабов пожарной охраны и, похоже, никогда не трудились физически. На них жалко было смотреть. Если для меня турник, брус и конь не представляли проблемы, то они висели на турнике, «как мокрая тряпка» (это выражение я слышал там), а конь и даже козел были для них просто непреодолимы. Все они были в первом взводе (я в третьем), но меня как-то подключили к их обучению. Методика была самая что ни на есть старорежимная: к ремню обучаемого два человека привязывали свои ремни и во время разбега бежали рядом по бокам, а когда ему нужно было прыгать, сильно дергали, и он кувырком летел через козла (конь был потом), часто получая ушибы. Я видел, как некоторые из них плакали, когда по неумению и с отчаяния с размаху бились о снаряд. Видел я, что ноги и животы у некоторых представляли сплошной синяк. Но и мы, и, главное, они понимали, что это

необходимо. Впрочем, через несколько таких «перетаскиваний» они улавливали то, что нужно, и у них начинало получаться. Было как-то даже неудобно смотреть, как они радовались этому точно как и я, когда еще в шестом классе учился этой премудрости. Рассказывали, что эта зверская методика перешла еще из царской армии, так там обучали солдат. Правда, им полагалось три фунта хлеба, фунт мяса и, как было написано в интендантском циркуляре того времени, «приварок от пуза», а не наш «бульон» из рыбной муки.

Хоть и редко, но нам приходилось бывать и за территорией училища (это кроме тактических занятий, конечно). Помню несколько таких случаев. Как-то раз зимой во время завтрака в столовую вбежал командир роты и объявил: «16-й роте тревога. Выходи строиться!» Пока вылезали из-за столов, подобрали хлеб и сахар. На улице построились - и бегом к своей казарме. Взяли винтовки. Старшина раздал по три обоймы патронов и ускоренным маршем, а местами и бегом, мы направились в сторону Валентиновки. Объявили, что ночью диверсанты взорвали маленький заводик, который что-то делал к минам, и там была взрывчатка. Сейчас я думаю, что взрыв мог произойти и из-за обыкновенного разгильдяйства. Весь заводик располагался в небольшом двухэтажном деревянном здании. Мы разобрали остатки здания и уложили бревна в штабеля. Вернулись грязные и голодные к вечеру. В другой раз мы ездили куда-то (кажется, в район Загорска) разгружать дрова для училища. И еще как-то раз в составе взвода совершили марш-бросок, а по прибытию строили что-то при въезде на дачу у маршала авиации Новикова.

И вот вспомнилось еще. В училище был громадный клуб. Помню лишь кинозал, где изредка показывали кино с обязательной кинохроникой. К концу сеанса многие спали: надышат - и тепло, а за день здорово уматывались.

Пожалуй, основное об училище написал. Можно было бы, конечно, добавить, как нас учили стрелять, при этом ужасно берегли патроны. А когда кто-то потерял стреляную гильзу, перекопали в округе весь снег руками, пока не нашли. Стреляли из ручного пулемета. Устанавливали, а потом резали колючую проволоку, преодолевали МЗП, устанавливали и взрывали фугасы, учились направленным взрывам. На территории училища готовили собак для подрыва танков. Сначала их не кормили, а потом приучали есть только под работающим танком. А потом она сама кидалась под идущий танк, а к ее бокам привязывали взрывчатку... Живодерня, конечно, но... война, а люди дороже. Где-то под Москвой (не помню где), работая круглосуточно и по сменам, четырьмя ротами отремонтировали большой автомобильный мост, не прерывая движения по нему. А летом 43 года (мы тогда не знали причины) приготовили в направлении

на Курск дивизионный опорный пункт, который, слава богу, оказался не использованным.

Время шло. Незаметно менялось отношение ротного начальства к нам. Грубостей и раньше не было. Но сейчас ротные офицеры стали к нам как-то ближе или мягче: или они видели, что через месяц-два мы переходим в их качество, или у них проявлялось какое-то чувство вины: мы уходили на фронт, а они оставались в тылу. 13-ю роту выпустили месяца за три до нас. Кстати, где-то в 51-52 году выпускник этой роты был у нас в батальоне начальником штаба. В этой роте был курсант Шаломытов. Говорили, что его отец был кем-то в Ставке. Во всяком случае, я видел как наш генерал встречал его отца (генерал-лейтенанта). После выпуска этот Шаломытов пришел к нам в четвертый взвод курсовым офицером. Нашего взводного и командира 4-го взвода отправили на фронт. За время учебы нас, конечно, хорошо отдрессировали, и мы, понятно, относились к нему по-уставному. Но он сам только что окончил училище и улавливал разницу в отношениях к нему и другим офицерам, тем более что и мы были на выходе. «Доставал» нас он еще и тем, что постоянно ел шоколадные конфеты.

В первом взводе был курсант Козлов. Ему было лет тридцать и, похоже, он знал, что его оставят в училище. Он непрерывно тренировался в подаче команд. Курсанты все это чувствовали и к таким относились без особой любви. Над Козловым мы просто потешались, на что, кстати, он не обращал никакого внимания. Я его встретил в 1951 году. Я заканчивал академию, а он, «прокантовавшись» всю войну в училище, уволился и работал, как и до войны, судьей в Москве. Перед выпуском нас в массовом порядке приняли кандидатами в члены партии. Я согласен с тем, что курсовых офицеров нужно набирать из курсантов. Но сначала следовало бы провести их через должности командиров отделений, потом замкомвзвода и обязательно (для самоутверждения, что ли) через фронт или хотя бы через линейные части. Но... шла война, а как позже в Алма-Ате говорил Михаил Иванович Плешков, наш зам. командира дивизии: «Свой сын - ребенок, а чужой сын - детина».

Как-то по телевизору показывали женщину-генерала американской армии и утверждали, что они в армии играют значительную роль. Даже показывали командира истребительной эскадрильи, которая воевала в Персидском заливе. Здесь в Израиле почти все женщины проходят через армейскую службу. А началось это в 39 или 40 году, когда англичане, опасаясь нападения немцев на страну, поставили женщин под ружье. У нас в войну я видел женщин только в частях ВНОС (не считая, конечно, медсестер, врачей, телефонисток, машинисток) да в небольших прачечных, пекарнях, банях. Сразу же после войны мы стояли рядом с батальо-

ном ВНОС (аналог этих частей показан в кинофильме «А зори здесь тихие»). Наш давнишний друг Милица Александровна Пушкина, жена моего уже умершего фронтового друга Петра Михайловича Пушкина, служила там старшиной. И сестра его Ольга Михайловна служила в подобном подразделении в Москве в районе Тимирязевской академии. У Пушкиных в Москве много раз бывал Юра, а во время учебы в институте - внук Олег. Я уже не говорю о нас с Тоней.

За несколько месяцев до нашего окончания училища там была сформирована женская рота (кажется, двадцатая). Я, правда, так и не знал, кого из них готовили. Пока им шили форму одежды, они ходили в синих байковых (лыжных) костюмах. Позже им изготовили хорошие костюмы по росту, форме и моде и нацепили курсантские погоны. Когда нам объявили об окончании училища, а приказ о присвоении офицерского звания почему-то задерживался, видимо, чтобы мы не болтались без дела, нас временно назначили стажерами (дублерами) во все взводы училища. Мы водили эти взводы в столовую, на занятия, иногда и сами проводили какие-то занятия по общевоинским дисциплинам. Помню, как под иронические поздравления Розанова и смех роты, мне и еще трем младшим сержантам-первогодкам объявили о назначении в девичью роту. Помню, как я, подражая нашим курсовым офицерам, пошел к своим подопечным на подъем. Они меня просто не пустили в казарму. Было еще несколько подобных ляпов с моей стороны. Ведь там были женщины по 25-27 лет (а замкомвзвода даже за 30), а мне-то было всего 19. Впрочем, жили мы мирно, а дней через 8-10 пришел приказ о присвоении нам первого офицерского звания младший лейтенант и о распределении по воздушным армиям различных фронтов. Было непривычно слышать «Товарищи офицеры!» Командир роты даже раздал нам пачку «Казбека». А потом в клуб пришли «мои» девочки. Я помню, как они трогали мои погоны и, вгоняя меня в краску, говорили, что я «почти как настоящий офицер»... А зам. командира взвода сказала мне: «Вы, товарищ младший лейтенант, не обращайтесь на них внимания, дуры они». А потом под общий смех и аплодисменты она поцеловала меня и сказала: «Будь живой, Боря». Я заметил, что в войну очень часто вместо «будь здоров!» говорили: «будь живой!»

И все-таки интересно, в каком уголке памяти это сохранилось? Прошло много больше пятидесяти лет и я никогда не вспоминал о выпуске. А тут вот так все и всплыло, как будто это было совсем недавно. Нам выдали документы, деньги, немного продуктов, денежный и вещевой аттестаты. Было это 19 сентября 1943 года. Выпуск был омрачен, пожалуй, двумя событиями: во-первых, мы первыми попали под приказ о присвоении при выпуске звания «младший лейтенант» (до этого присваивали «лейтенант»). И, во-вторых, нам дали не офицерское, а солдатское обмун-

дирование. Я заехал в Алексин на день или два (совершенно не помню, у кого останавливался и с кем встречался). Но знаю, что родители были еще в Бугульме. А потом я присоединился к своим попутчикам на ст. Грязи (где-то в Тамбовской области) и мы поехали на фронт. Кончилось ожидание, кончился период учебы, начиналась война и мое в ней участие...

НА ФРОНТЕ

На фронт я попал в 71-й отдельный инженерно-аэродромный батальон. Что это за воинское формирование? Для чего оно создано и чем занималось? Об этом в маленьком отступлении от темы «на фронте».

Среди несведущих людей принято всех одетых в форму с авиационными погонами называть летчиками, в черную форму - моряками, при танковых эмблемах - танкистами и далее - пехота, связисты, артиллеристы и т.д. В общем-то, это правильно, но не совсем. Я не знаю, какой процент носящих морскую форму служит на кораблях, а танковые эмблемы - в танках. Более того, я не знаю, как обстояло дело во время войны в авиации, но вот совершенно приблизительный подсчет по этому поводу к концу 60-х годов да и то по нашему полку, к слову, давно расформированному. Итак, в это время у нас было 30 истребителей Су-15 (тоже давно снятых с вооружения - 30 лет прошло). На их обслуживание работали: сам полк численностью человек 400-500 (инженеры, техники, механики, просто солдаты), далее - наш батальон (такой же численности), ОДСРПС-отдельный дивизион светорадиопосадки - в половину нашей численности, радиотехнический полк с радиолокационными ротами по всему Памиру, а также отдельные пункты наведения (все это уже давно расформировано и разукomплектовано). А штабы дивизии, армии, округа. А склады. А московское командование авиацией ПВО (сейчас там другая система). А политотделы и различные управления. А прокуратуры, учебные заведения - да мало ли было различных формирований и организаций, которые имели к нам хоть какое-то отношение. Думаю, что если я прикину цифру в 100 человек из носящих нашу форму, приходящихся на одного лётчика, то буду не очень далек от истины. И если у нас в авиации еще есть отдельное понятие «пилот», то как это выглядит на флоте, где существует еще и береговая оборона, и морская пехота и другие подразделения, а у танкистов и артиллеристов? Там только для доставки горючего и боеприпасов... тут я просто не компетентен. Поэтому когда встречается человек в авиационной форме (с авиационными погонами), то это совсем не обязательно летчик. Это может быть и инженер полка, и начальник клуба, и физрук, и повар, и просто солдат из роты охраны. Правда, при единых голубых погонах и петлицах, некоторые различия в эмблемах, нашивках, нагрудных знаках и другом все-таки есть. А у моряков - даже в воинских званиях: три звезды при двух просветах в береговой обороне - это полковник, на корабле - капитан первого ранга.

Вот в одну из подобных частей 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта я и прибыл 12 октября 1943 года. Батальон был сформирован в 1940 г. где-то под Львовом. Отступал до Сталинграда. Строил там

ледовые аэродромы и ледовые же переправы через Волгу. Наступал до Ростова-на-Дону, участвовал в боях на Миус-фронте. Участвовал в боях за освобождение Крыма. В 1944 году был переброшен на станцию Рудня (под Смоленском), воевал в Белоруссии и дошел до Прусской границы, после чего был переброшен на Сандомирский плацдарм. Потом Польша, Германия (Бреслау-Дрезден). С американцами встретились на Эльбе. В октябре 45 года - Белоруссия (Хойники - место, где сейчас центр радиационного заражения от взрыва Чернобыльской АЭС). В 47-51 годы батальон был на лесозаготовках в районе теперешнего космодрома Плесецк. С 51 до 56 г. - ремонт и строительство аэродромов в Беломорье. Потом до 1961 года то же, но уже в Заполярье. С 61 года и до 69 года (дальше я не знаю, т.к. уволился из армии) - город Карши Узбекской ССР.

В моих записях значится, что на фронте я с 12 октября, а в личном деле записано - с 1 октября 1943 года. Видимо, эта разница появилась между прибытием в штаб армии (а это уже фронтовая зона) и отдачей приказа о зачислении меня в списки батальона. Совершенно не знаю, кто из офицеров был при формировании батальона, но когда я туда прибыл, то командиром батальона был майор Михайлов Дмитрий, кажется, Иванович, замполитом - капитан Волна Аверкий Владимирович. В этих званиях они и закончили войну. Потом переехали в Белоруссию, откуда Михайлов был уволен, а Волна переехал с нами на север, откуда его куда-то перевели.

И здесь, я думаю, стоит остановиться на том утверждении, что на фронте воинские звания «пекли» почему зря. Это совсем не так. Их действительно присваивали быстро, если, например, командира роты назначали вместо убитого комбата, или оставшимся в живых после форсирования Днепра, штурма Севастополя и других операций с большими людскими потерями, после которых появлялось много свободных вакансий.

Начальником штаба у нас был старший лейтенант Иванов Виктор Георгиевич. О нем я уже упоминал ранее. Многие офицеры не были кадровыми военными, и после окончания войны их стали понемногу увольнять. Зампотехом батальона был пожилой (с высоты моих 19 лет) капитан (фамилии его я не помню) со значком еще за строительство Турксиба. Вскоре он куда-то ушел командиром батальона, а вместо него в должность вступил командир роты Габрильчук Николай Яковлевич. После войны он тоже был уволен в запас. Заместителем по тылу был старший лейтенант Либерман Эмиль Ильич. В 1968 году, когда я был в Москве у Петра Пушкина, Либерман заезжал к нему, и мы с ним немного пообщались. Секретарем парткома был Бабицкий Фима. Эта должность тогда была не выборная и он оставался в ней до конца войны. Где-то на севере

(думаю, в Петрозаводске) мы с ним встретились на какой-то конференции.

Командирами рот были Иван Геращук, который уволился в Белоруссии, и Тимченко. Этот еще из довоенных командиров. Уволили его уже на севере. Капитан Богатырчук (здоровенный дядя) был то ли начальником автослужбы, то ли командиром автороты. Уволили в Германии. Начальник клуба старший лейтенант Волошин пришел в батальон уже после меня. Его жена, довольно-таки смазливая бабенка, подхватила в тылу сифилис. После войны Волошин привез ее в часть, но через какое-то время начал пить. Спился совсем, уволили. Степу Мельника, начальника ГСМ, уволили в Германии, а старший лейтенант Печенюк, начальник технического снабжения, уволился на севере. Старший лейтенант Ковалев Петр Алексеевич - начфин и секретарь штабной парторганизации. Много лет спустя, видимо, в середине восьмидесятых годов, я получил письмо от его жены и дочери. Дочь была учительницей, а в «Учительской газете» была статья о начальной военной подготовке в нашей школе, они и написали. Петр Алексеевич давно умер.

Уполномоченный «Смерш» (Смерть шпионам!) - помню только, что по званию был капитаном и звали его Семеном. Впрочем, о нем стоило бы написать поподробнее, но сейчас я только перечислю тех, кого вспомню. Помню и нескольких взводных. Старший лейтенант Синельниченко Дмитрий Дмитриевич. С ним, правда, я познакомился попозже, т.к. роты стояли разбросанными от штаба по 100-150 километров, а в штабе (и то редко) от них бывали лишь командиры рот. Кажется, он был из довоенных сверхсрочников. Отличный строевик и службист. Но грамотность - не более 5-6 классов. И когда после войны стали приходить офицеры из военных училищ, его уволили.

Лейтенант Пушкин Петр Михайлович. Остался моим другом до конца жизни. Умер он в 1986 году. Был еще лейтенант Муратов Бессимбай Еставлетович (казах или калмык). О нем попозже и поподробнее. Смехов Абрам Яковлевич, по-моему, был техником роты. Он перед войной закончил два или даже три курса академии Можайского (тогда это был институт инженеров гражданской авиации). Был он на 10 лет старше меня. Давно умер от инфаркта. В Москве у Пушкиных видел его сына - тот был кандидатом наук. Врач-капитан медслужбы Слюсарь. После войны его куда-то перевели.

Несколько подробнее о, так сказать, мозговом центре инжбата - производственно-техническом отделении. Толмачев Борис Борисович - начальник ПТО. Киевский архитектор. Уволился еще в Германии сразу же после войны. Старший инженер старший лейтенант Денисов Анатолий Федорович. Окончил Московский архитектурный институт и что-то по

аэродромному делу при академии Можайского. Уволился в 1946 году. Я у него был несколько раз, когда учился в академии. Был даже с Юрой. Умер Толя в середине 50-х годов. Его семья жила в Москве на «Соколе» (лет 10 назад). Старший лейтенант Семенов Вадим Петрович - геодезист. Окончил до войны Бакинский строительный институт. От нас ушел еще в Белоруссии. Был еще сержант Гуржий - техник-строитель. Если я не путаю (сведения 1958 г.), он женат на нашей же солдатке - Марии Буряк. Был еще один сержант. Звали его Иван Федорович. Ему уже тогда было 50 лет. И еще была девушка Мария. Она вышла замуж за старшину одной из рот - Тилипуна.

Если коротко, то работа инжбата выглядела так. Штаб воздушной армии через аэродромный отдел ставил задачу: в каких примерно местах (обычно давали сектор, глубину и количество с запасом) им нужны аэродромы и к какому сроку, конечно. В идеале требовались грунтовые полосы 1200х20 м. Для сравнения: уже в середине 60-х годов наш Андижанский (бетонный) аэродром был 2400х80 + по 200 метров с обеих сторон и рядом грунтовая полоса (запасная). Плюс рулежные дорожки, а также стоянки (сначала с обваловками, а в шестидесятые годы с бетонными укрытиями для каждого самолета в отдельности).

В связи с малым радиусом действия истребителей и относительно быстрым продвижением войск в это время требовались аэродромы на минимальном удалении от переднего края. Ответственность увеличивалась еще и потому, что неудачно найденный участок мог добавить работы (а работали в основном вручную) и, самое главное, подставить роту под немецкий огонь. Я не знаю, на каком уровне принималось окончательное решение о строительстве конкретного аэродрома: РАБ (район авиационного базирования) или штаб батальона.

Практическое изыскание нового аэродрома выглядело так. Формировалась группа из 5-6 человек и машины ГАЗ-АА. Машина и шофер подбирались тогда хорошие. Группа состояла из офицера-разведчика, шофера и двух-трех автоматчиков (они же помогали при разметке полосы). Меня к самостоятельной работе допустили только в июне 44 года в Белоруссии. Мне это показалось несложным, пока один раз, а за ним и другой, не попал под огонь немецких минометов. Меня предупредили, что незадолго до моего прибытия, где-то на Миус-фронте немцы расстреляли одну такую группу. Здесь были две основные сложности: неточность наших топографических карт, которые были секретные и мы получали их под расписку в штабе. Мы старались находить - а немцы отступали, так что это удавалось - немецкие карты, тоже двухкилометровки, которые, несмотря на то, что это была наша родная территория, были точнее. И еще - это очень непостоянная линия фронта. Ну здесь уж ничего не поде-

лаешь: требовалось постоянно быть настороже, чтобы не захватить немцев.

У меня до конца войны шофером был Коля Разуваев, который отшоферил в армии несколько лет еще до войны. Это был опытный, но главное, хорошо знающий дело изыскателей шофер. Без него бы я быстро влип. Но это было потом, много позже. А когда я только прибыл на фронт, мне выдали пистолет «ТТ», и я от души настрелялся, благо фронт стоял, погода была хорошая, а патронов не в пример училищу было навалом... И еще одна фронтовая радость: недели три-четыре я отъедался на фронтовых харчах (после училища - как после блокады). Во время первого же обеда меня представили офицерам. А когда я по-курсантски быстрее всех расправился с борщом, Эмиль Ильич, не спрашивая у меня, распорядился повторить. И долго я еще не мог наесться с одного захода. Вспомнил это и заодно вспомнил, что начпродом у нас был старшина Галкин. Его тоже еще в Германии уволили.

Штаб батальона стоял в селе Черниговка, а на его окраине кто-то строил большой аэродром (сейчас думаю, что для дальней авиации). Наш зампотех возглавлял сводный автомобильный батальон, который возил на аэродром гравий. Из разных частей было собрано штук 120-130 автомобилей (Студебеккеры, Доджи, Форды, Шевроле). Меня сразу же назначили начальником штаба этого батальона. И если для нашего зампотеха после Турксиба, я думаю, это было доступно, то для меня, 19-летнего пацана, назначенного на второй или третий день после прибытия в часть, дело было, прямо скажем, неподъемное. Меня просто кинули на съедение этим оторвам-шоферам. Я вспомнил, как нас предупреждал наш умница, училищный взводный: «На фронте с вами чикаться никто не будет». Должен отметить, что когда шоферская братия узнала, что я работал до армии шофером (сколько я там работал?), то отношение ко мне изменилось: видно, признали за своего. Мне потом начальник штаба говорил, что меня и назначили туда потому, что у меня в личном деле записано, что я работал шофером.

Но недели через три мне дали полагающийся по опыту, да и по возрасту, взвод. Это был «приданный», т.е. не нашего батальона взвод «стариков» в основном из Воронежской области. Их командир после нечестных в это время налетов попал в госпиталь (бомбили в это время редко, но вот попали), а меня назначили временно. А в нашем батальоне было много киевлян (формировался он все-таки на Украине). И когда к 7 ноября 1943 года (это уже при мне) освободили Киев, командир в два или три захода отпустил на побывку очень многих киевлян: мы стояли в Таврии, и на нашем участке было относительно тихо.

Наверно, стоит отметить еще одну особенность подобных частей. Когда на фронте в результате боев «выбивало» много солдат, командование фронта, не дожидаясь пополнения из тыла, отдавало приказ отправить в передовые части людей помоложе и годных по состоянию здоровья (правда, это касалось только солдат и сержантов, а не офицеров). Нас же потом доукомплектовывали людьми из числа прибывших из тыла. А отдавали мы конечно не тех, без кого трудно было обойтись самим. Я помню, что много лет спустя, когда я сам был командиром части и к нам приходило распоряжение типа: «Откомандировать 5 (10, 15) и обязательно лучших солдат...», то мы зачастую посылали тех, от кого хотели избавиться. Впрочем, и нам присылали по этому же принципу.

Я пропустил целый кусок в своих записях, вставлю их сюда. Мы должны были ехать после окончания училища на фронт троим: я, Петр Щелоков и еще один парень, его земляк, я его больше так и не встречал, мы расстались сразу же после прибытия в отдел кадров воздушной армии. Добирались попутными поездами. Где-то в районе станции Волноваха мы ехали с эшелоном, на котором перебрасывали к фронту танки. Где-то уже ночью мы попали под бомбежку (я хотя два года не видел и не слышал ее, но, по правде говоря, не очень по ней соскучился). Впереди разбили железнодорожный путь. Мы сошли и заночевали в деревне. А утром оказалось, что поезда здесь не останавливаются, и нам до станции идти километров тридцать и, как говорят на Украине, «с гаком». Решили садиться на ходу, благо здесь был подъем и поезда немного притормаживали. Я потом много раз думал о совершаемых в юности глупостях: ну кто, спрашивается, гнал нас впрыгивать (даже не прыгивать) на идущий поезд? Тем более что к сроку явки у нас еще было время. Но шел эшелон с цистернами. На одну я кинул шинель, на другую вещмешок, а на третью прыгнул сам и уцепился. То же проделал третий наш попутчик. А Петр Щелоков, закинув вещи, сам плохо зацепился, сорвался и попал самым кончиком большого пальца ноги под колесо. Когда мы вернулись, его уже не было. Его отправили в госпиталь. Он нам оставил записку, в которой просил ехать в часть и сообщить, что он скоро приедет. Однако прибыл он из госпиталя месяца через два, да и потом какое-то время ходил с палочкой.

Но вернусь к своему взводу. Взвод, которым меня назначили командовать, насчитывал сорок человек, пять или шесть пароконных повозок и кухню. Солдаты почти все были с усами и все из соседних деревень Воронежской области. Назвали они друг друга «Петрович», «Иваныч», «Николаич». Почти у всех были дети в возрасте, равном моему или даже старше. Самым молодым был замкомвзвода, но и тому было лет сорок. Он был из других мест, но пользовался во взводе уважением: он имел три

ранения и две медали «За отвагу». Вообще-то солдаты с большим почтением относились к этой медали, во многих случаях ставя ее выше ордена. Такую медаль в войну солдатам давали за подбитый танк. Я лишь один раз в Алма-Ате видел старика с тремя медалями «За отвагу».

Мне сейчас думается, что взводом командовал не я, а замкомвзвода. Делал он это спокойно и без крика, а я, как нас учили в училище, отдавал команды. И еще мне подумалось, что в училище нас научили минированию и разминированию, слава Богу, не пробовал, немного - штурмам ДОТов и еще многим несомненно нужным вещам, но нас как-то не научили (или правильнее - я не научился) командовать людьми, особенно людьми, которые в два раза старше меня. Надо также отдать должное такту замкомвзвода: с первой же минуты моего прибытия к взводу он строго соблюдал по отношению ко мне субординацию и требовал того же от солдат. И здесь я еще и еще вспоминал нашего многоопытного училищного взводного Леонтьева, повторявшего многократно, что это в училище нас так опекают, а на фронте до всего придется самому доходить - на второй день я стал начальником штаба автобата, а тут дали под командование сорок взрослых мужиков, не проинструктировав и не благословив. Для сравнения: начальником штаба батальона по-настоящему я стал после 16 или 17 лет службы в армии, а взводы в батальоне тогда были по 20 человек (а не 40, как мне досталось). И те взводы входили в состав роты, т.е. рядом было еще два таких же взвода, а сверху постоянный надзор замполтеха и командира роты. А я со своим взводом напрямую подчинялся комбату, которому было не до меня, т.к. у него были роты, разбросанные на десятки, а иногда и на сотни километров. Стоит, наверно, посетовать: подобное отношение я видел и после войны. Назначат куда-нибудь человека и считают, что он уже по одной должности должен все уметь. А если он не все умеет? А если он в общем-то и соответствует должности, но поначалу нуждается в том, чтобы кто-то подсказал, помог?..

На фронте в это время было затишье. Нам придали сотни три людей, сколько-то лошадей с повозками из стоявшего рядом кавалерийского корпуса Кириченко, и мы строили обвалования или «обваловки» - такие подковообразные земляные сооружения с прокладкой кураем (кажется, так в Таврии называется трава «перекати-поле»). В шестидесятые годы мне пришлось в Яильме (наш запасной аэродром для Андижанского полка) строить нечто подобное (только без травы), но в этот раз у меня были бульдозеры, экскаваторы и машины, а не конные повозки и лопаты. А когда в октябре 1969 года я увольнялся в запас, то у нас на аэродроме строили уже бетонные укрытия - нечто вроде сильно укрепленных индивидуальных ангаров. А вот сейчас подумалось: в 1941 году немцы в первые же часы уничтожили практически всю нашу истребительную авиацию во

многом потому, что самолеты находились не в укрытиях. В войну при первой же возможности старались строить такие обвалования, они хоть от осколков и пулеметного огня защищали. В 1967 году во время Шестидневной войны израильская авиация в первые же часы (как и немцы в 41 году) уничтожила всю египетскую авиацию (и самолеты, и инструкторы - все были из Союза). И опять во многом потому, что самолеты стояли «красиво» в одну линию и без обваловок или укрытий. Кто-то умный давно заметил, что дураки учатся на своих ошибках а умные - на чужих. А здесь как? Интересно, а как сейчас это организуется в условиях «точечного» бомбометания?

А тогда мы строили обваловки. Немцы нас не бомбили, наверное потому, что самолетов на аэродроме не было. Фронт на нашем участке стоял без движения. Погода была хорошая, и наш начальник клуба вернулся, видимо про запас: каждый вечер гнал кино или устраивал танцы. Вот я это четко помню, и вспоминал эти мысли потом, и не раз: «Я на фронте, но здесь не стреляют и не бомбят. А убивают где-то там далеко. Может, и вся война так пройдет? Не прошла, проклятая».

Поступила команда, и мы стали продвигаться, правда, не очень быстро, в сторону Каховки. Дорога, которая там называется «грейдер», была довольно ровная, хотя и пыльная - грунтовая и спрофилированная грейдером. Прошли мы где-то недалеко от Аскании Новой. А когда я увидел бегущую на свободе зебру, вспомнил прочитанную недавно (тогда это было недавно) книгу «Остров в степи». Потом пошли дожди. Дорога раскисла настолько, что по кюветам стояли застрявшие машины, а по целине могли идти только Студебеккеры. Даже наши маломощные тракторы (особенно НАТИ) наматывали на гусеницы чернозем с травой и останавливались. А тут вдруг немцы начали наступление. Ходили разговоры, что они собрались разблокировать запертую в Крыму группировку. Сейчас сложно все вспомнить (иметь бы карту!), но тогда мне казалось, что отступали километров за четыреста (конечно, меньше), просто было очень тяжело, были проливные дожди со снегом, а мы шли по вязкой грязи по много часов. Грязь была такая, что сапоги приходилось подтягивать после каждого шага. По чьему-то совету бросили две повозки, а остальные из пароконных превратили в тройки. Но все равно шли пешком, т.к. лошади тащили повозки чуть ли не волоком, да и с кормом лошадям было, как сейчас говорят, «напряженно» - впереди прошли кириченковцы и все подчистили. Дожди были и во благо, немцы практически не летали.

В это время произошел случай, который я потом не один раз вспоминал. Как-то мы долго шли и смертельно устали, а когда остановились, то солдат, осуществлявший надо мною шефство, в некотором роде вестовой, сказал, что рядом есть сарай с половиной разрушенной крыши из со-

ломы. Там в темноте виднелась небольшая кучка соломы, на которой кто-то лежал. Я лег и как провалился в сон. Правда, раскисшие сапоги я положил под голову, а мокрые портянки положил сушить под рубашку на живот, а на ноги надел шерстяные носки, которые днем я сушил на животе. Когда на рассвете я проснулся и огляделся, то пулей вылетел из сарайчика: я спал рядом с убитыми немцами. Кажется, что никогда ни до ни после этого я не испытывал такого страха. И что бы там на этот счет ни говорили, но мне показалось, что волосы на голове шевелятся. Нечто подобное, хотя и послабее, я испытал в 40 году, когда дежурил на водной спасательной станции. С левого берега Оки передали, что женщина с плотов полоскала белье, у нее, видимо, закружилась голова, она упала в воду и ушла под плоты. А глубина там была метров пять. Сейчас я уже не помню, почему не было штатных спасателей, и мы с еще одним дружинником под страховку еще двоих стали спускаться в водолазных костюмах под плоты. Когда я поднырнул под плоты и открыл глаза, то увидел, что утопленница как бы стоит в воде, упершись головой в бревно. А находилась она совсем близко. А рядом, да еще под плотами, было страшно (не помню, было ли мне тогда 16 лет). Мы ее сразу попытались откачать, но прошло слишком много времени. И вот, как тогда эту утопленницу, так потом и мертвых немцев, с которыми чуть ли не в обнимку спал, я много раз потом видел во сне.

Мы шли еще пару дней, а потом остановились. В районе Геническа располагались бывшие немецкие поселения. Я помню два из них, Кронсфельд и Александровфельд. Где-то там я распрощался со своими стариками и вернулся в свою часть. В Кронсфельде мы простояли до начала наступления на Крым. После историки назвали серию послесталинградских операций «10 Сталинских ударов». Я все их названия не помню, но Крымская операция была «Третьим ударом».

Запомнился такой эпизод, который сегодня кажется не очень правдоподобным. Как-то нас всех без исключения перебросили на какой-то аэродром, с которого на Крым летали наши штурмовики. Мне больше никогда не приходилось видеть, чтобы с одного аэродрома одновременно работали два полка. Аэродром был подтоплен и выглядел как громадное озеро, и мы, а также все, кроме летчиков, в перерывах между взлетами и посадками самолетов вычерпывали и относили воду ведрами, тазами, котелками и любой другой посудой. У немцев в Крыму были хорошие и сухие аэродромы, а здесь вблизи гнилого Сиваша было сплошное болото. У наших штурмовиков были значительные потери. Было видно, что взлетает девятка, а через некоторое время садятся шесть-семь самолетов, да и из них некоторые требовали ремонта, а летчики - отправки в госпиталь.

Я знаю только о трех переправах через Сиваш, построенных после прорыва. Это Перекоп, Чонгар и через Русский остров. Были ли еще, не знаю. Не помню почему, но мне поручили перегонять через Русский остров слабенький даже по тем временам трактор НАТИ-5. На многих переправах во время войны был железный закон, согласно которому сломавшуюся машину сбрасывали в воду: переправы были постоянным объектом бомбежек и артобстрелов. Когда до конца переправы оставалось метров десять-двенадцать, наш трактор заглох. Я оглянулся и увидел, что через одну машину после нас едет броневомобиль, а за ним несколько «Виллис» с генералами. На переднем ехал Толбухин, командующий Крымской операцией, и Василевский, представитель Ставки Верховного Главнокомандующего. На наше счастье в пускаче было немного горючего и мы на этом маленьком моторчике и дотянули эти метры, а дальше просто сползли под откос. Когда проехали генералы и какое-то количество машин за ними, стали выпускать машины из Крыма. В это время я и увидел раненых пленных румынских солдат. Я оставил трактор и тракториста, а сам занялся разыскиванием своей части (местоположение было отмечено у меня на карте).

Сейчас я просто не помню, на Чонгарской или Перекопской переправе попал на поле вчерашнего танкового боя. Там стояло десятка полтора или два наших подбитых танков Т-34. Побили их из заглубленных укрытий немецкие «Фердинанды» - два или три из них тоже стояли с оторванными башнями. Похоже, это штурмовики их разбили. В двух или трех наших танках видел через развороченную броню тела обгоревших наших танкистов. Где-то потом слышал, что здесь прорывался наш 19-й танковый корпус. Крепко досталось там нашим ребятам.

Штаб батальона находился в татарской деревне Курман-Кемельчи (это где-то не доезжая до Джанкоя). Я доложил, и за трактором поехала летучка. В этой деревне штаб находился до полного освобождения Крыма. За это время мы построили несколько аэродромов до Севастополя и в сторону Феодосии. Оттуда (сначала, правда, с Кавказа) летала 4-я воздушная армия. Ее командующий Вершинин после войны был главкомом ВВС. Из аэродромов запомнились (правда, лишь названия, т.к. места их расположения я не помню) – в Джанкое, Веселом, Сарабузе, Кендже. В Крыму мы были с 14 апреля по 3 июня 1944 года. В это время производилось выселение крымских татар из Крыма, но мы, слава Богу, к этому не имели никакого отношения. Я не знаю, насколько компактно их расселили после депортации, но в шестидесятые годы я видел их большую колонию в самом лучшем месте Узбекистана - в Ферганской долине. Примерно там же жили турки-месхетинцы. Впрочем, мои суждения - это взгляд со стороны.

Сразу же после освобождения Севастополя и пленения при этом большого количества немцев и румын (много на Херсонесе) большие группы наших офицеров из разных воинских частей стали разъезжать по южному побережью, знакомясь с достопримечательностями Крыма. Мы тоже побывали в Севастополе, Алуште и Алупке, посмотрели Ялту и дачу А.П.Чехова, были в Гурзуфе. В Воронцовском дворце видел дважды Героя Советского Союза Амет-Хан Султана. И лишь в Андижане узнал, что он в это время служил в 9-м Гвардейском полку, в котором я заканчивал службу в армии в 1969 году. Тогда говорили, что он из крымских татар. Позже слышал, что он из каких-то кавказских, но тоже репрессированных народов. Знаю только, что во времена Брежнева всем дважды Героям Советского Союза присвоили генеральские звания, а он так и остался полковником. Говорили, что он разбился, работая после войны испытателем.

В батальоне у нас служил солдат, у которого тетка еще с довоенного времени работала в винохранилище Массандры. Он завез нас туда. Ходили разговоры, что немцы хотели взорвать Ласточкино гнездо, Воронцовский дворец с его замечательной Львиной террасой, Массандру, что-то еще, но не успели. Тогда я в это верил, верил вообще всему, что нам говорили. А сейчас думаю, что они ведь успели превратить в развалины Севастополь, взорвали Бахчисарайские тоннели и многое другое, имевшее военное значение, а здесь почему-то не успели. Впрочем, чего не знаю, того не знаю, а домысливать да еще через столько лет можно в любом направлении...

У Севастополя видел заваленную телами наших солдат Сапун-Гору, побывал на развалинах тех мест, где в 41 году был абитуриентом, пострелял в сторону моря из немецкого «Эрликона» (все-таки, только 20 лет было). Но период отдыха закончился, а война еще нет. И нас из 8-й воздушной армии - командовал генерал Красовский (генерал Хрюкин? ред.) и армия потом пошла, кажется, в Венгрию - перебросили на Центральный фронт («Пятый Сталинский удар»). Мы попали на Белорусский фронт в 1 воздушную армию. Где-то при выезде из Крыма (наши эшелоны стояли рядом) встретил своего училищного старшину роты Архипова (тоже младший лейтенант). Пообщались минут 10 и разъехались навсегда.

По памяти: со станции Сарабуз проехали Мелитополь, Запорожье, Харьков, Белгород, Курск, Орел, Смоленск и выгрузились на станции Рудня. Все воспоминания о войне у меня проходят как бы пунктиром. Когда прибыл на фронт, первое время не было боевых действий, стояла хорошая погода, устраивались кино и танцы - не война, а мирная жизнь. Потом наступила тяжелая полоса с дождями и снегом и, главное, хотя и не длительным, но отступлением, когда недавние кино и танцы казались сном. После освобождения Крыма - опять период отдыха, потом... и так

всю войну. А вот сейчас подумалось, а каково досталось тем, у кого война шла не пунктиром, а сплошной полосой, полосой отступления от границы до Сталинграда.

На Первом Белорусском фронте я пробыл до сентября 1944 года, когда с самой прусской границы (поселок или городок западнее Шяуляя - Расейняй) перебросили в деревню Невистка (Польша) в самой близи от Сандомирского плацдарма. Если коротко обобщить воспоминания о Белоруссии и Литве 44 года, то это болота, минные поля, бродячие группы немцев, а под Львовом и бандеровцев, это появившиеся вши, болотная вода и, как следствие, различные желудочные неприятности, это, наконец, первое (и слава Богу, последнее) знакомство с заградотрядами. Понимаю, что и туда попадали не всегда добровольно, но чувство антипатии к ним сохранил на долгие годы (например, к председателю нашего дачного кооператива конца 80-х годов). На ст. Рудня (наверное и в другие места тоже) стягивали с разных фронтов много эшелонов с людьми и техникой. Их спешно рассредоточивали по окрестным лесам. Я не помню, когда точно началось наступление, но знаю, что это был самый мощный из «ударов». Только на нашем направлении освободили Витебск, Минск, Бобруйск, Вильнюс, Каунас и вышли на границу с Пруссией. 1-й Украинский фронт (эта же операция) освободил Львов и занял Сандомирский плацдарм.

Здесь и меня стали посылать на разведывание-изыскание аэродромов. Но если в Таврии это было не очень трудно, т.к. вся Таврия - это в общем-то сплошной аэродром, то здесь было значительно труднее - были почти сплошные леса с большим количеством болот. Кроме того, здесь было очень много минных полей, которые в разное время ставили и наши в период отступления, и немцы, и партизаны. Зная, что я хвастался тем, что нас в училище учили минированию и разминированию (и правда ведь, учили!), командир части приказал моей группе не подпускать меня к минам. Я уже где-то записал, что здесь в Белоруссии мы заскочили на минное поле, и наш солдат-минер подорвался. А ведь он этим делом занимался с самого начала войны. Воистину: минер ошибается один раз. Вспоминая этот и другие случаи, подумалось, что меня, кажется, порой очень оберегали. И причина этого мне видится только в одном: в подавляющем большинстве мои начальники, а очень часто и подчиненные, были намного (иногда и просто в два раза) старше меня. Думаю, они мысленно своих детей как бы представляли на моём месте.

Наступление проходило довольно быстро, и разведгруппы гоняли без передышки. Постоянное отсутствие хорошей питьевой воды, а пользовались мы, как правило, первой попавшейся, в том числе и болотной, вызывало различные желудочные неприятности, и доктор прямо-таки

напичкивал нас различными лекарствами. А длительное отсутствие бани, ночевки вповалку, да и простая грязь вызывали то, что у медиков называется ученым словом «педикулез», а в быту - вшивостью, явление, сопутствующее, кажется, всем войнам. И это было не только у нас, но и в тылу, в том числе и в Москве. Так, на железнодорожной станции нельзя было приобрести билет без специальной справки о прохождении санобработки, т.е. бани с «прожариванием» всего белья. Но я не слышал, а видел, что у немцев были быстрорастворимые таблетки, после которых даже болотная вода становилась дезинфицированной и очень приятного кисло-сладкого вкуса. У них были простыни «разового» пользования (что-то среднее между бумагой и тканью). Интересно (а точнее, совсем не интересно), но в Афганистане, в Чечне, в Таджикистане у наших офицеров не было и до сего времени нет ничего похожего.

Впрочем, о той войне я просто так. У нас в тылу не было мыла (стирали золой), швейных иголок... да мало ли, чего еще не было, до простыней ли тогда было. А сейчас? Постоянная потливость (июнь, июль), перемешенная с пылью и грязью, вызывали если не чесотку (наш врач категорически это отрицал), то что-то такое, что тело постоянно чесалось. Смазывались какой-то бурой жирной мазью, грязь к которой приставала еще сильнее. Частично отмылись и отчистились, когда вошли в Литву, а полностью, когда добрались до реки Неман, там мы отодрали всю грязь не только мылом, но и речным песком, хотя потом долго больно было прикоснуться к коже. Впрочем, наступление к этому времени сильно замедлилось.

Еще в начале наступления я видел Кожедуба. На аэродроме Лида и еще где-то стояли вместе с французской эскадрилей «Номандия-Неман». А на аэродроме чуть дальше Лиды к нам прилетел Василий Сталин. Он осмотрел аэродром, а назавтра рано утром сначала сел сам (тогда так было принято) а потом посадил истребительный полк.

Мне было тогда 20 лет и форму таким как я на фронте давали простую - солдатскую. А вот в Белоруссии к нам поступила форма (бриджи и гимнастерка) из шикарной тонкой шерсти. Говорили, что это подарок офицерам от мадам Черчилль. После войны мы еще раз получили что-то похожее, но уже более светлой тональности. Говорили, что это подарок от мадам Рузвельт. Мы старались подбирать форму размером побольше, и наш портной шил из нее кителя. А английский подарок был непривычного защитно-коричневого цвета. Когда началась война в Афганистане (я уже был в запасе и работал в школе), стали появляться рубашки, схожие по цвету с обмундированием, которое нам прислала в свое время мадам Черчилль. Объясняли, что на камнях и выцветшей траве наши зеленые рубашки далеко видны. Сейчас (слава Богу, додумались) у всех солдат и

офицеров единая камуфлированная форма (даже Б.Н. Ельцин, будучи на каких-то учениях, одевал такую же, как и у всех, форму). Но хромовые сапоги нам не давали. Самая «модная» одежда того времени (после войны и на гражданке) была военная форма, вместо ранца ученики, у кого была, конечно, возможность, старались добыть офицерскую полевую сумку.

Так вот, вместо вожделенных хромовых сапог нам давали кирзачи, а в 20 лет это просто обидно. Наши умельцы шили подобие хромовых сапог из... брезента. Если их обильно намазать гуталином, а потом и начистить до блеска, издалика походили на хромачи. Синие фуражки тоже шили свои умельцы, а летные эмблемы на фуражку («капуста» или «краб») вязали, правда, из серебристой, а не золотой канители: где-то раздобыли поповскую ризу. И, несмотря на запрет носить золотистые, а не полевые погоны на фронте, кто-то привез мне их из Москвы. Итак, синяя офицерская фуражка с кокардой, отличное обмундирование, комиссарский ремень со звездой, начищенной до блеска (кажется, выменял у кого-то на «Парабеллум»), и поддельные хромачи - выглядел я, почти как офицер мирного времени.

В это время по лесам Белоруссии, а потом и Литвы, бродило много разрозненных групп немцев. Это были те, чьи части разбили под Минском, Брянском, Витебском и в других местах. Одни из них при встрече с нашими частями сдавались в плен, другие, видя безысходность положения, и хотели бы сдаться, но боялись - могли и перестрелять (бывало и такое), третьи не хотели сдаваться и прорывались на воссоединение со своими частями в Польшу, Пруссию, в Германию. Эти были особенно опасны. Это были всегда голодные и озлобленные солдаты, грязные и измученные. Взятых в плен наших солдат, они, как правило, расстреливали, во всяком случае, так нам говорили на различных политинформациях. Помню, уже в Литве группой человек в 12-15 мы обедали, когда с соседнего хутора прибежала женщина и сказала, что у них в сарае ночевали немцы, а недавно ушли. Она показала, в какую сторону ушли немцы. Дом, где мы обедали, находился на возвышенности, и мы увидели в метрах трехстах или чуть дальше группу немцев, которая по болотным кочкам уходила в сторону леса. Начальник штаба послал по грунтовой дороге человек 5-6 отрезать немцев от леса, а оставшиеся, рассыпавшись редкой цепью, кинулись догонять немцев по болоту.

Я прыгал с кочки на кочку, и вскоре мои брезентовые сапоги промокли. Немцы, по-видимому, не знали о существовании грунтовой дороги, по которой мы побежали отсекал их от леса. Подпустив нас метров на 150-200, они залегли, а потом открыли огонь. Думаю, что мои золотые погоны и фуражка с крабом были хорошим ориентиром для немцев, и вскоре пули минимум из двух автоматов стали бить по болоту совсем ря-

дом. Первое, что я сделал умного - это зачерпнул пригоршню болотной грязи и замазал свои так оберегаемые погоны, а потом и повернул фуражку задом наперед. Жалко, конечно, было погоны. Я их испортил безвозвратно и до конца войны таких у меня не было. Когда немцы слышали крики с тыла (что там, им не было видно, но стреляли и, главное, орали здорово), они стали подниматься, бросать оружие и, подняв руки, подходить к нам. Мы их обыскивали. Я опять обзавелся отличным парабеллумом. Этот пистолет был у немцев на вооружении еще в первую мировую войну, и я лучше него так ничего и не встречал (может быть, сейчас что-нибудь и есть, но, во всяком случае, не Макаров). Немцев построили в колонну по четыре. Я стоял с пистолетом с левой стороны. Помню, что рядом со мною в колонне стоял высокий немец с большим носом, а за ним, оказывается, стоял фельдфебель СС (знаков отличия не было ни на одном). Когда мы только собрались вести колонну (кто и как обыскивал этого фельдфебеля?), он прижал себе к щеке гранату, выдернув предварительно чеку. У него начисто оторвало голову. Моему соседу-немцу срезало кончик носа, а мне все лицо и голову обкатило мозгами и кровью. Немцев уложили на землю. А потом их опять стали обыскивать и строить.

С сегодняшней «колокольни» я думаю, что это не была группа, прорывавшаяся к своим. Они при желании могли подпустить нас метров на 40-50 и покосить из автоматов: их было человек сорок, а нас пятнадцать, мы были вооружены пистолетами «ТТ», а они «шмайсерами». А то, что они поначалу отстреливались, так это, как нам потом рассказали, они просто удерживали нас на расстоянии, давая возможность уйти в лес несколько эсэсовским офицерам. Те ушли.

И еще раз я был близок к неприятности перед самым отъездом из Литвы, когда у нас была команда на погрузку и отъезд на 1 Украинский фронт. По дороге к станции шел наш трактор, а за ним в десятке метров несколько человек из нашего батальона. Я привез им приказ о передислокации и также шел с ними. Эти места освободили уже недели две (если не три) назад, и по дороге прошла не одна сотня повозок, машин и боевой техники. Неожиданно под трактором взорвался фугас замедленного действия. Убило тракториста и ранило одного солдата, который шел на шаг-два впереди нас. Нас всех закидало землей и камнями. Тракториста мы похоронили возле дороги, поставив принятую тогда на фронте фанерную звездочку. Раненый солдат мог идти самостоятельно. Документы погибшего мы забрали. Трактор раскидало на части. Через день мы добрались до своих.

И еще одно воспоминание о Литве. Теперь, правда, не такое неприятное. Впрочем, можно было бы вспомнить, как переплывали через Неман на бочках недалеко от Каунаса (там были какие-то древние или

просто старые крепости-башни), как я побывал на каком-то стационарном аэродроме, оснащение которого можно было бы принять за образец для наших аэродромов конца шестидесятых годов (из тех, конечно, что я видел - а будучи командиром ОБАТО, думаю, я их все-таки повидал немало), как стояли на квартире, у хозяйки которой было много приключенческих книг еще дореволюционной России, и даже то, как по просьбе хозяйина застрелили у него во дворе громадного кабана, а потом первыми его и пробовали.

Но продолжу о том, о чем начал рассказывать. Наступление к этому времени замедлилось, а кое-где и приостановилось. Мне нужно было посмотреть поляну, пригодную для аэродрома, но она находилась за маленьким лесочком, и там еще были немцы. Я приехал в штаб дивизии. Помню, что начальник штаба был в нижней рубашке с подтяжками, а его гимнастерка с полковничьими погонами висели на сучке дерева. Мне разрешили подняться на громадную сосну, где был оборудован наблюдательный пункт. А когда я все занес на свою карту и уже собрался уезжать, сержант, шофер начальника штаба, подошел ко мне и спросил, не из Алексина ли я. Это был Николай Субботин. Кажется, он был братом жены арестованного еще в 1937 году нашего учителя истории Николая Христовича Барабанщикова. И еще Коля Субботин, как мне уже сюда, в Израиль, писал Костя Ефремов, был одним из заводил в драмкружке. Но он был, думаю, лет на 10 старше меня и я его не узнал. Начальник штаба распорядился подать по этому поводу по «сотке», благо, было затишье. Мы выпили, закусив американской тушенкой.

Уже после войны мы с Николаем пару раз встречались в Алексине во время моих отпусков. И как-то раз даже отметили эти воспоминания. Костя писал, что Николай уже умер. А как я потом узнал, в это же время возле прусской границы находился и Костя. Но нас с самой прусской границы перебросили на Сандормирский плацдарм. А Костя после взятия Кенигсберга поехал воевать с японцами. Если быть точным, то нас перебросили не на сам Сандормирский плацдарм, а в ближний к нему район, где накапливались войска для прорыва в Германию.

Мы два месяца без серьезного дела стояли в селе Невистка, кажется, юго-западнее Львова. Разгрузили же нас вообще где-то в стороне, а когда мы стали двигаться к своему месту, пару раз пострелялись с бандеровцами. У нас убили одного солдата и ранили в руку Синельниченко. И мягко говоря, неудобно было смотреть по телевизору, когда показывали марширующих по Крещатику бандеровцев с трилистниками на шапках и со штандартами в руках. И это в девяностые годы!

Невистка, как потом оказалось (тогда об этом никто не думал), находилась до линии фронта. У нас отобрали фронтовой паек и кормили

перловкой (в армии ее до сего времени именуют «шрапнелью»). Наши тыловики достали много растительного масла и лука, а хлеб, для офицеров во всяком случае, был без нормы. Было похуже, чем раньше, но терпимо. И еще о том, что мы в это время находились до линии фронта, а не на фронте, я узнал при увольнении в запас в 1969 году, когда пришел окончательный подсчет выслуги лет, и 60 дней у меня были засчитаны не один к трем, как на фронте, а один к одному - по тыловому. А совсем недавно (кажется, в 1991 году) и этот год, и время пребывания в училище, засчитали (вернее, пересчитали) как год за два - это служба в армии во время войны, но не на фронте - и у меня стало 34 года выслуги, а не 32, как раньше. Впрочем, во-первых, никто тогда об этом и не думал, а, во-вторых, у меня и без этого пересчета было достаточно выслуги для начисления максимальной пенсии - «по потолку».

В тот период, когда я находился в Крыму, а особенно, в Белоруссии, Литве и Польше, у нас значительно активизировалась переписка с Тоней. В период наступления письма шли не очень регулярно, но писали мы часто. А вот вспомнил часть песни, которую услышал на фронте и переписал Тоне и которая, как она писала, ей очень понравилась:

«Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои.
У писем моих непростая дорога,
И часто писать мне мешают бои.
Пускай песня летит - это вместо письма.
И что не сказал - догадайся сама.
И часто ее напевая без слов,
Ты знай, что я твой, что я жив и здоров...»

Не помню, чтобы хоть когда-нибудь вспоминал эти слова. А тут вдруг «всплыли» через много-много лет.

Мне думается, что одной из причин активизации нашей переписки послужило то, что я посмотрелся на то, как убивают (а в это время что-то зачастили), и несмотря на самоуверенность, где-то в глубине души засомневался в справедливости того, что, как думал раньше, «могут убить кого угодно, но только не меня». Второй причиной (и эту мысль только сейчас формулирую, хотя чувства были и тогда) было то, что я понимал, что Тоня бывает на танцах (в университете ведь училась), значит, ее провожают, и не заменится ли надпись «Т+Б», оставленная на их воротах. А когда получил фотографию, с которой смотрела девятнадцатилетняя интересная девушка, да еще студентка из большого города,.. Только часты-

ми письмами и можно было приглушить боязнь за расстояние, на котором мы находились, и невозможность ее увидеть.

Неожиданно (в общем-то не так уж и неожиданно, мы ведь стояли уже у границы с Германией) пришла разнарядка на одно место в академию Можайского. И несмотря на сомнения, пройду ли по зрению, я подал рапорт. Справку о состоянии здоровья выдал наш врач, на зрение я ему не жаловался, а то, что справлялся с гирей и турником, он видел. Вступительные экзамены сдал при штабе армии приехавшему из академии преподавателю (прошло лишь три года после окончания школы). Академия находилась в Йошкар-Оле (это Ленинградская академия), значит можно было заехать в Алексин (родители к этому времени уже вернулись из эвакуации) и, несомненно, в Казань к Тоне.

Было и еще одно, что с особой остротой встало передо мной позже, когда мы в 1947 году поженились, и Тоня, шутя, спросила: «Куда мы тебя денем?», намекая на отсутствие у меня специальности. Но и тогда, хотя еще шла война, я задумывался иногда над тем, что Тоня учится в университете, у нее больше знаний, чем у меня, а значит, шире круг интересов и знакомств. А меня в училище научили разве что ставить мины и фугасы да убивать брошенным с расстояния ножом или малой лопатой. Прямо скажем, не одно и то же. А то, что идет война... Так ведь она идет к концу. А разрыв в нашем развитии растет, хорошо помню, что такие мысли у меня были. Короче, «липу» о состоянии здоровья я получил, экзамены сдал и укатил в академию.

В Алексине я пробыл дня три. Побывал у родителей Кости да в семье у Коли Субботина, хотя и прошло с момента нашей встречи месяца три, да и письма от него уже были, но все-таки я его видел живым. Другое время просидел дома, т.к. просто боялся встречи с родителями наших погибших ребят: ну чем я их мог утешить. Короче, боялся. Вот я сейчас думаю, что если бы не эта встреча в Казани в 44 году и особенно приезд Тони ко мне в Хойники в 1946 году, наша полудетская любовь могла бы и погаснуть, несмотря на активную переписку, пять с лишним лет разлуки - слишком большой срок для совсем еще молодых людей. Да насколько я помню, слово «люблю» как-то и не произносилось между нами, хотя чувство это и было. Не буду этого сейчас касаться.

В академии я был совсем недолго: отчислили после первой же медицинской проверки по зрению. Я думаю, что это не самое умное требование начальства - зрение. Академия (наш факультет, во всяком случае) готовила инженеров-строителей аэродромов, а не летчиков. Очки-то что им мешали? Читал, что японцы и летать в очках разрешают. Впрочем, слышал, что и в России в этом отношении в последнее время много по-

слаблений. Раньше записал, что в Йошкар-Оле встретил мать и сестру Володи Федоровского. В Алексине побывал на его могиле.

К стыду (к сегодняшнему, а тогда не доходило) следует отметить, что за пару дней нахождения на довольствии у Тони, я опустошил все ее продовольственные запасы, с фронтовым пайком студенческое довольствие (заканчивался 1944 год) не шло ни в какое сравнение. Но вот ведь дуб - тогда мне это и в голову не приходило. А узнал я это много позже, эта жертвенность была у Тони до самого последнего времени, а я, теперь уже не дуб, а пень, вспоминал об этом лишь от случая к случаю. И еще вспомнилось. Когда уезжал из Алексина, мама дала мне толстый серый шерстяной свитер. А на мое прямо скажем не слишком-то деликатное замечание о том, что там могут убить, а они беспокоятся, чтобы я не простудился, она мне ответила, что ТО - в руках Бога, а это - в ее. Вспомнилась и еще не совсем удобоваримая, но все же бытовавшая на фронте шутка: такой свитер, да и все подобные теплые вещи, а полушубок особенно - хорошее убежище для вшей. Поэтому, мол, эти вещи на ночь следует положить у порога и к утру они сами приползут к хозяину. А вспомнил это я, чтобы показать дистанцию, которая отделяла меня от студентки университета. Несколькими абзацами раньше написал: «Не буду касаться этого». А самому не хочется расставаться с той Тоней. И уезжал-то я с такой неохотой, даже с болью.

Похоже, что я сейчас объясняюсь в любви той Тоне из 44 года. А ведь прошло 53 года, а нашему внуку Олегу сейчас столько лет, сколько мне было в то время, и до нашей Золотой свадьбы всего две недели.

Последние три строки я писал два с половиной года назад, а сейчас, когда перепечатаваю, уже нет Тони. Сегодня 1 октября 1999 года - 75 дней со Дня ее смерти...

Вернувшись на фронт с направлением из академии, я попал не в свою часть и даже не в свою армию. Меня почему-то направили в «ВВС Войска Польского». Они стояли в Замостье. Еще до войны мы в училище пели: «На Дону и в Замостье тлеют белые кости...» Правда, там были своеобразные поляки. Если не путаю, то командующим армией был генерал Иванов, начальником штаба - Ананьев, а начальником тыла - Рабинович. Такие вот «поляки». Впрочем, такова же была и техника, и многие из личного состава. Я попросил кадровика, и он направил меня в свою армию, а оттуда - в свою часть. Вскоре началось наступление и на нашем участке фронта.

Многие подробности, конечно, подзабылись, но помню, что 19 января 1945 года я был с Петром Пушкиным где-то совсем близко от гер-

манской границы. Старшим у нас был капитан, кажется, из аэродромного отдела армии. Вечером, когда где-то остановились ночевать, вдруг вспомнили, что у меня день рождения, исполнился 21 год. Где-то в польской аптеке мы с Петром выпросили бутылку спирта и отметили это событие.

А утром на рассвете переходили старую (1939 года) польско-германскую границу. Это, конечно, на всю жизнь запомнилось: слишком долго и слишком трудно к этому шли. Не знаю, да и не знал, где это точно происходило, но помню, что это был какой-то поселок, а может быть, и маленький городок. Восточная его часть находилась на старой польской границе, западная - на немецкой. Восточная часть (во всяком случае, вблизи дороги) была цела, а западная вся разрушена. Поперек дороги над мостом висело широченное черное полотнище, на котором белыми большими буквами написано: «Вот оно, фашистское логово!» А сбоку справа тоже была огромная черная стрела и на ней белой краской написано: «До Берлина 173 км», а ниже этого приписано мелом: «Ни хрена, все равно дойдем!» (в мягком изложении). У моста была пробка, т.к. все останавливались или сильно замедляли ход, несмотря на крики, угрозы и мат охрипшего и одуревшего коменданта переправы. И из всех видов машин и пеших колонн стреляли вверх из пистолетов, винтовок, автоматов и осветительными ракетами. Такое я видел, когда освободили Севастополь и еще, и сильнее - когда закончилась война. После многих отступлений и поражений, после оставления многих городов, такое сильно действовало.

И на мой взгляд, организовано это было на самом высоком уровне. Уверен, что ни один доклад, ни одно выступление не смогли бы так повлиять на людей. Мне кажется, что это сильнее многого другого создавало чувство сопричастности к Победе у каждого солдата. А по эмоциональности подобное на моей памяти было только тогда, когда на Параде Победы бросали немецкие боевые знамена к подножию Мавзолея. И мне кажется, что именно тогда на старой германо-польской границе мне вспомнилась ночь на 3 июля 41 года, когда мы в школе слушали выступление Сталина, заброшенный Алексин перед нашей эвакуацией, бомбежку восточнее Москвы на станции Черусти 19 октября 1941 года. А ведь среди переходящих границу были и те, кто воевал с 41 года, и у них было больше, чем у меня, что вспомнить...

Сразу же за мостом были десятки прибитых, прикрепленных к деревьям, просто на воткнутых в землю палках фанерных стрел с надписями: «Хозяйство «К», или «Хозяйство Иванова», или номер воинской части, и все стрелы указывали на запад. А дальше вдоль дороги - это уже была территория Германии - валялись распущенные аэрофотопленки и немецкие красные грузовые парашюты. Из них мы нарежали куски, из которых

пошили майки, которые не изнашивались и не истирывались по пять-семь лет.

Разбитое, сожженное, сломанное встречалось весь январь, да пожалуй, и февраль. Сейчас я не помню когда точно, но мне почему-то кажется, что это было, когда вошли в Пруссию: в газете «Правда» появилась статья безусловно лучшего журналиста того времени Ильи Эренбурга. Я сейчас уже подзабыл ее название, но начиналась она примерно такими словами: «Пух и перья летят по фашистской Германии». И хотя потом (и довольно быстро) и появилась статья зав. отделом пропаганды и агитации ЦК партии Александрова под заголовком «Товарищ Эренбург упрощает», я думаю, что прав был Эренбург: после того, как ворвались в фашистское логово, а иначе Германию и не называли, братьям-славянам дали возможность спустить пар. А «братьями-славянами», не вдаваясь глубоко в смысл, называли не только русских, украинцев и белорусов, но и казахов, и армян, и узбеков... всех, кто воевал с немцами. Братья-славяне - и все тут!

Мне вспоминается, что у меня в этот период преобладали кроме, естественно, желания побыстрее закончить войну, два чувства.

Дожить до конца войны. Если допустимы такие слова в данном случае, то просто обидно погибнуть в конце войны. Я не помню, сколько всего погибло за четыре месяца 1945 года, но читал, что только в Польше осталось лежать 600 тысяч тех самых «братьев-славян» без различия фамилий, национальностей, вероисповеданий - безо всяких различий, просто «братьев-славян» - и все! А когда мы застряли на окраине Бреслау, а немцы подорвали мосты и лед на реке Одер, и мы остались отрезанными от своих ледоходом, от уверенности училищных времен в своей «неуязвимости», осталось немного.

Появилась неумная тоска по Родине, желание поскорее вернуться и увидеться со своими родными, близкими и дорогими. Я теперь и не помню, когда я впервые прочитал, но сейчас у меня именно с этим периодом связано в памяти стихотворение К. Симонова «Жди меня»:

«Жди меня, и я вернусь. Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть желтые дожди.
Жди, когда снега метут, жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут, позабыв вчера...»

Я позабыл слова, но смысл остался. Я помню, как любили стихи Симонова на фронте. Их знали все, кого хоть кто-нибудь да ждал, преломляя их на себя. Вот и мне хотелось, чтобы это и к нам с Тоней относилось:

«... Не понять не ждавшим им, как среди огня
ожиданием своим ты спасла меня...»

В Германии война стала какая-то другая. Мы стояли на окраине Бреслау около Одера, а основная часть города была у немцев. Позже я прочитал, что для того, чтобы не замедлять продвижение на запад, сильно укрепленные города (Бреслау, говорили, был таким) просто обтекали, оставляя какую-то часть войск и часто окружив такой город колючей проволокой. А когда немцы оставались в тылу, да еще без подвоза продуктов и боеприпасов да и без надежды прорваться к своим, они сдавались.

Но все это было потом, а сейчас о двух событиях:

Первое. Меня приняли в партию. Я тогда во все верил и вступал добровольно. Да и сейчас я просто не верю тем, кто здесь отрешиваются от членства в партии и в то же время хвастаются, что занимали руководящие посты.

Второе. Был у нас командир взвода Муратов Бесембай Еставлетович (я о нем уже упоминал, когда перечислял тех, с кем я познакомился, прибыв на фронт). На Одерском плацдарме он где-то достал и привез в часть бочку метилового спирта. О непригодности к питью этого спирта тогда мало кто знал. И это незнание нам дорого обошлось. Не от немецкого огня, а от собственного разгильдяйства мы похоронили 9 человек и многих отправили в госпиталь. Был суд военного трибунала. Его осудили на 8 лет. А просьбу о замене на штрафной батальон отклонили. И мне пришлось везти его на пересылку. Прямо скажем, далеко это не из приятных дел - конвоировать своего товарища. Вскоре после окончания войны была амнистия, которая коснулась довольно широкого круга осужденных (кажется, чуть ли не всех, кроме изменников). Попал ли наш Муратов под амнистию и какова его дальнейшая судьба, не знаю.

После некоторой стабилизации фронта нас отправили восстанавливать бетонный (из восьмиугольных плит) аэродром, который находился чуть западнее Бреслау. Для помощи откуда-то пригнали человек 300-400 пленных немцев. Несколько раз из Бреслау выходил немецкий бронепоезд (его было видно) и обстреливал наш аэродром. Были раненые. Мне тоже попало по ноге куском бетонной плиты от аэродромного покрытия. Но самое неприятное и обидное, когда нас два или три раза обстреляли свои штурмовики Ил-2. И если от бронепоезда мы в общем-то успевали спрятаться в укрытия, которых на аэродроме было достаточно, то штурмовики появлялись внезапно, шли на малой высоте и поливали из пулеметов. Как я уже писал, были раненые и даже убитые, правда, из числа немецких пленных. Следует заметить, что подобное на фронте случалось.

Казанский Государственный университет им. В.И. Ленина. Историко-филологический факультет. Тоня пятая справа.

А это мои сослуживцы. Слева направо: Толмачев Б.Б., Белиловский Б.В., Сидят: Волошин, начальник штаба (не помню фамилию), Либерман Э.И., Ковалев П.А., Стоят: фельдшер (тоже не помню), Габрильчук Н.Я. Самое начало 1945 года. Германия.

А механика этого такова: к примеру, пехота раза два-три пытается взять какую-нибудь высоту - не получается. Командир просит в помощь авиацию. Вышестоящий командир запрашивает, допустим, армию, те - фронт. Потом приказ «спускается»: фронт, воздушная армия, дивизия, полк... А когда самолеты прилетали, бывало, что пехота уже взяла ту высоту, а прилетевшая авиация начинала по ней «работать». Впрочем, такое случалось не только с авиацией, но и с артиллерией, особенно тяжелой. Но если в ту войну это объяснялось плохой связью, то в последней (за 1.10.99 г. в газете «Аргументы и факты» есть статья о том, как в Чечне своя авиация разбила Армавирский ОМОН) это нельзя объяснить и оправдать ничем. Когда нет связи, понятно, а сейчас... Не знаю, как в России, но здесь чуть ли не у каждой девчонки и пацана есть мобильные телефоны, думаю, что и там армия не должна быть обижена в этом плане.

Нас же штурмовики бомбили и обстреливали, я думаю, еще и потому, что почти все работавшие на аэродроме немцы были в немецкой военной форме, хотя и без погон - пленные ведь. А с малой высоты их запросто можно было принять за немецкую армию. Хотя у нас и говорилось, что связь это нерв войны, у немцев уже тогда существовала радиосвязь в значительно большей степени, чем у нас. У нас же почти повсеместно были катушки с проводом, которые тянулись, по-моему, еще с русско-японской войны, да полевые телефоны, которые существовали у нас до моего увольнения в 1969 году. Что же тогда говорить о военном периоде.

А дальше я все же решил записать то, по поводу чего сомневался, стоит ли писать. Мне очень уж хотелось получить к концу войны медаль или, тем более орден. Я как-то даже стеснялся тогда этого чувства, хотя и завидовал награжденным. Сейчас, прожив много лет и многое повидав, я просто переосмыслил это. Кажется, во всех странах награждение участников войн применялось достаточно широко. Не знаю глубже, но уже во времена Суворова кавалеры боевых наград пользовались значительными льготами, а человек, награжденный «Солдатским крестом», получал денежное довольствие в десятикратном размере. В связи с этим - одна из многочисленных баек о Суворове. А.В. Суворов имел практически все награды России и высшее воинское звание генералиссимус. Когда Екатерина II, указав ему на это, спросила, чем же его еще наградить (а это было после взятия Измаила), то Суворов попросил: «Солдатским крестом», на что Екатерина ответила: «У меня тогда казны не хватит». А вот что я сам видел: даже в поверженной Германии участники еще I Мировой войны были окружены уважением. Американские солдаты, которых я увидел на Эльбе, большей частью были с наградами. О желании быть награжденным в конце войны очень выразительно писал в «Теркине»

А.Твардовский. Это, конечно, осознавало руководство страны, введя награды за освобождение, оборону и взятие городов, а также возведя в ранг боевой награды медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.». После войны первое время даже платили какую-то сумму за награды. Я успел один раз проехать в мягком вагоне как награжденный орденом. Это уже потом появилось правило награждать в мирное время. Потом награжденных стало много, и произошла девальвация наград. А потом докатились до того, что стало возможным выменять, а в 90-е годы даже купить, награды на базаре. Когда меня наградили медалью «За Победу над Германией», а потом и орденом «Красная Звезда», восторгу моему не было предела.

И все же жадность человеческая не знает границ. Было обидно, что нас как бы обделили. Медаль «За взятие Кенигсберга» полагалась всем, кто вошел в Пруссию. Нас же завернули с самой прусской границы. С Сандомирского плацдарма мы пошли на Варшаву (а это медаль «За освобождение Варшавы»), а потом вдруг завернули на Бреслау. А потом опять мимо (на этот раз мимо Берлина), а это медаль «За взятие Берлина», хотя мы были в Мускау, это совсем рядом с Берлином. А потом нас завернули южнее Дрездена и ближе к Праге. И совершенно непонятно, почему нам не полагалась медаль «За освобождение Праги». Дело в том, что у меня даже в личном деле записано, что войну я закончил не 9, а 11 мая 1945 года и разъяснено, что бои за Прагу закончились лишь 11 мая. Выходит, «недодали» 4 медали, а это в 20-летнем возрасте серьезная потеря. Но если с возрастом к этому стал относиться более взвешенно, то вот следующее. По моему недомыслию (хотя кто тогда задумывался о меркантильных последствиях) когда в 45 году под Бреслау меня слегка стукнуло по ноге, то я не захотел ехать в госпиталь, а остался в своем лазарете. Лазарет - это 10-12 дней отдыха при своей части и больше ничего. А госпиталь - это справка о ранении. А уже все оставшиеся в живых фронтовики с ранениями, независимо от тяжести, получили инвалидность, а это для офицеров 10-15% прибавка к пенсии и другие льготы, а солдатам - и того больше. Да и здесь в Израиле я состою в Союзе Ветеранов войны, а имеется еще Союз Инвалидов войны с определенными преимуществами. Выпрашивать награды, конечно, некрасиво, но и пренебрегать положенным на восьмом десятке мне стало казаться тоже не очень разумным. Вот такое маленькое отклонение от хода воспоминаний, в целесообразности написания которого я было и засомневался.

Трудно, конечно, вспомнить точное время наступившего потепления, во время которого развезло аэродромы. Нам приказали быстро построить аэродром, так сказать, «разового пользования» - срочно потребовалось обеспечить взлет дивизии (или двух полков, не помню) Покрыш-

кина. Мы в течение очень короткого времени построили взлетную полосу на автострате, взорвав то ли жилой дом, то ли кирху, и используя ее кирпичи. Видел тогда Покрышкина. Потом я еще раз видел его у нас в Андижане. Видел и дважды Героя Советского Союза Глинку.

И опять маленькое отступление: я, конечно, не знаю всей правды, но вот что тогда да и много позже говорили нам: Покрышкин сбил 59 немецких самолетов, Кожедуб - 62. И они лучшие летчики-истребители в мире. А вот что я видел в Германии в немецких журналах: у немцев были летчики, сбившие в небе Англии, Франции, Польши, Советского Союза до 300 самолетов. А недавно смотрел американский фильм с русским переводом. Там в одном из эпизодов форсирования Ламанша показан немецкий летчик-истребитель (немецкий, а не американский) и сказано, что он сбил 136 самолетов. Где истина?...

А перед самым концом войны с нами произошел казус. Я знаю это лишь по своим наблюдениям, а они, конечно, очень ограниченные, да по разговорам. Где-то числа 20-22 апреля 1945 года, когда шли бои за Берлин, да и мы находились совсем недалеко от него и, самое главное, всей душой были готовы только к немедленной победе - а здесь такая неприятность. Говорили, что желая ослабить удар по Берлину, немцы бросили с юга свои части, чтобы хоть как-то помочь своим войскам, окруженным в Берлине. Сделать им этого не удалось, но в чем-то они все же преуспели. Образовался мешок. Говорили, что недалеко стоял полк наших штурмовиков. Так они, уходя, с трудом оторвались от земли, захватив своих техников. А ОБАТО, впоследствии моя родная стихия, и зенитно-артиллерийский полк почти полностью погибли. Я не помню названия маленького городка, на одной из улиц которого были наши и поляки, на другой немцы и власовцы, которые тоже прорывались на запад, на следующих улицах это повторялось. Запомнилось большое количество совершенно новых брошенных автомобилей ЗИС-5 с польскими орлами на дверцах. В какой-то день к нам подошла тройка «Катюш». Все офицеры погибли и старшим у них был капитан из «Смерш». Думаю, что артиллеристом он был никаким, тем более что он говорил, что в эту часть попал совсем недавно.

Дней через пять или шесть, как я слышал, маршал Конев, для того, чтобы не дать немцам уничтожить окруженную группировку, то есть нас, а в это время бои шли уже в Берлине, ввел в «мешок» стрелковую дивизию. Единогласного командования до этого, похоже, в окружении не было, и наш командир посылал во все стороны разведгруппы искать выход из окружения. Конечно, просто по счастливой случайности именно я попал на участок, где только что вошла дивизия, а немцы разошлись в стороны, пропуская ее. Я доложил командиру, что имеется проход, и мы по его

приказу очень быстро выскочили из окружения. Немцы опять начали смыкать кольцо, и идущий за нами польский конный артиллерийский полк или какая-то их группа, обрубив построки и побросав пушки, прискакали верхами.

Как-то в шестидесятые годы я на своей машине объезжал стоявший на остановке автобус. Неожиданно из высоких кустов разделительной полосы выскочил парень, который, похоже, спешил к этому автобусу на достаточно большой скорости с газетами или книгами в вытянутых вперед руках. Я успел сообразить, что и остановить машину я уже не успею, и если резко возьму вправо, то ударюсь об автобус, а после этого меня уж обязательно кинет на парня. Проскочил я так, что выбил у него из рук эти газеты. А когда метров через сто я остановился, то испугался случившегося, да так, что у меня затряслись руки. Вспоминая, думаю, что и тогда на фронте у меня был испуг с запозданием. А если бы у нашей машины спустило колесо? А если бы командир помедлил с решением на прорыв? А если бы немцы быстрее стали затягивать разрыв? Да мало ли было этих «если», которые могли подвести наш батальон под автоматный и пулеметный огонь с двух сторон да с близкого расстояния (рядом с дорогой был лес). А что было бы потом, да по законам военного времени, да непосредственно в боевой обстановке. Этого «потом» для меня могло и не быть - на фронте это было не столь уж редкое явление... Слава Богу, проскочили. Я тогда и не знал, что именно это написали мне в наградном листе и в мае 1945 года наградили орденом «Красная Звезда».

После этого мы начали довольно быстро продвигаться на запад и скоро вышли к Эльбе южнее Дрездена. На Эльбе встретились с американцами. То был период эйфории от соединения с союзниками. Это уже потом Черчилль выступил со своею печально известной речью, положившей начало Железному занавесу между Советским Союзом и всей Западной Европой и Америкой. Сейчас подумалось, что об этом я слышал только в пересказе, а самого выступления я так и не читал. Видно, и различные лекторы, в течение многих лет все свои выступления обязательно связывавшие с речью Черчилля в Фултоне, сами этого выступления не читали. Думается, здесь к месту анекдот хотя и позднего времени. Еврей рассказывает: «Не пойму, что все так восторгаются Битлз - и картавые, и врут мелодию». «А ты что, слышал Битлз?» – «Нет. Но мне Рабинович напел по телефону». Потом появились кинокартины «Секретная миссия» и «Встреча на Эльбе», и от нас закрылось то, что мы с удивлением успели разглядеть в первое время после выступления в Германию и недолгое время после окончания войны.

8 мая мы оказались чуть восточнее Эльбы в г. Баутцен. Прошел слух, что война закончилась. И хотя официального сообщения об этом

еще не было, поднялась невообразимая стрельба - салют. Стрельба по поводу освобождения Севастополя и даже перехода границы Германии не шла с этим ни в какое сравнение! Кроме того, и, думаю, это тоже не стоит осуждать, начались повальные пьянки. Ждали этого четыре года. А когда дождались, можно ли было не выпить? Вот только остановили эту пьянку не в один день. В сарае дома, где мы стояли, я обнаружил два больших ящика с наборами различных вин 25-летней давности, все названия которых я знал лишь по «Трем мушкетерам». Там были вина бургундское, арагонское, анжуйское, шампанское, ром ямайский и еще какие-то названия. Ну один-то ящик у меня тут же забрали для начальства, не по чину был для меня такой букет вин. Но и одного ящика вполне хватило на нашу компанию. Жаль только, что бургундское и арагонское мы пили вперемешку с ромом и виски и всё большими кружками: вкуса этих эликсиров я так и не запомнил. Больше они мне в жизни не встречались.

А ночью нас опять перебросили на Эльбу, но уже ближе к Праге. Правда, вскоре после окончания войны нас снова перевели на восток, но уже на территорию, которая отходила к Польше (за реку Нейсе), а там, где мы были, в городах Баутцен и Гёрлиц, были созданы фильтрационные лагеря, через которые пропускали многих и многих пленных и просто потерявшихся в суматохе последних дней. А их, помню, было совсем не мало. Шли целыми колоннами и владимирцы, и казаки, которых стали выдавать американцы и англичане (это по Ялтинскому соглашению). Я не знаю, кого и каким образом американцы и другие союзники пускали к себе, слышал, что только США впустили к себе миллион человек. А сколько ушли в Австралию, Аргентину и другие места, да и в Европе осталось немало. Те же, которые попадали в фильтрационные лагеря, просеивались, и всех, кого признавали виновными (а Сталин заявил во всеуслышание: «У нас нет пленных, у нас есть изменники Родины»), отправляли по тюрьмам и лагерям. Кто-то, описывая этот период, сказал: «У нас вся страна разделена на тех, кто охраняет, и тех, кого охраняют»... Мне сейчас подумалось, что и послевоенная амнистия частично была обусловлена необходимостью выделить места в тюрьмах и лагерях для новой волны осужденных. Об этом много было написано после войны. Мне просто хочется записать одну мысль: Каково же было ощущение людей, попавших из немецких лагерей в свои родные!

Нас разместили в небольшом немецком городке Бунцлау, а точнее, на одной из его улиц, которая была пригородной деревней и называлась Тиллендорф. Так закончилась для меня Великая Отечественная война.

Но я закончу «свою войну» (писать о ней) несколько позже, когда в октябре 1945 года попаду в г. Хойники (Белоруссия). А сейчас я попробую вспомнить все, что было со мной в течение полугода в Германии, за-

тем постараюсь осмыслить все увиденное и пережитое, но уже с позиций сегодняшнего дня, потом с тех же позиций выполнить то, что собирался сделать в самом начале раздела о войне - порассуждать.

Итак, в середине мая мы разместились в г. Бунцлау. Наша деревня была очень длинной улицей, застроенной частными хорошими домами, так что мы разместились очень вольготно. Позади деревни проходила на запад асфальтированная дорога, а в конце деревни за дорогой стоял памятник М.И. Кутузову (смертью Кутузова и именно здесь начинается роман Л. Никулина «России верные сыны»). Памятник представлял собою как бы обломанный сверху гранитный столб с гранитным же венком. От памятника вниз к дороге шли каменные ступени. Здесь похоронено сердце Кутузова, а тело - в Санкт-Петербурге, кажется, в Казанском Соборе.

Почти анекдот: Когда мы спросили у замполита, мол, как же это так, почти в самом центре Германии сохранился памятник Кутузову, с именем которого у нас довольно-таки тесно связывали Победу. Был даже учрежден Орден Кутузова. Наш мудрый замполит капитан Волна Аверкий Владимирович ответил, что памятник стоял в кустах и немцы о нем просто забыли. Подобного нам рассказывали немало, и мы многому верили, но в этом случае?.. Я думаю, что наш замполит всё-таки читал «Войну и мир»... Здесь было слишком много не похожего на то, что нам постоянно вбивалось (ладно, говорилось). Самое же интересное заключалось в том, что в центре города, где не было никакого кустарника, в котором памятник мог бы затеряться, на площади стоял большой мраморный памятник Кутузову в виде четырехгранной стелы, на двух сторонах которой на русском и двух на немецком были золотом выбиты все ордена и звания Кутузова. А в доме рядом располагался музей Кутузова, который функционировал у немцев и во время войны, М.И. Кутузов был ведь освободителем Германии от Наполеона.

В городе Бунцлау находились самоохраняемый лагерь пленных итальянцев, военный госпиталь и девичий батальон ВНОС (здесь старшиной одной из рот служила Миля, будущая жена Петра Пушкина. Многие солдаты из тех, кто был помоложе, женились на этих девушках. Дружба была настолько тесная, что какой-то остряк придумал, и это прижилось: когда у этих солдаток спрашивали: «Девочки, вы откуда», то они отвечали: «Мы из Вашего батальона». Их вскоре стали демобилизовывать и они разъехались по домам (я знаю, что Петр ездил жениться уже в Уфу).

Сейчас я вот подумал, что «охота» за женихами объяснялась еще и тем, что эти девочки, а многим из них было по 23-25 лет, которые пробыли на фронте всю войну и видели, как война косила парней - их сверстников, эти девочки видели, что большинству из них женихов просто не достанется. А те, которые ехали в деревню, осознавали это особенно. Это я

не в осуждение. Сколько из них, послевоенных бедолаг, так и прожили всю жизнь в одиночестве. А девочки-фронтовички больше других заслуживали хорошей доли. Но вот ведь цифры: парней 1922-1924 годов, т.е. тех, кому к концу войны было 21-23 года осталось всего 3 процента. Иначе говоря, из ста человек выжили только трое, вот как война выкосила мое поколение. Я помню, как это позже сказывалось на нехватке призывников в армию.

Позже стали увольнять в запас и мужчин старших возрастов, а с оставшимися проводили строевые занятия, надо было их чем-то занять.

В воспоминаниях о войне очень мало позже упоминалось о том, что тогда называлось «трофеями». Было вполне понятно и разумно, когда мы по указанию сверху демонтировали и забрали значительное количество деревообрабатывающей техники (нас готовили для заготовки леса), но здесь о другом. Много писалось о том, что немцы грабили население оккупированных районов. Не собираюсь это опровергать, т.к. не видел, но ту мебель, одежду, посуду, которую я видел в их домах, да и многое другое, если они от нас и увозили, то явно не из наших деревень, да не из городов тоже. Не видел я у нас такого ни в Алексине, ни в Туле и Москве. Разве что в музеях и театрах. Конечно, вывозили оборудование заводов, скот, зерно..., но не мебель и одежду.

Нельзя, конечно, нашего солдата-фронтовика представлять мародером, но и графом Де Лафер он тоже не был. Уже через несколько лет после войны мне удалось побывать в некоторых вологодских селах, а в алексинских я был уже в шестидесятые годы - нищета потрясающая! И вот еще пример: лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» следовало понимать буквально. Это был приказ, согласно которому прекратили изготовление даже швейных иголок для тыла, не было самого необходимого для быта: мыла, тканей, обуви... Это трудно представить сейчас, в условиях, когда практически все имеется... А тогда стирали золой, перешивали по несколько раз одежду, стали изготавливать обувь на деревянных подошвах и многое-многое другое.

Как только мы вошли на территорию Германии, поступил приказ, разрешавший отправлять домой посылки (кажется, по одной в месяц). По этому поводу нас собрал наш мудрый замполит Волна и сказал прямо-таки на высокодипломатическом языке: «Государство нам предоставляет возможность организованно пограбить». Шутник, да и только... Я думаю, что такую фразу сам он вряд ли осмелился бы сказать. Скорее всего, это он услышал на каком то совещании, а те еще выше. О нашей армии этого нигде не писалось, не показывалось в кино, но ведь это было. Наши солдаты возвращались к голодным старикам и детям (а ведь это возвращались победители), стоило ли их упрекать в этом? Но и это еще не все. Ес-

ли я и мои сверстники мечтали подобрать мотоцикл - предел мечтаний в течение 10-15 лет и после войны, то многие поступали не так. Когда мы с Петром в августе 45 года были посланы в Москву (а добираться приходилось на попутных) и по дороге попытались подъехать с несколькими охраняемыми вагонами с трофейным имуществом, то услышали такую фамилию владельца, что отпала всякая охота проситься. Я слышал, что тот, кого потом называли «красный граф», Алексей Толстой, вывез из Пруссии узорную ограду. А вот то, что я «потрогал своими руками». В конце 45 или самом начале 46 года я вдвоем с шофером Селивановым на грузовой машине Опель-Блиц, загруженной под завязку, отвезли какое-то имущество на подмосковную дачу нашему высокому шефу (кажется, генерал-лейтенанту Жарову). Все это было в ящиках, но пианино и посуду я видел. Интересно, а сколько у него было таких «поставщиков», как наша часть. В организованном порядке гнали скот, снимали линии электропередач, железнодорожные шпалы (они у немцев были железобетонные, а не деревянные, как у нас в то время), рельсы. Разукомплектовывали и вывозили заводы. Интересная вещь: немцы вроде были и не в обиде за выводимое оборудование (я слышал именно об этом), им бы пришлось восстанавливать старье, а так они поневоле начали с нуля, т.е. с новейших технологий.

Я уже написал, что не осуждаю, это право победителя. Так делалось всегда и всеми армиями. Осуждаю лишь лицемерие, которым была пронизана вся наша пропаганда того времени: «Мы самые-пресамые...и ни-ни-ни...» Наше батальонное начальство было намного сообразительнее нас. Подобранный мной мотоцикл «НСУ» (это я русскими буквами) безнадежно вышел из строя, не проехав и одного километра (он был выпуска самого начала 30-х годов), и я отдал его кому-то на запчасти. Уже в Белоруссии начальство «от щедрот своих» отвалило таким наивным, как я, «подарки». Мне дали очень красивый зеленый с хорошим ворсом ковер, зеркало и что-то еще. Но главное, полмешка (так в мешке и дали) хрустала изумительной красоты, а рюмки такого звона, что я больше никогда и нигде не видел и не слышал. Они, видимо, хорошо загрузились, если кроме московского начальства, выделили и на нашу долю. И еще я помню, когда из Германии уезжала первая волна демобилизованных, я помогал грузиться своему начальнику Борису Борисовичу Толмачеву. Он уезжал в Киев. У него почти не было барахла, но было много книг по архитектуре. Запомнилась книга, которую я с трудом донес до вагона: это были чертежи и рисунки Кельнского собора. Размеры книги примерно 150х80 и толщиной 30 (все в сантиметрах). И таких книг и разрозненных чертежей у него было немало. Думаю, что он как архитектор знал, что брал. И эти книги наверняка были ценны не только размерами и весом. А когда уез-

жали первые демобилизованные, им грузили в вагоны подарки. Не знаю, была ли это инициатива нашего начальства или так было повсеместно. Если так - правильно.

И еще несколько моментов из, так сказать, воспитательной работы тех времен, в основном связанных с именем нашего замполита капитана Волна Аверкия (Валерия, как он представлялся) Владимировича. Он, к слову, был человеком далеко не глупым и очевидно лучше меня и мне подобных разбирался, что к чему. Он был обязан проводить политику партии и делал это в меру своих сил (не знаю, за страх или за совесть). В ежедневных сводках ТАСС сообщалось, к примеру, количество сбитых за сутки немецких самолетов (100, 200, 300...). А когда кто-то из журналистов, правда, уже в теперешнее время, попробовал все это суммировать, то получилось, что сбито немецких самолетов чуть ли не столько, сколько всего погибло немцев, будто все они были только летчиками. Сюда же, но из недавнего времени: когда началась война в Персидском заливе, то Ирак передавал очень уж похожие сводки, чувствовалась наша школа информации. В этом же ключе сообщалось о количестве пленных немцев. А о своих - ничего. После войны же оказалось, что наших в плену было значительно больше, чем немцев.

В войну у нас много писали, что Германия в смысле продовольствия живет «при последнем издыхании». А когда вошли в Германию, то увидели не просто другую картину. Изобилие. Замполит наше недоумение развеял очень просто, мол, все, что вы видите - это принадлежит не конкретному немцу, а государству. А немец не имеет права даже забить у себя во дворе курицу, съесть даже одно куриное яйцо. Все это - собственность государства. Нам говорили, что немцы в массе своей малограмотные, ничего не читают, дремучие, одним словом. Нам рассказывали, что дома у немцев нет домашних библиотек, а на стенах нарисованы корешки книг. Я в течение сорока лет собирал домашнюю библиотеку. Только собранных сочинений было восемь десятков, но даже и не приблизился к тому, что я видел в некоторых домах в Германии 45 года. Не говорю уже о качестве изданий. Правда, видел и нарисованные корешки книг. Но это, во-первых, было на двери, ведущей из библиотеки в другую комнату, а во-вторых, нарисовано было так, что я несколько раз пальцем проверял, не приклеены ли корешки к двери. А когда я подобрал патефон (у немцев было несколько вариантов патефонов и все в хорошем исполнении) и на нескольких очень больших пластинках всю оперу «Фауст», конечно, на немецком языке, то замполит потребовал разбить пластинки: «Ты знаешь немецкий язык? А если не знаешь, тогда откуда ты знаешь, о чем они там поют». Это он, конечно, «от греха подальше». Тем более что была команда побить все немецкие пластинки.

Да разве только это? Мы видели обустроенный быт побежденной Германии, а ведь ничего похожего мы не смогли создать у себя и до сего времени... В 1989 году мы с Тоней получили однокомнатную кооперативную квартиру в Алма-Ате. А уже через некоторое время и до самого нашего отъезда я минимум два-три раза в месяц ремонтировал краны и трубы. У меня был ящик с запасом пакли, шайб, вентилей и многого другого для ремонта. Я постоянно ждал прорыва воды и канализации. Здесь в Израиле мы прожили на съемной квартире двумя семьями пять лет - Бог миловал. И здесь (при любых симпатиях или антипатиях) приходится согласиться с Руцким, который где-то уже в девяностые годы (правда, несколько по иному поводу) на вопрос: «А не подойдет ли нам японский путь развития?» - ответил: «Подойдет. Но где взять столько японцев?»

И вот сейчас я думаю, мне крупно повезло, что тогда по молодости лет и ограниченности мышления, основанного на том, что нам вдалбливали с детства, верил большей части того, что нам говорили. Ведь «Смерш» сместил после войны акцент своего внимания на благонадежность своих и для доказательства результативности работы подошло бы и наше необдуманное зубоскальство. А поводов для того, чтобы попасть им «под колпак», было достаточно. Помнится, мы мало сказать удивлялись, когда в немецких журналах увидели карикатуры (правда, не очень резкие) на Гитлера, Гиммлера и других фашистских руководителей. Мыслимо ли было представить не только критику Сталина, а просто отсутствие восторженности? И здесь наш мудрый замполит разъяснял нам, недалеким, что это печатали подпольные коммунистические типографии. При всей нашей недалекости, помню, у нас хватило ума, чтобы не спрашивать, почему же тогда на других страницах того же журнала эти так называемые «подпольные» типографии совсем уж без всякого стеснения «полоскали» Сталина и весь уклад нашей жизни. Впрочем, нам было велено о подобных вещах не рассуждать, а картинки сжигать, за этим следили.

И еще несколько воспоминаний на эти темы.

Вдоль дорог между населенными пунктами росли деревья с яблоками, вишнями, черешней. Говорили, что эти фрукты принадлежат данному населенному пункту и для его жителей продаются дешевле.

В некоторых городках на калитках чугунных литых, а не из штaketника, оград видел красивые ящички, в которые на рассвете развозились и укладывались продукты молочником, зеленщиком, пекарем... Расчет производился в конце недели. При этом поставщики оставляли в этих ящичках счета. Немцы не могли понять нашего вопроса: «А если счет будет выписан неверно, завышен?» В связи с этим пришел на память эпизод из «Тихого Дона». Человек, побывавший в немецком плену, подчеркивая немецкую порядочность, говорил, что если немец найдет на улице коше-

лек с деньгами, то положит его на тумбочку. На это ему слушатели возражали: «Кошелек, может, и положит, а деньги-то обязательно вынет». Дальше пустого кошелька представление о честности все равно не шло. Видел по телевизору, как американский фермер подвозит к дороге молоко в бидонах, а приемщик уже потом его самостоятельно забирает. И здесь в Израиле хлеб, газеты и другое подвозят рано утром и оставляют у закрытых еще дверей магазинов. Не думаю, что в Алма-Ате за прошедшие годы всё сильно изменилось, всегда в хлебном магазине (и не только) вешивалась табличка «Прием товара», потом хлеб пересчитывался и только потом запускались покупатели, которые до этого стояли на улице.

Часы, радиоприемники, велосипеды (да зачастую и легковые машины) были у большинства населения. А я смог купить маленький ламповый радиоприемник «Москва» только в 1955 году, а «Балтику» и того позже. В Германии же мы в 45 году видели большое количество просто-таки шикарных радиоприемников «Филипс», «Телефункен» и др. Выходит, что в погоне за самыми-самыми лучшими в мире ракетами и самой-самой высокой телебашней мы и за много лет после войны так и не сумели в быту подтянуться не только до немцев, но и до венгров, поляков, румын, болгар.

А вот такой уж совсем забавный случай. Алексей Башков, младший лейтенант из нашего батальона (мы стояли в Заполярье), приехал из отпуска и рассказывал, что в Ленинграде он видел, как из магазина выходил мужчина, в руках которого был маленький чемоданчик, из которого шла радиопередача. Так его у нас подняли на смех. А ведь он видел обыкновенный портативный приемник. Я понимаю, что мы жили по соседству с белыми медведями, но не настолько же далеко... Вот микроволновую печь я увидел незадолго перед отъездом в Израиль. Компьютеры в сбербанках Алма-Аты установили только в 1993 году. А сколько я не видел, да и не слышал из того, с чем я столкнулся здесь (да и то большей частью издали или понаслышке). А ведь сейчас-то я приехал не оттуда, где служил по соседству с белыми медведями, а из Алма-Аты, которая хотя и не Москва, но все же столица Казахстана, город с полутора миллионным населением. Похоже, что отставание, которое было в 1945 году, и сейчас не слишком сильно уменьшилось (скажем, в моем понимании).

И еще пара коротких примеров из 1945 года.

Три наших офицера без разрешения (да и кто бы его дал) на трофейной машине поехали посмотреть Италию (тогда, как сейчас говорят, границы были прозрачными), их уволили из армии в течение недели после возвращения. Служил у нас в батальоне старший лейтенант Печенюк. Родом он откуда-то из Донбасса. Будучи по делам в Берлине, встретил двух канадцев, украинцев по происхождению. Оказалось, что их деды из

тех же мест, откуда и Печенюк. Потом его после возвращения в Союз тоже уволили.

Позже, уже перед нашим отъездом в Союз, за тем памятником, где похоронено сердце Кутузова, стали обустраивать большое кладбище, прах выкапывали по большей части в южной Германии. Думается, что здесь к месту будет вспомнить слова А.В. Суворова о том, что «Война не закончена до тех пор, пока не будет похоронен хотя бы один из погибших солдат». Печально, конечно, но у нас до последнего времени находят в новгородских и псковских болотах, да и в других местах, погибших еще в период Великой Отечественной войны. А сколько не найдено тех, кто прошел в военкомате по графе «пропавший без вести». Нельзя сказать, что у нас не проводилось захоронение убитых во время боев. Были специальные похоронные команды, которые хоронили (отдельно, конечно) и убитых немцев. Но делалось это не всегда продуманно и без должного материального обеспечения. Как, впрочем, и многое другое. Собирали после боя, если это было не при отступлении, убитых, по возможности искали документы-«смертнички» и зарывали, как правило, в братских могилах. И здесь припоминается в виде контраста следующее: в Первую Мировую войну фамилии погибших офицеров (всех не было возможности) печатались в газетах.

Немцы, предвидя жертвы в боях, березовые кресты заготовили заранее и довезли их до Сталинграда. У нас же на могилу ставили наскоро изготовленную из фанеры или консервной банки звезду, а надпись часто делали чернильным карандашом, поэтому место захоронения не всегда можно потом было найти. Да и как его разыскать, если в «похоронке» зачастую указывалось не место захоронения, а что погиб и похоронен в братской могиле «в районе Кенигсберга» или «под Варшавой». А там их было столько, что и сосчитать невозможно.

Я понимаю, насколько сложно было это сделать при наших потерях, но вот то, что я видел в 45 году в Германии (а потери немцев были тоже немалые). Где-то в марте 1945 года я зашел в кирху деревни Геберсдорф (название как-то запомнилось, а место даже приблизительно не помню). По балкончику, который проходит вдоль всей церкви, были прикреплены готические крестики, а под ними фамилии погибших или просто умерших прихожан этой церкви. Начинался этот перечень в 1934 году, когда, наверно, была построена кирха, отдельно были крестики за каждый год, особенно много с 39 года и дальше. Но вот что меня просто поразило: наши войска вошли в Германию в январе, я был в кирхе в марте, а последний крест и фамилия были за февраль. Эта оперативность, этот немецкий «ордунг» - и есть показатель памяти, а не наши замечательные, но часто просто слова «Никто не забыт...» Более серьезно стали к этому

относиться лишь через несколько десятков лет после окончания войны: Мемориал на Поклонной горе построен только к пятидесятилетию Победы, Вечный огонь у Кремлевской стены открывал уже Л.И. Брежнев, а это семидесятые годы.

Костя писал, что в Алексине на Советской улице на месте дома, где мы когда-то жили, к 50-летию победы поставили памятник. А до этого там в течение более 50 лет (с 41 года) был пустырь, заросший бурьяном. Мы у себя в школе в Алма-Ате тоже установили мраморный памятник, в память о погибших учениках и учителях нашей школы.

Видел я и очень понравившееся мне место. В конце 1982 года я был на региональной конференции по НВП в Намангане (Узбекистан). В одном из колхозов нам показали имитацию захоронения. На толстой проволоке, воткнутой в землю, была прикреплена точная копия фронтовой похоронной звездочки и роза, а под ней фамилия погибшего земляка. Таких звездочек и фамилий около сотни. Нам рассказали, что несколько раз в году, а в День Победы обязательно, сюда съезжаются родственники погибших, которые сейчас разбросаны по всему Союзу, и около этой условной могилки поминают погибших. Ну а могли ли они побывать на настоящем захоронении: во-первых, война раскидала их дедов и отцов от Эльбы до Порт-Артура, а во-вторых, они опять-таки в большинстве захоронены в братских могилах в районе какого-то города или пропали без вести в «районе Сталинграда». В этой деревне сделали то, о чем писал Роберт Рождественский: «Это нужно не мертвым, это надо живым». А недавно я услышал в выступлении президента Узбекистана, что в Ташкенте построен мемориал, на стенах которого выбиты четыреста тысяч фамилий погибших узбекистанцев (а оттуда призывалось и много эвакуированных русских, украинцев, евреев и многих-многих тех самых «братьев-славян»).

Когда только начиналось перезахоронение и создание мемориального кладбища в районе города Бунцлау, мы продолжали бездельничать. Думаю, что армии просто дали немного отдохнуть. Все считали своим долгом съездить в Берлин и по возможности сфотографироваться у Рейхстага и Бранденбургских ворот. Я еще раз побывал в Дрездене, который сильно разбили. Говорили, что американские «летающие крепости» бомбили его десятитонными бомбами. Продолжалась демобилизация, вместо «стариков» приходили молодые солдаты, многие из которых тоже воевали. Стали создаваться военные комендатуры. Начали требовать соблюдения формы одежды, отдания воинской чести - заканчивалась фронтовая «вольница». Армия приводилась к нормам мирной жизни. Появились первые приказы о сдаче трофейного оружия. Я сейчас не помню, когда расстался с трофейным парабеллумом, но у меня еще долго был ма-

ленький Вальтер, дворянская шпага и громадный рыцарский меч. Был у меня и эсэсовский кинжал с прямо-таки бандитской надписью «Все для Германии». Мальчишка конечно: ну зачем, спрашивается, мне нужно было это барахло, которое, тем более, требовали сдать.

И сюда же еще несколько воспоминаний.

Сначала в Москве и других городах, а затем и в Германии за неотдание чести заставляли во дворе комендатуры по 2-3 часа заниматься строевой подготовкой, это хорошо напоминало о требованиях строевого устава.

В холодное время года отопление домов в Германии было печным. Это были маленькие, аккуратные (как и всё у немцев) печки, облицованные цветными изразцами. Отапливались они небольшими брикетами разной формы. Брикететы эти изготавливались из угольной пыли, спрессованной с мазутом. Я был на маленьком заводике, изготавливавшем эти брикететы. Нас удивила исключительная чистота, достигавшаяся при помощи сильных вентиляторов. Но главное, все пылепроводы и кожухи были покрашены белой краской, чтобы было видно самый маленький прорыв угольной пыли. Тогда мне вспомнилось как в 3 или 4-м классе нас водили на экскурсию на Мышегский завод: я пошел в новых белых валенках, а вернулся с грязным лицом и руками и в грязно-серых валенках. Рядом с нами жил токарь с этого завода, в подобном виде он приходил с работы и тогда, когда мы приезжали в отпуск даже в шестидесятых годах. А позже в Заполярье мы жили в финских домах, которые отапливались угольными котлами размером не намного больше немецких домашних печей, но они были без изразцов, а чугунные. Этот, как его называли наши женщины, «крокодил» пожирал громадное количество угля, а обслуживающие его мало чем отличались от паровозных кочегаров.

На фронте кормили вообще нормально, а после войны мы просто не знали спасения от жирной пищи. Я помню, как ухажер нашей Маруси (он потом женился на ней) старшина роты Тилипун устроил для нашего отдела «прием», на котором выставил картофель в мундире и соленые огурцы. После того борща, которым кормил нас повар Василенко, который и сам-то весил центнера полтора, после этого борща, в котором черпак стоял вертикально, такая монастырская пища показалась изысканным деликатесом.

Я уже писал, что у нас было задание: мы ездили по значительной части Германии в поисках деревообрабатывающих станков. После войны снимали целые воинские части и посылали на лесозаготовки. Лес шел на восстановление и обустройство военных городков. И наши разведгруппы переквалифицировались с поиска площадок под аэродромы на поиск пило-

рам, шпалорезок, циркулярок и другого оборудования, которое потом более пяти лет было нашим спутником жизни.

Как мне потом (да и сейчас тоже) подумалось, наше большое руководство (московского уровня, конечно) решило под шумок прибрать к рукам и Грецию. Во всяком случае, в ту сторону стали стягивать войска, а прекратили только после того (помню, это было в газетах), как в греческие порты вошли английские корабли. Нашу 2-ю воздушную армию перебрасывали в восточную часть Австрии поближе к границам Греции. Самолеты туда перелетели, а штабы перевозили на машинах. Мне поручили перевезти на трех машинах аэродромный отдел воздушной армии. Я еще раз побывал в Дрездене, где стоял штаб армии, а потом с груженными машинами проехал всю Чехию, Словакию, Австрию до города Медлинг (восточнее Вены). Еще по дороге туда я обратил внимание на доброжелательное отношение к нам чехов. Помню даже, как мужчина-чех, у которого я спросил дорогу внутри какого то городка, встал на подножку и довез нас до самого выезда из города.

А вот это для контраста: когда я в 1972 году был в Турскавечском санатории и спросил у кого-то из местных парней дорогу, то он послал меня в другую сторону. Кстати, в Турскавец я поехал не по медицинским показаниям (там санаторий для желудочников), а потому, что в Ивано-Франковске служил мой брат Ося. А встречались мы с ним совсем редко.

И еще вспомнил, как в Чехии меня окружили человек 7-8 детей, и показывая на мой орден Красной Звезды просили подарить им «Червону Зирку». Видел еще чешского крестьянина, который приезжал на легковой машине косить сено. Медлинг, видимо, совсем близко от Вены, т.к. пока там разгружали машины, я целый день бродил по Вене, рассматривал красивейшие дома и мосты. А недавний просмотр фильма «Большой вальс» (прошло всего-то 4-5 лет) наложил на увиденное еще и музыкальные впечатления. Мне и много лет потом при воспоминаниях о Вене слышались мелодии штраусовских вальсов. В комендатуре я попытался обменять немецкие оккупационные марки, которые у меня были, на австрийские. Там этого не делали, но офицер из комендатуры дал мне немного австрийских денег просто так, и я накупил много открыток с видами Вены.

Обратный путь оставил два совершенно разных, но запомнившихся воспоминания.

Мы остановились ночевать в каком-то маленьком городке. Туда нас направил комендант (югослав, но мы с ним в общем-то смогли объясниться). Он разместил нас, похоже, в частном доме отдыха, созданном для бывших политзаключенных. Нас радушно встретили и угостили ужином. Это была одна кружка пива, тоненький (граммов на 30-40) кусочек хлеба и в квадратной тарелочке ложка картофельного пюре и малюсенькая кот-

лета. Нам, конечно, этого было мало, но у нас с собой было сало, хлеб, лук и спирт, так что ужин мы продолжили в автомашинах, где и заночевали.

Но главным в памяти осталось не это. Где-то уже совсем близко к Германии мы слышали автоматные очереди. А мы уже жили в мирной жизни. Считали, что с войной покончено, и вдруг - стрельба. Оказалось, что это мальчишки по 15-16 лет из «гитлерюгенд». Где они прятались все это время? Они обстреляли колонну пехоты. Конечно, их всех побили. Но я видел, что были убитые и среди наших солдат. А ведь война закончилась. Наверно эти солдаты успели и послевоенные письма отправить. А потом - «похоронка». Когда убивали в войну, то это было одно, а когда в 1972 году в Трускавце я видел могилы с надписями «Трагически погиб» и даты 1968/70 г.г., это было совсем не естественно. То же я почувствовал и тогда, в конце мая (или даже начале июня).

А в августе нас с Петром Пушкиным послали в Москву. Сейчас я думаю, что нас послали с докладом о накопленных деревообрабатывающих станках и готовности к маршу своим ходом. А тогда думали, что нас послали с просьбой о возвращении в Союз: как ни сытно и беззаботно мы жили в Германии, а домой тянуло. Запомнилась ночевка в Кракове. Вокзал был полностью разрушен, а в подвале оборудовали что-то вроде зала ожидания для офицеров. За соседним столиком сидели четыре польских офицера. У них стояла одна бутылка водки, которую они всю ночь цедили буквально из наперстков, курили и разговаривали. Не обученные таким дозам и подобным манерам, мы с Петром быстренько усидели бутылку водки на двоих (помню, под усмешки поляков). У нас была прекрасная и в большом количестве закуска: все-таки мы первыми ехали в Союз после окончания войны и нам собрали и сала, и колбасы, и консервов, и даже сыра. 15 августа мы были во Львове. А с этого дня стали давать отпуска, и вокзал был переполнен. Билет достать было невозможно. И когда подали поезд Львов-Москва, мы влезли в окна, тем более что часть стекол были выбиты. В Москве мы сдали письмо своему начальству и получили разрешение дней десять побыть дома.

Переночевав у московских теток, рано утром я уехал в Алексин.

Родители жили у тети Жени Лискиной. Побродил по городу. Отпускники еще не появлялись, а родителей погибших ребят я старался избегать, какие бы оправдания я себе не приводил, но какую-то вину перед ними я чувствовал: их сыновья погибли, а я вернулся живым. В городе многое было разбито и сожжено. Туго было с продовольствием. У меня, правда, был продовольственный аттестат, по которому я кое-что получил, да и привез немного. А промтоваров не было вообще. Впрочем, на базаре торговали тем, что присылали в посылках или привезли первые демоби-

лизованные. В этот период, да и значительное время потом, самой модной мужской одеждой была военная. Ее носили не только уволенные из армии, но и люди не служившие.

И еще одно бросалось в глаза: было много калек. Безногие ездили на низких самодельных колясках на подшипниках (настоящие инвалидные коляски появились лишь в 90-е годы, да и то в виде гуманитарной помощи из-за границы, когда все калеки - инвалиды Великой Отечественной давно вымерли). Инвалиды побирались, ездили в поездах и пели «страдальные» песни. В ларьках продавали спирт-денатурат, который все называли «коньяк Две косточки» - на этикетках был изображен череп и две перекрещенные кости. Все это я видел не только в Алексине, но даже и в Москве, а особенно много на железнодорожных станциях.

Все заметили, что большинство этих инвалидов войны за три-пять лет практически исчезли (сначала в Москве и больших городах). Тогда об этом как-то не задумывались. А недавно прочитал, что еще тогда для них построили вдали от больших городов интернаты, где они постепенно и вымерли. И лишь один раз читал о таком интернате на острове Валаам. Это не пропагандировали.

Через какое-то время я получил телеграмму от Петра - вызов в Москву. В аэродромном отделе ему сказали, чтобы мы не возвращались в свою часть, предупредив, что туда уже пошла команда на передислокацию в Белоруссию в г. Хойники, и мы можем их уже не застать. Так и получилось. Военный комендант на месте сказал нам, что наши уже выехали, а нам незачем кататься взад-вперед и нас оставят служить в Германии. Я даже и не гадаю, как сложилась бы моя жизнь, останься мы служить в Германии. Но мы были «храбрые» ребята (чуть-чуть за 20 лет перевалило) и в ту же ночь сначала на попутных машинах, а потом и поездах - везде без проездных и с просроченными командировочными предписаниями - рванули к своим. Тогда, конечно, не было более поздних послевоенных строгостей. Где-то долго стояли в закрытом туалете, куда забрались через окно, а при проверке на границах ехали на ступеньках вагонов (тогда вагоны были другой конструкции). Добрались. Штаб стоял в маленьком городке Хойники (сейчас там Чернобыльская зона), а роты в лесу в бывшем лагере Ковпака с экзотическим названием «Качай-болото».

Шел уже октябрь 1945 года. Вот теперь и в моих воспоминаниях закончилась война.

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ВОЙНЕ

Прежде чем перейти к воспоминаниям о дальнейшей службе в армии, а это кроме войны еще 24 года армейской жизни, да и вообще о своей жизни до сегодняшних дней, попробую немного порассуждать о войне, но теперь уже глядя на это глазами человека, так или иначе сорок пять лет связанного с армией (28 лет службы и 17 лет работы военруком). Я уже записал два раздела (это по-крупному, а так больше), при этом старался смотреть взглядом, соответствующим тому времени и возрасту, но не всегда это получалось, много раз я как бы комментировал всё с сегодняшних позиций. Особенно это было тогда, когда я писал о войне. Поэтому сейчас лишь отдельные моменты.

О фронтовиках, да и вообще, о войне у нас в основном вспоминают в День Победы. А отмечая заслуги фронтовиков, говорят, как правило, только о хорошем. Не умаляя ни в коем случае этих заслуг, мне хочется отметить и теневые стороны. С возрастом они виднее.

Первое, что стоит в этой связи отметить: к войне мы оказались слабо подготовленными. У нас было мало самолетов, да и те плохого качества, совершенно не было автомобилей и тракторов, сравнимых с немецкими, недостаточно (и им не уделялось должного внимания) танков, совершенно не было автоматического оружия. И когда немцы перешли границу, против их механизированных и потому очень маневренных войск мы смогли выставить в основном пехоту, слабо или совсем не подготовленную к войне против танков. Немцы основные массы своей пехоты перебрасывали на автомашинах и бронетранспортерах, а мы - в пешем строю. Артиллерия у нас была в основном на конной тяге, тракторы ЧТЗ С-60 и С-65, не говоря уже о совсем маломощном НАТИ-5, имели непозволительно малую скорость и не могли обеспечить маневр артиллерии. И, наконец, в первые же часы немцы смогли уничтожить всю нашу авиацию (в основном истребители). Да если бы и не уничтожили, то наши И-16, а тем более, И-15, не были равней немецким мессершмиттам и фоккевульфам. То же было и со стрелковым оружием: появившийся позже автомат ППП (а сначала ППД) с pistolетным патроном от «ТТ» и патефонной пружиной в диске имел склонность (пусть и не часто) перекашивать патрон и «заедать» во время стрельбы. Недаром потом да и до сего времени во всем мире в автоматическом оружии используется рожковый, а не дисковый магазин. У немцев же были целые подразделения автоматчиков, вооруженных безотказным «шмайсером». У нас в самом начале войны были даже тачанки с пулеметом «Максим», оснащенным кожухом вокруг ство-

ла, заливаемым для охлаждения водой. С таким оружием еще в гражданскую войну воевал Василий Иванович Чапаев, а нам в 41-м пришлось воевать с механизированными частями немцев. И совсем не понятно: у нас в начале войны были кавалерийские корпуса Доватора, Кириченко, Белова и др., вооруженные пашками и кавалерийскими карабинами. А недавно прочитал, что у нас в самом начале войны не хватало даже винтовок и патронов. Три риторических вопроса:

Много слышал (теперь, конечно, а не прежде): если бы немцы начали войну не 22 июня, а, допустим, в начале мая, то они до наступления морозов взяли бы Москву и закончили войну победой. Так ли это?

Сумели бы мы без помощи союзников, и главное, без открытия второго фронта, победить немцев в Великой Отечественной войне?

Смогла бы еще хоть какая-нибудь страна выдержать подобную войну (при наших потерях людей и территории)?

Мои соображения по первому вопросу. Во-первых, зимние морозы 41 года были не в радость не только немцам, но и нам тоже. Правда, нашу пехоту, прибывавшую под Москву, особенно из Сибири, одели в полушубки, шапки-ушанки и валенки. А немцев тогда у нас показывали (сам я их не видел) одетыми в пилотки, сапоги и короткие шинели. Но главное-то все-таки, думается, было в технике, а немецкие дизеля, надо полагать, были достаточно морозостойкими. Уже теперь, через полсотни лет, в газетах и журналах стали писать, что у нас было очень много обмороженных (массовые обморожения в финскую войну, похоже, так ничему и не научили), в отдельных частях были перебои с питанием, вшивость и даже сыпной тиф. Потеря Москвы нанесла бы обороне громадный урон, но сейчас мне видится, что Сталин и в случае потери Москвы не собирался заканчивать войну и признавать поражение. На восток было переброшено очень много военных заводов, которые уже начали выпускать и поставлять на фронт оружие. Правительство переехало в Куйбышев, все учреждения с оккупированных территорий были эвакуированы и уже работали в тыловых городах. И, наконец, вот такой символ - был учрежден орден Кутузова. А Кутузов, как известно, сдал Москву, но выиграл войну. Думаю, что морозы 41 года затруднили боевые действия обеим сторонам, но не явились основной причиной приостановления боевых действий немцев, тем более что к Москве они вплотную подошли в середине октября, когда сильных морозов еще не было. Думается, что основная причина была в том, что немцы выдохлись, плюс мы хоть и вынужденно но смогли выдержать многомиллионные потери, а немцы – нет.

Второй вопрос с окончанием войны и много лет позже дискутировался в армии, а я все время был в армии или был тесно с ней связан. Известна, конечно, та мудрость, согласно которой «всякий мнит себя страте-

гом, видя бой со стороны». И все же попробую поискать ответ. Материальная помощь союзников не была, конечно, решающей. Вознесенский, будучи еще членом Политбюро, написал книгу «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны», где определил эту помощь в 5%. Много позже я встречал цифру в 10%. Но и то и другое было только помощью. Я знаю о том, что нам поставляли самолеты, моторы для Ил-2, корабли, взрывчатку, продукты питания, но что было видно на глаз - много различных марок автомобилей: «Студебеккеры», «Доджи», «Шевроле», «Виллисы». Были еще английские танки (кажется, «Валентин»), торпедные катера. Несомненно, поставляли что-то еще. Но самое главное, мы ожидали от союзников открытия второго фронта, а это затянулось до июня 1944 года, когда свою-то территорию мы фактически освободили. В 1943 году, правда, войска союзников высадились в Сицилии, что вскоре заставило выйти из войны Италию. А англичане, кроме того, выгнали из северной Африки немецкий корпус Роммеля. С одной стороны, иногда мне думается, что мы и без союзников выиграли бы войну. Уложили бы еще не один миллион солдат, увеличили бы еще призывной возраст (к концу войны и так призывали 55-летних), заменили бы мужчин, имеющих броню, на женщин, да мало ли что еще могли придумать... С другой стороны, трудно заменить квалифицированного сталевара, шахтера, работника оружейной, самолетостроительной и других оборонных специальностей (а их, наверно, и так «перетряхнули» не один раз, даже заключенных «перетряхивали»). По моим представлениям мы и так к концу войны приползли на четвереньках, и может быть, эти 5 или 10% были тем самым «довеском», без чего могло и не хватить сил. Не знаю, насколько здесь уместно подобное сравнение, но, например, штангист поднимает 100 килограммовую штангу, а 105 поднять не может, или прыгун прыгает на 2 метра, а 2 метра и 1 см прыгнуть не может. А ведь он выкладывается полностью и уже сделанное несравнимо с этими дополнительными пятью килограммами или одним сантиметром. А что было бы, если бы немцы раньше американцев изготовили атомную бомбу и применили ее тогда, когда в Германии на сравнительно небольшой территории находилась почти вся наша армия, а это чуть ли не все мужское население страны. И если на первый вопрос я ответил отрицательно: нет, не морозы главная причина того, что под Москвой немцев сумели остановить, а потом и отбросить, то на второй (Сумели бы мы победить в войне без помощи союзников и, главное, без открытия второго фронта?) ответа у меня так и нет, хотя тянет сказать: «Да. Справились бы и сами». Не знаю.

И, наконец, третий вопрос: «Смогла бы еще хоть какая страна устоять против такого натиска?» (пропорционально своим масштабам конечно, нельзя ведь ставить немцев против Дании или Голландии). У нас все-

гда говорили: «Нет. Ни одна страна кроме СССР». Ну а если порассуждать. Франция сдалась немцам через месяц (или через два, или через три, не помню), но сохранила и людей, и практически все города. Примерно то же произошло с Норвегией, Данией, Бельгией, Голландией. А может ли позволить себе сейчас Израиль, когда многие арабские государства говорят об уничтожении еврейского государства («Сбросим всех евреев в море!»), к которому, кстати, евреи стремились 2 тысячи лет, повторить путь Франции 40 года. Ясно, что здесь такой подход невозможен. В Советском же Союзе подобный путь, во-первых, сменил бы правящую верхушку, в руках которой был невиданный по силе карательный аппарат, который не только мог пресечь любую попытку противодействия, но даже противомыслия (вплоть до депортации целых народов: чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, турок-месхетинцев, греков и др.) Во-вторых, государство оградило своих граждан от всякой связи с границей, закрыло от них все сведения о том, как там живут люди, да и вообще, что там делается. Все это доходило до нас через мощные фильтры и в нужном для начальства свете. Это дало возможность вырастить целое поколение людей, слепо верящих во все, что им говорилось. Впрочем, не верящих или сомневающихся, да и просто способных к рассуждениям не по заданному шаблону, еще до войны кого уничтожили, кого рассадили по лагерям и тюрьмам. Нужно добавить, что страна состояла в основном из крестьян, не имевших даже паспорта и тем самым закрепленных за определенным местом жительства (разновидность крепостного права), т.е. имевших очень ограниченную возможность общения с людьми других районов страны. Вот эти да и некоторые другие факторы делали наш народ послушным, и при железной воле Сталина только мы были способны, неся неслыханные потери, продолжать войну. Как писали много после окончания войны писатели Алесь Адамович и Виктор Астафьев: «Мы затопили врага своей кровью...» Но вот что любопытно, наши громаднейшие потери выдавались если и не за заслуги, то за некий показатель вклада в победу, тогда как с осуждением говорили, что «американцы потеряли только 450 тысяч человеческих жизней». Это ведь факт, что у нас американцев осуждали не столько за меньший вклад в победу, сколько за несравненно меньшие потери, чем у нас.

Эта готовность государства жертвовать людьми в больших количествах осталась и до последнего времени уже в так называемое мирное время. Мы десятками тысяч побили людей в Афганистане и Карабахе, Баку и Вильнюсе, Тбилиси и Абхазии. Наконец, большие жертвы в Чечне. И если на заре советской власти главком Красной армии говорил: «Вы на танках, а мы на санках» и «Революционный порыв выше академий», то в Чечне армия воевала не на санках против танков, а с применением всех

видов оружия, разве что кроме атомного, и все равно несла тысячные потери, да сверх того - в десятикратном размере - среди мирного населения. А ведь еще перед Великой Отечественной войной одно из первых лиц государства, нарком обороны К.Е. Ворошилов, уверял страну в том, что в случае войны победа будет на чужой территории и малой кровью.

А вот для контраста: американцы и в ту войну всячески избегали людских контактов с противником, заменяя их многоразовыми бомбардировками и артобстрелами, а также большим количеством броне- и автотехники. Пусть это было в некотором роде и политическим жестом, но когда в США привезли из Персидского залива первый гроб, в котором находилось тело летчика, то его встречал президент. У нас же гробы с афганцами по инструкции должен был встречать и организовывать военком района, а тот придумывал себе «дело» и порекомендовал это несомненно неприятное дело одному из офицеров военкомата, а тот одному из нас, членов комитета содействия. Я один раз организовывал в Алма-Ате от имени военного комиссариата похороны афганца.

У нас сведения о погибших или скрываются, или перевираются, как это было еще в Великую Отечественную войну и продолжается до сего времени. У американцев, как рассказывал по телевизору во время войны в Персидском заливе корреспондент Нуйкин, в каждом штате по утрам бегущей строкой показывали фамилии участников боевых действий от этого штата, в том числе обязательно раненых и убитых. И не только сокрытие этих данных, но и ошибки становились предметом рассмотрения в Конгрессе. А в итоге - это показатель того, кто и как бережет своих людей.

Я сейчас точно не помню дату, но где-то в конце тридцатых годов немцы захватили остров Крит. Имея союзников в Средиземном море (Италия, Испания) и не имея серьезных противников, немцы свободно могли захватить этот остров в ходе морской операции. Но они захватили его воздушным десантом. Если я не ошибаюсь, они сбросили на остров 3 тысячи парашютистов. Всем стало ясно, что они готовятся к захвату Англии. Историк я никакой, но мне кажется, что на территории Англии вражеские солдаты не были никогда. Не удалось это и Гитлеру (Наполеону в свое время тоже). Англичане, готовясь к обороне страны, стали в массовом порядке призывать в армию женщин. Вот по этому поводу и хочется порассуждать. Сейчас, когда Россия буквально плачет от некомплекта армии, ей стоило бы обратиться к опыту Англии 1940 года. Даже сегодня в Армию Обороны Израиля призывают женщин. В США, где не мобилизационная, а контрактная система комплектования армии, тоже много женщин (даже 5 генералов - женщины).

Не зная условий жизни женщин в армиях других стран, думая о наших, хочется повторить известное: «Война - ни в коем случае не жен-

ское дело». Мне думается, что в войну наиболее тяжелая доля досталась женщинам-санинструкторам, которые прямо из боя вытаскивали раненых, имея в самом лучшем случае в качестве средства транспортировки собственную плащ-палатку. Под огнем (часто и прицельным) ей нужно было перевязать и перетащить хотя бы в безопасное место иногда и крупного мужика, который в бессознательном состоянии становился еще тяжелее. А сколько этих девочек погибло, спасая раненого, часто и вместе с ним, сколько остались калеками.

Когда появились первые штурмовики Ил-2 (да и бомбардировщики Пе-2), то место стрелка-радиста зачастую занимали женщины. И если летчик со спины был защищен бронеспинкой, то стрелок-радист в первое время - ничем. Они и гибли сотнями и тысячами. Да и готовили их наспех: основы радиодола, запоминание силуэтов немецких самолетов, стрельба из авиапулемета, несколько прыжков с парашютом с вышки, да два-три с По-2 с 400-метровой высоты - и готов стрелок-радист. А их требовалось много. Очень уж много их гибло. Опытные немецкие летчики, воевавшие в небе многих европейских стран, начиная с Испании, уничтожали сначала стрелка-радиста, а потом расправлялись с незащищенным сзади самолетом. А девочки, которым «повезло», попали в зенитную артиллерию. Снаряд (автоматических пушек у нас сначала не было) весил больше пуда, а во время стрельбы их требовалось подать много, работа эта не для женщины, а для здорового мужика. К этим батареям часто прорывались немецкие танки или диверсионные группы и давили и расстреливали, не разбирая, мужчина это или женщина. В наших лихих фильмах и приключенческих книгах не раз описывалось, как наши девушки прыгали с парашютом в тыл врага и, как правило, ночью и на лес. Ночью да на лес хорошо прыгать в кино. А в жизни да ночью при прыжках на лес большая вероятность просто напороться на сук и погибнуть, ничего не успев сообразить, разве что крикнуть «мама».

В армии есть много должностей, где можно использовать женщин: штабные писари и библиотекари, официантки и переводчицы, планшестистки и медицинские работники и много других подобных, а пушки, танки и самолеты все-таки следует оставить мужчинам. И от меня (и многих других тоже) нижайший поклон всем женщинам, которые были на войне.

У той войны была еще одна сторона, о которой оставшиеся в живых старались говорить как бы вполголоса, хвастаться здесь было нечем: это значительная, чтобы не сказать массовая, сдача в плен, особенно в первое время. Недавно прочитал книгу Игоря Бунича «Таллинский переход». Вообще-то эта книга о гибели значительной части Краснознаменного Балтийского флота в 41 году. Но там есть и такое. В первое время войны на нашей территории было 3,2 млн. немецких солдат, а наших пленных в это

время у немцев было 3,5 млн. (всего за войну 5 миллионов). Автор утверждает, что такое количество немцы не смогли бы пленить физически. И делает вывод, что повальная сдача в плен была реакцией кадровой армии на репрессии в предвоенные годы, это с одной стороны, и проявлением нежелания сражаться и тем более умирать за существующий строй - с другой. Я не был в этот период на фронте. Но слышал, так сказать, «по горячим следам» много неприятного. Услышать такое для меня даже сейчас - дико и мало правдоподобно. Но смущает вот что: 5 миллионов пленных. А если сюда добавить так называемых пропавших без вести. Я понимаю, что часть из них погибли, но не все же. А сколько ушли в Америку да и в другие страны до Австралии включительно, все это неслыханное количество в истории войн, кстати, превышающее списочный состав кадровой армии в довоенные годы. И ведь именно к этому году относится высказывание Сталина: «У нас нет пленных. У нас есть изменники Родины. Они все будут наказаны, а родственники их высланы». Я, кстати, не слышал, чтобы высылали. Все это можно было бы отнести к деспотизму Сталина, но почему тогда не всех пленных репрессировали? Часть ведь и освобождали от наказания. В то же время Виктор Некрасов, издавший после войны книгу «В окопах Сталинграда», интересовался мирной жизнью солдат своей бывшей роты и навел справки: почти все попали в лагеря.

Какие здесь существовали критерии? Этого я просто не знаю. В последние годы стали много говорить о бездарности наших военачальников. Раньше говорили о героизме русских солдат и бездарности царских генералов. Но ведь и те и другие теряли на полях сражений миллионы солдатских жизней. И опять у меня нет ответа. Не знаю, в чем дело.

Война с Финляндией стоила очень большого количества жизней, а сколько было раненых и, особенно, обмороженных, и все это из-за полной неподготовленности. Командовал тогда армией «первый красный офицер» К.Е. Ворошилов. Его сменил Тимошенко. Вот они да еще Семен Михайлович Буденный, да кажется еще некоторые «буденовцы» с прежним кавалерийским опытом командовали в первых боях против немецких танковых колонн. Это позже (я-то помню по Подмоскovie) появились Жуков, Конев, Рокоссовский и др. С их именами связаны и первые успехи. Но потери не уменьшились.

Сейчас во всем обвиняют Сталина. Это по его приказу брали города к юбилейным датам, а не тогда, когда операции были серьезно подготовлены, что стоило многих дополнительных жертв (Киев, например, взяли к 7 ноября, утопив при этом в незамерзшем Днепре не один десяток тысяч наших солдат). Позже стали все это объяснять отсутствием достаточно подготовленных кадров военачальников, значительная часть которых была уничтожена в предвоенные годы. И если командиры у немцев начиная

практически с полкового звена имели академическое образование и опыт ведения войн во многих странах Европы, то у нас до конца войны продолжал существовать лозунг времен гражданской войны: «Революционный прорыв выше академии».

Правда, где-то после Сталинграда этим перестали козырять. А сразу же после войны стали увольнять с больших постов людей, не имеющих высшего образования или не обучающихся очно или заочно в вузах. Среди заочников нашей академии я видел прокурора Белоруссии (кажется, Ветров), прокурора Закарпатского военного округа, начальника «Смерш» Московского военного округа и много прокурорских и трибунальских работников крупных военных гарнизонов. И сюда же: Маршал Советского Союза Василевский, как мне представляется, один из наиболее толковых военачальников времен Отечественной войны, в своих мемуарах писал: «Если бы Сталин не обезглавил армию в предвоенные годы, то не только не было бы таких потерь, но, вполне возможно, не было бы и самой войны».

Василевскому конечно виднее. Но опять вопрос: сейчас у нас, как у немцев в период войны, нет ни одного командира полка без академического образования, многие его замы а то и командиры батальонов с академией, все командиры дивизии и выше окончили Академию Генерального штаба. Все остальные офицеры начиная с командира взвода окончили 4-х, а то и 5-ти летние военные училища. Армия оснащена всеми видами современного вооружения, а со всех мест, где шли или идут военные действия (из Афганистана и Чечни особенно), идут и идут гробы с телами погибших наших солдат и офицеров. В чем дело теперь? Кто виноват? Это что, для нас неизбежно?! Здесь я ничего вразумительного сказать не могу. Хочется только сравнить: мы всей страной со всей ее мощью воевали в Афганистане. С неограниченной возможностью маневра вплоть до полного окружения воевали в Чечне два года. И не только позорно проиграли, но и понесли большие потери. Американцы в Персидском заливе 100 дней готовились, производя периодические бомбардировки и 100 часов (всего четыре дня) вели активные боевые действия, понеся при этом незначительные боевые потери. А ведь армия Ирака по технической мощи да и опыту ведения войны (8 лет войны с Ираном) несравненно сильнее и Афганистана, и Чечни.

О поведении на оккупированной территории я уже писал. Больше не хочу. Хотя я видел или слышал о бесцельных убийствах, о мародерстве и насилиях, которые нам подносились (а нами охотно воспринимались) как исключительные случаи. Одно утешение: на войне - как на войне...

Но я видел и обустроенность, и весь быт в Германии, Австрии, Чехии, Словакии... Видимо, крепко в меня вбивали коммунистические иде-

алы в пионерской и комсомольской организациях, а позже в партии и армии, если я и после всего увиденного остался им верен, а некоторые из возникающих сомнений старался относить к тем самым «исключительным» случаям. Впрочем, довольно быстро все, что мы там видели, от нас закрыли, слишком уж широко открытыми глазами многие стали смотреть в ту сторону. А потом мы выехали из Германии. А потом на нас обрушили целую лавину агитации о преимуществах нашего образа жизни и о кознях империалистов против нас. И опять я всему верил.

В газете «Новости недели» за 6 мая 1999 года напечатана статья «Легенды второй мировой войны». Запишу ее в кратком изложении и без комментариев в виде "общепринятое мнение - мнение авторов статьи". И хотя с общей ее концепцией я и не согласен, но... запишу.

Война с Гитлером продолжалась с 41 по 45 годы.

- Война с Гитлером началась не в 41, а в 1939 году.

Сначала Россия воевала неудачно. Потом воевать научилась.

- Непрерывно с 1939 года по 45 г.г. Гитлеру противостояла только Великобритания.

Второй фронт был открыт в 44 году с целью раздела добычи.

- Открытие второго фронта (высадка во Франции) англичане и американцы рассматривали с точки зрения своих интересов и сбережения своих граждан.

Наибольший вклад внес тот, кто понес наибольшие потери.

- В 1939-41 г.г. Советский Союз сохранял благоприятный для Германии нейтралитет, поставляя ей сырье. Война с Финляндией превратила СССР из союзника Англии и Франции в союзника Германии.

Нападение на СССР было внезапным.

- Англичане предупреждали Сталина о готовящемся нападении немцев. Это видно хотя бы из «Опровержения ТАСС от 14.6.41 года».

В СССР считали началом открытия 2-го фронта высадку союзных войск во Франции.

- Не принимаются во внимание все военные действия США и Англии. А ведь были и разгром Роммеля, и вывод из войны Италии, и, наконец, самые крупные в истории человечества военно-морские сражения на Тихом океане.

Попробую порассуждать в форме «если бы».

Если бы я родился не 19 января 1924 года, а всего на три недели раньше, т.е. пусть даже 31 декабря 1923 года. Это был бы 23-й год рождения, а его призывали в армию в 41, а не 42 году. Большинство наших ребят были призваны в декабре 41 года. Многие из них окончили Магнитогорское танковое училище, и многие из них сгорели в танках под Сталинградом.

Если бы меня в июле 41 года все-таки приняли в Севастопольское военно-морское училище. В связи с потерей в 41 году значительной части как Балтийского, так и Черноморского флотов, большинство флотских экипажей были списаны с кораблей и пополнили ряды морской пехоты. Так что, по всей вероятности, морским офицером я бы не стал, а через 2 месяца после поступления в училище был бы переведен в морскую пехоту, а это совсем не то, о чем я мечтал в школе.

Если бы я остался в Туле в институте. Думается, что видного инженера-оружейника из меня не получилось бы. Я учился (начинал вернее) на факультете патронно-гильзовой специализации, а это хотя и оружейник, но не совсем. А потом, даже при самых серьезных сокращениях программы, институт я окончил бы лишь к концу войны.

Если бы при эвакуации мы сошли не в Бугульме, а остановились на какой-нибудь другой станции... Я не встретил бы Тоню. А так 20 ноября 1941 года мы познакомились, а 7 февраля 1997 года отметили Золотую свадьбу.

Если бы тогда в 41 году в Бугульме секретарь райкома партии согласился с моей просьбой об отправке на фронт, а не направил бы меня на курсы шоферов... не знаю.

Если бы после Сталинграда у нас не сменили профиль обучения с командиров взводов по блокировке ДОТов и ДЗОТов на аэродромщиков. По первой специальности в живых, как правило, оставался лишь тот, кто после первого ранения попал в госпиталь, благополучно отлежался, а потом по счастливой случайности попал в более «легкую» часть.

Если бы, возвратившись из командировки в Москву в сентябре 45 года, я не удрал в Союз вдогонку за своей частью, а остался служить в Германии. Здесь совсем не ясно, очень многие части расформировывались, а офицеры увольнялись.

Если бы меня после окончания академии оставили работать в органах военной юстиции. Не знаю: слишком уж я верил всему, что нам говорили, и наверняка был бы верным «карательному мечу».

Если бы в 1994 году не поехал в Израиль. Очень тосковал бы по Юре и Бореньке, но не было бы дикой тоски по всему тому, что там осталось (а там ведь не только 70 лет жизни, но и сын, и три внука...).

Эти девять «если» можно долго продолжать. И в моих воспоминаниях они являются в некотором роде «лирическим» отступлением.

В своих записках я упустил такую фигуру, как уполномоченный «Смерш». Когда я прибыл в 43 году в батальон, на этой должности был капитан. Звали его Семен, а фамилию не помню. В этом звании он от нас и ушел, когда после окончания войны мы прибыли в Белоруссию. Слава Богу, к этой организации я отношения не имел, но, сколько помню, отно-

шения к ней были как бы раздвоены: с одной стороны, уважительное - борьба со шпионами, диверсантами, террористами, слова Дзержинского о том, что «у чекиста сердце должно быть горячим, голова холодной, а руки чистыми»; с другой - чувство боязни, все еще помнили 37 год. Потом, я помню, памятник Дзержинскому в Алма-Ате (впрочем, как и памятники Ермаку и Пржевальскому) свалили первым. Короче говоря, все развернули на 180 градусов. Но я не об этом. Я про Семена и совсем немного о тех, кто был после него. Когда я только прибыл в часть, Семен все расспрашивал, почему не прибыл в часть Петр Щелоков (я рассказывал, что он попал ногой под поезд). Семен почти все время бывал в разъездах, и я его очень редко видел. Помнится, уже где-то в Германии мы задержали немецкого солдата, который был переодет в гражданскую одежду и пробирался на запад. Семен в присутствии трех или четырех офицеров допрашивал его через переводчика. Неожиданно Семен ударил его по лицу. Не знаю, сказал ли немец что-то не так, или таков был способ допросов. Толя Денисов, помнится, обругал за это Семена и сказал, что пленного бить просто, а если чешутся кулаки, бери автомат и иди в окопы, там все дозволено. Семен огрызнулся, но немца больше не бил. Еще мне запомнилось, как будучи в подпитии Семен жаловался на малый объем работы: «Я о вас знаю больше, чем вы сами о себе знаете».

После Семена (это уже на севере) был тоже капитан, но ни имени, ни фамилии его я не помню. Этот оказался негодяем. Не знаю каким способом, но он подговорил солдата-шофера, и тот написал бумагу, согласно которой выходило, что Петр Пушкин (он в это время был начальником технического снабжения) продал кому-то на сторону ящик с патронами. Приехал полковник из КГБ, и солдат признался, что наш уполномоченный подговорил его написать оговор. Солдат в своей бумаге утверждал, что он отвозил патроны под сидением Студебеккера, а когда подняли сидение, то оказалось, что не только ящик, но и цинк с патронами туда не поместится. Вскоре у нас эту должность вообще сократили.

И еще встречи. В октябре 1969 года я увольнялся в запас. В присутствии Владимира Кузьмича Сыромолотова я передал дела и должность своему уже бывшему заму М.Е. Княжеву. Но в тот день не уехал, т.к. на проводы из Ташкента обещал приехать начальник аэродромного отдела армии С.Е. Гневашев. А ночью на машине солдаты сбили велосипедиста. Группу уполномоченных (кажется, их было человека три) в гарнизоне возглавлял майор Аполлон Иванович Божко. Помнится, он мне пригрозил: «Так можно и без пенсии уволиться». Но это была уже не моя болячка, я был уже в запасе. Кстати, этого Аполлона Ивановича (не часто встречается такое сочетание имени и отчества) потом перевели в Алма-Ату, а потом лет через двадцать мы опять встретились - наши дачи оказа-

лись почти рядом. Когда я работал военруком в школе, то наряду с милицией порядок школьного оружия проверяла и эта служба. Один раз, когда две наши учительницы купили путевки на круиз вокруг Европы, от них тоже приходил молодой парень. Его интересовало мое мнение: не останутся ли они за границей?

Писать о войне «чернуху» можно долго, тем более что за последние годы подобное подбрасывают и кинофильмы, и газеты, и книги. Напишу немного в виде перечисления из того, что частично видел сам, а частично слышал или вычитал. И это не в порядке важности, а как вспомнилось.

Я уже писал, что наши безногие калеки передвигались на самодельных колясках, сделанных ими самими, на подшипниках. Иногда на деревянной ноге, тоже самостоятельно изготовленной. Настоящих колясок у нас не было. Объясняли это отсутствием средств. А многомиллиардные вливания в Кубу, Египет, Сирию, Ливию и другие страны мы делали безвозмездно.

В лесах Катыни расстреляли тысячи польских офицеров, а когда Польша стала дружественной страной, комиссия под руководством академика Бурденко и писателя Алексея Толстого составила документ, согласно которому выходило, что это немцы их расстреляли. Сейчас признали, попросили прощения, но теперь все свалили на Сталина.

В конце войны видел на какой-то автостраде в Германии раскатанный в лепешку труп немецкого солдата: машины шли на запад сплошным потоком и не все успевали отворачивать.

Когда судили лейтенанта Муратова за то, что тот привез метиловый спирт, от которого отравились многие солдаты, а 9 человек умерли, то, пытаясь искать оправдания, Муратов рассказал, что он напоил сначала старого немца. И лишь убедившись, что тот живой, привез спирт в батальон. Председатель трибунала это также вменил ему в вину: на старом немце как на подопытном кролике он проверял пригодность спирта.

Раньше я просто слышал, причем лет десять назад от командира бомбардировочного полка, а не так давно и прочитал, что не только немецкие, но и наши самолеты и торпедные катера бомбили корабли с женщинами, детьми и ранеными. Корабли, выходившие, например, из Кенигсберга. Но если это были ненавистные немцы, и шла жесточайшая война, то в Чечне против селений применялись самые душегубные средства борьбы, в т.ч. так называемое «ковровое бомбометание».

Еще во времена Аденауэра слышал по «Немецкой волне»: у нас военнопленных использовали не только на строительных работах, но и на разминировании не нанесенных на карту минных полей, при создании и уничтожении химического оружия, при работе в свинцовых и урановых рудниках, при вылавливании плавающих мин, на других работах, связан-

ных не просто с повышенной, а со смертельно опасностью. Не так давно то же читал о японских пленных.

Я не помню, записал ли или нет. Но если и записал, у меня все равно не прояснилось до конца: Гитлер был у власти 12 лет (с 1933 г по 1945 год), Сталин 29 лет (с 1924 по 1953 год). Как им удалось создать целое поколение безоглядно преданной молодежи? Ответа у меня нет. А хотелось бы иметь, особенно глядя на сегодняшнюю российскую молодежь.

После гражданской войны у нас демонтировали многие из старинных памятников, будто в нашей истории не было Потемкина, Скобелева и др. А в фашистской Германии были сохранены памятники и музей М.И. Кутузова. Быть может, я где-то уже и записал, но повторюсь: подняв затонувший крейсер Варяг, японцы отремонтировали его и включили в состав своего флота, присвоив свое японское название. Но из уважения к героизму российских моряков оставили на корме надпись «Варяг». А Руднева, одного из немногих не японцев, наградили самурайским мечом. А в Алма-Ате еще в 1993 году сменили название улиц Руднева и Ушакова на другие названия, «мудро» объяснив, что они никогда не жили в Алма-Ате.

Было в войну и еще одно позорное явление - это случаи связи российских женщин с немецкими солдатами. У нас таких женщин называли «немецкими овчарками». Часто у них оправданием служила формула «война все спешет». Читал, что французы с такими расправлялись довольно оригинально: они их ловили и стригли наголо.

И еще допишу, хотя это относится не только к войне, но к войне особенно: если человек в одиночку еще как-то соблюдает библейские или просто человеческие заповеди в своих действиях или поведении, то в толпе границы дозволенного стираются, появляется чувство вседозволенности. А если люди вооружены? А если они находятся в качестве завоевателей на вражеской территории? А если солдаты страны, где мы сейчас являемся завоевателями, в свое время сожгли мой дом, мой город, угнали неизвестно куда или уничтожили моих родственников? А если на это накладывались призывы «Папа, убей немца!», и если все песни, стихи, кинофильмы с первого и до последнего дня призывали к этому же, а перед территорией Германии надпись «Вот оно, фашистское логово!». Нет, не я им судья!

Хотя безобразия, конечно, были и предостаточно.

Были изнасилования, об этом в конце войны были (и в немалом количестве) приказы по армии и фронту. Были бессмысленные убийства. Зайдя в один жилой дом, я увидел в мягком кресле мертвого старика, убитого, похоже, с очень близкого расстояния (на лице была копоть). Он был убит выстрелом в лоб. Были и об этом приказы. Были случаи прямого вандализма или необъяснимого идиотизма. У нас один офицер застрелил

племенного быка из стада, которое было подготовлено к отправке в Союз. А рядом с нами стояло прекрасное имение с большим количеством картин, ковров, книг, посуды, мебели. Его ночью подожгли, и оно полностью сгорело. Был приказ, что где-то солдаты, напившись, сожгли свинарник с большим количеством свиней и это в то время, когда у них дома голодали их родные. Было и многое другое.

Я не могу судить обо всей территории Германии, а та, где я был после войны, отошла к Польше, но практически все мирное население уходило на запад. И основная масса шла пешком с различными колясками, вплоть до детских. Рассказывали, что из Пруссии выслали всех оставшихся там немцев (недавно говорили, что часть все же вернулась). Больше об этом писать не буду. И так подумалось: а стоило ли все это ворошить? Может, лучше оставить все, как в кинофильмах? Но ведь это было...

И еще одно, без чего закончить писать о войне было бы неверно. Несколько дней назад я получил медаль «К столетию со дня рождения маршала Советского Союза Г.К. Жукова». Жуков - личность в Великой Отечественной войне, заслуживающая отдельного разговора. Итак, Георгий Константинович Жуков, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. С его именем связаны победы под Москвой и взятие Берлина, включая многое между этими событиями. Сказать о Жукове коротко не получится, сказать подробно - не хочется, хотя его книга «Воспоминания и размышления», взлет Жукова к концу войны, включая взятие Берлина и принятие капитуляции Германии, и первое время после войны, в том числе принятие им Парада Победы, опала и опять взлет и опять опала - все это дает много материала для размышлений. Напишу коротко в виде перечисления с небольшими (если получится) комментариями.

Положительное. Жуков, вне всякого сомнения, самый видный военачальник времен Великой Отечественной войны и Хасана. Что-то ничего не знаю о том, был ли он в Испании. Жуков был командующим округом, начальником Генерального штаба, министром обороны, командующим различными фронтами, первым заместителем Верховного главнокомандующего и, наконец, при Хрущеве - членом политбюро. Жуков - единственный четырежды Герой Советского Союза и единственный также из награжденных дважды орденом «Победа». Он также кавалер высших орденов Англии, Франции, США. Наверное перечисленного достаточно, чтобы показать полководческую роль Г.К. Жукова.

Отрицательное. Жуков не имел даже простого академического образования. Правда, сейчас говорят, что у него была громадная (около 20 тысяч томов) библиотека и он постоянно занимался самообразованием.

Жуков пользовался расположением Сталина и любая операция, которой руководил Жуков, считалась главной. А это означало, что ему давалось новейшее вооружение и техника и в больших количествах все виды обеспечения. Так было, например, и при взятии Берлина, которым руководили также Рокоссовский и Конев.

Нигде не прояснено, как Жуков с его непокорным и самостоятельным характером уцелел в 37-38 годах, когда армия была обезглавлена.

Жуков был не просто груб, но и жесток с подчиненными. Примеров много. Но только один (из книг, конечно). Когда уже при Хрущеве Жуков стал министром обороны и добился подчинения себе военно-морского флота, который раньше был самостоятельным министерством, то, как это у нас передавалось (а я тогда служил на севере), он заявил, что едет «обрезать клеши». Разогнал и поувольнял многих адмиралов, отвоевавших войну. А когда к нему зашел в кабинет Адмирал Флота СССР - аналог Маршала Советского Союза на флоте, Кузнецов, бывший до этого Министром ВМФ, то Жуков накричал на него, а в конце сказал: «Пошел вон отсюда!» (Книга Бунича «Таллинский переход»).

Жуков, кажется, более других не считался с потерями на фронте. Когда после взятия Берлина Эйзенхауэр поздравлял его с победой, то все же не преминул упрекнуть большими потерями при этом. И сказал, что подобное недопустимо в американской армии: «Представляю, что бы со мною сделал и за меньшее Конгресс США!» И сюда же. У американцев был очень перспективный генерал Пэрри. Однажды он ударил тростью солдата. На этом закончилась его военная карьера, у нас же было полно начальников, которые ходили с палками и пускали их в ход без особого стеснения. Жуков был очень жесток. И дело даже не в том, что он часто приказывал через военные трибуналы (и без них тоже) расстреливать провинившихся на фронте. Когда после войны Жуков был командующим Уральским военным округом, то только у него на учениях была применена атомная бомба с занятием после взрыва пораженной территории своими войсками. Тысячи солдат и офицеров получили облучение в больших дозах. Правда, в своей книге Жуков кается, что «не был снисходителен к человеческим слабостям».

Я перечислил далеко не все положительные и отрицательные качества Жукова, а лишь те, которые первыми пришли в голову. И думаю, что медаль эту следовало бы учредить не к 100, а к 125-летию Г.К. Жукова (а что следовало это сделать, не сомневаюсь), т.к. ведь еще живы люди, которые помнят о Жукове не только по Параду Победы. Ведь о Суворове помнят лишь как о великом полководце. И никто не вспоминает, что это он разгромил восстание Пугачева, уставив виселицами дорогу от Казани до Оренбурга. И здесь, мне кажется, уместно вспомнить слова Генерала

Армии Алтунина, который заметил, что « всю правду о войне скажут лишь после смерти ее последнего участника ».

Ну что же, не так много времени осталось ждать! Но какие бы недостатки и черные пятна мне сейчас не приходили на память, а любая война - это смертельно тяжелое и ужасно грязное дело, несмотря ни на что моя верность фронтовому братству остается неизменной. И больше того, я до конца остаюсь при твердом убеждении, что наше поколение выполнило задачу, поставленную перед ним историей: участвовало и победило в Великой Отечественной войне. А что отдали за это 27 миллионов человеческих жизней, мы виноваты только перед ними, иначе не сумели. И совсем последнее: за всю войну мне никто не напоминал о моем еврейском происхождении. После войны было. А во время войны - нет.

Война. Фамилии тех, кого вспомнил

1941 год. Бугульма

Толя Шаталов

Слава Ждярский

Лена Фум

Мара Горская

Толя Калиновский

1942-43 г. г. Болшево. Военное училище

Ермолаев – Начальник училища

Манн – командир нашего батальона

Городецкий – командир другого батальона

Журавлев – командир нашей роты

Розанов – зам. командира роты

Борисюк – адъютант начальника училища

Леонтьев – наш взводный

Архипов – старшина роты

Муша – помкомвзвода

Щелоков – курсант

Микрюков – курсант

Нестеренко – курсант

Козлов – курсант

1943-1945 г.г. Война

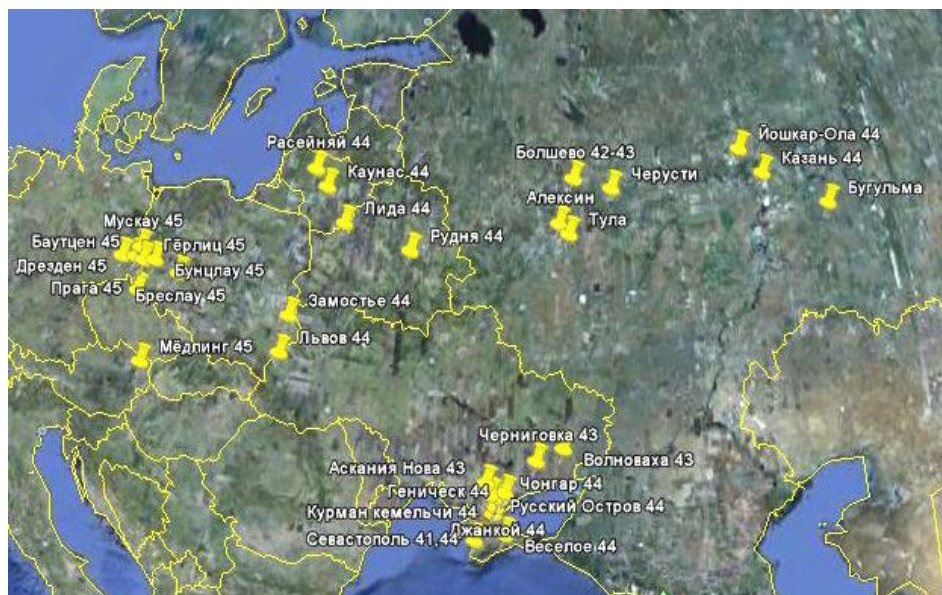
Михайлов – командир батальона

Волна – замполит

Иванов – начальник штаба

Толмачев – начальник ПТО

Денисов – его заместитель
Семенов – геодезист
Гуржий – сержант
Слюсарь – врач
Смехов - техник роты
Пушкин – комвзвода
Муратов – комвзвода
Синельниченко – комвзвода
Габрильчук – зампотех
Тимченко – командир роты
Гарашук – командир роты
Либерман - помощник по тылу
Богатырчук - автослужба
Мельник – начальник ГСМ
Бабицкий – парторг
Волошин – начальник клуба
Миля - жена Петра Пушкина (после войны)
Тося - жена Либермана (после войны)
Шура - жена Бабицкого (после войны)
Клава - жена Денисова (после войны)
Разуваев - шофер
Селиванов - шофер
Мария - солдатка из ПТО
М. Буряк - солдатка
Галкин – начпрод

1941 - 1945 з.з.

БЕЛОРУССИЯ

Теперь мне предстоит вспомнить службу в армии в мирное время (а это до осени 1969 года). И опять опасаясь, что это будет мне даваться с большим трудом. Этого я боялся перед написанием каждого из уже написанных разделов. И перед каждым возникали свои проблемы. Но эта - особая. Наверно, это у всех, кто был на фронте: сны да и воспоминания наяву о войне, которая явилась основным стержнем в жизни моего поколения. Вряд ли я сумею толково изложить эту мысль, поэтому - вот отрывок из стихотворения Слуцкого:

«Война? Она запомнилась по дням.
Все прочее - оно по пятилеткам.
Война ударом сабли метким
Навеки развалила сердце нам.
Все прочее же... Было ли оно?
И я гляжу неузнающим взглядом.
Мое вчера прошло уже давно,
Моя война еще стреляет рядом.
Конечно, это срыв и перебор,
И крик, и остается между нами...
Но все-таки стреляет до сих пор
Война... И попадает временами».

Сразу после войны да и много позже я задумывался не раз о своей военной судьбе. Я уже рассуждал в своих воспоминаниях о причинах, которые кажутся мне главными среди тех, что помогли мне выжить. Здесь и удачное стечение обстоятельств, которых, видит Бог, я не искал да по правде говоря и не сумел бы, если б даже захотел это сделать. Здесь и дополнительная забота сослуживцев, не просто как о самом младшем, но и о человеке, в котором многие видели своего сына (мне было 19, а им почти всем за сорок), а сейчас к описанному в предыдущем разделе мне просто хочется добавить два момента. Во-первых, это слова поэтессы-фронтовички Юлии Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Во-вторых, видно, крепко за меня молились, если все эти факторы сошлись вместе, и я остался живой. А на фронте я был с 1943 года и до конца войны и, главное, входил в число родившихся в те роковые 1922-1924 годы, которых война выкосила почти полностью. Не я сказал, но снова повторю в память о маме и Тоне:

«Просто ты умела ждать,
как никто другой...»

А сначала там такие слова:

«Не понять не ждавшим им,
как среди огня
ожиданием своим
ты спасла меня».

Итак, мы с Петром Пушкиным добрались до белорусского городка Хойники. Сейчас он печально известен, наверно, всему миру, т.к. находится в центре зоны радиоактивного заражения Чернобыля. Я сначала записал: «И должен быть покинут жителями». Но уже не один раз видел по телевизору, что многие жители зараженных участков продолжают там жить, их никто и нигде не ждет, государство не очень-то заботится о них, а внешне зараженность местности не проявляется. Вот они и продолжают жить в смертельно опасной зоне: на Украине 50-70 тысяч, в Белоруссии 100-120 тысяч, в Брянской области 150-160 тысяч человек. А ведь эта зона распространяется и на Тульскую и Калужскую области. А кроме своих жителей там немало беженцев (в основном русских) из Чечни, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана и других «райских» мест, которых за последнее время появилось немало, эти-то совсем никому не нужны.

Тогда же это был маленький городок - районный центр в Гомельской области с тупиковой железнодорожной веткой от станции Василевичи (недалеко от г. Речица). Я сейчас почему-то просто не помню, были ли там разрушения (наверное все-таки были), но там, где разместили основную часть людей и технику, а это были бывший партизанский лагерь Ковпака с экзотическим названием «Качай-Болото» и деревня на значительном расстоянии, многое было полностью разрушено (впрочем, сам лагерь состоял из землянок и разрушения там были без особого труда восстанавливаемые). Секретарем райкома партии был бывший командир партизанского отряда, Герой Советского Союза, председателем райисполкома - начальник штаба отряда Сабуров. Это не тот знаменитый в войну партизанский генерал, Герой Советского Союза, а его однофамилец. У него, правда, тоже были боевые ордена. Да и вообще, вся власть в районе, как, впрочем, и в республике, была в руках бывших партизан, что по тем временам было вполне естественно. Помнится, мне как-то раз довелось присутствовать на районной партийной конференции, там у большинства делегатов были боевые награды. А ордена и медали тогда даже на фронте

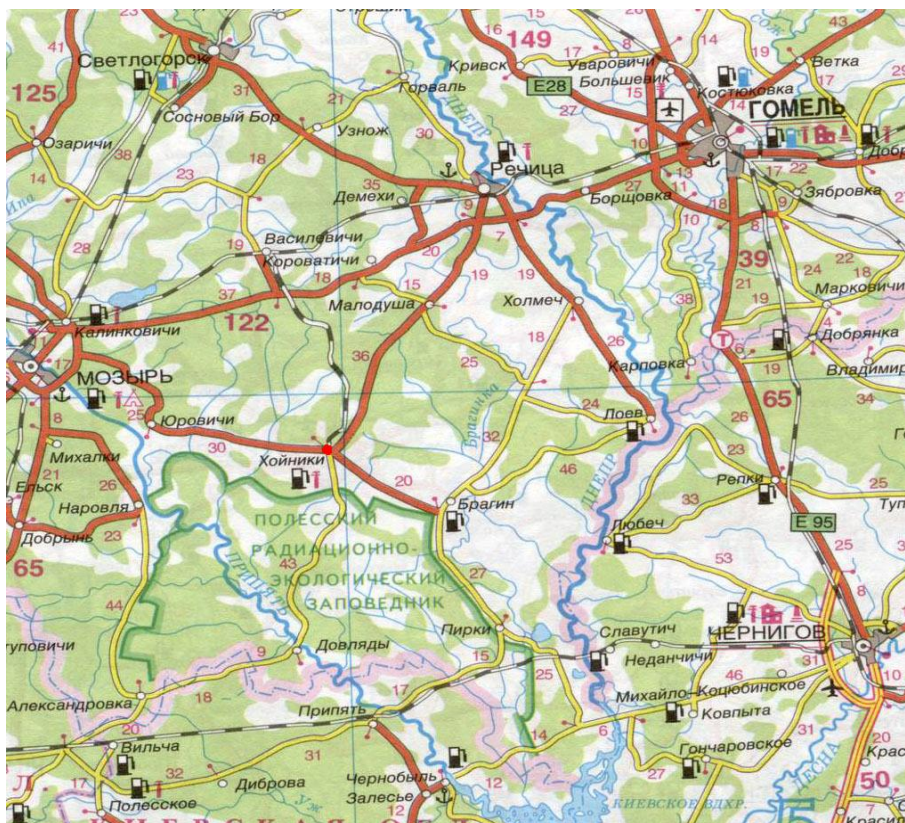
носили постоянно. Орденские ленточки появились позже. И еще одно наблюдение отсюда же: у многих делегатов было личное оружие. Помнится, как на той же конференции секретарь райкома партии ругал редактора районной газеты: «Он должен кохать жену, а не бегать за ней с пистолетом». Вообще приобретение оружия в этот период не являлось большой проблемой.

От нашего лагеря до ближайшей деревни шла грунтовая дорога, по которой наши машины возили лес. Вдоль этой дороги по одну сторону были сложены наши и немецкие мины и снаряды, патроны, гранаты и даже немецкие винтовки. Рассказывали, что это саперы производили разминирование и складировали то, что обнаружили. Мы уехали отсюда в апреле сорок восьмого года, а все это оружие так и оставалось вдоль дороги.

Вокруг лагеря было много торфяных болот, которые иногда горели. Время от времени в лесу были слышны взрывы. Вполне возможно, что это взрывались не разминированные боеприпасы. Допускаю, что там и до сего времени не все очищено. Как-то показывали по телевизору, что при рытье котлована в Вологде - там собирались строить жилой дом - обнаружили ФАБ-100. А это в большом городе, что уж говорить про болото. Кроме того, где-то поблизости от нашего лагеря жили люди, это были бывшие пособники полицаев, дезертиры и просто уголовники. По понятиям того времени они вели себя тихо.

Мне рассказывал секретарь райкома партии, который несколько раз заезжал к нам заправлять свою машину, у них были сложности с горючим, а нас все-таки обеспечивали, так вот, он говорил, что практически всех полицаев и предателей выловили. Осталась «мелкота». Им объявлена амнистия и многие выходят из леса. А выловить всех у районного начальства пока нет сил. Эти «лесовики» изредка грабили сельские лавки, но случаев убийств практически не было. Впрочем, позже я слышал, что где-то в глухой деревне (и не в нашем районе) вырезали семью активиста.

Я с ними («лесовиками») встречался дважды. Однажды ночью проверял караул. Услышал негромкий разговор около наших тракторов. Оказалось, у нас был солдат-баптист (была большая текучесть послевоенных кадров, так что попадались всякие). Заступив на пост, он оставлял винтовку и «охранял» без оружия. Мне он объяснил: «Они знают, что я их не трону, поэтому они не тронут и меня». Вот такой был «охранник». Не знаю, как он снюхался с «лесовиками», но оказывается, он разрешал им брать у нас солярку, видимо, для освещения землянок, где они жили. И еще случай. Был у нас в роте молодой жеребец-трёхлетка. А из Германии мы привезли шикарное английское седло. Я часто ездил по лесным деланкам, заставляя его прыгать через лежащие бревна. Однажды

Хойники

Маленький деревянный городок Полесской области (главный город Мозырь). С 1967 года - Гомельская область. Прибыли мы туда с Петром Пушкиным в октябре 1945 года (наша часть из Германии прибыла своим ходом несколько раньше). Штаб нашей части разместился в городе, а подразделения километрах в двадцати-тридцати в сторону ст. Василевичи (по дороге Речица-Гомель) в бывшем лагере Ковпака с экзотическим названием «Качай-Болото» в лесу в землянках. Там мы и простояли до апреля 1948 года, когда нас перебросили в Архангельскую область на станцию Плесецкая. После взрыва Чернобыльской АЭС Хойники оказались в центре зараженной местности и по всем правилам подлежали полной эвакуации. Однако как-то я видел по телевизору, что кто-то там остался жить.

поздно вечером, помню, была яркая луна, я ехал верхом по тропинке. Вдруг, впереди увидел человека с автоматом. Он вышел из кустов метров за 15-20. Я поднял жеребца на дыбы, я не раз с ним развлекался подобным образом, и конь меня легко слушался. На задних ногах я развернул его в обратную сторону и увидел, что там стоит еще один вооруженный человек. Думаю, что они узнали меня, т.к. что-то сказали друг другу и исчезли в кустах, отбив у меня охоту ездить вечерами. Думаю, что при желании они могли пострелять нас и в светлое время.

Не знаю, сколько времени выживали из леса наших «соседей», но еще в 1972 году, когда я был в санатории Трускавец, я видел там (в Ивано-Франковске тоже) могилы с датами захоронений до конца шестидесятых годов и надписями «Трагически погиб». Там же услышал анекдот из жизни западных областей: «В военкомате раздается телефонный звонок, спрашивают: «Вот получили повестки о призыве в армию. Просим уточнить, нам со своими автоматами приходиться или выдадите новые?» У меня тоже кроме табельного «ТТ» был маленький трофейный «Вальтер». Он был поменьше современного «Макарова», но главное, потоньше.

К этому времени было уже много приказов о сдаче трофейного оружия. Холодное оружие - меч, шпагу и кинжал я не прятал, поэтому наш уполномоченный их давно забрал. Наличие «Вальтера» я не афишировал, а в двадцать лет расстаться с пистолетом было жалко. Но когда появились приказы, в соответствии с которыми за не сдачу оружия стали отдавать под суд, я выбросил свой «Вальтер» в Днепр, когда проезжали по железнодорожному мосту где-то в районе Речицы. Сдать его было боязно, т.к. могли спросить, почему не сдал раньше, а хранить дальше было опасно. Было это в 1947 году, больше пятидесяти лет прошло с тех пор.

Но все это было позже. А когда мы с Петром Пушкиным прибыли в Хойники и доложились командиру, нас направили по своим подразделениям. Штаб и штабные офицеры, как и во время войны, разместились по домам. В Белоруссии к нам хорошо относились. Да около нас можно было и подкормиться. Наш отдел разместился в одной большой комнате. Вспоминается, что если в подразделениях еще находилась какая-то работа, то в штабе делать было нечего. Сейчас мне видятся две причины этого безделья.

Во-первых, вместо привычного строительства аэродромов с видимым результатом - тут же велись боевые вылеты истребителей, а каждый офицер имел свой и тоже привычный круг обязанностей - нас послали на совсем не военное дело, на лесозаготовки. И хотя об этом мы знали еще в Германии, было это и непривычно, и немного обидно.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное - происходили большие увольнения офицеров, особенно офицеров военного времени. И многие просто

не знали, когда подойдет его очередь. Вся служба, как тогда говорили, проходила «в трясушем режиме».

А было и такое. На второй день после нашего прибытия в часть меня пригласили на склад и дали, я об этом, кажется, уже писал, посуду и другое из трофейного имущества, выделенного таким, как я, «бессеребряникам». Но самое замечательное и совсем уж неожиданное - мне выделили небольшого поросенка. Мы его, конечно, тут же закололи (остальные успели раньше расправиться со своим «свинством») и съели под самогон. Кстати, в городе продавали спирт-сырец - такая мутная и противная «бормотуха» градусов на шестьдесят. А вообще-то мы быстро почувствовали разницу жизни в Германии и разрушенной Белоруссии. Через некоторое время штаб перебрался на железнодорожную станцию, а мы расселились поблизости по частым квартирам. Я снял комнату в каком-то доме и оборудовал ее тем, чем меня наградили. Вспомнил еще: мне выделили радиоприемник «Филипс». Это не был такой шикарный приемник как, например, «Телефункен», но ловил и очень чисто многие заграничные станции. Меня, собственно, интересовала только музыка, а об антисоветских радиопередачах я что-то не помню.

Кажется, во второй половине 46 года уволили командира части Михайлова. Подполковника ему так и не дали, как не дали майора замполиту Волне. Думаю, им не простили массового отравления метиловым спиртом еще на Одерском плацдарме. Еще раньше, кажется, в Германии, ушел и Виктор Иванов. Уволился Эмиль Ильич Либерман. Где-то в конце шестидесятых годов, когда я, будучи в отпуске, останавливался у Петра Пушкина, Либерман заезжал к нему, и мы немного пообщались. Вместо него в часть прибыл Новосельский (кроме фамилии ничего не помню). Вот после него, но это уж на севере, был майор Мурашов (или Муратов). Упразднили должность парторга, и от нас ушел Фима Бабицкий. С ним я тоже позже встречался где-то в Карелии. Уволился врач Слюсарь и командир роты Гаращук. Видимо, в Баку, он оттуда, ушел Вадим Петрович Семенов. Уволился Анатолий Денисов. Этот, правда, еще в части женился на солдатке Клаве, и она еще в Хойниках успела родить двух девочек. Одну он назвал по моей рекомендации Светланой, значит, я ее крестный. Анатолий москвич. Я у него был, когда учился в академии (а однажды даже с Юрой). После его смерти Клаве дали квартиру на «Соколе», и мы с Петром Пушкиным как-то были у нее.

В то время как одни увольнялись, другие стали привозить семьи или жениться. Привез семью Петр Алексеевич Ковалев. Я уже писал, что получил письмо от его жены и дочери, уже работая военруком в Алма-Ате. Привез семью и замполит Волна. Женились Смехов, Петр Пушкин, Д.Д. Синельниченко. Приехал новый начальник клуба Гриша Шуб. Приехал,

помню, он еще с курсантскими погонами, но вскоре пришло и офицерское звание. Он как-то сразу вошел в коллектив. Хороший и умный парень, но очень уж любил (и складно умел) приврать. Вместо уволенных ротных командиров пришли новые. Козлов прибыл с Дальнего Востока (после победы над Японией). Он был родом из Речицы. А это километров 50-70 от нашего лагеря. Пришел Михальский. Этот раньше служил в Войске Польском и имел польские награды-«кресты».

Оглядываясь на те времена, я понимаю, что замену офицеров, не имеющих военного образования, начали с самого низшего звена. При этом какое-то время в армии сохранялось звено командиров рот, имевших опыт войны. А вновь прибывшие - и Шуб, и Поляков, и Зинченко, и Курковский - все они имели дипломы об окончании полного курса (правда, еще двухгодичного) военного училища. А позднее (это уже на севере) к нам стали поступать выпускники трехгодичных военных училищ с дипломами техников-строителей и техников-механиков (все, конечно, на базе десятилетки), а потом и инженеры-выпускники академии Можайского: Сливкер, Виктор Филатов (позже ушел в адъютантуру), Вадим Фомин и Валентин Малыгин (эти ушли от нас уже в Средней Азии: оба в аэродромный отдел армии. А с Вадимом мы встретились еще раз в Алма-Ате, когда я был уже на пенсии. Он был начальником военно-проектного института.

Козлов ушел от нас в Белоруссии. Не знаю причины, но мне представляется, что его невзлюбил замполит (помню, он называл его «японцем»). В порядке пояснения: Козлов любил превозносить значение победы над Японией, будто мы прибыли в Белоруссию из тыла, а не с Эльбы. Но причина нелюбви замполита была, несомненно, не в этом. Гриша Шуб быстро вошел в наш коллектив, а Михаил Поляков все время крутился около начальства и к нему мы относились как-то настороженно. В Шонгуе он был у нас уже начальником штаба, но майора ему почему-то не дали. А перед самым отъездом с севера в Узбекистан начальником штаба назначили меня. Слышал, что Поляков доживал (в армии, конечно) где-то в районе космодрома Плесецк в звании майора. С Гришей Шуб и его женой Лидой мы дружили семьями.

После Михайлова командиром к нам пришел майор Бондаренко. Помню, что он всем предлагал сыграть в шахматы, а вскоре после нашего перебазирования на север ушел от нас и Бондаренко. Говорили, что видели его в Краснодаре. Еще в бытность Михайлова командиром мне стали поручать производство дознаний: дисциплина была плохая, комплектование шло из разных частей, была и большая текучесть кадров офицерского состава, так что на юридическом поприще я был постоянно загружен. После первых же дознаний (в основном, это были дела о самовольном остав-

лении части и по мелким хищениям), меня вызвали в Гомель, где при гарнизонной прокуратуре я получил «однодневное юридическое образование» - присутствовал при допросе самовольщика и получил целую пачку бланков, а также инструктаж. Не густо, конечно, но хотя бы увидел и услышал что это такое – дознание. И интересно: когда я поступал в академию, со мной одновременно поступал и мой «учитель», майор из прокуратуры гомельского гарнизона.

В тот период командиры частей имели широкие полномочия в вопросах командирования по делам воинской части. И где-то во второй половине 1947 года я ездил по дознавательским делам в Новочеркасск с заездом в Ростов-на-Дону. Там курсовым офицером в артиллерийском училище служил Василий, брат Тони. Познакомился с ним и его женой Ниной. Тоня с ней так и не встречалась.

В 1948 году после окончания университета Тоня была в Бугульме. В это время Вася с Ниной тоже ехали в Бугульму, но их туда не пропустили: где-то по дороге была эпидемия чумы. У нас такие явления всегда держались в секрете, и знали о них, кроме начальства, лишь те, кого это коснулось. А ведь был и тиф, а на побережье Черного моря и на Северном Кавказе - эпидемия холеры. Да и о Чернобыле мы узнали далеко не сразу. Да разве только такое скрывалось от людей? Умалчивание рождало такие слухи, что разобраться во всем этом было невозможно. А ведь производились испытания атомного оружия буквально на своих солдатах под Челябинском, тонули корабли (даже подводные лодки), падали самолеты, горели нефтепроводы, взрывались склады с боеприпасами... Это сейчас стали немного больше освещать подобные вещи. А раньше все это до нас доходило через «вражьи голоса» - различные иностранные радиостанции. Вот недавно передавали о вспышке сибирской язвы в Казахстане.

Летом 1946 года совершенно неожиданно ко мне приехала Тоня. В Гомеле жила ее подруга по университету. Туда они вместе и приехали. Пробыла Тоня, кажется, недели две. Наше начальство предоставило мне неофициальный отпуск, и мы целыми днями были вместе. Мы заранее договорились пожениться зимой, правда, здесь я почувствовал, что наш интеллектуальный уровень был совсем не одинаков: это был 1946, а не 41-42 годы. В эти годы училась она, а не я. Этот ее приезд прямо поставил передо мной вопрос о необходимости поступления в академию. В январе 1947 года мне дали отпуск. Я заехал в Алексин, где получил от родителей благословение и подарок (я, конечно, писал родителям о нашей с Тоней договоренности насчет женитьбы).

7 февраля 1947 года была свадьба. В Бугульму приехал брат Тони Гоша из Казани, была и бугульминская родня. Была, конечно, и Маша с Гришей, которые поженились за неделю до нас. Свадьба была скромнень-

кая. Даже обручальных колец мы не заимели, да так и прожили без них более полувека. Правда, Тоне я подарил обручальное кольцо к серебряной свадьбе в 1972 году. Все свои немногочисленные украшения она поделила перед нашим отъездом в Израиль между внуками.

А свадьбе предшествовало знакомство на танцах 20 ноября 1941 года и более чем пятилетняя переписка, в том числе три года в период войны. Несколько дней мы прожили в Бугульме. А потом я проводил ее до Казани. У нее начинались занятия в университете, а у меня заканчивался отпуск. Заехав к родителям в Алексин, я возвратился в Хойники.

Вскоре меня назначили зампотехом роты и я переехал в лагерь. Я уже писал, что наша рота стояла в бывшем лагере Ковпака. Как-то верхом я побывал на одной из делянок в другом ковпаковском лагере. Этот был разрушен. Еще одна наша рота располагалась километрах в десяти на станции Аврамовская. Я сейчас не помню, кто валил и раскряжевывал лес, а кто возил, но наша рота, по-моему, трелевала, складировала, а потом грузила. Впрочем, сейчас мне подумалось, что мы и возили (во всяком случае машины были и в нашей роте), точно не помню. В Аврамовской части лес пилили. Потом круглый лес и пиломатериалы отгружали по разным аэродромам, в основном, мне кажется, на Украину. В лагере были несколько больших землянок, где жили солдаты. Но были и поменьше, в том числе, на два человека. Одну такую я оборудовал себе под жилье. Была большая столовая с кухонным отделением. Столовая использовалась и в качестве клуба.

Из Германии мы привезли штук восемь лошадей-тяжеловозов. С их помощью трелевали лес там, где нельзя было использовать тракторы, которые вязли в заболоченной местности. Лошади эти вскоре издохли. Им полагался только овес, кажется, по 8 килограммов, и мы их кормили, как тогда говорили, в основном, «политинформациями». Позже нам прислали лошадей, списанных из артиллерии и кавалерии, эти были свои и более привычные к нашему рациону. Было у нас штук пять или шесть американских тракторов «Катерпиллер», которые мы получили еще в Германии. Они у нас сохранились на все время нашей лесозаготовительной деятельности на севере, до апреля 1951 года. У этих тракторов был бронированный щит, который защищал поддон картера двигателя, и очень сильная лебедка. Были и наши тракторы ЧТЗ С-65. Но они быстро выходили из строя: в торфяной местности они часто садились поддоном на пенек, который раздавливал его, так как у нашего трактора поддон был без бронезащиты. И вообще мы тогда увидели, насколько мы отстали от американцев в автотракторной технике (с другой мы не соприкасались).

О разнице в тракторах я уже написал, а наши автомобили ГАЗ-АА и ЗИС-5 нельзя было даже ставить рядом с автомобилями «Додж», «Форд»,

«Студебеккер», «Шевроле» и другими. Правда, после войны у нас стали делать автомашины по образцу «Студебеккера», но это было совсем не то. Помнится, построили даже маленький автомобиль, вроде «Виллиса», его тут же окрестили «ХБВ» - «Хочу быть Виллисом». Не знаю, как хороша сейчас техника у американцев (я имею в виду автотракторную), но уже лет тридцать назад у нас были вполне приличные автомобили «Урал» и ЗИЛ-130 и 131.

Лес грузили на машины вручную по лагам-накатам. А Смехов позже сконструировал и построил на одном из «Катерпиллеров» самодельный погрузчик. На железнодорожные платформы лес грузили также по лагам, но веревками и часто с помощью лошадей. Примерно таким способом работали и в большинстве леспромпхозов Союза. Специальные трелевочные тракторы, погрузчики, обрубщики сучьев и другую технику для лесозаготовительных работ я увидел много-много позже, когда уже уволился из армии, да и то по телевизору. А в тот период у государства просто не было возможности для научной организации труда на лесозаготовительных работах. Да, наверно, и острой потребности в этот период в этой самой «НОТ» не было: все тюрьмы были переполнены бывшими нашими военнопленными, да и новые поступали - тут и вся «НОТ».

А валили, как и в войну при строительстве переправ и жердевых работах на болотах: что поближе да поудобней для вывозки. Таким образом вырубали все леса Центральной России, Архангельской и Вологодской областей, Карелии - это там, где я видел. А еще, говорили, в Сибири и на Дальнем Востоке. Да постоянные лесные пожары, да различные водохранилища, да громадные площади под военные полигоны... Но, думается, главное - это всепожирающая бесхозность и простое разгильдяйство. Уверен, что несмотря на всю нужду в лесоматериалах после войны, при рачительном и хозяйском подходе много леса можно было бы сохранить. Уже в последние годы читал, что лесное хозяйство России находится в катастрофическом состоянии. Да разве только лесное? А экология, а сельское хозяйство, а реки, озера, да и многое-многое другое. И если везде хозяйствовали так, как я видел, в этом нет ничего удивительного.

В порядке ностальгии по Алексину: чистые сосновые боры с дубовыми, липовыми, осиновыми, березовыми вкраплениями, медосборные пасеки с липовым, гречишным и просто цветочным медом, громадное количество грибов - от сыроежки и опят до белого, лесные орехи, малина, земляника. Море цветов - от васильков до ландышей, заливные сенокосные угодья, чистейшая питьевая вода в Оке и ее притоках. В лесах водились волки, лоси, лисы, зайцы и несчетное количество только певчих птиц: соловьи, жаворонки, снегири и другие. В Оке и ее притоках было множество рыбы - от пескаря и ерша до сазана, судака, щуки, сома, нали-

ма и даже стерляди, конечно, раки... Да мало ли даров давала людям алексинская природа. Сейчас леса изрезаны тракторными и автомобильными дорогами. Много свалок, в том числе строительного мусора и отходов. В Оке не только нет рыбы, но и купание-то повсеместно запрещено, т.к. постоянно сбрасываются заводские и другие промышленные отходы и даже канализация. Убогость и запустение. Так жалко мой Алексин!..

По дороге из нашего лагеря в Аврамовскую располагалась деревня (название не помню), которая в войну была полностью сожжена. На всю деревню были два мужика: председатель Янковский и кузнец Василь. Оба из партизан. Вся деревня жила в куренях. Если я уже вспоминал об этом, то еще раз: куренем назывался шалаш из жердей, покрытых дерном. Отопление по-черному. Полы земляные и углублены на метр-полтора. Освещение лучиной или «Гитлер капут» - сплюсненной снарядной гильзой с фитилем из немецкой шинели и солярккой внутри (солярку брали у нас). А если заливать бензином, то нужно добавлять соль. А бензин и особенно соль - страшный дефицит. Мыла не было, пользовались золой. Я видел, как Василь пахал сохой. А в качестве тягловой силы были женщины, по четыре слева и справа за длинной жердью. У Василя, видимо в порядке горькой шутки, хворостина. Там я услышал и песню, которую пели эти женщины:

«Я и лошадь, я и бык.
Я и баба, и мужик...»

Воистину, как у Некрасова: «Этот стон у нас песней зовется...»

В 47 году на Украине был голод и я несколько раз видел (до этого только читал) людей, опухших от голода. Мы их подкармливали, когда они заходили к нам в лагерь. Он ведь не был огорожен. Но голод был и в деревне, где председательствовал Янковский. Я знаю, что он несколько раз уходил в леса и добывал диких кабанов, которые во время войны развелись по лесам. Этим он подкармливал своих земляков. А так я видел, как женщины выкапывали прошлогоднюю замерзшую за зиму картошку, выдавливали из нее сохранившуюся жижу и без соли и жира пекли, с позволения сказать, драники. В 45 году, когда мы пропили подаренного нам поросенка, хозяйка квартиры испекла нам настоящие белорусские драники из картошки, муки, со свиными шкварками и жареным луком, а не из выдавленной из мороженой картошки жижи.

Мы стояли на армейском довольствии, холостяки питались вместе с солдатами. Поэтому мы могли иногда подкармливать проходящих голодающих. Хотя, прямо скажем, наше армейское довольствие не шло не

только ни в какое сравнение с тем, как нас кормили в Германии, но и с фронтовым пайком. Но все же голодными мы не были.

В деревню мы иногда давали лошадей, трактор. Сквозь пальцы смотрели, когда наши шоферы «теряли» одно-два бревна, проезжая через деревню. Наш взводный Д.Д. Синельниченко женился в этой деревне, и солдаты его взвода (негласно, конечно, но об этом знал весь батальон) поставили ему сруб дома. А наш печник Миша Дементьев сложил ему печь (кирпич собрали солдаты с сожженных домов и с заброшенного соседнего лагеря). Когда мы уехали на север, то Ольга, жена Синельниченко, поехала с нами. А когда он уволился, они вернулись в Белоруссию (у него была какая-то пенсия).

Я помню, как на той же партконференции секретарь райкома партии говорил, что многие дети в деревнях района не учатся, т.к. не в чем зимой ходить в школу. Но, пожалуй, самое тяжелое воспоминание вот такое: при мне Янковский предложил нашему командиру человек двадцать девчонок для работы в лесу: «Платить им не нужно. Лишь бы кормили. Они согласны на все. Иначе вымрут за зиму. А что потом от ваших солдат детей нарожают, так ведь на их долю все равно парней не достанется».

Одеты эти девочки были в различные пальто и пиджаки, сшитые из немецких мышиного цвета шинелей. Из шинелей же были то ли валенки, то ли сапоги с бахилами из автомобильных камер. Я видел, как они оставляли хлеб, сахар и соль и относили в деревню. А работали ведь они вручную с многопудовыми бревнами, которые и мужикам-то не всегда были под силу. Тогда как-то очень уж резко бросилась в глаза разница между побежденной Германией и нами, победителями.

А когда недавно я по телевизору увидел разодетых по сегодняшней моде ребят в Минске, то подумалось, что среди них могут быть внуки и внучки тех наших голодных и одетых в немецкие обноски и бахилы из автомобильных камер (помню, что они гордились, когда доставались из камер красного цвета) девочек. Дай им Бог, сегодняшним, никогда, этого не видеть! Даже жены наших офицеров по сравнению с ними выглядели «буржуйками», имели по одному-два платья, не голодали, не «забавлялись» с многопудовыми шестиметровыми бревнами.

Из солдат того периода я помню немногих. Коля Разуваев - мой постоянный спутник в разведке времен войны, Михаил Селиванов - с этим мы возили в Москву трофей генералу, кажется, Жданову. Шура Сирота - очень сильный физически парень. Эти ребята прослужили по два-три срока и уволились в Белоруссии.

Пришли новые ребята. Я помню белорусов Томиловского и Макаенко. У меня в роте был тракторист Черняк и писарь Толочко (эти с Украины. Толочко потом писал, что поступил в Киевский университет). Люба и

Михаил Дементьевы (они поженились в Белоруссии) были у нас долго, Михаил уволился в шестидесятые годы (он был сверхсрочником) уже в Карши в Узбекистане. А в конце шестидесятых годов, когда наш полк летал с Ханабадского аэродрома, в Карши я видел Любу. Она работала официанткой.

Летом 47 года ко мне на каникулы приезжала Тоня. Я к этому как мог обустроил землянку. На полу зеленый ковер с густым ворсом. Наклонная стенка землянки завешена простыней, кресло, печка-буржуйка, умывальник. Играли в волейбол, ездили на лошадях (у нас из Германии была пароконная коляска), был у нас и, так сказать, «общеротный» немецкий легковой автомобиль «Опель-кадет» - катались. В это же время Тоня познакомилась с Милей Пушкиной. Мы тогда ездили купаться на Днепр в районе Речицы. А после Тониного отъезда я вплотную засел за учебники. Получил программу и по ночам готовился к поступлению в академию. Я очень боялся, что если у меня сорвется с первого захода, то второго раза может просто не быть. Причин было много, но об академии я напишу отдельно, хотя за время учебы было и многое другое.

Зимой 47-48 года пришел приказ о перебазировании на север. Там мы прожили 13 лет (до января 61 года) Служба на севере - тоже отдельный раздел, а здесь самое начало. Нам было отведено место для лесозаготовок в Архангельской области недалеко от железнодорожной станции и районного центра Плесецкая. Много лет спустя там был создан космодром Плесецк. А тогда это была железнодорожная станция и небольшой районный центр при ней в основном с одноэтажными деревянными домиками. Быть может, было и несколько двухэтажных домов. От станции отходила простенькая железнодорожная ветка до 5-ОЛП (бывший отдельный лагерный пункт), по которой ходил маневровый паровозик с пустыми вагонами и полувагонами туда и гружеными лесом обратно. Этот составчик назывался «Подача» (или «Передача»). На лесной работе я пробыл в общей сложности 5 лет: два в Белоруссии и три в Архангельской области.

Я читал, что японцы используют 95% от сваленного дерева: кругляк и доски, ветки на какую-то муку в качестве добавки на корм скоту, кору для дубильного производства, опилки на ДСП и крагис. У нас же верхушки деревьев, все ветки, горбыль и многое другое - все это сжигалось. А мне думается, что это добрая половина дерева. Сейчас, конечно, многое в этом направлении делается (в том числе водка «сучок»), но сколько же леса ушло в небо в виде дыма! Не мы в этом, конечно, главные виновники, но то, что и мы к этому приложили руку - тоже факт.

В самом начале апреля 48 года мы перебрались на север. Штаб разместился на 5-ОЛП, растащив тюремную колючую проволоку тракторами (далеко не всю, конечно). Там были бараки и казармы для солдат, клуб,

штабное помещение, домики на три-четыре квартиры, магазинчик с послевоенным ассортиментом: разливная водка, консервы и т.п. Я не помню, но Тоня говорила, что там была и школа. Не знаю, как эта система называлась, когда в одном помещении занимается, допустим, два человека по программе первого класса, три - по программе второго, один - третьего и три - четвертого класса. Одна учительница занималась сразу со всеми.

Наша рота и рота Михальского разместились в крошечной деревушке «Красная Ляга», это от 5-ОЛП в сторону Плесецкой 5-7 километров (сначала маленькая деревня Кочмас, где был сельсовет), а потом и мы: несколько семей жителей и бараки - ротные казармы. А через дорогу стоял большой дом, там жил лесничий Анатолий Куклин. Там мы познакомились с интересными людьми.

В двух-трех километрах на железнодорожной ветке располагалась рота Тимченко. Наша рота занималась валкой, трелевкой и погрузкой леса. Рота Михальского - вывозкой леса к железнодорожной ветке, а рота Тимченко - частичной распиловкой и погрузкой как кругляка, так и пиломатериалов на железнодорожные платформы.

На 5-ОЛП жила группа расконвоированных зеков. Они занимались отгрузкой леса. Кто подвозил им лес, не знаю. За все время нашей с ними совместной жизни, а это с апреля 1948 года по апрель 1951 года, с их стороны не было ни одного случая противоправных по отношению к нам действий.

Кажется, закончил и этот раздел. Перечитал, так и напрашивается вывод: война как будто и не закончилась. Похоже, что еще и не сразу закончится!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

С 1947 года по 1952 я учился в Военно-юридической академии Советской Армии (так она полностью называется). В этот период у меня, конечно, было многое в жизни и помимо учебы в академии: мы переехали из Белоруссии в Архангельскую область, мы покончили с лесозаготовительной деятельностью и вернулись к своему основному делу - строительству аэродромов, у нас родился Юра и мы стали родителями, после трехлетней вынужденной безработицы Тоня наконец-то смогла работать в школе... Но об академии, думается, трудно будет вспомнить отрывками, поэтому попробую написать отдельно только об учебе в академии.

К моему стыду я сейчас совершенно ничего не знаю об истории нашей академии. Слышал, правда, что она существовала еще до революции. Маловато, конечно. Будем считать, что просто забыл.

Где-то в сентябре или октябре 1947 года я получил уведомление о том, что документы мои приняты и я допущен к вступительным экзаменам. Тогда я как-то не задумывался, но много позже, а здесь в Израиле, особенно, не раз мне задавали вопрос: «А как ты вообще-то попал в академию?» Академия - это, учитывая её статус, особый состав преподавателей да и слушателей тоже. А также учитывая и то, что еще в царское время Военно-юридическая и Николаевская - позже Академия Генерального штаба - были на особом положении. И если Академия Генерального штаба - это понятно, то почему Военно-юридическая, не знаю.

Сейчас мне видится только одно. Я был на фронте. Да еще награжден орденом и медалью, с этим тогда (не сейчас) считались. Короче говоря, кажется в ноябре 1947 года я сдавал вступительные экзамены. У себя в землянке я зубрил от души, поэтому экзамены сдал успешно и был зачислен.

Окончив академию через пять лет, я как-то для себя (не знаю, как для нее) подтянулся до уровня Тони. Это хотя и немало для нас обоих, но в смысле продвижения по службе - перспектив никаких. Правда, получив «ромб», а это были первые нагрудные знаки, выдаваемые после окончания академий, я получил некоторую гарантию, что меня не уволят досрочно. Эти «ромбы» тогда так и называли «поплавок», он держал на плаву, не давая утонуть, т.е., быть выгнанным в ходе различных кадровых пертурбаций, которых за мою службу было множество. И следует сказать, что этих знаков тогда было совсем немного. Перед моим увольнением в запас, а это было аж через 16 лет после окончания мной академии, у нас в части был только один - у меня (а это 1969 год), в авиационном полку - четыре: у командира, начальника политотдела, главного инженера и начальника ТЭЧ. Позже, правда, придумали высшие училища, которые

давали как бы высшее образование и, соответственно, нагрудный знак. Но думается, делалось это скорее для привлечения молодежи в военные училища. На нагрудных знаках даже сняли эмблему с названием учебного заведения (у меня «ВЮА»), и по знаку теперь нельзя понять, какое учебное заведение окончил выпускник.

И дело здесь не в названии. Нынешний Московский технический университет в течение многих десятилетий (еще с дореволюционных времен) назывался техническим училищем им. Баумана, а мог дать сто очков вперед многим престижным институтам и университетам. Так же и в армии. Киевское радиотехническое училище - училище высшего класса - и АВОКУ (Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище), которое дает «поплавок» и диплом инженера-механика автотракторной и бронетанковой техники - далеко не одно и то же. Ну какой из него инженер-механик. Как отзывается о своем зяте наша местная знакомая: «Он гайку от болта не отличит». А еще позже появились синие ромбики (светлее университетских и не с гербом, а с красной звездочкой), эти давались выпускникам средних военных учебных заведений. И кроме этого, часть офицеров, у которых не было возможности учиться в академиях очно, учились на заочных факультетах гражданских учебных заведений.

Должен признать, что несмотря на различные заявления начальства, отношение в частях к заочникам было крайне отрицательное. Конечно, такой способ обучения всячески приветствовался высшими штабами (например штабом армии). Не знаю, правда, как они относились к своим собственным офицерам-заочникам. Объяснение здесь простое: заочник длительное время отсутствовал в части и его обязанности должен был выполнять другой офицер. А я сам был командиром части и знаю, что такое «ИО» - исполняющий обязанности. Вот, к примеру, расчет моего отсутствия в части за первый год обучения:

- Часть ноября и декабрь 47 года я сдавал вступительные экзамены,
- Январь и часть февраля 48 года - установочные сборы,
- Летом - очередной отпуск,
- Осенью - сессия.

Около 150 дней меня не было в части. Ну кто этим будет доволен? А, кроме того, мне полагался один свободный день в неделю и два сокращенных рабочих дня. Правда, эти льготы у нас никогда не реализовывались: у начальства всегда под рукой были оправдания - неполадки в службе. Можно подумать, что есть такая служба, в которой таких неполадок нет. Особенно, если учесть, что я был командиром роты.

Военно-юридическая академия располагалась на Зубовской площади. Это рядом со Смоленской площадью, но в сторону Крымского моста, несколько наискось от высотного здания, где располагалось Министерство иностранных дел. В настоящее время такой академии нет. После смерти Сталина Хрущев заявил, что у нас в стране преступности почти нет (особенно в армии), и сократил военные прокуратуры и военные трибуналы в дивизиях, корпусах и армиях. Остались только в округах и крупных гарнизонах. Вслед за этим была расформирована и сама академия. Сначала из нее сделали факультет, а потом и отделение при Военно-политической академии им. Ленина. Что стало потом, не знаю. Слышал, что и саму Военно-политическую академию расформировали.

В то время, когда я учился, академия была сильным учебным заведением с прекрасными преподавательскими кадрами. И еще: академия очень тесно сотрудничала (и соперничала) с юридическими факультетами Московского и Ленинградского университетов, а по вопросам судебной медицины и судебной психиатрии - с Военно-медицинской академией им. Кирова (в Ленинграде). Многие профессора этих учебных заведений читали у нас лекции, так же, как и наши у них. Программы у нас тоже были одинаковыми, возможно, с минимальными расхождениями. Так, и у нас и у них на госэкзамены выносились основы марксизма-ленинизма, основы теории государства и права. И у них и у нас - дипломная работа. Разница: в университете уголовное право и уголовный процесс, гражданское право и гражданский процесс. В академии уголовное право и уголовный процесс, военно-уголовное право и военно-уголовный процесс. И еще: в университете был предмет «криминалистика». У нас же он конкретизировался и назывался «методика расследования воинских преступлений», все-таки нас готовили для армии и на это делался акцент.

Я имел возможность сравнить диплом выпускника университета (МГУ) с нашим - все предметы повторяются. У нас, правда, была еще тактика, с которой больше знакомились, чем изучали. Тесная связь выражалась еще и в наличии единых программ и учебников. Но самое главное для нас было то, что на экзаменах были одинаковые билеты и вопросы в них. Я не знаю, кто и каким образом их доставал, но помнится, практически на всех экзаменах (точнее перед ними) у нас были билеты из МГУ (потом из ЛГУ), которые совпадали с нашими даже номерами. А готовиться по билетам было, конечно, легче. А если учесть, что дома не у всех была возможность регулярно заниматься, это был выход, спасение.

Начальником академии был, как он всегда подписывался, доктор юридических и исторических наук, профессор полковник В.М. Чхиквадзе. Поговаривали, что он был в родстве с Берия. В это время в Грузии (не помню, как в других республиках) создавались свои воинские формиро-

вания. В академии были несколько человек из их состава. За начальником академии ходил здоровенный грузин с большой красной папкой в белой черкеске с газырями и кинжалом и в белых мягких сапогах - в форме грузинских национальных формирований. Во второй половине пятидесятых годов в журнале «Советская юстиция» я встретил заметку о том, что Виктор Михайлович Чхиквадзе помогал полякам в создании военного уголовного кодекса для Войска Польского.

Сейчас я не помню, кто у нас был начальником заочного факультета когда я начинал учиться, а когда заканчивал - подполковник юстиции Побежимов. При академии были КУЮС - курсы усовершенствования юридического состава. Начальником этих курсов был отстраненный за какие-то прегрешения, по-моему, единственный в органах военной юстиции генерал-полковник, Ульрих. Тот самый Ульрих, который был председателем военного трибунала с самого начала сталинских репрессий. Это он подписывал приговоры на процессах промпартии Радеку, Бухарину, Рыкову, Тухачевскому, Егорову, а потом и самому Ежову да и многим другим. Не был преподавателем, но состоял членом ученого совета и несколько раз выступал с лекциями по международному праву (это по нашей программе, а не с лекциями о международном положении) бывший генеральный прокурор, а в это время министр иностранных дел А.Я.Вышинский. Кстати, на кафедре уголовного права работала его дочь, кандидат юридических наук Вышинская. Помню ее небольшую брошюрку по закону от 7 августа 1934 года «О борьбе с хищениями социалистической собственности». Этот закон так и называли «Закон семь восьмых» (7.8.34г).

Заведующим кафедрой уголовного права был старенький полковник профессор Герцензон, автор учебника «Уголовное право», общесоюзного учебника для юридических вузов. Говорили, что он совсем еще молодым юристом принимал участие в расследовании дела об убийстве Распутина. Но самой видной фигурой среди профессоров-преподавателей академии был член-корреспондент АН СССР М.С. Строгович, автор очень многих книг по вопросам юриспруденции. Мне он запомнился по учебникам «Уголовный процесс» и «Логика». Профессор Братусь - автор учебника для вузов и преподаватель «Трудового права». Профессор Студеникин преподавал и был автором учебника «Административное право» и заместителем начальника академии по науке.

Когда занятия проводились в Ленинграде, лекции нам читали профессора из ЛГУ. Помню только профессора Давидовича, преподавателя трудового права. Там же в Ленинграде, когда мы занимались в Военно-медицинской академии им. Кирова, курс судебной медицины нам читал главный судебно-медицинский эксперт Советской Армии доктор юриди-

ческих и медицинских наук профессор полковник Авдеев, а судебную психиатрию - главный психиатр Советской Армии профессор Никифоров. Были и многие другие профессора, но забыл их - прошло полвека. Хотя вот вспомнил еще одного. Это профессор из МГУ, автор учебника «Латынь». Думаю, что уже тогда ему было далеко за семьдесят, мы его называли «древний римлянин». Из латыни сейчас помню: «Оноре, норе, оре, ре», причем я полагал, что это «Человек человеку - волк». Да еще фразу, которую он сказал нам в самом начале нашей учебы по латыни: «Через тернии - к звездам». Он перефразировал ее специально для нас: «Через трудности - к диплому». Вспомнил, что еще тогда подумалось: «Как же далеко до него, родненького!» Вспомнил, что он нам рассказывал, пропагандируя латынь как величайший из мировых языков. Он привел нам надпись на одной из могил на древнем Римском кладбище: «Мы были такими как вы, вы будете такими как мы». Это все, что я знаю по латыни. Прямо скажем, совсем не густо, но зачет для диплома я все-таки получил.

Поступив в конце 1947 года, наш курс в течение части декабря, всего января и, кажется, части февраля не сдавал никаких экзаменов и зачетов, а только слушал установочные лекции. За все время учебы в академии у нас после 2-х или 3-х часов дня было свободное время. Потом всегда, приезжая на сессию, мы в течение месяца слушали лекции и сдавали по 5-6 экзаменов и зачетов. Кажется, два или два с половиной года я проучился в Москве, а потом для нас, заочников, проходящих службу в северной части Союза, открыли филиал при Ленинградском университете. Не знаю, было ли что-нибудь подобное для остальных.

Состав слушателей (на гражданке все студенты, в армии в училищах - курсанты, а в академиях - слушатели) был самый разнообразный.

По возрасту: мне было 24 года, а генерал-лейтенанту, прокурору, кажется, Закарпатского военного округа наверняка за 60.

По воинскому званию: я был старший лейтенант, а были генерал-лейтенанты, а прокурор Белоруссии Ветров - советник юстиции 1 класса.

Одно было общим: как и в Военно-политической академии все были членами партии. В группе, в которой я все время учился, слушатели были от старшего лейтенанта до подполковника. А то, что было много практических работников, то преимуществ они имели не так уж и много, разве что при изучении уголовного права и процесса (и конечно, военно-уголовного права и процесса), но никак не при изучении основ марксизма-ленинизма, теории и истории государства и права, латыни, иностранного языка и других «непрактических» дисциплин. Да и они помнили разве что номера статей УК или УПК. А это было не обязательно, хотя при хорошем ответе, так сказать, для блеска, можно было привести номера статей по памяти, однако разрешалось и посмотреть их в Кодексе.

Вызывали для сдачи экзаменов не по желанию, а по алфавиту. Меня, как правило, вызывали с одним пожилым (по моим тогдашним меркам) подполковником, у которого фамилия, как и у меня, начиналась на «Б». Если я не путаю, то он был прокурором Петрозаводского гарнизона. Это почти неправдоподобно, но когда мы с ним садились за один стол и он мне иногда что-нибудь подсказывал, если это были «практические» предметы, зачастую я получал «четыре» или «пять», а он «три». У меня был хорошо подвешен язык. Помня, что «тон делает музыку», я всегда эксплуатировал это правило при ответе и, выражаясь армейским сленгом, «ел глазами начальство». А еще я помнил слова Вышинского, которые он сказал, будучи еще прокурором Союза (а учился я все-таки в юридической академии, где Вышинский в то время был чуть ли не божеством): «Речь прокурора должна быть такой, чтобы мурашки по коже пробегали не только у обвиняемого, но и у всех присутствующих». Короче, все это (надо думать, что не только это, но и какие-то знания тоже) помогало, и учился я в основном сносно. А мой сосед по парте часто, даже зная материал, мямлил и стоял мешком.

Далеко не у всех слушателей были одинаковые возможности для подготовки к сессии в домашних условиях. Одни работали в различных армейских конторах с нормированным рабочим днем и проходили службу в областных, а то и республиканских городах. У меня же в беломорских лесах таких возможностей было совсем мало и мне приходилось готовиться по значительной части материала уже в академии, когда приезжал на сессию, тем более что и учебники выдавали в академической библиотеке только на период сессии. А купить их в то время было просто невозможно. Поэтому днем сидел на занятиях, стараясь записать как можно больше, чтобы увезти с собой хоть часть нужного материала, потом обедал и начинал готовиться к сдаче очередного экзамена. И эта подготовка затягивалась до глубокой ночи. Но главное, думается, меня выручала хорошая память, которая сейчас совершенно пропала.

Здесь в Израиле я трижды прочитал Библию и множество комментариев к ней. Я даже довольно-таки подробно многое из нее законспектировал, однако мало что в голове осталось. А в академии, помнится, был такой случай: утром перед началом занятий сообщили, что преподаватель политэкономии капитализма заболел и лег в госпиталь. Наше начальство почему-то пригласило профессора из Военно-политической академии, а тот мог принимать экзамены не по нашему расписанию, а завтра, да еще с утра. В Москве жила девушка, с которой я учился в Алексине в одном классе (Костя писал, что пару лет назад она умерла) - Надя Вязьмина. Она окончила Плехановский институт и уже была кандидатом экономических наук. Я ее упросил, и она в течение двух или трех часов «пробежала» по

всему курсу, а это было 120 или 130 вопросов. А назавтра я не только успешно сдал экзамен, но еще смог что-то подсказывать. Наверняка часть этих знаний я выбил подготовкой к следующему экзамену.

Несмотря на подготовку к экзаменам до полуночи и сдачу по пять-шесть экзаменов в месяц, учиться в академии было просто интересно: много нового, отличные аудитории, лучшие в стране преподаватели, которые имели возможность давать нам самый свежий материал. А нам еще не уставали напоминать, что Маркс и Ленин были юристами. И все это усиливалось контрастом между академией с ее высоко по тем временам поставленной учебой и нашим бытом «среди медведей» и на лесоповале с редкими политинформациями по газетным материалам. А меня все время еще стимулировала мысль о необходимости сократить разрыв в общем развитии с Тоней и я тянулся изо всех сил.

В начале учебы я все же чувствовал некоторую ущербность. Я уже написал, что большинство из числа практических работников-юристов служили по гарнизонам с домами офицеров, библиотеками, большим количеством людей, да и просто в городах. Помню, были ребята из Москвы, Киева, Ленинграда, моряки из Кронштадта, Севастополя. На этом фоне мои родные Качай-Болото или 5-ОЛП явно не смотрелись. Я, мягко выражаясь, не очень ловко завязывал галстук (тогда еще не было форменных галстуков на резинке), уголки воротничка у рубашки постоянно задирались вверх, да и все обмундирование, и это было видно на глаз, мне шили явно не в столичных ателье.

Помнится, по тогдашней армейской моде носили широкие внизу брюки. А у меня были брюки сантиметров 27 или 28. Кто-то сказал, что в моих «дудочках» ловко от долгов через плетень прыгать. Конечно, было очень досадно, мне ведь только 24 года было. А в наших краях основной формой одежды были резиновые сапоги, а зимой полушубок и валенки. Да и шинель, которую нам не шили, а выдавали на глазок, от сучьев и около костров не становилась лучше. Я явно не вписывался в общий круг армейской интеллигенции (по внешнему виду хотя бы). Сейчас уже и не вспомнить, где я достал материал и где пошил, но уже через какое-то время у меня был отличный китель из бостонового материала (кителя тогда шились двубортными) и я, презрев правило, что все хорошо в меру, пошил брюки значительно шире рекомендованных. А потом, и это наверно свойственно молодости, я как-то улавливал веяния армейской моды и старался быть «на уровне».

Я уже написал, что первый семестр был у нас установочный, и я мог прикоснуться к московским прелестям: мы группами побывали в Третьяковке (я там был и до войны), на какой-то выставке в Манеже, сходили для пробы в еврейский ресторан (был такой на Арбате, ближе к Смолен-

ской площади), были в библиотеке Ленина, сходили даже в цирк (был тогда знаменитый клоун Румянцев-Каран-д-аш). Еще в самом начале, как только меня приняли в академию, я купил на начало февраля два билета в театры. Один в ЦДКА на «Третий удар» - это об освобождении Крыма и мне просто интересно было посмотреть, ведь я там был в этот период, и в Большой театр на «Лебединое озеро».

Об этом стоит рассказать поподробнее. В ЦДКА у меня место было во втором ряду. А когда я уселся и огляделся, то просто обомлел. Рядом со мною сидели три генерала (представляю, как я в своей архангельской одежке смотрелся), Маршал Советского Союза Толбухин (он был командующим при освобождении Крыма), Фаина Раневская. Через пару дней в Большом Театре видел маршала Рокоссовского, который был с Валентиной Серовой, это ей в свое время Константин Симонов посвятил весь цикл «С тобой и без тебя», в том числе, самое лучшее из стихотворений времен войны «Жди меня».

А недавно (уже здесь) прочитал статью о необыкновенной судьбе этой женщины: жена знаменитого летчика дважды Героя Советского Союза Серова потом Симонов с его «С тобой и без тебя», потом маршал Рокоссовский, а кончила больной-алкоголичкой...

В академии видел тогдашнего чемпиона мира по шахматам Василия Смыслова, который играл у нас на 40 досках. Приезжали Ярон из оперетты и Александрович, человек с необыкновенно красивым голосом (И. Эренбург назвал его «медовый тенор») и столь же некрасивой внешностью. Как-то перед нами выступал Главный военный прокурор Советской Армии генерал-лейтенант Афанасьев (кстати, на первых курсах немецкий язык у нас преподавала его дочь Афанасьева). Тогдашний следователь по особо важным делам Л. Шейнин выступал перед нами и рассказывал о Нюрнбергском процессе, где он возглавлял следственную группу от СССР. Как-то раз в центральном военторге увидел Папанина. А однажды нас сняли с занятий и велели самостоятельно пробиваться в Колонный зал Дома Союзов, хоронили маршала Чойбалсана.

Я понимаю, что для москвичей да и для многих наших слушателей, которые жили в крупных городах, посещение Манежа или даже Третьяковки не было чем-то из ряда вон выходящим, но для меня из моего архангельского таежного далека все это было необычным и я, помню, рассказывал это так, будто это я сидел в ложе с Рокоссовским...

Во дворе дома, где я останавливался пару раз, жила семья генерала Карбышева, замученного немцами в плену. А на выпускном экзамене по уголовному праву я даже пообщался с нынешним вице-президентом Академии наук В.Н. Кудрявцевым (он тогда был адъюнктом в академии, по-граждански - аспирантом).

Когда мы стали учиться в Ленинграде, то жили не по частным квартирам, как в Москве, а в общежитии при комендатуре на Садовой улице. Ленинградцы, конечно, имели много возможностей познакомиться с достопримечательностями своего города, а мне так просто хотелось потрогать руками ограду Летнего сада, колонны Казанского Собора, памятник Петру Первому, колонну на Дворцовой площади и многое-многое другое, о чем я знал по книгам, стихам, картинам и рассказам. Я это и делал. Наша загруженность в Ленинграде была такая же, как и в Москве, а свободное время удавалось выкроить только в случае, если получалось приехать на день-два раньше или суметь сдать последний экзамен раньше срока. А потом я ведь возвращался не в столичный град Киев, нужно было купить подарки. И все же я успел побывать в Эрмитаже, в Петропавловской крепости, Исаакиевском соборе и много где еще.

Помнится, привез Тоне бальное платье кремового цвета. Конечно же - это возраст. Наверное в нашей тайге она нуждалась в чем-то другом. Но был молодой. Был влюбленный - хотелось порадовать чем-то нарядным. Привез Юре большого серого в яблоках коня с гривой, хвостом и стременами, а также детский набор плотницкого инструмента, и он построгол ножки у хозяйских стульев. Привез большую железную дорогу. Зеленый паровоз был с механическим заводом. И Юра с хозяином квартиры, который работал машинистом на маневровом паровозе, изучал устройство паровоза.

В Ленинграде мы однажды целый день (это входило в программу) потратили на посещение музея криминалистики. Было очень интересно, т.к. экспонировались образцы от дореволюционных до наших дней. Мне запомнился ржавый шорный нож, которым «на кладбище Митрофановском отец дочку зарезал свою» - это слова из песни начала тридцатых годов, а оказалось, песня на фактическом материале. И еще тогда меня удивило, что среди исполнителей преступлений было много фронтовиков и даже офицеров. Но это тема для отдельного разговора, тем более что подобное имеет место и в настоящее время.

Я уже написал, что в Ленинграде нам преподавали не наши академические, а профессора из Ленинградского университета. На первом курсе в Москве немецкий язык (для желающих был и английский и даже французский) преподавала молодая учительница Афанасьева. Когда мы ей сдавали зачет за первый курс, она предложила нам перечень вопросов за второй курс, и некоторые (я в том числе) сдали язык досрочно и за второй курс. И на втором курсе мы просто не ходили на уроки немецкого языка, используя это время для подготовки к другим экзаменам.

А когда нас перевели в Ленинград, и немецкий язык стала вести доцент ЛГУ Нина Васильевна Эйхбаум, то оказалось, что у всех, кто в

Москве досрочно «сдал» немецкий за второй курс, образовался «хвост», почему-то нам эту «сдачу» не засчитали. Интересно, что весь этот ужас мне снился раза три за прошедшие полвека. А так как мы (я-то точно) за весь прошедший период немецким языком совершенно не занимались, то и знания были (как и сейчас) на уровне «хенде хох» и «гитлер капут» да и то со словарем. Я помню, как меня стыдила Нина Васильевна. А когда я попробовал сострить и сказал ей, что у меня национальная неприязнь к немецкому языку, то она ответила, что у нее национальная неприязнь к лодырям! Короче, всем отставшим она дала штук по семь или восемь контрольных работ, которые мы должны были выполнить летом и привезти к следующей сессии.

Летом во время отпуска, который мы проводили в Алексине, я пошел к сестре погибшего Жданова. Она была старше меня лет на пять, окончила иняз и преподавала в школе немецкий язык. Зря я к ним пошел. Там я встретился с матерью Ляльки, с которым мы до войны дружили и я бывал у них дома. Увидев меня, его мать расплакалась, а потом с ней стало плохо. Война продолжала о себе напоминать. Ушел я с досадой на свою несообразительность.

А проблему задолженности по немецкому языку я разрешил следующим образом. Тогда существовало понятие так называемого «сто первого километра». Почти всем, отсидевшим по ст. 58 УК РСФСР (кажется, было десять или даже одиннадцать подпунктов и она применялась ко всем «политическим»), после освобождения разрешалось селиться не ближе 100 км. от Москвы, исключая также все областные и «закрытые» города. Так вот, наиболее сносным местом за 101 км был Алексин. На самом деле, Алексин от Москвы находится в 180 км, но важно, что дальше 100 км. И там после войны осело немало «политических». В городской библиотеке работала неунывающая старуха, бывшая графиня Энгельгарт. Она при знакомстве представлялась: «Технический директор». На самом деле она работала уборщицей, отсидев десять лет, видимо, за происхождение. Во всяком случае, перед Первой Мировой войной начальником Генерального штаба царской армии был граф Энгельгарт. Впрочем, до войны во МХАТЕ или Малом театре был народный артист Энгельгарт. Эта старуха когда-то окончила Смольный институт и знала несколько языков. А в книжном деле она разбиралась несомненно лучше, чем все три работавшие там девочки вместе взятые. Когда я попросил ее помочь мне с немецким языком, рассказав ей, где я учусь, то она согласилась, «если меня не смущает ее биография».

Я был в отпуске с Тоней и маленьким Юрой. Целыми днями мы бвали на пляже или в лесу (после нашего Беломорья, думаю, это и не удивительно) и мне, по правде говоря, было не до немецкого языка. Короче,

она исполнила все контрольные работы, а я их переписал, добавив, помнится, ошибок, и сдал в академию как результаты своей полугодичной напряженной работы. Потом я, правда, побаивался, т.к. в те времена знакомство с подобными людьми, мягко говоря, не поощрялось, можно было вылететь из академии. Проехало... Правды ради стоит сказать, что Нина Васильевна Эйхбаум все же заставила нас заняться немецким, и когда я на четвертом курсе сдавал полный академический курс немецкого языка, помнится, сносно читал и уложился в отведенное время для перевода полнотрактатного юридического текста. Сейчас, конечно, ничего не помню, кроме «гутен таг».

Чтобы закончить с моими «знаменитыми знакомыми» того времени, приведу еще одно имя, которое я, кажется, уже упоминал. Еще в Архангельске (мы жили в Исакогорке) я начал собирать книги. Подписавшись в Архангельске, я переводил подписку в Алексин, где книги получал отец. Когда я окончил академию и был уже капитаном (значит, это было в 1953 году летом), то, будучи в Алексине, я сходил в магазин подписных изданий и получил несколько книг. Когда я вошел во двор, отец подметал его, стоя лицом к калитке, которую я не закрыл. Вдруг (я помню, что очень удивился) отец просто преобразился: отбросил метлу и стал буквально по стойке «смирно». Я обернулся и увидел, что сзади стоял старичок невысокого роста. Отец меня ему представил. Это был бывший полковник Генерального штаба и бывший командир полка, в котором во время Первой Мировой войны служил отец. Это был сын известного тульского самоварного фабриканта Баташова (самовары Баташова до войны да и позже славились на весь мир). После «отсидки», видимо тоже за происхождение, он поселился в Алексине и работал страховым агентом, собирал различные страховые взносы, обходя частные дома.

Коротко я уже написал об учебе и преподавателях в Ленинграде. Подробнее - только об одном семестре, который проходил в Военно-медицинской академии им. Кирова. Этот семестр был посвящен только судебной медицине и судебной психиатрии. Правда, очередные пять или шесть экзаменов и зачетов мы сдавали в университете. Судебную медицину читал, как я уже упоминал, профессор Авдеев, который нам помог достать его учебник. Читал он очень интересно, хотя учебник его и был перенасыщен медицинскими терминами, т.к. во многом предназначался для врачей-патологоанатомов, но все равно читался как увлекательный детектив. Очень понятно профессор строил и свои лекции (мы все-таки не студенты медицинской академии). Познакомились мы с аудиториями и совсем немного со слушателями академии. Больше мы познакомились с ЛГУ, запомнилось, что парней на юридическом да и других факультетах было очень немного. Были среди них и фронтовики, в том числе и ране-

ные. Впрочем, были и совсем «зеленые», после школы. Профессор Авдеев провел вскрытие трупа. Это мне запомнилось еще и на контрасте: в Красной Ляге у нас погиб или умер солдат. Вскрытие его проводил врач из Плесецкой районной больницы, который, по-моему, вообще был просто хирургом, а не специалистом-патологоанатомом. Очень уж велико было различие между тем, как делал вскрытие этот врач и как профессор Авдеев. Правда, Авдеев делал это в специальном помещении в сопровождении двух ассистентов, слушателей выпускного курса академии, а этот врач один да на столе в сельсовете. На нашу удачу (не писать же здесь «на наше счастье») прокуратуре Ленинграда потребовалась эксгумация трупа и нам довелось при этом присутствовать. Делали это ночью. Такие мероприятия стараются делать без привлечения постороннего внимания. Ночью нас на автобусе подвезли к какому-то кладбищу. Вокруг было оцепление из солдат роты охраны академии. Фотограф сделал несколько снимков внешнего вида могилы, чтобы потом привести ее в прежний вид. Вскрыли могилу и извлекли из нее полусгнивший труп. Помнится, он был в военной форме. Если неприятно смотреть на вскрытие недавно умершего человека, то что говорить о наших наблюдениях за тем, как наш профессор копался во внутренностях полусгнившего тела. Я помню, как он заметил, что если мы, не так давно видевшие смерть на фронте, так на это реагируем, то девочки-студентки не только юридического, но и медицинского вуза падают в обморок и иногда бросают учебу. Большинство же свыкаются.

Что же делать. Мы учились в юридическом, а не музыкальном или театральном вузе, и нам показывали то, с чем нам предстояло встречаться по специальности. Не менее (если не более) гнетущее впечатление произвели занятия по судебной психиатрии. Запомнился один больной - невысокого роста старший инженер-лейтенант, еврей. Он просил нас говорить вполголоса, т.к. по его словам на потолке установлены подслушивающие устройства. А когда врач показал ему на стеклянный потолок и сказал, что там негде спрятать, то больной ответил: «Зачем мне это говорите? Я сам этим занимался».

Другой был полковник из Северной группы войск. Он неоднократно писал Сталину о засилии английских шпионов в окружении Рокоссовского. Были и другие больные. Помню одного буйного. Его привели два здоровенных санитаря. Он прямо от дверей заорал: «Встать! Смирно!» - кто-то из наших слушателей вскочил.

Коротко о месячной практике, которая проводилась в Архангельске при окружных прокуратуре и трибунале. В присутствии своего куратора я допрашивал какого-то проворовавшегося старшину, а также ездил в составе комиссии прокурорского надзора на какой-то остров то ли в Белом

море, то ли в устье Северной Двины, где размещался дисциплинарный батальон. В составе Военного Трибунала впервые видел (и даже ездил) на лошадях, запряженных цугом, в Лешуконию (кажется восточный берег Беломорья), где в одной из частей солдат бегал за командиром с топором. Но самое тяжелое в практике - я был дублером секретаря на сложном заседании Военного Трибунала. Судили по статье «Измена Родине» Буча Александра Вениаминовича. Это был пододецкий немец. И было нечестное в то время явление: полковник-обвинитель сам предложил направить материал на следствие. Но главное (для меня) - мой протокол заседания трибунал забраковал: я записывал все, что говорилось, а нужно было избирательно. Когда я сравнил то, что записал я и то, что записал секретарь, увидел разницу.

Не берусь утверждать, но сейчас мне кажется, что именно в это время я стал сомневаться в правильности выбора профессии. Насколько увлекало познание теории, особенно истории государства и права, насколько захватывала криминалистика и нравились уголовное, гражданское, административное, трудовое право, насколько интересно было слушать умных людей и даже посещать музеи - настолько со всем этим контрастировали вскрытие, особенно эксгумация, трупов, содержание арестованных на заброшенном острове, проза расследования самовольной отлучки или кражи двух пар сапог из каютки и, пожалуй, главное - «двойная бухгалтерия» при написании протокола по первому же серьезному делу. Не знаю, прочувствовал ли все это я тогда или это сейчас я стал таким умным. Тем не менее, когда в 1952 году меня не взяли на работу в органы военной юстиции, я очень переживал и жаловался по всем известным мне адресам. У меня и сейчас, после «селекции», сохранился еще с десятков ответов-отказов.

Последний, как и начальный, этап учебы проходил в Москве. Но это было уже другое время. Шел 1951, а за ним и 1952 год. Для меня это значило, что я осилил практически весь курс академии, что со времени окончания войны прошло шесть лет, а вместе с ними постепенно сошли на нет фронтовые льготы, да и того уважения к фронтовикам, которое было сразу после окончания войны, не стало. Армию опять раздули чуть ли не до размеров военного времени, призвав тех, кого совсем недавно уволили в запас. И, что важно, повсеместно началась, как тогда писалось и говорилось, борьба с безродными космополитами, читай, с евреями. Не называя конкретных имен и дат, Илья Эренбург написал примерно такую фразу: «Победители учатся у побежденных». Но самое печальное, что все это тогда, точно как и сейчас, ложилось в благодатную почву. А начиналось с малого. Оказывается, что первым в воздух поднялся Уточкин, а не братья Райт, как много лет нам говорили. Что мотор следует называть двигате-

лем. Я сейчас не помню всех новостей и «открытий», но хорошо запомнились слова какого-то остряка: «Россия - родина слонов».

Вдруг как бы проснулись средства массовой информации и стали вытаскивать на свет божий всякие страсти и небылицы о евреях: о документах, якобы подтверждающих вину Бейлиса в использовании крови православного младенца в маце (интересно, что по приказу Николая Первого лжесвидетелей по этому делу сослали в Сибирь в ссылку). Опять заговорили об истинности «Протоколов Сионских мудрецов» (Международный суд признал их подлогом) и многое-многое другое... Всё как сейчас. Венцом всей этой кампании был арест врачей кремлевской больницы. Это были в основном евреи, хотя среди них был и русский академик Виноградов, личный врач Сталина. В это время дело едва не доходило до открытых еврейских погромов. Отцу было более 65 лет и он сразу же ушел на пенсию. А когда к маме в кабинет пришел мужчина и, прежде чем сесть в кресло, спросил: «Доктор, а Вы не отравите меня?» - бросила работу и она.

В академии читались лекции о космополитизме, постепенно выжились профессора-евреи. Совершенно незаметно для нас исчезли профессора Герцензон, Маркович, кто-то еще. О профессоре Строговиче стоит вспомнить отдельно. Я уже говорил, что он был очень плодовитым в научном смысле и много писал. В это время он издал какую-то книгу. Не только я, но, думаю, подавляющее число неспециалистов не знали не только содержания, но и названия ее. Так вот, в ней он привел слова Энгельса о том, что в настоящее время наиболее демократичным является английский уголовно-процессуальный кодекс. Не посчитавшись с тем, что это сказал Энгельс, спорить с которым тогда не разрешалось, и тем, что сказал он это в прошлом веке, Строговича обвинили в низкопоклонстве перед западом. Его отстранили от руководства кафедрой, а на партийном собрании поставили вопрос об исключении из партии. Умница Строгович «признал» свои ошибки и обещал исправиться. Буквально через полгода он написал толстую книгу с названием «Реакционная сущность англо-американского уголовного процесса». По этому поводу, используя морскую терминологию, очень точно выразился наш заочник-моряк: «Михаил Соломонович отработал «полный назад».

Подобное происходило не только с преподавателями, но и со слушателями. С нами учился капитан-лейтенант Ашкинази. У него обнаружили, что в графе 5 личного дела у него записано не «еврей», а «караим» (это какая-то ветвь, проживавшая в Крыму). Его обвинили ни больше ни меньше как в «обмане партии» и только под давлением слушателей не прошло предложение «исключить», ограничились строгим выговором. Я помню, как один парень говорил: «Я хохол. И родом я из Полтавы. И фа-

милія моя Иваненко. И я всю жизнь пишу, что я русский. И это ни кого не колышет».

Было и другое, хотя и из несколько другой области: в последний период войны, как мне помнится, да и первое время после войны у нас в Союзе выше других руководителей так называемых «демократических» партий поднимали имя Иосифа Броз Тито. Позже, когда отношения с ним испортились, всё, что к нему относилось, предали анафеме. Приказали даже сдать югославские награды. У нас учился один капитан, награжденный югославским орденом. Он прямо-таки плакал после того, как отдал орден. Помнится, он рассказывал, что его наградил сам Тито за взятие какого-то важного моста через горную реку. В этом бою он оставил пол взвода, которым командовал, и сам был ранен. Не отдай он ордена, его исключили бы из академии. Кстати, после смерти Сталина первым действием Н.С. Хрущева на международной арене была поездка в Югославию и налаживание отношений с Тито.

Летом 1951 года я написал дипломную работу. Дипломная работа была по кафедре «Теория государства и права» и называлась «Коммунистическая партия - руководящая и направляющая сила в системе диктатуры рабочего класса». Дипломную работу я долго хранил и сжег в 1994 году вместе со многим из той жизни перед отъездом сюда, в Израиль. Руководителем у меня был кандидат юридических наук Максимов. Он очень помог в написании, так как я смутно представлял, что это такое, дипломная работа. Он же порекомендовал «пересыпать» работу цитатами из только что вышедшего труда Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Защита прошла успешно и я получил оценку «отлично». Ни к чему сейчас рассматривать не только содержание, но и само название дипломной работы - было другое время. Да и мне было не 75, а 28 лет. На госэкзамене по уголовному праву основным вопросом был «Клевета и оскорбление». Весь материал я знал, но хотелось назвать номера статей УК (я уже писал, что это требовалось лишь «для блеска»). Ассистент принимавшего адъюнкт Кудрявцев подошел ко мне и спросил: «Какие проблемы?» Когда я сказал, что не знаю номеров статей, то он ответил, что тоже их не помнит, но сейчас посмотрит. Сдал на «отлично». Правда, следующий экзамен «Основы марксизма-ленинизма» я сдал на «три». Сказалась ли успокоенность после защиты диплома или приезд Тони (она была дней пять, и я за это время от нее не отходил и за учебники, естественно, не брался). Наверное и то, и другое.

29-м февраля 1952 года (високосный год) подписан мой диплом об окончании Военно-юридической академии Советской Армии. Присвоена квалификация, как записано в дипломе, «Военный юрист с высшим образованием» - мечта многих лет. Вспомнилось напутствие нашего препода-

вателя латыни «Через трудности - к диплому», которое он нам сказал в самом начале учебы. В центральном театре Советской армии состоялось торжественное собрание. С докладом выступил Член Политбюро, Начальник Главного политического управления Советской Армии Щербаков. Запомнился его призыв: «Пусть у вас не дрогнет рука, когда вам придется карать врагов Советской власти!» После собрания был концерт, который вел известный в то время конференсье Гаркави. На следующий день произошло событие, которое запомнилось мне на всю жизнь. Сначала в главном зале для построений начальник академии Чхиквадзе вручил нам дипломы об окончании академии и нагрудные знаки, которые мы тут же привинтили на кителя (его положено носить постоянно на всех видах военной одежды, кроме комбинезонов и т.п.). Дело было еще в том, что мы были в числе первых, кому выдавали знаки об окончании академии после революции.

А потом произошло то, что я также запомнил на всю жизнь. Все академическое начальство ушло, оставив одного начальника нашего факультета подполковника юстиции Побежимова. Побежимов объявил, что сейчас назовет фамилии тех выпускников, которым следует зайти в отдел кадров и получить назначение на работу в органы военной юстиции. Он добавил, что «не попавшие в этот список не забыты и в ближайшее время получают вызовы в части». Мне запомнилось, что, прочитав список, он опустил голову и быстро ушел из зала: в список приглашенных в отдел кадров не был включен ни один еврей. Интересно (если это интересно), что не был приглашен и один майор - единственный из всего курса, получивший золотую медаль (зачем ее вообще ему дали?). Впервые в жизни (потом повторялось) это запомнилось особенно, так как это было впервые, мне прямо сказали, что я хуже других и не потому, что я глупее или ленивее или слабее здоровьем, а потому, что я - еврей. Не знаю как у других, но моя боль усугублялась еще и тем, что по всем показателям я привык быть не в конце списка. И тем еще, что с окончанием академии я связывал надежду покончить с жизнью по соседству с медведями, в лесу. Помнится, много позже я встретил в журнале «Военная юстиция» некролог о смерти генерал-майора юстиции Побежимова. И хотя я понимаю, что от него далеко не все зависело, но, как сказал бы наш фронтовой замполит А.В. Волна: «Земля ему дубом!»

Об учебе в академии я написал несколько подробнее: служба в армии шла пунктиром и академия - светлая часть этого пунктира. Дальше - служба в период лесозаготовок, наверное темная ее часть и я напишу о ней покороче.

Окончив академию, я как-то даже зауважал себя. Во-первых, я единственный из инжбатовцев сумел не только прорваться в академию, но и

несмотря на все трудности окончить ее. Во-вторых, я получил «поплавок». В-третьих, я доказал себе (в первую очередь), что если очень хотеть и еще больше - стараться, можно добиться желаемого. И, наконец, я преодолел чувство ущербности по отношению к Тоне (к ее университетскому диплому). Этому очень радовалась мама (высшее образование тогда ценилось).

Алексин. 1953 г. С Юрой

29 февраля 1952 года (этим числом подписан мой диплом) я окончил Военно-юридическую академию Советской Армии и получил диплом, как там написано, «Военного юриста с высшим образованием». Однако ни одного еврея из наших выпускников на работу в органы военной юстиции тогда не взяли, это было время всплеска борьбы с «безродными космополитами», к числу которых отнесли тогда всех евреев без исключения. Я тоже попал в это число и не попал в число тех, кого приняли на работу в органы военной юстиции. Я долго и много писал и лично посещал различные организации военной юстиции. Ответ был везде одинаковым: «В настоящее время нет вакансий», хотя многие наши выпускники, с которыми я там встречался, на словах (только на словах) говорили мне совершенно иное. Так я и не стал настоящим военным юристом, хотя и получил академическое образование.

8-10

МЮ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Военных Трибуналов
СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Упр. Кадров

11 апреля 1953 г.

№ 3/6

Москва, ул. Куйбышева, д. 7/3.
Тел. К-471-53.

гор. Архангельск
ст. Исакогорка, ул. Зеленый бор, 87а
БЕЛИЛОВСКОМУ Б.В.

На Ваше письмо от 10 апреля 1953
года сообщаю, что в настоящее время ставит
вопрос о переводе Вас на работу в систему
военных трибуналов не представляется воз-
можным из-за отсутствия вакансий.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ ПО КАДРАМ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/П. Лихачев/

17/IV-53г.
Полковник Академии
Советской Армии

Капитану тов. БЕЛИЛОВСКОМУ Б.В.

г. Архангельск, ст. Исакогорка
Зеленый бар, 87-а

Юридический Факультет

11 апреля 1953 г.

№ 867

ул. Смоленский бульвар, 19.
Телефонатор Г 1-05-00

На Ваш запрос сообщаю, что Академия офицеров, ок-
чивших Заочный факультет, на работу в органы военно
юстиции не распределяет. Этот вопрос решается самими
органами военной юстиции.

НАЧАЛЬНИК УЧЕБНОГО ОТДЕЛА
ЗАОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/В. Сидоров/

ВОЕННОГО ОКРУГА

11 июня 1953 г.

№ 309.

г. Архангельск

ст. Исакогорка, Архангельской
области, Зеленый бор, 87-а.

На Ваше письмо сообщаю, что в настоя-
щее время вакантных должностей в ВТ Округа нет и
поэтому использовать Вас не представляется
возможности.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
БЕЛОМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/А.САХИН/

8-10

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

**ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
Советской Армии**

31/1 *Стай* 1952 г.

№ К/222/

Москва, ул. Кирова, 41

Исп. вх. №

К стр. 161

БЕЛИЛОВСКОМУ Борису Владимировичу

Архангельская область,
ст. Исакогорка, ул. Зеленый Бор,
87-а

Ваше письмо, адресованное редакции газеты "Красная Звезда", с ходатайством о зачислении на работу в органы военной прокуратуры, поступило на разрешение в Главную военную прокуратуру Советской Армии и последней рассмотрено.

Удовлетворить Вашу просьбу не имеем возможности, так как работники нам в настоящее время не требуются.

ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
СОВЕТСКОЙ АРМИИ - ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Капитану БЕЛИЛОВСКОМУ Борису Владимировичу

ПРОКУРАТУРА СССР

ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

БЕЛОМОРСКОГО

ст. Исакогорка, Архангельской
области в/часть 40420

25 октября 1952 г.

№ 746

Архангельск

На Ваш доклад о зачислении на работу в органы Военной прокуратуры вторично сообщается, что в Военной прокуратуре Беломорского Военного округа вакантных должностей нет.

Рекомендую Вам непосредственно обратиться в Главное Управление Военных трибуналов или в Главную Военную Прокуратуру Советской Армии.

ил. Помылева
31.10.1952 года
мл.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
БЕЛОМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ

Военных Трибуналов

ПОДПИСЬ

ст. Исакогорка,
Зеленый бор, 87"а"

БЕЛИЛОВСКОМУ Б.В.

По отделу Кадров

20 июня 1953 г.

№ 555

Москва, ул. Куйбышева, д. 7/3.
Тел. К-4-71-53.

На Ваше письмо от 9 июня 1953 года сообщаю, что в связи с отсутствием вакансий не представляется возможным ставить вопрос о Вашем переводе на работу в военные трибуналы.

ПОМОШНИК НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ ПО КАДРАМ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

П. Лихачев
П. ЛИХАЧЕВ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВОЕННЫХ Трибуналов
СОВЕТСКОЙ АРМИИ.

гор. Архангельск
ст. Исакогорка,
войсковая часть 40420
БЕЛИЛОВСКОМУ Б.В.

Упр. Кадров

ИЮНЯ 1952 г.

№ 583
Москва, ул. Кузнецова, д. 7/3.
Тел. К-1-71-53.

На Ваше письмо от 19 июня с.г.
сообщая, что перевести Вас на работу
в систему военных трибуналов не представ-
ляется возможным из-за отсутствия вакансе
сий.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ СОВ АРМИИ ПО КАДРАМ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

г. Архангельск, станция Исакогорка,
войсковая часть 40240

УЛ. 52г.
О.П.

Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ
ОБЛАСТНАЯ ПРОКУРАТУРА
Советской Армии

БЕЛИЛОВСКОМУ Борису Владимировичу

ИЮЛЯ 1952 г.

№ 41256
Москва, ул. Кирова, 41.

Сообщая, что использовать Вас на службе в
органах военной прокуратуры не имеем возможности,
поскольку в данное время работники нам не требуются.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГВП СА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

ШИРСКИЙ /

Капитану БЕЛИЛОВСКОМУ Борису Владимировичу

ст. Исакогорка, Архангельской обл.
Зеленый бор 87-а

ПРОКУРАТУРА СССР
ОБЛАСТНАЯ ПРОКУРАТУРА
БЕЛОМОРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

ИЮНЯ 1952 г.

№ 517
Архангельск

На Ваше заявление от 10.6.53 года снова соо-
щаю, что вакантных должностей для использования Вас
на юридической работе у нас не имеется.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
БЕЛОМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Д. МАЛАЙДАХ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

Управление (отдел) 1-й отдел 2. Управления

(бланк для ответов на письма)

№ ГУН 9720

„ 25 „ октября 1952г.

Гор. Архангельск, ст. Исакогорка,
улица Зеленый бор 87 "А" -

Товарищу БЕЛИЛОВСКОМУ Б.В.

Сообщаю, Ваше письмо, адресованное редакции газеты "Красная Звезда" с просьбой об использовании Вас по специальности, полученной по окончании Военно-юридической академии, направлено на рассмотрение Главного Военного прокурора Советской Армии - Москва, Кирова - 41.

О результатах рассмотрения Вам будет сообщено из прокуратуры

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГУК СА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

С. И. Коровков
Коровков

Центральный орган
Военного Министерства
Союза ССР

Редакция направила Ваше письмо для принятия мер

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

РЕДАКЦИЯ
15 октября 1952г.

Москва, б. ул. Чехова, 16
Телефон К 4-00-70, доб. 74 и 37

При повторном
обращении в редакцию
обязательно ссылаться
на наш № 5/43760

*В Главное управление
кадров Советской
Армии.*

В. Белиловский

Референт отдела писем

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

Гор. Архангельск
ст. Исакогорка, Зеленый бор, 87 "а"

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
Советской Армии

БЕЛИЛОВСКОМУ Борису Владимировичу

14 июня 1953г.

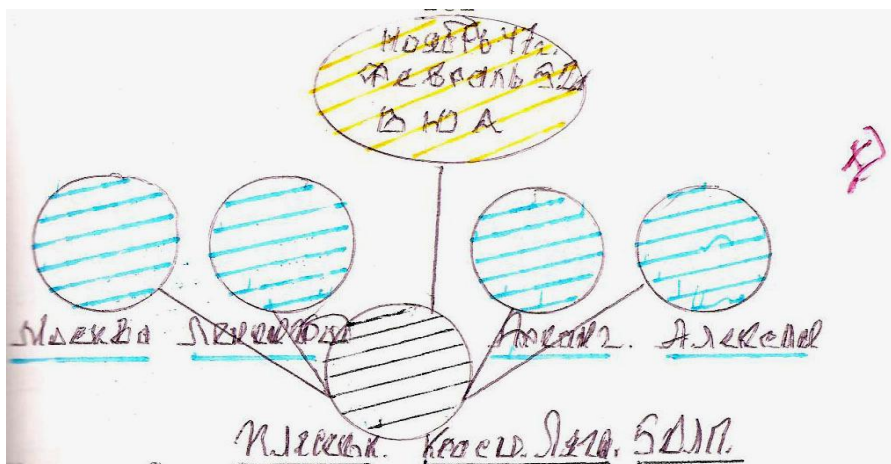
№ К/1104

Москва, ул. Кирова, 41

На письмо от 9 июня 'с.г. сообщая, что при
нять Вас на службу в органы военной прокуратуры
не имеем возможности, за отсутствием потребности в работниках.

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА КАДРОВ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИЙ

/НИКОЛАЕВ/

С кем встречался и кого видел в период обучения в ВЮА

Рокоссовский, Толбухин - Маршалы Советского Союза

Вышинский - министр иностранных дел СССР

Чойбалсан - Маршал Монголии

Щербаков - член политбюро, начальник ГлавПура

Ульрих - генерал-полковник

Профессора и учителя

Чхиквадзе, Побужимов, Строгович, Герцензон, Гончаров, Братусь, Давидович, Студеникин, Авдеев, Максимов, Маркович, Галкин, Маркович, Эйхбаум

Слушатели

Кудрявцев (адъюнкты), Витковский, Весенин, Ашкинази, Змовский

Известные люди

Раневская, Серова, Гаркави, Ярон, Смыслов, Александрович, Папанин, Шейнин

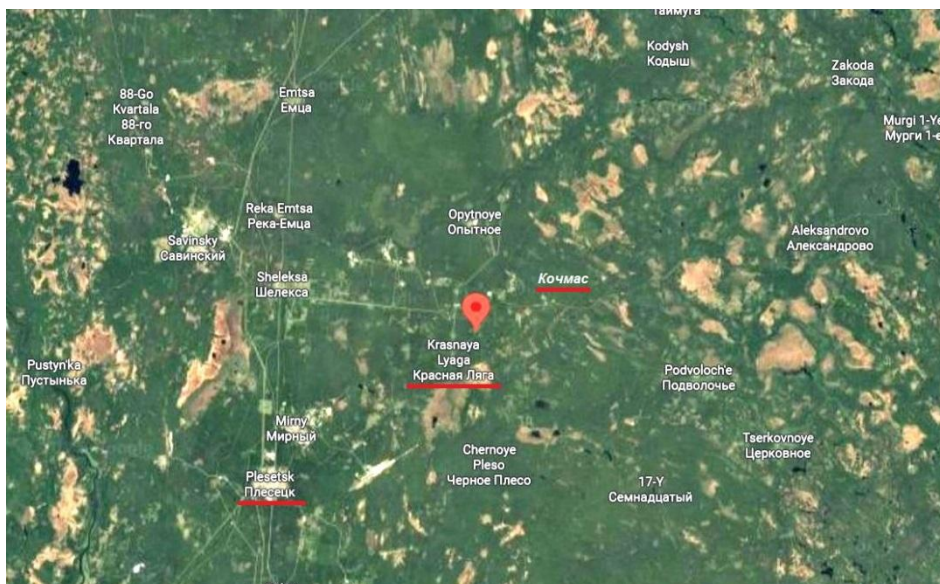
ПЛЕСЕЦКАЯ

Этот раздел охватывает время с апреля 1948 года по апрель 1951 года. Если говорить о личном, то этот период имел два важнейших для меня события: 11 апреля 1949 года родился Юра, и весь этот период я учился в академии.

В Красную Лягу мы с Тоней приехали летом 1948 года. После окончания университета она заехала в Бугульму, а я, получив отпуск, встречал ее в Москве. Там мы, переночевав у моих теток, уехали в Алексин. Родители жили еще у тети Жени Лискиной. Это было наше первое совместное лето в Алексине. Последний раз вместе с Тоней в Алексине мы были летом 1962 года, а осенью 1963 года умер папа.

Когда мы приехали в Красную Лягу, и водитель, высадив нас, уехал дальше, Тоня, как я сейчас понимаю, испугалась. После Казани с университетом да и Бугульмы с Алексиним то, что она увидела, действительно могло напугать: несколько казарм, где жили солдаты, пара домов с местными жителями и барак, где была наша комната. Перед окном и почти до самого горизонта сплошные пеньки от спиленного леса да с десятков так называемых «семенников» - деревьев, оставленных при вырубке. На горизонте видно (или слышно, точно не помню), как проходит железнодорожный состав с лесом или пустые платформы за лесом: так называемая «передача».

Первую ночь спали на полу, почему-то я не запасся кроватью. Но был зеленый пушистый трофейный ковер, который мне выдали еще в Хойниках. Рано утром нас разбудил женский голос, который громко звал: «Тоня! Боря! Тоня! Боря!» Оказывается, у одной из местных жительниц были козы и она звала их - наши тезки! Тоня была молода, да и то, что теперь называют, коммуникабельна. Во всяком случае, у нее появились знакомые женщины. Я помню только жену командира соседней роты Михальского. Помню, что та все время любила напевать песенку из какого-то кинофильма. Песенку пела артистка Макарова: «Серый камень, Серый камень! Серый камень в семь пудов. Серый камень так не тянет, как проклятая любовь». Жил там старший лейтенант Печенюк с женой, Синельниченко с женой - это командир взвода нашей роты. Была там еще местная женщина Шура. Когда родился Юра, она помогала Тоне. У нее были две девочки и, помнится, она к нам заезжала как-то на север. Она разговаривала типично по-северному. У Михальских был мальчик, ровесник Юры, с совершенно белыми волосами. Так вот, Шура называла его «маркий», то есть белый, легко пачкающийся.

Красная Ляга (фото Google Maps)

Красная Ляга - это крохотный поселок, состоявший из двух-трех частных домов, большого дома - лесничества и нескольких казарм, в которых жили наши солдаты (две роты) и офицеры (входы в их квартиры были отдельными). Был еще автопарк (открытого типа), где стояли автомашины роты Михальского и трелевочные тракторы моей роты. Поселок размещался между станцией Плесецкая и 5-ОЛП (бывший отдельный лагерный пункт). Расконвоированные бывшие заключенные жили рядом с нами. Наверно, дорога шла и куда-то дальше (недалеко от нас была еще какая-то деревня). В лесу водились медведи, лоси, дичь (рябчики, тетерева и др.), а по лесным озерам было много рыбы - места были глухие, и вся эта живность не истреблялась и не вылавливалась. До 5-ОЛП было километров пять-семь.

Была еще одна семья, проживавшая в собственном доме. Старуха пускала нас в баню, топившуюся по-черному. Температура там нагонялась нестерпимая. Там, да и вообще на севере, я привык к парилке и до сих пор считаю, что она не сравнима ни с какой ванной. У нее мы брали молоко (сейчас почему-то кажется, что козье, а не коровье). Ее муж - ссыльный из бывших миллеровских солдат. Он продавал нам рыбу, а иногда и рябчиков. Позже (я уже упоминал) мы познакомились и с Куклиными, которые жили в большом доме-лесничестве - это через дорогу. Анатолию, лесничему, было лет тридцать пять, а его жене лет на двадцать больше. Был разговор, что он сидел в лагере, где она была медсестрой и каким-то образом спасла ему жизнь. У нее гостила ее сестра с внуком, мальчиком лет пяти-шести. Его звали Миша. Они были из Москвы. Но самое главное, они жили прямо рядом с нашей академией, и она приглашала меня заходить к ним, когда буду в Москве. И еще я вспомнил, что после Синельниченко к нам в роту прибыл новый взводный, Алексей Клименков. Он сильно браконьерничал и иногда заваливал лося или даже медведя. И если от лося я видел в лесу лишь следы, то медведей видел раза три, как говорится, живьем.

Юра родился, когда я был в академии. Конечно, это не оправдание, а лишь объяснение: молодость и полнейшее непонимание, что это такое. Тоня родила Юру в деревне Плесцы. Это в пяти-шести километрах от Плесецкой, где была районная больница. Фельдшер не довез Тоню на лошади. Это просто счастье, что какая-то старуха пустила их в дом и приняла роды. Я, конечно, потом заезжал к ней. А когда Тоню с Юрой привезли домой, Шура помогала ей. Помогала она и тогда, когда я вернулся из академии. Шура не просто помогала, но и обучала Тоню азам материнства.

И о самой работе. Лес валить мы не умели: оставляли непозволительно высокие пеньки и валили семенники. И если бы не дружба с лесничим, погорели бы мы на штрафах. А так сдача была в Кочмасе (там сельсовет, и Юра записан, что там родился). Там была столовая и клюквенное вино на разлив. Мы приезжали верхами под седлом (и у меня, и у Анатолия были вполне приличные верховые лошади). И там «сдавали» лесосеки до тех пор, пока могли залезть на коня. И моя главная задача была - не потерять Анатолия. Обычно он набирался до такого состояния, что потерять его было вполне возможно. Я его обычно держал, пока не довозил до лесничества.

Последние год или полтора мы жили там, где располагался штаб - на 5-ОЛПе. По сравнению с Красной Лягой жизнь там была лучше. Здесь жили десятка полтора семей офицеров и сверхсрочников, была маленькая библиотека (наша, конечно) и кинозал, куда, помнится, один раз даже ансамбль песни и пляски архангельского ВО приезжал. Тоня даже устрои-

лась машинисткой в отделении у Петра Пушкина, «давила клопов» - так говорили о тех, кто печатал одним пальцем.

Мы, конечно, в то время не имели ни малейшего понятия о том, что вырубаем лес, подготавливая площадь под будущий космодром «Плесецк». Все, что от нас тогда требовали - оставлять низкие пеньки, не рубить семенники, сохранять просеки и соблюдать другие правила лесопользования. После нашего отъезда все пошло под ножи бульдозеров. Наверно, чувство самосохранения, да небольшой опыт, который мы перенимали от бригады лесорубов, работавших невдалеке, спасали нас от травм и увечий, неизбежных при нашей полной неподготовленности. А ведь в Архангельске при штабе округа был отдел ВВС, а при нем аэродромный отдел. И найти специалистов с лесным образованием для Архангельска - не проблема. Впрочем, это не большая новость. За три десятка лет службы в армии я не раз встречался с такой постановкой дела, когда вышестоящий начальник приезжал и начинал выяснять, «а почему я делаю так, а не иначе», вместо того, чтобы показать, как это должно делаться, чтобы получилось хорошо. Это, конечно, не касается вещей, которые я сам обязан знать. И это не байка о том, что «прав тот, у кого больше прав». Просто старший начальник по долгу службы обязан знать больше. Мы, помнится, не умели точить пилы. И совсем уж не знали, что это такое, когда к нам поступили пилы с «канадским зубом», лучковые пилы. Хорошо, что рядом были настоящие лесорубы. Мы у них постоянно «паслись», спрашивая совета.

Подобное творилось и в значительно больших, чем у нас, масштабах. Из того, что я видел и слышал - заготовки леса шли по всему Архангельскому северу, а это сотни километров. Предполагалось, что заготовленный вдоль рек лес весной будет по ним сплавляться до Северной Двины, а по ней до лесоперевалочных бирж, где он сортировался и перерабатывался, а дальше отправлялся по железной дороге или на баржах и кораблях. Значительная часть леса предполагалась для Соломбальских лесопильных заводов. Практически же очень часты были сильные разливы рек, которые сносили большую часть заготовленного леса, и если его не успевали поймать, он уходил в Белое море и дальше к берегам Норвегии. Там, рассказывали, были не просто лесопилки, а целые комплексы по переработке нашего - уже ничейного - леса.

Невдалеке от станции Исакогорка, где мы жили после пятьдесят первого года, по берегу Северной Двины (она здесь более двадцати метров глубиной) был морской порт, куда заходили даже большегрузные океанские корабли. Вокруг Бакарицы (так называется морской порт и его поселок), да и вокруг всего Архангельска, да наверно, вообще вдоль берегов Северной Двины было много поселков. Жителям этих поселков разреша-

ли вылавливать бесхозно плывущий лес. Слава Богу, хоть здесь не придумали ничего из области хищения соцсобственности! В период паводков плывущий лес вылавливали баграми с лодок и крепили к камням якорями. И после спада воды на берегу оказывались сотни кубометров отличного строевого леса. Попадался и лес, подготовленный на экспорт (его очень бережно заготавливали). Собранный лес использовался для строительства домов, крытых дворов и других построек. А дрова заготавливали впрямь на несколько лет и складировали прямо на улице, хорошо если вдоль заборов. А дома там строились двухэтажные (на первом - сарай) по 6, 8 и даже 10 окон - это только на улицу. Для сравнения: я сейчас не помню, сколько окон было в нашем довоенном доме, но когда родители отстроились после войны, в их домике на улице смотрели только два окна.

Когда начинался ледоход, то левобережный Архангельск, а это и железная дорога до Москвы, и морской порт, и все основные заводы - всё это было отрезано от правобережного города. Иногда, и не очень редко, образовывались заторы из льда и плывущего леса. Как-то, помнится, эти заторы разбивали при помощи оставшихся еще с войны английских бомбардировщиков «Каталина».

Нам повезло, что тогдашние солдаты были не сегодняшние восемнадцатилетние несмышленишки, а вполне взрослые парни, которые успели отслужить по шесть-семь лет. А призванные из Архангельской области, да и те, что приехали с нами из Белоруссии, были в основном знакомы с лесной работой. Вспомнил и такое: не знаю по каким соображениям, но нам прислали целую роту ребят-призывников из Полтавы. Вечером они выходили из казармы и садились на завалинки, пели украинские песни. Кажется все обитатели 5-ОЛП выходили и слушали их. Очень уж душевно и складно слышались среди архангельских лесов и болот украинские песни. И вот такое: когда в шестидесятые годы я пришел в Андижан командиром части, там служил один из этих полтавчан, Петр Петрович Зозуля, сверхсрочнослужащий.

Примерно в это время мы расстались с последними офицерами военного призыва. Демобилизовались Тимченко, Синельниченко, Петр Алексеевич Ковалев, Саша Гуржий (это у него я научился писать по линейке, только у него это получалось красиво, а у меня - непонятно, хотя и ровно). Работая в школе в Алма-Ате, уже в конце шестидесятых годов, я получил письмо от жены и дочери Ковалева. В «Учительской газете» была большая статья о постановке начальной военной подготовки в нашей школе, а дочь Ковалева была учительницей.

Уволился или перевелся командир части Бондаренко. Был он у нас недолго и в памяти остался как любитель поиграть в шахматы. А это не самое сильное качество командира батальона. После него к нам пришел

Дмитрий Андреевич Копанёв. Прослужил он у нас не менее десяти лет, и в 1958 году его перевели на равную должность в Грузию в Кабулети. Потом мы с ним эпизодически переписывались. Он демобилизовался и получил квартиру в Краснодаре. В первой половине 70-х годов я отдыхал в санатории возле Адлера и съездил к нему на его день рождения. А в конце семидесятых он заезжал к нам в Алма-Ату по пути на Иссык-Куль. Уже здесь в Израиле я получил письмо от его дочери Люси: он умер от типично офицерской болезни - инфаркта.

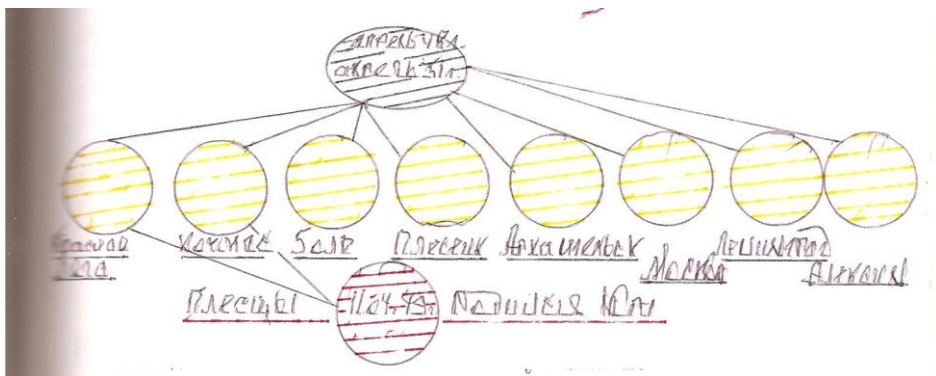
Десять лет совместной службы дают, конечно, материал для воспоминаний о Копаневе, но если главное - то это был сильный командир с хваткой, которой я позже не встречал, когда уже сам был командиром части. Правда, это было уже другое время и совершенно другие люди. У Копанева не было даже среднего образования, но у него была удивительная способность схватывать главное в приказах и общей ситуации, и самое главное - умение поставить себя. Таким же (мне кажется, что даже еще сильнее) был командир соседнего 78-го батальона подполковник Иванов. Они стояли в Мурмашах, а мы в Шонгуе. Оба эти командира, командуя по сути дела небольшими, хотя и совершенно отдельными частями, сумели поставить себя (внутри части во всяком случае), как будто они командовали большой частью, если не соединением. И если сейчас попробовать охарактеризовать их поведение, то я бы использовал формулу: «Власть требует уважения, а уважение - расстояния».

Командуя потом батальоном, который был больше по численности и значительно больше по ресурсам и задачам, я так и не сумел изобразить из себя «дюже здорового начальника». А они это умели. И хотя, как я уже отметил, и время было другое, и люди были совершенно иные, этого «важничания», думается, мне не доставало. А Дмитрий Андреевич умел быть хозяином не только в части, но и за столом.

Отдельные периоды службы с Дмитрием Андреевичем Копаневым были для меня, да и для всех, кто с ним служил, далеко не легкими. Но то, что я перенял за эти 10 лет, оказалось полезным, когда я сам стал комбатом.

Я прослужил тринадцать лет на севере, в том числе пять в Заполярье. Но те три года, что мы занимались в районе Плесецка лесозаготовками, были самыми необустроенными в бытовом плане и самыми несдержательными в плане служебном. Выдержал же потому, что было мне всего двадцать пять лет, а рядом была Тоня, а потом и Юра. Тоня позже рассказывала, что ее мама, которая приезжала помогать сначала с Юрой, а потом и с Витей, на полном серьезе расспрашивала у нее: «А за что все-таки сюда сослали Борю?» И одной из ошибок, которые мне видятся сейчас, было то, что я как «прирос» к инжбату, так и прослужил в нем девят-

надцать лет, т.е. дольше всех. Очень многие переводились в другие части с более стабильным образом жизни. Наверное все же была такая возможность, раз кому-то это удавалось. Но что было то было. И сейчас об этом остается только сожалеть.

С кем служил и встречался в это время

Д.А. Копанев

Б. Кретинин

А. Ку克林

Некрасов

А. Клименков

Котляревский - начальник политотдела

А. Чучкалов

П.П. Зозуля

Ф. Воробьев

П. Монченко - начфин

Володя «Вокурат» - фельдшер

БЕЛОМОРЬЕ

С апреля 1951 года по февраль 1956 года в бытовом отношении по сравнению с предыдущими послевоенными годами, а их было шесть лет, мы жили значительно лучше. И хотя наш батальон в это время и перемещался по всему Беломорью, а потом и по Карелии, семьи по меркам того времени были устроены сносно. Прожив немного в бараке на аэродроме «Васьково», мы сняли комнату, а потом и две, на частной квартире на узловой станции Исакогорка. А Тоня к тому же устроилась работать в вечерней школе рабочей молодежи - ШРМ (они так и называли себя - шаро-мыжники). Но прежде чем вспоминать эти пять лет, а после этого мы уехали еще севернее, в Заполярье, где прожили еще 5 лет - итого 13 лет вдоль южных берегов Белого и Баренцева морей, прежде мне хочется написать отдельно (вроде того, как я написал об учебе в академии), как мы проводили отпуска, а также о встречах с родными за все годы с того времени, как в августе сорок второго я ушел в армию. И хотя это и захватит период не в пять архангельских лет, а значительно больше, делать это отдельными отрывками, мне кажется, значительно труднее, ведь это период до конца восьмидесятых годов. Итак, назову этот подраздел своих воспоминаний

ОТПУСКА И ВСТРЕЧИ С РОДНЫМИ И БЛИЗКИМИ

Подавляющее число отпусков мы проводили в Алексине, природа которого хоть и ухудшалась прямо на глазах, в то время была еще хороша. Конечно, что-то забылось, в чем-то будет путаница, но примерно я подсчитал (в конце раздела я запишу этот подсчет) и у меня получилось, что с тех пор, как я ушел в армию, я был в Алексине 27 раз как во время отпусков, так и во время краткосрочных посещений. В том числе с семьей 11 раз (по одному разу - только с Тоней, только с Юрой и только с Витей и 8 раз - всей семьей). И каждый раз мы жили на полном родительском обеспечении, а к нашему приезду, как правило, приготавливалась фаршированная рыба - лучшее из всего, что мне доводилось есть, рубленая селедочка и другая вкуснятина и, кажется, всегда прекрасный торт.

Утром нас рано будили и мама давала нам по стакану парного молока, которое она специально для нас брала у Косаревских. А два-три раза (если не больше) мы еще и увозили с собою трудноподъемное количество варенья.

В Алексине мы всегда имели своевременно приготовленные завтраки, обеды и ужины, а нашей задачей оставалось только вовремя добраться

до пляжа или леса. А как родители выходили из положения, когда к ним одновременно приезжали мы и Ося с семьями, или мы и одесситы (а их тоже четверо)? Или они без нас? А если в это время у них жили Шейнины или какие-то родственники, которых летом (и до войны, помнится, тоже) оказывалось множество. Я как-то никогда и не задумывался, что с их зарплатой, а потом и пенсией, такие оравы содержать было непросто. И больше того. Вот вспоминая свои чувства того времени, мне казалось, что у родителей нет и, главное, не может быть другого желания, кроме как содержать нас весь отпуск. И может быть, это и в самом деле было так? Наверное единственным оправданием (а я потом ведь искал эти «оправдания»), которое мне сейчас видится, было то, что я всю войну (точнее с 43 года, когда мне присвоили офицерское звание) и до самой моей женитьбы посылал им денежный аттестат (мама мне говорила, что это явилось основой при покупке дома). Но самое главное: наши дети по отношению к нам ведут себя точно так же. Дай Бог, чтобы они и к своим детям относились так же!

И все равно стыдно (сейчас стыдно): мы работали с Тоней, а когда я служил в Заполярье, тем более нужно было как-то компенсировать их затраты. Я помню только, что мы купили и подарили папе карманные, а маме золотые ручные часики. Впрочем, когда папа умер, и мама продала дом, вырученные деньги она поделила пополам: мне и Осе (и возвратила часы). И все равно, было именно так, а не иначе.

Первый приезд в Алексин. Он был, кажется, однодневным. После окончания училища и перед отправкой на фронт я заскочил в Алексин. Не помню даже, у кого останавливался, у тети Жени Лискиной или у мамы Кости Ефремова.

Второй раз в Алексин я заезжал в самом конце 44 года, когда ехал из Польши в Йошкар-Олу поступать в академию им. Можайского и обратно. К этому времени родители уже вернулись в Алексин и жили у тети Жени Лискиной.

Потом я приезжал в августе 45 года, когда мы с Петром Пушкиным привозили в Москву документы из Германии. Тогда я пробыл дома дней десять или двенадцать, и от этого приезда воспоминания остались самые тяжелые: почти все эти дни к нам приходили родители наших погибших ребят, и все эти дни - сплошные слезы. Об этом я уже писал, но вот вспомнилось еще одно и тоже не из веселого. Напротив нас жили Колосовы. Наталия Степановна преподавала в нашей школе биологию. Ее сын Володя (он был на два-три года моложе меня) как-то пригласил меня на танцы на Мышегу. Пошли вдвоем: я и Володя со своей подружкой. Танцы были и в Алексине, но туда я старался не ходить, чтобы не встретить случайно кого-нибудь из родителей наших погибших ребят (по пути, конеч-

но). Через какое-то время после того, как я уехал, Володя опять пошел с той девочкой на Мышегу. На мосту произошла какая-то авария, и оба они упали в реку. Володя выплыл, а девочка утонула. Она похоронена на старом кладбище справа от центральной дорожки недалеко от входных ворот.

Следующий отпуск был в 1946 году. Провел я его в Алексине и почти все время просидел дома: с одной стороны, все еще опасался встречи с родителями погибших ребят, с другой - те, кто остался в живых, служили в армии. Съездил в Тулу. Побывал у Шейниных, но главное, встретился с Костей, который, помнится, в это время служил там. Вернулись с ним в Алексин вместе и попали прямо в пасхальную ночь. Если я что-нибудь и перепутаю с отпусками, думаю, это не будет большой грех.

В 1947 году в Алексине я был зимой, когда ездил в Бугульму на свадьбу (и на обратном пути).

А летом 1947 года Тоня была у меня в Белоруссии и мы жили в землянке. После ее каникулярного отпуска я проводил ее до Казани. Помню, что ночевали у Гоши и спали под столом на полу. И еще помню, что были с Тоней в каком-то парке (в Соцгороде Казани) и слышали, как исполняли по радио песню из нового тогда фильма «Небесный тихоход».

А из алексинских воспоминаний того времени (за год не ручаюсь) вспомнилось вот такое: Костя работал в милиции и в объезд района взял меня с собой. Поехали на одноконных дрожках. Остановились у какого-то рыжего младшего лейтенанта. Они там пошептались по своим делам, а потом участковый угостил нас самогоном под шикарную яичницу с салатом. Позже Костя говорил, что этого милиционера убили бандиты. А ночевать совершенно неожиданно Костя затащил меня к Верочке Евграфовой. Она старше меня на пару лет, когда мне было лет 6-7, мы жили рядом на Советской улице. Школу она окончила в 40-м году. Потом окончила Тимирязевскую академию, и когда мы к ней заезжали, она работала агрономом (когда мы жили на Советской улице, ее отец был районным агрономом). Костя писал, что она с мужем жила на Мураловской улице, а сейчас, кажется, в Калуге. А тогда мы долго рассматривали имевшийся у нее большой альбом со школьными фотографиями, в том числе и фотографии наших школьных дрампоманов. Вера играла Ксению в «Разломе», а ее партнеры по пьесе - Додик Падкин, Матвей Панкин, Шура Мотыльков да и многие другие - погибли в войну. Насколько я разобрался в тогдашних Костиных иносказаниях, он в то время собирался на ней жениться, а меня использовал как повод для посещения.

И еще «выплыло»: когда мы подъехали к дому, где жила Вера, было уже темно. Костя вошел в дом, а я остался сидеть на дрожках. Неожиданно выбежала Вера, поцеловала меня и расплакалась: парней из их класса

выбило в войну почти полностью. И сюда же: называла она меня Борис Манилов. До самой войны меня и не называли иначе как Манилов - по маминой фамилии, хотя уже в 40-м году я получил паспорт на папину фамилию - Белиловский. Впрочем, некоторое время и после войны знакомые так меня называли.

Наш первый с Тоней семейный отпуск был в 48 году. Тоня уже окончила университет, побывала в Бугульме и ехала ко мне на север. В Москве мы встретились и, переночевав у моих теток, поехали в Алексин. Родители жили еще у тети Жени Лискиной и нам для жилья выделили темную неотапливаемую кладовку. Как и много раз потом, мы столовались у родителей, а время проводили на Оке или в бору. К этому времени в Алексине заработали дома отдыха, где ежедневно организовывались танцы или кино. Как-то вместе с Алексеем Галкиным мы ходили на танцы на Мышегу. Костя писал недавно, что Алексей умер несколько лет назад. Матери наших погибших ребят уже не приходили к нам ежедневно. С одной стороны, с сорок второго - сорок третьего года, когда погибла основная их масса, прошло пять-шесть лет, а потом, хотя Алексин и маленький город, наши дороги не всегда пересекались, мы старались не бывать там, где они жили (в Рыбной, Щемиловке, Стрельцах), мы ходили лишь на пляж или в бор, а это в стороне. В гости мы ходили только к Косте. Я все еще боялся увидеть обвинение в их взглядах. Я разговаривал об этом с Костей, с Алексеем Галкиным, с нашими девочками-фронтowymi. Почти все говорили одинаково: от этого никуда не деться. И если мне это доставалось во время отпуска, то им - постоянно. Война, закончившись в 45 году, еще продолжалась! Они, правда, говорили, что за последнее время это как-то «упорядочилось» (нужно было бы, конечно, более деликатное слово подобрать), встречи со слезами стали проводиться как-то в основном в День Победы.

И еще одно. Я несколько раз видел на базарной площади, на площади перед церковью согбенных женщин в черных платках, спешащих в церковь. И опять - то же чувство вины. Ведь, кажется, совсем недавно это были молодые и красивые женщины (им тогда было по 38-40 лет), которые участвовали в родительских собраниях, разбирая на полном серьезе наши налеты на чужие сады, катание на льдинах по разлившейся Оке и тому подобные художества их сыновей из 8-9-10 классов. И я что-то и не помню, чтобы кто-нибудь из них ходил тогда в церковь.

Вот и опять увело меня к войне. А ведь собирался писать о приятном - об отпусках. И выделил отпуск светлой частью пунктира, которым определил свою службу в армии. Так вот, на тебе! Чтобы выйти из этого положения - еще об одном, хотя тоже не очень радостном.

Я не знаю этого досконально и пишу лишь по разговорам, которые слышал в Алексине. Наши девочки, часть которых побывала на фронте, тоже далеко не все удачно устроили свою жизнь: одни вообще не вышли замуж; другие, видя, что чуть ли не всех парней побили, часто соглашались на первое же предложение, а потом мучались. И лишь немногие сумели как-то устроить свою жизнь. Прямо скажем, нашим девочкам не повезло в жизни. Наши парни - это 1922-1924 годы рождения, а их осталось лишь три процента. И если из нашего 10-А класса еще кто-то выжил, то 10-Б выбило почти полностью. То же и с выпусками 39 и 40 годов. Вот так «увлекательно» мне вспомнился наш первый семейный отпуск. Где-то вскоре после этого ушел в армию и Ося. И за все годы семьями в Алексине мы встречались только один раз, кажется, в 1961 году, через 13 лет.

В 1949 году в отпуск, кажется, не ездили - родился Юра. Впрочем, вполне возможно, что бывая в Москве на сессиях, я и заскакивал как-то в Алексин, но это ведь не отпуск.

В 1950 и 51 годах были. Я не помню подробностей, но судя по фотографиям, были. Тоня с Юрой приезжали пораньше, а потом уж присоединялся к ним и я. Есть несколько фотографий совсем маленького Юры в бору. Родители к этому времени на месте сожженного дома построили маленький домишко. Сарай, курятник, заборы - все это сохранилось, и отец их потом подправил.

Помню, как отец за полчаса набирал в бору фуражку грибов и стакан или кружку земляники, благо бор был в 40-50 шагах от нашей калитки. Юра ленился ходить (это было в 1950 году), т.к. приспособился очень быстро ползать. Дед ставил его в один угол веранды, а сам становился в другой и заставлял его за ягодку земляники идти к нему. В 1951 году я какое-то время потратил на дипломную работу, а вечером мы «подбрасывали» Юру родителям и уходили в бор на танцы или в кино. Впрочем, «подбрасывали» мы его и днем, когда шли на Оку без Юры. Сейчас, когда я это печатаю (а сегодня 20 октября 1999 года, т.е. прошло уже пятьдесят лет и в апреле этого года Юре исполнилось пятьдесят) мне вдруг вспомнилось, что когда мы впервые оставили Юру на родителей и ушли в Бор на танцы, они вышли с ним на руках на улицу и ждали нас. Юра капризничал и требовал маму (в первую очередь) и меня (во вторую). И еще я вспоминаю, как ходили с Костей и Алексеем Галкиным в баню. Там была хорошая парилка, а на севере я пристрастился к этому действию. Хорошо бы и сейчас, хотя здесь совсем не север.

Как-то мы с Тоней, получив по подписке Твардовского, пошли домой через Мордовку по Бассейному переулку и на крутом спуске читали «Теркина». Прямо перед нами, уже в овраге, стоял дом, в котором до войны жил Степа Степанов. Думаю, что он был лет на десять старше меня.

Он пас свиней и запомнился тем, что до самых холодов ходил босиком. У него я научился плести восьмиконечные кнуты и хлопать ими, а также вырезать различные свистки и дудочки. Алексин окружен лесами с большими зарослями орешника, из которого мальчишки изготавливали различные луки, стрелы, сабли и тросточки. Вот для изготовления свистков и дудочек он и годился.

Несколько выше, в Мордовке, была белая глина, из которой мы что-то лепили. А вообще-то там много обычной красной глины, которую использовали при строительстве частных домов, а также для гончарных поделок, которые до войны привозили на повозках из деревень.

Летом 1952 года мы ездили в Бугульму. Заночевали под Москвой в Томилино у Тониного двоюродного брата, а потом Тоня с Юрой уехали в Бугульму, а я в Алексин, где пробыл несколько дней и тоже уехал в Бугульму. Прошло 10 лет с того времени, как я ушел в сорок втором году в армию, и 5 лет, как я приезжал на свадьбу. Многое в Бугульме изменилось, но там ведь не было ни войны, ни, тем более оккупации, бомбежек и даже светомаскировки, так что эти изменения были не алексинского характера. Как-то я встретил своего старого знакомого, начальника ГАИ, который еще в 1942 году неоднократно отбирал у меня водительские права за «левые» рейсы. Видел я его еще раз в 1957 году, когда мы с Юрой приезжали в Бугульму на мотоцикле с коляской. Мы уже оба были капитанами, хотя он был на пенсии.

Однажды мы с Тоней были в кино, и ко мне подошел какой-то мужчина. Мы с ним в 42-м году вместе шоферили. Он был из тех, кто после ранения долечивался в Бугульме. Туда же после войны и вернулся. А еще вот вспомнил, что Юра, которому в это время было три года, побил бабе Насте стекла в окне, которое выходило во двор.

В 1953 и 1954 годах мы были в Алексине втроем: Тоня, Юра, и я. Не помню, как тогда мы у них размещались, т.к. в это время у них были Аня, дядя Сема и Роза. Сейчас сложно вспомнить, когда это было, скорее всего всегда: мы ходили за грибами и ягодами да и просто так побродить по Алексинским лесам, это немалое наслаждение. Бывали, кажется, на всех алексинских пляжах, вечерами бывали в кино или на танцах, а дома мама варила и пекла, а также потчевала нас дарами огорода и сада (после севера у нас это хорошо шло): малина, черная и красная смородина, очень крупный крыжовник, который рос вдоль заборов, морковь, зеленый лук и многое-многое другое. У мамы была прямо-таки навязчивая идея: мне нужно вас «поправить». Не знаю, относится ли это только к еврейским семьям.

Здесь в Израиле все - и взрослые, и дети постоянно что-то жуют на улице, благо в магазинах полно того, что подлежит «жеванию». Слава Богу, наш внук Борис на улице ни у кого ничего не возьмет и вообще на

улице не ест. Я, кажется, уже писал, что отдыхавшая у нас до войны Мария Григорьевна Шейнина постоянно «поправляла» своих детей Гришу и Симу, которые были по моим тогдашним понятиям не просто пухленькими, а «жиртрест», так мы дразнили толстых детей. Так вот, в любой наш приезд мама нас «поправляла». Кстати, когда мы жили в Заполярье, то имели возможность пробовать (и не маленькими порциями) черную и красную икру, семгу, балыки и другое и совсем не выглядели людьми, которые нуждались в поправке. Но мама (мама - она и есть мама) все равно нас «поправляла».

Помнится, она рано вставала, т.к. нужно было нам приготовить на весь день. А так как у них всегда был поросенок и гуси, а куры не переводились (да еще и собака), то кормила их и убирала за ними. Затем она добиралась на работу, где в течение шести часов работала стоя (такая работа у стоматолога). А вечером мы уходили в кино или на танцы, подбрасывая им Юру, который, помнится, был довольно-таки бузотеристый парень и ходил и искал, где что можно было сломать или разбить или просто кинуть камнем или палкой в петуха, гусей, собаку или кошку. Возвращались мы часов в двенадцать, и нас всегда ожидал готовый ужин.

Нет. Какие бы обиды мы сейчас не испытывали к своим детям за их к нам невнимание и неблагодарность, все правильно: это расплата за то свинство, которое я допускал по отношению к своим родителям.

В 1955 году мы не были в Алексине. Отпуск мне дали зимой. Дали и путевку в санаторий «Булдури» - это на Рижском взморье. Один раз был в Риге на какой-то оперетте. И Рига, и оперетта очень понравились. В Риге я был второй раз. Первый, кажется, в 1947 году, когда ездил на завод, где ремонтировали наши «Катерпилеры». Привез Тоне очень хорошие меховые ботинки, которые тогда называли «румынками».

Сейчас не помню, когда именно, но в одну позднюю осень был в Одессе. С помощью Ани купил Тоне очень модный тогда темно зеленый драп-велюр. Там же и пошили Тоне пальто, которое Аня потом переслала посылкой. Этот материал я искал и в Ленинграде, и в Москве. Материал был, но черного, малинового, коричневого и каких-то других расцветок. А того, что нужно - темно-зеленого - не было. Достали только в Одессе с помощью Аниных знакомых и из-под прилавка.

В феврале 1956 года после восьми лет службы вокруг Белого моря мы перебрались в Заполярье (об этом периоде службы напишу отдельно).

И в этом же году были опять втроем в Алексине. Теперь все вместе мы могли бывать только летом: Тоня работала в школе, да и Юра начал учиться. В это время я купил фотоаппарат «Зоркий», а через некоторое время и «Киев-3». Этот фотоаппарат у меня более 40 лет, и я и сейчас убежден, что несмотря на множество приставок и усовершенствований,

которыми снабжена сегодняшняя фототехника, «Киев» имеет прекрасный объектив, дающий отличные фотоснимки. Перед отъездом в Израиль я разукомплектовал семь громадных фотоальбомов и сжег целый мешок фотографий, оставил совсем немного.

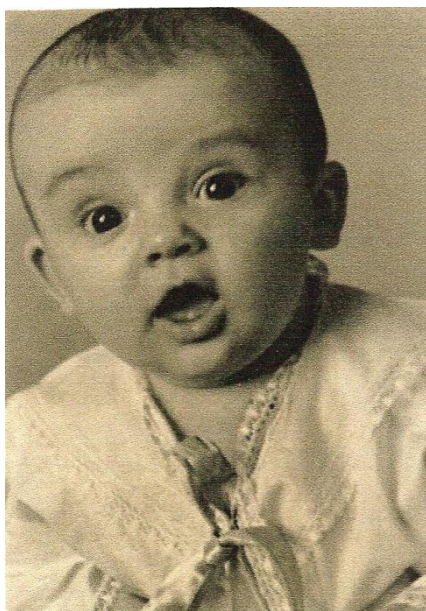
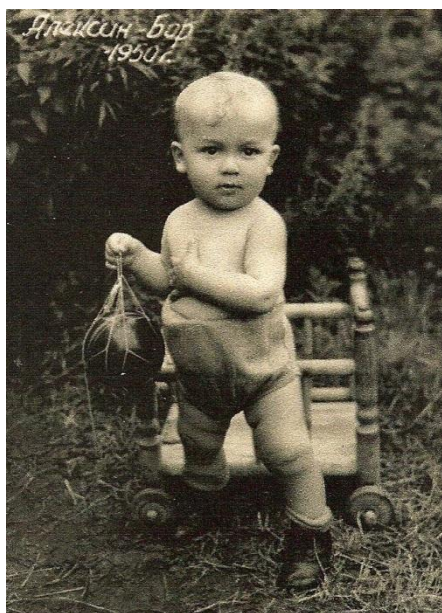
Во время отпусков я щелкал направо и налево, выбивая по четыре-пять пленок. Потом на севере я их проявлял и печатал. Еще в Одессе с помощью Ани я достал прекрасную фотобумагу (кажется, немецкую) «Мимоза».

5 февраля 1957 года в городе Кировск (на Кольском полуострове) родился Витя. А где-то в июне или июле мы вчетвером собрались ехать в отпуск. Но со станции Апатиты Тоня с Витей вернулись, а мы с Юрой вдвоем поехали в Алексин. Юре было восемь лет и у него очень много фотографий этого возраста (у его сына Бориса, которому сейчас семь с половиной лет, намного больше). Бабушка и дедушка очень гордились своим внуком и таскали его по всем знакомым. Мы с ним ходили на Оку, и он понемногу научился плавать. Приходилось за ним здорово присматривать, т.к. он еще не соизмерял своих силенок и норовил плыть к середине реки.

В 1957 году я совершенно неожиданно купил в нашем военторге мотоцикл с коляской М-72 красивого кофейного цвета. Стоил он тогда совсем недорого, всего 5 тысяч еще дореформенных рублей (мы с Тоней вдвоем примерно столько получали в месяц).

А перед убытием в отпуск в 1958 году мы отправили мотоцикл контейнером в Алексин. Тоня с Витей (ему было около полутора лет) уехали прямо в Бугульму, а мы с Юрой в Алексин. Получилось довольно-таки удачно: сразу же после нашего приезда пришел и контейнер с мотоциклом. Несколько дней ушло на регистрацию и получение номеров, а также на приведение мотоцикла в порядок. Мы с Юрой поехали в Бугульму на мотоцикле. Мне было 34 года и можно было быть умнее: зачем нужно было рисковать и ехать на мотоцикле более полутора тысяч километров. Но желание, особенно у Юры, было огромным. Мы задолго приготовили карты, правда, туристские, разработали маршрут, запаслись палаткой, аптечкой, запчастями, продовольствием, да и мотоцикл был совсем новый: не более 500-600 километров пробега.

Мы сразу же совершили ошибку - поехали через Москву, тогда как между Москвой и Подольском было несколько съездов в виде бетонных дорог с симферопольской на куйбышевскую автостраду. А так пришлось потратить много времени на преодоление московских светофоров, которые оказались значительно сложнее бугульминских перекрестков, к тому же 16-летней давности. На обратном пути я это учел.

Мои сыновья

Юра родился 11 апреля 1949 года в деревне Плесецы. Это километрах в пяти не доезжая до ст. Плесецкая. Именно там сейчас находится космодром Плесецк. Зарегистрировали его рождение в селе Кочмас (там сельский совет Плесецкого района Архангельской области), а местом рождения указали с. Красная Ляга. В школу Юра пошел тогда, когда мы уже переехали в Заполярье, в пос. Титан Кировского района Мурманской области, потом учился в пос. Шонгуй тоже на Кольском полуострове, затем мы переехали в Узбекистан, и он учился в городах Карши и Андижан. Закончил учебу в школе №22 гор. Алма-Ата. Там же окончил политехнический институт, потом аспирантуру. Стал работать в энергетическом институте. Защитил диссертацию, кандидат технических наук, получил звание доцента.

Витя родился 5 февраля 1957 года в гор. Кировск (жили мы в это время в пос. Титан Кировского района Мурманской области). Учиться начал в гор. Алма-Ата. Продолжил в гор. Андижан, затем учился в нескольких школах Алма-Аты. Закончил учебу в Алма-Атинской физико-математической школе. Окончил энергетический институт гор. Алма-Аты.

Первую ночь Юра спал в коляске, а я в палатке на брезенте. Вторую - Юра спал в кабине пристроившейся к нам машины, груженной до верха толстой (наверно, подметочной) кожей. Там в кузове спал водитель, а я в коляске мотоцикла. Помню, в одном месте мы с Юрой остановились искупаться в одной довольно-таки широкой реке. Юра попросил подстраховать его, чтобы попробовать, насколько у него хватит силенок. Оказалось, что он смог переплыть реку без особого труда, а она не очень намного меньше Оки была. Отдохнув на том берегу, обратно мы плыли просто рядом. В каком-то месте куйбышевское шоссе только строилась, а т.к. только что прошел дождь, мы сильно измазались. А где-то уже перед Бугульмой мы решили спрямить путь и, наверно, километров десять-двенадцать прыгали по грядкам - попали на какой-то бесконечно большой огород. Перед самой Бугульмой мы, конечно, помылись и почистились и в Бугульму въехали на блестящем мотоцикле. Помнится, что после этой поездки у меня долго болели руки в локтях и ноги в коленях. Провел профилактические работы, сменил масло, а потом покатались по Бугульме и ее окрестностям. Прошло 16 лет после того как я ушел в армию, но все дороги, по которым когда-то шоферил, вспомнил довольно быстро.

Обратно я ехал без Юры, поэтому гнал побыстрее да и срезал дорогу перед Москвой, поэтому и приехал на сутки быстрее, чем туда. Спал на обратном пути я в деревнях под фонарями. В Бугульме я взял несколько досок, которые укладывал поверх коляски и мог спать, не только вытянув ноги, но и сняв обувь. Читая нынешние российские газеты и смотря телевизор, думается, что сейчас подобный вояж вряд ли был бы возможен - очень уж ухудшилась там криминогенная обстановка.

В Алексине опять произвел небольшую профилактику мотоцикла и законсервировал его на зиму, поставив на кирпичи во дворе за домом и накрыл сначала брезентом, а потом и рубероидом.

Отпуск 1959 года мы проводили в Алексине вчетвером. Мотоцикл раздвинул горизонты: мы не только ездили на дальние острова с намытым песком и зарослями ивы, но побывали в Ясной Поляне, в Чехове, Поленово и других местах. И в этот, и в следующий раз мы брали напрокат лодку (напротив бывшего летнего театра и напротив летнего кинотеатра была большая лодочная станция, на том же месте, что и до войны). Юре было 10 лет, он часто садился на весла, много плавал и хорошо окреп. Ну а Витя был еще маленьким, хотя и тянулся во всем за Юрой. Помнится случай, когда мы взяли Юру на самую настоящую взрослую рыбалку. Ну а спиннинг он брал при каждой поездке на Оку.

В феврале 1961 году нашу часть после 13 лет пребывания «на южных берегах северных морей», перевели в Узбекистан в город Карши, теперь уже, как говорили, «на северный берег Каракумского канала». Се-

мью я оставил в Шонгуе, т.к. Тоня работала, а Юра учился, и за ними я поехал уже летом.

С севера мы заехали в Алексин. В это время в Алексине был Ося с семьей. Дома места всем не хватало и мы с Осей приспособили беседку, которая стояла во дворе, под жилые для нас с Тоней и Вити. А Юре нашли место в доме. Помнится, каждое утро к нам в беседку заходила одна и та же курица, которая норовила снести яйцо обязательно под подушкой у Вити. У мамы увеличилось забот. Только нас, гостей, было семь человек. Увеличилась нагрузка и на мотоцикл: везде приходилось делать по два рейса. К сожалению, это была наша последняя общесемейная встреча. Родители в последний раз видели вместе обоих сыновей с женами и детьми. Закончился отпуск, и мы разъехались, а мотоцикл я опять оставил в Алексине.

В 1962 году отпуск у меня был осенью. Тоня работала, а Юра учился, и мы поехали вдвоем с Витей. Ему было уже пять лет. Было «бабье лето» и мы на мотоцикле изъездили все самые красивые леса. Сделал множество фотографий. Жаль, конечно, что у меня тогда не было цветного фото, но и те черно-белые снимки просто хороши. Перед отъездом я загрузил мотоцикл в контейнер и отправил его в Андижан, это ведь не Заполярье и мотоцикл там не лишний.

Совершенно не помню про отпуск 1963 года, но 20 ноября (я в это время служил уже в Алма-Ате, а семья все еще оставалась в Андижане), когда я был на заседании квартирной комиссии, позвонил дежурный по управлению дивизии и сообщил, что поступила телеграмма о смерти папы. Я поехал на похороны, а Тоне дал телеграмму об этом. Тоня рассказывала, что Витя всем говорил, что папа поехал на похороны Кеннеди (в это время все средства массовой информации только этим и были заняты, Витя и спутал). На похороны с Дальнего Востока приехал Ося, а из Одессы Женя. Машину организовал Костя (он в это время был директором школы).

К Новому 1964 году Тоня с ребятами перебралась в Алма-Ату, где я уже получил квартиру. Зимой мы продали какому-то сибиряку мотоцикл, а летом купили «Москвич-403», кажется такая была модель.

Отпуск 1964 года мы провели на Иссык-Куле. Там стояла радиолокационная рота нашей дивизии. Мы разместились на берегу. Командир роты дал нам палатку и матрацы. По дороге туда и обратно, да и там, когда ездили за продуктами, Юра донимал просьбами: «Дай порулить». Ему было уже 15 лет. Витя подружился с сыном командира роты, Юрой Гасановым. Насколько я знаю, это дружба укрепилась во время учебы в одном институте, продолжается до сего времени. Недавно Витя написал, что Абдулла Гасанов недавно умер. На Иссык-Куле мы много купались, сильно

обгорели: на высоте 1600 метров рядом с холодной водой яркое солнце обжигает незаметно. Подобное я видел только в Алма-Ате, когда на высокогорном катке Медео в апреле-мае катаются на коньках без рубашек.

Об отпусках 65 и 66 г.г. я ничего не помню. В это время к нам приезжала Тонина сестра Маша. Мы поехали по алма-атинским местам. Они хотя и хороши, особенно для людей, не знакомых с горами, но я все равно считаю лучшим местом на земле Алексин.

Тоня и Маша. Алма-Ата. 1965 или 66 г. (фото добавлено в 2017 г.)

Мама продала дом и уехала в Одессу к братьям. Но пробыла она там недолго и вернулась обратно в Алексин. Я приезжал к ней. Она жила на частной квартире. Лишь позже ей дали одну комнату в трехкомнатной квартире на Комбинате.

Где-то в эти же годы Тоня ездила с какой-то учительницей из их школы и Витей на Иссык-Куль. Ездила она (и тоже с Витей) в Бугульму. В это время туда приезжали и ее братья Гоша и Василий.

В 1967 году я опять перебрался в Андижан. Тоня какое-то время оставалась в Алма-Ате (Юра поступил в институт). Отпуск мне дали (существовала тогда такая «шутка» в армии) 31 декабря. Я махнул к Осе в Варфоломеевку Уссурийского края. У меня к этому времени «набежали» 25 календарных лет службы в армии, и мне полагался как его называли «медвежий» отпуск: не 30, а 45 суток да плюс дорога. На Дальний Восток получилось полных два месяца. Помню, привез Осе из Алма-Аты таких

яблок «Апорт», что все соседи приходили посмотреть и понюхать эти яблоки. Тогда очень хорошо было организовано и с билетами, и с размещением (я ночевал в гостинице Хабаровского аэропорта), и с питанием. А вспомнилось это в связи с тем, что когда Ося уже уволился из армии и жил в Уссурийске, я был у него спустя 13 лет, в 1980 году. Было очень плохо. Достаточно сказать, что в буфете Хабаровского аэропорта не было даже чая, только теплая вода «Саяны». А в этот раз я просто в магазине Хабаровска купил всегда дефицитную рыбу холодного копчения. От Оси я опять вернулся в Алма-Ату, где нам предстояло устроить Юру с жильем, а самим перебраться в Андижан.

Отпуск в 1968 году мне дали осенью. Одновременно мне дали путевку почему-то в военно-морской санаторий в Хосте (между Сочи и Адлером). По дороге я, конечно, заезжал в Алексин. Был у мамы. Был и у Кости. С ним мы побывали в нашем Бору. Прошли по нашим дорожкам, вспоминая прежние времена. Был на папиной могиле (один раз с мамой, которой в это время исполнилось 72 года, мне сейчас 75 с половиной). Привел в порядок могилу и покрасил ограду. А из Хосты ездил в составе экскурсии на Рицу и в Новый Афон. Слетал на день рождения в Краснодар к Копаневу. В военном санатории того времени было, конечно, хорошо. И все же это было не то же самое, что в Алексине, когда после завтрака мы грузились на мотоцикл и всей семьей ехали на пляж, в бор, просто на прогулку. Но это безвозвратно прошло и сейчас осталось лишь в воспоминаниях и совсем немногих фотографиях.

В 1969 году весь отпуск я провел в Алма-Ате, где к этому времени в связи с моим увольнением в запас генерал Деев дал нам квартиру. А после получения квартиры, прописки и получения из Андижана контейнера с имуществом я поехал в Андижан сдавать дела и должность. Но получилось так, что я попал на учения, которые проводил Генеральный штаб, да еще с развертыванием до штатов военного времени.

А в 1970 году мне из штаба армии дали путевку в Одесский санаторий. Конечно же, я заехал в Алексин, где получил от мамы наказ посетить всех одесских родственников и побывать на могиле у дяди Семы. Все наказы я выполнил. Я уже писал, что по дороге в Алексин у Петра Пушкина встретился в Э.И. Либерманом. Так вот, у него же я встретил и сына Смахова Володю. Он уже был кандидатом наук (не знаю каких).

И еще: в Одессе мне показали квартиру, где я родился. Оказывается, это в том же доме, но на втором этаже, а не на первом, где еще до войны жили бабушка и дедушка, а потом и Аня. Был, конечно, у тети Цили. Был и у Жени и узнал, что он собирается выезжать в Израиль.

В 1971 году без особых хлопот я получил путевку в Трускавец. Без особых хлопот потому, что там был санаторий ПВО, а я служил в истре-

бительной авиации ПВО. А в Трускавец (у меня не было проблем с желудком, а Трускавец именно этого профиля) потому, что в это время в Ивано-Франковске служил Ося, которого перевели с Дальнего Востока в ракетные войска, думаю, класса «земля-земля». Был на экскурсии во Львове, на базаре в Дрогобыче и, конечно, у Оси в Ивано-Франковске.

В 1972 году я стал работать в школе военруком, и осенью уже ездил в Москву на всесоюзную конференцию. А в 1973 году я получил командировку в Москву и Алексин собирать материал для школьного музея. Побывал в нескольких школах Москвы и Алексина и познакомился с организацией военной и музейной работы в школе.

В 1975 году в Уссурийске умерла мама.

В 1977 году Тоня поехала в Бугульму на пятидесятилетие Маши.

В 1980 году я летал в Уссурийск. Думал пробыть там с неделю, но обратный билет дали аж на двадцатый день. Познакомился с Валиной семьей. Она замужем за парнем, который тогда работал старшим механиком совхоза (это в 30-40 км от Уссурийска). В это время у них гостил Сашин сын, тоже Саша. Ося писал, что теперь он работает и уже отслужил в армии. Был с Осей во Владивостоке, очень понравился город. Несколько раз был на маминой могиле. Взял землю с могилы. Часть отсыпал на могилу Тони, часть хочу отвезти в Алексин на могилу папы.

В 1982 году Ося с Юлей ехали турпоездом через Алма-Ату и побывали у нас.

В 1986 году в Москве умер Петр Михайлович Пушкин, и Тоня поехала к Миле (у меня в это время были занятия в школе). Где-то в это же время Тоня с Галиной Николаевной, своей алматинской подругой, ездила в Алексин, где Костя устроил их по курсовке в дом отдыха.

Перечитал. Всё в основном про отпуска и посещения родных. Но уже не буду переделывать. А для более полного представления об этом периоде сгруппирую так.

Алексин: отпуск и визиты (после того, как я уехал оттуда в 1941 году)

Сентябрь 1943 г.	Один или два дня был после окончания училища и перед отправкой на фронт.
Ноябрь 1944 г.	По дороге из Польши в Йошкар-Олу (5-7 дней).
Август 1945 г.	Завозили письмо из Германии в Москву. Краткосрочный отпуск – 15 дней.
Лето 1945 г.	Плановый отпуск.
Февраль 1947 г.	Заезжал в Алексин (туда и обратно) по дороге на свадьбу в Бугульму.
Лето 1948 г.	Вдвоем с Тоней (жили у Лискиных).

1949 г.	Родился Юра. Наверно, никуда не ездили, не вспомнил.
1950 г.	Сначала в Алексин поехала Тоня. Потом и я приехал.
Лето 1951 г.	Были втроем (писал диплом).
Лето 1952 г.	Под Москвой (в Томилино) заночевали у Тониного двоюродного брата, потом Тоня с Юрой поехали в Бугульму, а я заехал в Алексин, а потом – поехал в Бугульму.
Лето 1953 г.	Были в Алексине втроем.
Лето 1954 г.	Сначала в приехала Тоня с Юрой (там уже были одесситы), потом приехал и я.
Зима 1955 г.	Ездил в санаторий «Булдури» (Рижское взморье). Заезжал в Алексин.
Лето 1956 г.	Были втроем: Тоня, Юра и я
Лето 1957 г.	Родился (5.2.1957 года) Витя. Ездили в Алексин вдвоем с Юрой.
Лето 1958 г.	Тоня с Витей из Москвы поехали прямо в Бугульму, а мы с Юрой в Алексин, откуда на мотоцикле тоже в Бугульму.
Лето 1959 г.	Ездили все вместе (вчетвером).
Зима 1960 г.	Кажется, был один (точно не помню).
Лето 1961 г.	Были вчетвером. Ехали из Заполярья в Узбекистан. В это время в Алексине был Ося с семьей.
Осень 1962 г.	Были вдвоем с Витей;
Ноябрь 1963 г.	Умер папа. Ездил на похороны. Об отпуске не помню.
1964 г.	В Алексине не были, т.к. всей семьей ездили на машине на Иссык-Куль.
1965-1966 г.г.	Не помню.
Зима 1967 г.	В Алексине не был. Ездил к Осе в Варфоломеевку.
Осень 1968 г.	Путевка в Хосту. Заезжал в Алексин. Тоня с Витей отдыхали «дикарями» на Кара-Су.
Осень 1969 г.	Увольнение в запас. Получил квартиру в Алма-Ате. Прописка и перевозка контейнера.
Осень 1970 г.	Путевка в Одессу. Заезжал в Алексин.

Осень 1971 г.	Путевка в Трускавец. Заезжал в Алексин и в Ивано-Франковск (из Турскавца) к Осе.
1972 г.	Был в Москве на конференции. Заезжал ли в Алексин - не помню.
Осень 1973 г.	Ездил в Москву и Алексин собирать материалы для музея.
1974-1979 г.г.	Кажется, никуда не ездил - не помню.
1980 г.	Ездил в Уссурийск. Был во Владивостоке.
Апрель 1985 г.	Ездил в Москву на конференцию по вопросам музея. Заезжал в Алексин.
1982 г.	Юля и Ося турпоездом проезжали Алма-Ату. Были у нас.
Кроме того:	В 1965 или 1966 году Маша была в Алма-Ате.
	В 1977 году Тоня ездила в Бугульму на день рождения Маши.
В середине 80-х	Тоня ездила с Галиной Николаевной в Алексин. Костя достал им курсовку в дом отдыха.
1986 г.	Умер Петр Михайлович Пушкин. Тоня поехала к Миле в Москву.

Встречи с родными Тони

Отец	1941-42 г.г. Видел один-два раза (он болел).
Мама	1941-1942 г.г. Несколько раз, когда приходил к Тоне.
1947 г.	Я был в Бугульме, приезжал на свадьбу.
1949 или 50 г.г.	Приезжала на 5-ОЛП помогать Тоне с Юрой.
1952 или 53 г.г.	Приезжала в Исакогорку.
1956 или 57 г.г.	Приезжала в Титан помогать Тоне с Витей.
1952 г.	Я приезжал в Бугульму за Тоней и Юрой.
1958 г.	Я был в Бугульме с Юрой (на мотоцикле).
Вася и Нина	1947 г. в Ростове-на-Дону.
Маша	1941-1942 г.г. Несколько раз, когда приходил к Тоне (Маше было 13 лет).
1947 г.	В Бугульме на нашей свадьбе.
1952 г.	Я приезжал в Бугульму за Тоней и Юрой.
1958 г.	Я приезжал в Бугульму на мотоцикле.
1965 или 66 гг.	Маша приезжала в Алма-Ату.

Гоша (и Полина)	1942 г. Я гонял машину на озеро Кабан (в армию).
1947 г.	Свадьба в Бугульме и проводы Тони в Казань.
1948 г.	Провожал Тоню в университет из Хойников
Николай Иванович (двоюродный брат Тони)	1947 г. на свадьбе.
Николай Павлович (Тонин дядя)	1947 г. на свадьбе.
Анна (двоюродная сестра)	1947 г. на свадьбе.
Надя	1947 г. на свадьбе.
Анна (двоюродная сестра)	1962 г. в Казалинске (проездом).
Сергей (двоюродный брат)	1952 г. в Томилино (Подмосковье).

Встречи с братом Осей

1941-1942 г.г.	Бугульма (в период эвакуации и до отправки меня в армию).
1944 г.	Алексин. По дороге в Йошкар-Олу.
1945 г.	Алексин. Краткосрочный отпуск из Германии.
1947 г.	По пути в Бугульму (на свадьбу).
1948 г.	Мы с Тоней в Алексине - отпуск.
1961 г.	Совпадение отпусков в Алексине (мы ехали с севера в Карши).
1963 г.	Похороны папы в Алексине.
1968 г.	Ездил в отпуск к Осе в Варфоломеевку.
1971 г.	Ивано-Франковск. Заезжал к Осе, находясь в санатории «Трускавец».
1980 г.	Ездил в Уссурийск.
1982 г.	Юля и Ося проезжали Алма-Ату турпоездом.

Встречи Тони с моими родными

1941-1942-1943 г.г.	в Бугульме в период эвакуации.
1948, 50, 51, 53, 54, 56, 59, 61 г.г. в том числе с Осей:	в Алексине.
1941, 1942, 1943 г.г.	в Бугульме.
1948 и 1961 г.г.	в Алексине.
1982 г.	в Алма-Ате.

Тоня была в Алексине

1948, 50, 51, 53, 54, 61 г.г.

И где-то в 80-е годы

была с Галиной Николаевной у Кости.

Примечание: Если что-то и напутал, то, думаю, что не очень серьезно.

СЛУЖБА В БЕЛОМОРЬЕ ПРОДОЛЖАЛАСЬ

После завершения лесозаготовок мы какое-то время прожили недалеко от Исакогорки, помнится, восстанавливали какой-то большой деревянный дом. А потом нас перевезли на не действовавший тогда аэродром «Васьково». С «Васьково» как аэродромом у меня связано много воспоминаний, которые я постараюсь вспомнить и записать, а как с местом размещения - только два.

Первое. Наша лошадь забрела на колючую проволоку и сильно поранила ноги. Ее прирезали. А мясо продали офицерам (с питанием было туговато). Помню, как в нашем бараке (а там размещались 15-20 семей) все одновременно начали варить это мясо. Лошадь, судя по всему, была довольно старая (работая в казахской школе, я не раз ел хорошую конину), мясо пенилось, но не уваривалось. Аромат стоял, как в салотопке.

И второе воспоминание. Кому-то из офицеров авиационного полка еще в Румынии сразу же после окончания войны король Михай подарил красивого щенка. Я не знаю породы и возраста, но когда мы были в Васьково, это была шикарная охотничья собака темно-коричневого цвета с серебристыми пятнами и вислыми ушами. Как-то Юра держал во рту шоколадную конфету (ему было 2 года). Собака подошла и прямо из его рта откусила или вытянула всю конфету. Юра, понятно, разревелся.

Сейчас, конечно, забылись подробности, но вскоре штаб перебазировался на «Пирсы» - это прямо напротив Архангельска и чуть-чуть подальше железнодорожной станции (вокзала) Архангельск. А семьи разместились по частным квартирам от «Пирсы» до станции Исакогорка. Помню только, что Копанев и часть офицеров разместили свои семьи в Бакарице, а в Исакогорке кроме нас расположились, помнится, врач Петя Финкельштейн, который прибыл к нам после окончания гражданского института и ничего не понимал в армейских взаимоотношениях, и командир взвода другой роты, Коля Гурьянов. Быть может, был еще кто-нибудь, но сейчас не помню.

Какое-то время мы работали на аэродроме «Талаги». И здесь у меня тоже два замечания.

Первое. Думается, что на аэродром «Талаги» (сейчас это современный и, кажется, международный аэродром города Архангельска) нас посылали, чтобы хоть чем-нибудь занять, ведь не могли же «наверху» всерьез

ездумать, что мы внесем хоть какой-нибудь вклад в дело строительства этого аэродрома. Наш инжбат предназначался для строительства полевых аэродромов с очень ограниченным объемом земляных работ, а там были сотни тысяч кубометров подлежащих перемещению земляных масс. Потом там работала армейская бригада ЦУКАСО - Центрального управления капитального строительства, оснащенная многими десятками тракторов, экскаваторов, скреперов и другой землеройной техникой, а также большим количеством автомобилей. Там были сотни полувоенных рабочих. А мы, я помню, отмечали на стенде, что одна рота переместила 170 ручных тачек (это не больше 2-3 самосвалов), которые грузились вручную лопатами, а другая рота (победительница) – 210 тачек. Думаю, что мы и до сего времени (прошло почти 50 лет) не построили бы тот аэродром. А ведь там была еще 10-15 километровая дорога, которая шла от Архангельска до аэродрома по болоту и на лежневке.

И второе замечание. С этого времени, а именно с весны 1951 года и до 1963 года, т.е. в течение 13 лет, пока я не перешел в Андижанский ОБАТО, мы жили жизнью настоящих «инжбатовцев» - по 6-7 месяцев (а на юге и дольше) мы жили без семей.

Как правило, на аэродром мы выезжали в апреле-начале мая, а возвращались домой в ноябре. Впрочем, если на севере сроки возвращения домой определяла погода (начинались снегопады - работы поневоле заканчивались), то при реконструировании первого же аэродрома в Туркмении в Ак-Тепе этот срок определялся готовностью аэродрома (пока не сделаем - не отпустят). Я не служил в пограничных частях, но в то время, когда я был военруком, у нас было много бывших пограничников. Видел, как живут офицеры-пехотинцы, артиллеристы, танкисты. Был у брата Оси. Они выезжали на недельное дежурство на позиции ракет тактического назначения. Только читал о жизни моряков. Досконально знаком с жизнью офицеров из истребительной авиации. При всей разнице (там тоже есть свои «прелести») все же жизнь в инжбате наиболее тяжелая. И когда потом в Андижанском ОБАТО что-то и казалось трудным, это все равно было легче, чем в инжбате хотя бы уже по одному тому, что семья была вполне прилично устроена, да и бывать вместе с семьей можно было регулярно. Когда наши (или из нашей дивизии) после моего увольнения в запас, узнавали, что я был командиром ОБАТО, то обычно говорили, что «это трудяги» или что-то в этом роде. Думаю, что они просто не знали о существовании инжбатов.

И сюда же. В наших гаражах в Алма-Ате был один отставной полковник, комендант штаба округа. Он рассказывал, что в период хрущевских сокращений армии он на полгода попал в инжбат. Говорит, еле вырвался.

Вот только один аэродром. Я не помню ни времени, ни места, но кажется, что где-то в Карелии. Мы приехали на место, когда там еще лежал снег, который пришлось разгрести бульдозерами. В упрек командиру стоит вспомнить, что у нас не было прицепов, оборудованных под передвижные домики, где можно было бы в упрощенном варианте установить по восемь коек в двухъярусном исполнении и буржуйку. В соседнем 78-м батальоне (наш был 71-й) был с десяток таких прицепов, где размещались при работе на аэродроме все офицеры и сверхсрочники. У них даже была клубная будка с кино- и радиоаппаратурой. Была даже штабная будка. Мы же все, и офицеры, и солдаты, размещались в палатках, уложив, в лучшем случае, заготовленные заранее доски на пол и установив буржуйки. Правда, у офицеров была возможность разместиться вчетвером, а постарше чином - даже вдвоем, палаток было много. Печки нужно было топить постоянно, т.к. тепло в палатках держалось, пока горело в печи. Вокруг печки на веревках сушились мокрые портянки и вообще все, что требовало просушки, так что воздух в палатке был, так сказать, «не озонированный». Были случаи и возгорания палаток, но, слава Богу, обошлось без жертв.

Как начал стаять снег, зарядили проливные дожди, а земля после оттаивания оказалась болотистой (совсем хорошо), и в палатках тоже хлюпало. В такую погоду политработники, тыловики да и штабные, если они приезжали к нам на аэродром, что бывало совсем не часто, сидели в палатках, а я-то был командиром роты, начальником ПТО, а потом и замполтехом батальона и мне все время и в любую погоду приходилось быть на аэродроме, памятуя старинное армейское правило (наверное и не только армейское): «Если командир сядет, то подчиненный ляжет». И сюда же два замечания.

Первое. От ливневого дождя у нас все-таки была возможность укрыться в кабине самосвала, трактора, бульдозера.

Второе. Наш командир, Дмитрий Андреевич Копанев, особенно в последние годы своего командования, бывал на аэродроме не более недели в месяц, а остальное время жил на зимних квартирах и, как он говорил, «работал с документами».

Как-то раз нам пришлось работать совместно с 78 батальоном - та же картина: командир не организовывал работу, а приезжал контролировать. Нужно сказать, что и аэродромное начальство не баловало нас своим присутствием. Обычно они приезжали тогда, когда мы уже разместились и начинали работать, и в конце, когда принимали работу.

От нас не было связи со штабом батальона и тем более с аэродромным отделом. Но из аэродромного отдела (в Петрозаводске) можно было дать телеграмму в штаб батальона (Шонгуй) и сообщить о чем-то приез-

де на аэродром. Они это и делали, т.к. в противном случае от железной дороги и до места работ на аэродроме им пришлось бы добираться пешком. А это иногда не один десяток километров. Таким образом, о любом приезде начальства на аэродром командир знал, успевал заранее добраться до аэродрома, и у начальства должно было сложиться мнение, что он всегда находится на месте работ.

Сейчас по прошествии не одного десятка лет мне начинает казаться, что и был в этом какой-то смысл. Когда я сам стал командиром (правда, это был совершенно другой батальон и совершенно другие условия), то целыми днями лично руководил всем до мелочей, а это, наверно, давало кому-то возможность прятаться за мою спину. Как-то раз к нам на пару часов прилетел из Петрозаводска зам. командующего 22-й воздушной армией генерал Петрухин. О его приезде (о прилете) мы знали за неделю, и командир притащил с зимних квартир всех, кого было только возможно. Я, помню, командир сильно «фыркнул» на меня, когда я в адрес этого «десанта» сказал: «Гастролеры». Равняли койки в палатках, устанавливали «грибки», откуда-то привезли песок и отсыпали дорожку. Тыловики привезли и застелили клеенками самодельные из неструганых досок столы, вывесили меню и распорядок дня... и многое-многое другое. В общем, делали все, что испокон века делается в ожидании приезда начальства в армии (разве что заборы не красили, т.к. не было заборов). В общем, сделали все, что предусматривалось уставами для лагерной жизни, но нами не выполнялось. Погода к этому времени установилась ясная и теплая, возможно, генерал этого и ждал, т.к. прилетел в ботинках, а мы ходили в резиновых сапогах. Я помню, как он восхищался погодой и говорил, как нам здесь хорошо и как им плохо в петрозаводских кабинетах. Ответных улыбок благодарности он, правда, не дождался.

Генерал улетел. За ним улетели и наши начальники-аэродромщики. А за ними и командир со всеми, кого он привез с собою. Понимая, что в ближайшее время ожидать неожиданных проверяющих не стоит, командир отпустил в отпуск большую, чем обычно, группу офицеров. Надо отдать должное Копаневу, отпуска он давал летом, когда можно было поехать отдыхать с семьей. Знаю по себе, что не так-то это просто, хотя когда был командиром части, старался делать так же. У нас в лазарете работали не менее 10-12 жен летчиков (в батальоне вообще работало более полусотни жен офицеров и сверхсрочников). Когда офицеры уходили в отпуск (а у летчиков вообще отпуск «медвежий»), службы испытывали большие трудности. Помня всё, что у меня в свое время было связано с отпусками, я старался предоставлять отпуска женам офицеров и сверхсрочников вместе с мужьями, хотя для этого мне иногда и приходилось

преодолевать недовольство начальников служб, а отпуска предоставлять частично и «за свой счет».

И еще о том же аэродроме (они мало чем отличались друг от друга). Питались мы вместе с солдатами из походной кухни. А так как повара были из солдат срочной службы, а меню состояло из перловки да предвзвешенно размоченного сушеного картофеля, вкус приготовленных блюд был соответствующий. Над походными кухнями были палатки с поднятыми краями. Ну а столы были открытыми, и если шел дождь, то свою порцию забирали в палатку и ели на коленях.

На том аэродроме, да и везде так, мы работали без выходных, но в воскресенье офицеры (как это было у солдат, просто не помню) после обеда ехали в соседний леспромхоз, где была баня с шикарной северной парилкой, а в вениках недостатка не было. Рядом с баней была забегаловка с обычным для тех мест и для того времени ассортиментом: водка «сучок» с большим количеством сивушных масел. Водку продавали только в бутылках, т.к. с разливной продажей боролась милиция: слишком много бывало недолива. Но для желающих выпить на месте у продавщицы было несколько пивных кружек. Так и пили: не рюмками и даже не стаканами, а пивными кружками. На закуску был частик в томатном соусе - такая небольшая ржавого цвета рыбка. Это, наверно, сейчас и нелогично, но мне до сего времени хочется попробовать эту рыбешку. И еще «закуска» - в углу забегаловки стояла большая бочка с шикарно по-северному с клюквой или брусничкой засоленной капустой. Капусту доставали металлической солдатской миской, а ели все из одной миски руками, стараясь капустным рассолом забить огонь «бормотухи», изготавливаемой из дерева - отсюда и название - «сучок». После подобной легкой выпивки мы грузились в кузов полуторки и ехали в лагерь, где нас ожидал ужин: обычно - пережаренный кусочек рыбы, кусочек-четвертинка соленого огурца и жареная картошка из нее же сушеной, а потом размоченной и «пожаренной» - получалась несъедобная муть. А потом мы заваливались спать, т.к. утром в 6-00 начиналась следующая рабочая неделя. На этом фоне восхищение генерала Петрухина окружающей нас средой было встречено без активного поддакивания.

Раз в неделю, когда позволяла погода, нам «крутили» кино, а по понедельникам проводились получасовые политинформации. Как правило, это был обзор газет за прошедшую неделю. И еще из области политмассовой работы: раз в месяц проводились комсомольские, а также партийные собрания. Если к этому времени не поступало какого-нибудь закрытого письма или тоже закрытого решения партактива по вопросам, допустим, подписки на заем или чего-то в этом роде, то партсобрания проводились совместно с комсомольским - так называемые «партийно-комсомольские»

собрания, которые посвящались проводимой на аэродроме работе и мало чем отличались от обычных производственных «накачек». Да, можно добавить: от подъема и во время приема пищи работал радиоузел.

И здесь три замечания.

Первое. Вот в таких условиях я в течение пяти лет учился в академии. Ясно, что моя межсессионная подготовка была более чем условной.

Второе. Подобное питание, сопровождаемое время от времени лошадиной дозой «сучка», давало через какое-то время гастрит. Болели практически все офицеры. Меня уберегло, по-моему, то, что почти каждое лето я по месяцу питался у мамы в Алексине, да через какое-то время мы переехали в Заполярье, и питание стало просто хорошим. Да и «сучком» я не очень злоупотреблял. И все же обострения гастрита у меня были несколько раз, в том числе и после увольнения в запас в Алма-Ате.

И, наконец, третье. Я не помню точно, когда у нас начались подписки на заем, но на фронте они были. Это так называемая, не вслух, конечно, «добровольно-принудительная» подписка проходила в обстановке исключительного лицемерия: значительную часть зарплаты (в армии - денежного содержания) отдавали с заученными улыбками и поздравлениями друг друга с праздником.

Мне запомнилось, как на партактиве начальник политотдела сказал: «Мы с радостью отдавали деньги при подписке на заем. С еще большей радостью мы узнали об отмене этого мероприятия». Думаю, что это он повторил чьи-то более высокие слова. Я знаю, что многие у нас просто выбросили облигации, когда Н.С. Хрущев, отменив подписку, постановил, что оплата (розыгрыш) облигаций, переносится на двадцать лет. По совету Петра Пушкина я сохранил все облигации. Через двадцать лет, кажется уже в Алма-Ате, все они были «погашены», а часть и разыграна.

Но и этот аэродром, который вспомнился в качестве примера инжбатовской жизни, и многое-многое другое, отличное разве что в незначительных деталях - все это было потом, а первые два года мы реконструировали аэродром «Васьково». Аэродром расположен в 2-3 километрах от железнодорожной ветки Исакогорка-Северодвинск (раньше он назывался Молотовск). Лишь недавно, когда многое рассекретили (до этого все это было секретным и в основном от нас), я услышал и увидел по телевизору, что там строят атомные подводные лодки.

Где-то во второй половине 1951 года мы кончили заниматься строительством аэродрома «Талаги» ручными тачками и перебрались в «Васьково». Там уже был аэродром времен войны с ВПП метров 800-900 и направлением взлета на Архангельск. А нам приказали строить поперек существующей полосы. Помнится, что мы возмущались, так как даже на непрофессиональный взгляд было видно, что продлить уже существую-

щую полосу было бы намного легче, чем строить в лесисто-болотистой местности новую полосу. О том, что нужна полоса со взлетом на Молотовск нам не говорили. И опять это был секрет только для нас. Замаскировать большой город с громадными заводами, выпускающими атомные подводные лодки, было невозможно, а определить стороны взлета и посадки охраняющего их аэродрома можно за много километров. Но мы тогда ничего не знали. Знали только, размышляя со своей колокольни, что начальство ничего не понимает, если строит полосу поперек уже существующей.

Как нам потом сказали, был приказ Сталина, согласно которому на командуемого Архангельским военным округом возлагалось строительство аэродрома для защиты с воздуха Молотовска с его заводами и был установлен срок - посадить самолеты до 1 января 1952 года. Это были первые тогда у нас самолеты МиГ-15 с реактивным двигателем. Кажется, в 1997 году я увидел и услышал по телевизору, а совсем недавно нашел намек в книге Серго Берия «Мой отец - Лаврентий Берия», что конструкция МиГ-15 в значительной мере заимствована у немцев, кажется, у «Мессершмитта». Я его, кстати, видел в апреле 45 года недалеко от Берлина. Самолет страдал (это тоже признается лишь теперь) двумя основными недостатками: плохой маневренностью и сильной вибрацией крыла (потом установили на крыльях ребра жесткости). Тогда это было чудом техники.

Тогда на аэродроме я, конечно, не смел и подумать, а вот сейчас мне кажется, что начальники всех уровней решили поставить «предохранитель» на случай, если не удастся уложиться в указанные сроки. Всё возложили на наш батальон, придав нам танковый батальон и трехбатальонный пехотный запасной полк, а также громадное количество различного имущества и техники, которое шло в наш адрес сплошным потоком. Наш начпрод Юра Чижик, только что произведенный из сверхсрочников в младшие лейтенанты, был занят организацией питания людей в количестве, в пять-шесть раз превышающем списочный состав нашего батальона. То же самое было с инструментом, ГСМ и другим имуществом.

На наше счастье, командуемый войсками округа генерал-полковник Фролов какое-то время жил в своем вагоне на разъезде Васьково, видел творящийся там бедлам и в конце строительства подписал акт на списание всего, что на нас «повесили». А это были тысячи единиц лопат, топоров, ломов, да и более ценного имущества.

Многое из этого имущества братва из запасного полка поломала, поразбросала вокруг да и просто разворовала. На следующий год мы многое находили в лесах вокруг аэродрома.

Я в это время был начальником производственно-технического отдела и организация первоначальных работ лежала на мне. А это была валка, трелевка и разделка леса, корчевка пней и оттаскивание их в сторону, там образовывались целые завалы пней. Производилось это в основном танками, т.к. тракторов катастрофически не хватало. А танк - это боевая машина. И хотя это достаточно сильная машина, однако не специализированный трактор. Кроме того, командир танкового батальона жалел свои танки, и работа шла не так, как это требовалось. Я почему-то ничего не помню о рулежках. Вполне возможно, что их строительство вообще не планировалось, т.к. стоянка самолетов оборудовалась на старой полосе (видимо, с рулением по основной полосе).

Так как там постоянно присутствовал командующий войсками округа, на аэродроме было много начальства. Многие из них были вообще впервые на строительстве аэродрома, но каждый или почти каждый старался внести свою лепту: советы сыпались, как из рога изобилия. И часто это были пустые советы. Но так как их давали люди в генеральских и полковничьих званиях, приходилось считаться. Советы и команды были типа: «Стой здесь - иди туда!» Когда я сказал об этом нашему командующему ВВС, который не только бывал на аэродроме, но часто присутствовал на наших планерках, то он дал мне мудрый совет: «Слушайся всех, а делай то, что считаешь нужным». Совет, конечно, хороший, но мне, старшему лейтенанту, выполнить его было не просто. Впрочем, сказать, что от большого присутствия начальства проку было мало, неверно. Они, конечно, боялись командующего. Поэтому по первому требованию, а часто и упреждая его, выполняли наши заявки, обеспечивали продовольствием, запчастями, ГСМ, инструментом и другим имуществом и техникой.

В конце концов до начальства, видимо, дошло, что выполнить все работы только силами инжбата не получится, а в случае провала спрятаться от Сталина за наши спины тоже не удастся, и приказом командующего округа начальником строительства был назначен генерал-майор авиации, а главным инженером - инженер-подполковник из аэродромного отдела округа. С нас свалилась неподъемная ноша, и мы стали заниматься прямым инжбатовским делом. Во всяком случае, теперь на планерках задания командирам подразделений давал главный инженер, а начальник строительства спрашивал на завтра выполнение с них, а не с нас. Нам стало легче.

И здесь два замечания.

Этого инженера из аэродромного отдела избрали секретарем парторганизации ВВС округа, а это освобожденная должность. Каким-то образом он уговорил начальство, что будет исполнять эти обязанности по совместительству. И через год он опять стал только главным инженером.

Этого не учел я, когда в 1962 году в Карши меня избрали секретарем парторганизации, прислав вместо меня на должность начальника штаба какого то майора «на дослуживание».

И второе замечание. Не знаю, каким летчиком был наш новый начальник строительства, генерал-майор, но матом он крыл как извозчик. Много лет спустя, когда я был на сборах военруков под Алма-Атой, к нам зашел (к нам он не имел никакого отношения, просто мы занимались на подведомственной ему территории) общевойсковой генерал-майор (кажется, заместитель командира корпуса). Он похвастался, что тоже повоевал где-то в Африке, а потом «выдал» целый залп матерщины, видимо посчитав, что раз мы фронтовики (а это было видно и по нашему возрасту, и по орденским планкам), так для нас будет доходчивее.

Тем временем в Васьково шел уже ноябрь, а за ним декабрь (в конце месяца - срок) - началась гонка. Запретили всякие поездки домой (и до этого совсем не частые), установили прожектора и стали работать в три смены. Началась укладка: по спланированному грунту укладывали перфорированные плиты. Солдатам, которые перевыполняли нормы, тут же вручались часы. У нас были солдаты, которые умудрились получить по 4-5 часов. Гонка, как всегда, сопровождалась ухудшением качества работ. Плиты стали укладывать сразу с нескольких мест. При стыковке они не всегда совпадали. Их стягивали тракторами или подтягивали ломиками. Ясно, что весной должна была образоваться «гармошка» из плит. Но главная беда - стала замерзать земля и не поддавалась планировке. А потом пошел снег, который все «спланировал». Кажется, всем стало ясно, что весной аэродром «поплывет». Но кто бы осмелился доложить наверх и не выполнить приказ Сталина?! А так как было приказано посадить полк истребителей к 1 января, то он и сел, кажется, 29 декабря. Сел, правда, на скованный морозом аэродром. А на следующий год с самой весны аэродром «поплыл» и был небоеспособен до следующих морозов. Вот так выполнялись приказы даже Сталина. Впрочем, не мне об этом судить, может, так и предусматривалось с самого начала.

Надо отметить, что до самого конца строительства я на аэродроме не был: пришел вызов из академии на защиту диплома и госэкзамены. Командир части не решился меня отпустить самостоятельно и порекомендовал обратиться по этому вопросу к начальнику строительства. Тот не только не отпустил, но и обругал меня, обвинив в том, что я будто бы стараюсь увильнуть от выполнения задания Сталина (ничего себе формулировка!). На мое счастье, там не все были с деревянными лбами. Я через голову (через десять голов) обратился к члену военного совета округа, который тоже постоянно бывал на аэродроме. Не знаю, у кого и какой разговор имел место по этому поводу, но уже через пару часов после мое-

го разговора с членом военного совета наш командир части вызвал меня и приказал идти к начальнику штаба батальона получать документы. Не прорвись я тогда, думаю, накрылась бы моя академия. Обошлось. Уехал в Москву защищать дипломную работу и сдавать госэкзамены (об этом я уже написал в разделе «Академия»). Потом мне рассказали наши ребята, что как только истребители сели, все начальство с аэродрома срочно выехало. Остался лишь наш батальон, который всю зиму собирал разбросанное имущество и стягивал в безопасное для полетов место разбитую технику (в том числе и танки).

А весной, когда аэродром, как и ожидалось, полностью вышел из строя, и самолеты куда-то перелетели, к нам приехал начальником полковник с эмблемами инженерных войск из академии Генерального штаба. Слышал, что строительство на болотах дорог, аэродромов и других сооружений - тема его докторской диссертации. Это был хороший организатор и в то же время вежливый и вообще интеллигентный человек. Это был год (после прошлогоднего надрыва) познания совершенно нового и по правде говоря непривычного для нас подхода руководства к той же самой чертовски тяжелой работе. А вкалывали мы ничуть не меньше, чем при прошлогодних матюках. Если коротко, то новая реконструкция аэродрома выглядела так: после тщательной геодезической съемки мы сняли часть плит и уложили поперечные, а кое-где и продольные дренажи из хвороста - фашины и оставили для контроля за ними закрытые колодцы. А когда подошла следующая весна, то повреждения на аэродроме были самые незначительные и аэродром из строя не выходил.

В это время ввели должность замначштаба по мобработе и меня туда перевели. После непрерывной возни в грязи и выслушивания всего, что способно сказать начальство, это была спокойная работа в закрытом железной дверью кабинете. А так как я старался аккуратно исполнять документы и вносить все изменения, «хвостов» у меня не было и вскоре я стал крутым спецом по мобработе. Не знаю почему, но и начальник штаба, и командир, и многие начальники служб в этом деле «плыли» и к моим знаниям этой работы относились с почтением, тем более что требовали поначалу за нее строго: вызывали в моботдел округа и гоняли по всем позициям. После «плавания» и получения соответствующего внушения по этому поводу в штабе округа наши командиры прониклись чувством уважения к моим познаниям в мобработе. А на самом деле это была простая лень и отсутствие желания заниматься этим систематически - понемногу, но регулярно и не запуская.

И еще: как-то в воскресенье к нам на аэродром прилетел командующий 22 воздушной армией генерал-лейтенант Изотов из Петрозаводска. Я был старшим от командования, т.к. остальные разъехались на воскресные

ные по домам. А я работал с мобдокументами в своем закрытом кабинете, хотя после смерти Сталина было издано решение Маленкова, запрещающее работать в выходные дни. Командующий стал спрашивать у командира полка и командира базы устройство дренажной системы на аэродроме. Те, конечно, ничего членораздельного ответить не могли. Они привезли командующего к нам в штаб батальона. Узнав, что я мобработник, командующий махнул рукой и сказал, что я тоже ничего не знаю. Но я показал ему все подробно на карте, а потом во всех деталях на местности - я ведь только недавно перешел на мобработку, а до этого оба строительных сезона был начальником ПТО и все, что сделано за это время на аэродроме, я знал досконально. На этом фоне, мол, мобработник знает, а вы нет, командующий еще раз оттянул командира полка и командира базы и улетел. Помнится, они долго потом по всем вопросам консультировались у меня.

Из аэродромов, на которые мы выезжали из Васьково, помню лишь два названия: «Лоухи» и «Обозерская». А большинство аэродромов мы строили и реконструировали тогда, когда переехали в Заполярье, хотя сами аэродромы находились в Карелии и даже около Ленинграда.

Я уже писал, что если мы в это время жили в Васьково, то семьи - в более-менее приличных условиях от Пирсы до Исакогорки. Об Исакогорке у меня сохранились множественные воспоминания, все-таки там мы прожили пять лет. Жили мы на частной квартире у машиниста маневрового паровоза Михаила Александровича. Когда-то он работал машинистом пассажирских маршрутов, но за пристрастие к выпивке был переведен на маневровый - с понижением. Не знаю, как он оберегался в рабочее время, но дома поддавал изрядно. Несколько раз мы с ним ходили в баню, где я парился почти на равных с машинистами и кочегарами, т.к. пристрастился еще в Плесецкой. После кружки пива с бутербродом мы брали бутылку водки и шли домой, где хозяйка Александра Александровна и научившаяся к этому времени Тоня готовили в русской печке рыбные пироги. У нас дома до войны пироги пекли всегда только сладкие или с маком. Однако должен признаться, что пироги по-северному, особенно из большой головы морского окуня, были просто хороши. У хозяев была дочь Люся и сын, врач, которого я видел всего два раза.

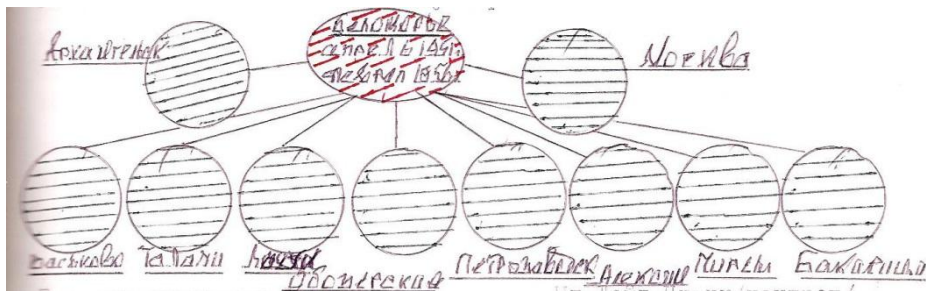
При нашем расставании хозяева подарили Юре очень красивые старинные елочные игрушки. Кажется, они у нас еще в Алма-Ате были.

Зимой у нас, как правило, было посвободнее со временем и я несколько раз уже ночью учил на хозяйском огороде Юру правильному шагу на лыжах. Возвращались домой поздно. А я еще шел в школу за Тоней. А часов в 7 утра поезд увозил нас в Васьково.

Помню, как-то раз Гриша Шуб пригласил нас к кому-то в гости в Архангельске. Там я увидел полки с сотней книг. И мы заболели собирательством. А потом в Архангельске я завел знакомство в магазине подписных изданий. Собирал книги с 1951 по 1994 годы, сорок два года. Насобирали более восьмидесяти подписных изданий и очень много разрозненных книг, в том числе очень хороших.

Наверно, воспитанию детей мы уделяли все-таки недостаточно внимания, я по месяцам пропадал на аэродромах, а Тоня целыми днями в школе. Но одно мы можем записать себе в актив: и Юра, и Витя не лягут спать, не взяв в руки книгу.

В начале февраля 1956 года мы переехали в Заполярье и разместились в поселке Титан на Кольском полуострове.

С кем служил и встречался в это время

Генерал-полковник Фролов

Генерал-лейтенант Изотов

Генерал-майор Петрухин

Полковник из Москвы (инженер)

Н.М. Хандожко

Ф.Г. Сидоров (автослужба)

Н. Гурьянов

Младший лейтенант Чижик (начпрод)

Капитан Морозов (начальник клуба)

Михаил Александрович и Александра Александровна (хозяева квартиры в Исакогорке)

А. Башков

Г. Исламов

Директор школы (ШРМ)

Аркадьев (из ж/д комендатуры)

П. Финкельштейн (врач)

Точки на карте (Google Earth)

ЗАПОЛЯРЬЕ

9 февраля 1956 года – 10 февраля 1961 года

Отслужив восемь лет в разных местах Беломорья, 9 февраля 1956 года я попал в Заполярье, где «добавил» еще пять лет. Итого на севере (так сказать, на южных берегах Белого и Баренцева морей) я прослужил тринадцать лет. Там мы строили, реконструировали и ремонтировали аэродромы. Новый 1956 год мы с подачи Гриши Шуб встречали в Архангельском ресторане «Интурист». Помнится, к моему удивлению я и не знал за ней таких талантов, Тоня «на бис» сплясала «барыню». Вернулись домой под утро. А через пару часов я уехал квартирмейстером в Заполярье, куда через некоторое время мы должны были перебазироваться.

В Заполярье мы попали в маленький поселок Титан. Это название, думаю, от титановых рудников, расположенных где-нибудь поблизости, но я ими совершенно не интересовался и не был ни разу. Лично нам выделили жилье в бараке, но с отдельным входом (в нашем бараке все входы были отдельные).

Но прежде чем говорить об этом периоде жизни, попробую вспомнить тех, кого смогу, из сослуживцев, с которыми мне довелось служить с тех пор, как я попал в батальон в 1943 году, т.е. почти за 19 лет службы в инжбате. В следующем разделе я буду писать уже о другой части, в которую я тогда попал служить. Многих я уже вспомнил по ходу записей, других забыл и, видимо, навсегда. И все-таки попробую, и начну с командиров. Оценивать их всех мне, как говорится, не по плечу, поэтому - как они мне виделись.

Михайлов. Мне в это время было всего 19 лет и был я в звании младший лейтенант, тогда как майору Михайлову было далеко за сорок и он от Львова, где формировался батальон, отступал до Сталинграда, а затем наступал до Гуляй-Поля, куда я прибыл. Дистанция, конечно, между нами была велика, но он в моей памяти остался хорошим командиром и порядочным человеком. Где-то в начале 1946 года его уволили в запас, так и не присвоив звания «подполковник». Не сомневаюсь, что ему просто не забыли того, что на Одерском плацдарме девять человек отравились метиловым спиртом.

Бондаренко. Возрастная и служебная дистанция между нами оставалась прежняя, да и по совести говоря, я был занят женитьбой и поступлением в академию. О Бондаренко помню лишь то, что он всем предлагал сыграть в шахматы. Впрочем, о нем тоже положительное мнение: он отпускал меня для женитьбы, отпускал для поступления в академию, отпускал

кал для встречи Тони, которая ехала ко мне после окончания университета. Кажется, Петр Пушкин говорил много позже, что видел его в Новочеркасске.

Копанев Д.А. Прибыл к нам в начале 1949 года. О Копаневе я мог бы написать значительно больше, чем об остальных командирах - он пробыл у нас где-то около десяти лет, да и я был уже командиром роты. Именно такой командир и нужен был инжбату - воинской части, находящейся не только в стороне от культурной жизни, но и от собственного начальства. Я с уважением отношусь к Дмитрию Андреевичу (тем более теперь - к памяти о нем). Все, что я пишу, это мои воспоминания о нем, а все остальное - по ходу этих воспоминаний. Думаю, что у него не было даже среднего образования, было что-нибудь вроде ускоренного военного училища. Допускаю, что все, что я пишу и не очень точно, но, кажется, он был лет на восемь старше меня. По моим воспоминаниям, он был полностью доволен положением некоего удельного (пусть и в глухомани) князька. Он умел себя поставить отдельно и над своими офицерами. Я уже писал о его положительных качествах. Теперь - о не очень. Чувствуя свою власть, он иногда допускал поведение в соответствии с его выражением «Неча стесняться в родных коноплях» (он был родом из Калининской области) и потребовать в столовой кусок мяса побольше (не более того, но все-таки). Я не знаю, получился бы из него командир ОБАТО моего времени, все-таки он не смотрелся рядом с командиром ОБАТО в Васьково (не помню его фамилии), Ножко из Зашейка, Жени Резунова.

Вот еще вспомнилось одно из его правил: «В понедельник так нужно поддать подчиненным, чтобы на всю неделю им хватило». И поддавал, не стеснясь в выражениях и оборотах, как говорится, «самыми предпоследними словами».

Начальство, как правило, находилось за десятки, а то и за сотни километров, он и «держал фасон» перед подчиненными. Когда я был командиром ОБАТО, то у нас постоянно «паслись» представители армии и округа, и любое мое «неуставное выражение» моментально стало бы достоянием начальства самого высокого уровня. И, наверно, главное: в это время служили совершенно другие люди да и взаимоотношения с командирами были уже не те, что при Копаневе. И, несмотря на эти недостатки, я и сейчас считаю Копанева самым подходящим человеком для командования в то время такой частью, как инжбат. Интересно было бы знать, каким он был, когда прибыл в Кабулети. Дочь, Людмила Копанева, писала мне, что он давно умер от инфаркта.

Хохлов. Через несколько месяцев, которые мы жили без командира после ухода Копанева, к нам приехал новый командир, инженер-

подполковник Хохлов. Он с отличием окончил академию им. Можайского, даже какое-то время был Сталинским стипендиатом, но не было у него командирской жилки и через какое-то время его перевели в аэродромный отдел в Баку. По правде говоря, я так и не понял, для чего выпускников академии, инженеров нужно было посылать командирами инжбатов. Начальниками ПТО (молодых) - да, ну, зампотехами, но отличный инженер не всегда хороший командир части. Зампотех 78-го батальона (Лева) стал начальником аэродромного отдела Ташкентской армии, наш Вадим Фомин - начальником военного проектного института в Алма-Ате, а какими бы они были командирами - не знаю.

Прыгунов Николай Яковлевич. Он пришел к нам после Хохлова с должности зампотеха Кандалакшского батальона. Я сейчас просто не помню, работали ли мы под его командованием на северных аэродромах (вспомнил – работали где-то вблизи Ленинграда). Вскоре после того, как Пауэрс пролетел над южными границами, нас перебросили вместе с другими частями для организации ПВО южных границ.

Борисюк Алексей Павлович. Я уже упоминал, что когда я еще учился в училище, он был адъютантом начальника училища (я его, конечно, не знал, и рассказал об этом он сам).

И еще: когда наш Андижанский полк летал (уже на Су-15) зимой 68-69 года с Ханабадского аэродрома, я побывал в инжбате, встретился с нашими офицерами, посетил кладбище, где были похоронены наши офицеры. А через несколько лет после увольнения из армии я писал туда. Ответа не получил. Видимо, расформировали, как и множество других частей.

Итого за 19 лет, что я «прирос» к инжбату, у нас было шесть командиров батальона.

Теперь о замполитах. Когда я пришел в батальон, примерно в это же время вместо переведенного куда-то бывшего комиссара пришел замполитом Волна Валерий (Аверкий) Владимирович. Если Копанев был лучшим командиром из всех, с кем мне приходилось служить в инжбате, то Волна - лучшим замполитом. В продвижении ему, как и Михайлову, мешало то, что на Одерском плацдарме у нас отравились девять солдат. От кого-то слышал, что когда он ушел от нас, то попал на северные острова, где дослужился до подполковника. У него еще оставались комиссарские замашки, при Михайлове он вел себя довольно-таки независимо, а не просто сопровождал командира. Думаю, что с Копаневым ему было совсем не легко сработаться, кто-то из них и выпросил замену.

Баранов Павел (отчество не помню). Это был слишком уж мягкий человек, и Копанев не просто подмял его под себя, он его превратил в ни-

что. Видел как-то раз, что Копанев довел его до слез, он это умел. А Баранов, занимая такую подpiraемую со всех сторон должность, позволил буквально сесть себе на голову. Баранов уволился и остался жить в Кировске, работая замполитом какого-то техникума.

После Баранова пришел какой-то подполковник, ни имени, ни фамилии его я просто не могу вспомнить. Запомнилось, что Д.А. Копанев как-то во всеуслышание заявил, что этот замполит его полностью устраивает и с ним он будет работать долго. Сейчас я думаю, что хитрый Копанев просто просчитал, что ему не дадут «съесть» третьего замполита подряд. Если этот замполит у Копанева пусть и на словах был хорош, то у офицеров и особенно у офицерских жен он вызывал чувство неприязни. Когда и куда он ушел - не помню.

Капитан Ревин Андрей. Когда мы стояли на зимних квартирах, конечно уже в Шонгуе, Копанев, помнится, привез на один из аэродромов Андрея Ревина, так сказать, для акклиматизации. Это был твердый в отношении к офицерам и знающий политработник. Но он страдал недопустимой для офицеров вообще, а для политработника особенно, болезнью - он был пьяница. Помню, как на каком-то партактиве начальник политотдела описал «картинку», что как будто Ревин бегал где-то чуть ли не без штанов и требовал бабу. Не знаю, всё ли было именно так, но то, что Андрей не умел «тормозить», это я знал, т.к. целый сезон прожил с ним в одной палатке. Уволили, и он уехал куда-то в Сибирь.

Майор Вишняков Николай Никифорович. Он пришел к нам почти одновременно с Прыгуновым. Это бывший инструктор политотдела сформированной бомбардировочной (кажется, в Обозерской) дивизии. Он оставался у нас замполитом до времени моего ухода из инжбата, значит и при Борисюке. С одной стороны, это был достаточно подготовленный политработник (все-таки работал в политотделе дивизии), с другой - это был не Волна с его комиссарской хваткой. Он постоянно ходил и ездил с Прыгуновым. Наш прямой как гвоздь Коля Хандожко сказал ему, что он ездит с командиром, видимо, чтобы того меньше подбрасывало на кочках. Ну если уж оценивать недостатки, то он любил (потакая Прыгунову) выискивать, с кем из солдат флиртует Галина Фомина, что говорят о Прыгунове офицеры и т.п. чепуху. У меня с ним дружбы не получилось (я в это время был начальником штаба). Но когда в 1968 году (я был командиром ОБАТО в Андижане, а он инструктором политотдела нашей армии в Ташкенте), он приезжал к нам в составе большой комиссии (нам повторно присваивали звание «Отличный батальон»), мы встретились как старые и в общем-то добрые знакомые. Я допускаю, что он понимал хорошее к батальону и ко мне отношение командира дивизии генерал-майора Деева и

командующего армией генерал-полковника Шевелева (в конце-концов, не без их же согласия нас выдвигали на это звание). Ну а я был уже достаточно тертым, чтобы «не дразнить гусей». Да и было ли из-за чего? Много позже получил письмо от Прыгунова: в 1970 году, когда всем участникам войны, которые в это время продолжали служить в армии, присваивали внеочередное воинское звание, Николай Никифорович получил «полковника», а после увольнения получил квартиру в Минске (у него была белорусская партизанская медаль).

Итого, замполитов было пять. О замполите ОБАТО Михаиле Дмитриевиче Сонине разговор особый. Я и сам был уже в другом качестве, да и ОБАТО - это не инжбат.

Зампотехов и начальников штаба я просто коротко перечислю.

Когда в 1943 году я прибыл на фронт, зампотехом был пожилой (мне-то было всего 19 лет) капитан с медалью за строительство Турксиба. Он ушел от нас командиром какой-то части, а вместо него назначили командира 1 роты капитана Габрильчука Николая Яковлевича.

После него (это было на севере) зампотехом был Смехов Абрам Яковлевич. Потом он учился в Москве на каких-то курсах. После увольнения он уехал в город Сурож, откуда у нас было еще во время войны несколько офицеров и солдат. Он давно уже умер (он был на 10 лет старше меня). В Москве у Петра Пушкина я видел сына Смехова Володю.

На севере к нам пришел бывший командир 1-го батальона Александр Яковлевич (фамилии не помню). Его сняли за ЧП: кто-то кого-то застрелил. А командира сняли. Когда я увольнялся в Андижане, то у заменившего меня Михаила Ефимовича Княжева тоже через пару лет была стрельба, и его тоже сняли. Какое-то время зампотехом был и я, а потом Вадим Фомин. Итого тоже шесть зампотехов.

О начальниках штаба совсем коротко.

Виктор Георгиевич Иванов.

Алексей Васильевич (фамилию не помню).

Борис Георгиевич Кретинин.

Михаил Поляков.

Юрий Петров.

Совсем немного какой-то майор, которого прислали «дотянуть» до пенсии.

Подполковник Климов Сергей Георгиевич, бывший командир Ха-набадского ОБАТО (кто-то проворовался, а командира сняли). Я с ним несколько раз встречался в Алма-Ате.

Остальных сослуживцев я просто перечислю.

Первый, конечно, Петр Михайлович Пушкин. Подружились мы с ним еще на фронте, служили вместе до Заполярья, когда его перевели начальником полигона бомбометания Ил-28. Потом он на какое-то время потерялся. А когда я его нашел, то он жил после увольнения в Москве около гостиницы «Советская». Это рядом со стадионом «Динамо». Интересно, что детство он тоже провел на «Динамо», только со стороны Северных ворот в Эльдорадовском тупике. С его сестрой Ольгой Михайловной я познакомился еще в сорок четвертом году. Она служила тогда в районе Тимирязевской академии в частях ВНОС. Я по дороге в академию Можайского завез ей письмо от брата. С его женой Милей я познакомился еще в Германии. Она тоже служила в частях ВНОС. Потом мы много лет дружили семьями. С Петром в последний раз мы виделись в апреле 1985 года в Москве. Договорились, что следующим летом я приеду к нему на дачу (где-то в Есенинских местах Рязанской области). Почему-то я не поехал, а осенью следующего года я узнал, что Петр умер (Миля к нам звонила, но у нас сменился телефонный номер, и она не смогла дозвониться). Тоня тут же уехала к ней в Москву. Она, а потом и Юра, были на могиле Петра. А я так и не смог попасть. Когда старший сын Юры Олег поступил в институт, то Юра поехал туда и представил Олега Миле. Он неоднократно бывал у нее.

Капитан Ковалев Петр Алексеевич. Он был начфином батальона. Одновременно он был секретарем штабной парторганизации, а также всю войну осуществлял надо мной шефство. Уволился от нас он где-то на севере. Его дочь и жена в 1983 году написали мне о том, что умер.

О Дмитрие Дмитриевиче Синельниченко я тоже уже упоминал. Он намного старше меня и служил на сверхсрочной службе еще до войны. В войну ему присвоили офицерское звание, но дальше командира взвода он так и не продвинулся (образование было 4-5 классов). Уволился где-то на севере и уехал в Белоруссию (его жена Ольга оттуда).

Капитан Тимченко. Всю войну и какое-то время после войны прослужил командиром роты. Уволился с севера. Причина, как и у Синельниченко - очень малое образование. У меня в памяти и тот и другой остались похожими: всегда подтянутые, всегда с довоенными еще портупеями и планшетами, так полагалось еще до войны.

Начальников клубов я помню четверых.

Старший лейтенант Волошин был в части еще со времен войны. Пока он был на фронте, жена его заболела сифилисом. Узнал он об этом, когда мы были уже в Белоруссии. Спился. Уволили.

Капитан Морозов. Хотя я к этой службе да и к самому капитану Морозову не имел непосредственного отношения, здесь, кажется, уместна поговорка «Мир тесен». Во-первых, в сорок первом году он был ранен на реке Вашана, а это в пяти-шести километрах от Алексина. Во-вторых, в 1963 году я совершенно случайно встретил его в Андижане, где он обосновался после демобилизации. И мы с Тоней были у него в гостях. И в-третьих, уже в 1969 году по дороге на наш запасной аэродром, где-то в районе Коканда я завернул в радиолокационную роту. Командиром роты был его зять.

Капитан Рудаков Илья Павлович оставался начальником клуба и тогда, когда я ушел из инжбата.

Федор Воробьев пришел к нам где-то на Севере. Это был здоровенный мужик сантиметров в 190 ростом и за центнер весом. Видимо, как многие большие и сильные люди, он был очень добродушным. Я что-то и не помню, чтобы он когда-нибудь с кем-то поругался. А вот это помню: мы с ним встретились на Ярославском вокзале в Москве. Он возвращался из отпуска (жена у него донская казачка и они туда и ездили в отпуск). А я приехал в Москву в академию на сессию. Федя затащил меня в детскую комнату (у него были две девочки) и угостил: разрезал, кажется, на четыре части буханку хлеба, но не поперек, а вдоль, и на них положил толстенные ломти сала, а сверху еще и малосольные огурцы, накрыв это опять ломтем хлеба. Вот такой получился «бутерброд» толщиной в полбуханки. Самогон был отличный и хранился в корзине в четверти, заткнутой кукурузным початком. И все это в детской комнате. «Сгорел» Федя на глазах. Просто было видно, как он начал худеть. У меня до отъезда была очень выразительная фотография, снятая в палатке и при свече с большой выдержкой: сильно опущенные плечи и гимнастерка, висящая как на палке. И это наш Федор, который легко расправлялся с тремя-четырьмя нашими офицерами при дружеской борьбе! Говорили, что это диабет. Сказали, что умер он вскоре после увольнения.

Вместо него пришел (было это в Титане) майор Сидоров Федор Гаврилович. Он сразу же получил кличку «Напертак». Дело в том, что к делу и без дела он повторял: «Например, так». Произносил он это слитно. Вот и получалось «Напертак». В Анапе у него был дом, где он и умер после увольнения, писал Копанев.

В Шонгуе к нам прибыл молодой врач. Звали его Володя. Отчество его я и не знал, а фамилию забыл. Жил он со своей подругой, которую долгое время выдавал за сестру, в том же доме, что и мы.

Были еще Василий Бондаренко и Рафаил Кириллович.

Несколько слов о Николае Макаровиче Хандожко. Где-то на севере, когда я был командиром роты, он прибыл в нашу роту командиром взвода после окончания военного училища. А когда я пришел в Андижан командиром части, он был там командиром роты. Несколько позже я помог ему перебраться обратно в инжбат, но уже зампотехом батальона. А когда я был уже в запасе, Коля заезжал к нам в Алма-Ату в майорских погонах (они ремонтировали аэродром в Николаевке).

Наверно, если покопаться в памяти, то можно было бы еще кого-то вспомнить, но нет этой самой памяти. Поэтому закончу на Владимире Маркияновиче Коваленко. Мы с ним как-то сблизились, когда целое лето жили в одной палатке на каком-то строящемся аэродроме. Он несколько раз бывал у нас в Алма-Ате и тогда, когда я еще служил в Алма-Ате, и тогда, когда я был уже в запасе. Он заочно учился в Алма-Ате в дорожно-строительном институте. После увольнения он уехал в Петрозаводск (жена Ася карелка), а не так давно я получил от Аси письмо, что Володя умер несколько лет назад - рак.

Впрочем, из заполярного периода я вспомнил еще нескольких человек:

Алексеев, Башков, Павел Монченко, Иван Дорожко, командир роты Павлов (Юра дружил с его сыном), покончивший жизнь самоубийством начальник ремонтных мастерских Виктор Исаевич (фамилии не помню), Левинский Михаил (когда я служил в Андижане, мне говорили, что он служит в Фергане). Если вспомню кого-то еще, допишу.

В Заполярье мы жили в трех местах, хотя ремонтом, реконструкцией и даже строительством занимались от Петсамо и на юг чуть ли не до Ленинграда.

Коротко о тех аэродромах, о которых вспомнил:

Где-то у финской границы - территория отошла к нам после войны 39-40 годов, так что еще не очень сильно была захламлена - мы подготовили грунтовый аэродром, а по ночам вручную носили металлические перфорированные плиты и складировали их у самой границы за неширокой полосой леса. Финны днем поднимали воздушный шар с наблюдателями. Несомненно им были известны наши секреты, поскольку работу тракторов и машин заглушить было нельзя, т.к. плиты, а их было громадное количество, прибывали на железнодорожную станцию, и мы их возили чуть ли не все лето через бывшие финские хутора.

Помню аэродром недалеко от районного центра Лоухи в Карелии. Там было очень много озер с большим количеством рыбы. До самого отъезда в Израиль у меня была фотография: солдат держит прижатыми к груди несколько рыбин, которые хвостами достают до земли. В это время я

был заместителем начальника штаба и во время производственной деятельности на аэродроме я был не очень-то нужен.

Не помню, откуда у меня взялась пятизарядная малокалиберная винтовка и множество патронов к ней. Я вообще хорошо стрелял из винтовки (а позже в Шонгуе и из пистолета), а там я так набил глаз и руку, что стрелял просто отлично. Там во время войны проходила линия фронта и часто попадались немецкие каски. С ними я и развлекался. С одного выстрела малокалиберной пулей каску не пробить. Но после первого выстрела на каске оставалась вмятина и белое пятно. Нужно было вторым выстрелом попасть точно в эту вмятину, тогда пуля пробивала каску. Шагов с двадцати я всегда дырявил немецкие каски. А как-то раз я увидел в воде утку с опущенной головой. Попал, конечно, с первого выстрела. Но оказалось, что до меня ее поймала щука: вся внутренняя часть была выедена.

Там было много мин, которые после освобождения территории и разминирования были сложены вдоль дорог, как в Белоруссии, и гражданское население туда не пускали. А подальше в глубь лесов были староверческие скиты, наверное там были и иконы. Но тогда этим не очень интересовались. И еще вспомнилось: кто-то дал прочитать рукописный текст стихотворения Маргариты Алигер «Мы - евреи». Здесь (в Израиле) много раз спрашивал в книжных магазинах - нет.

Сейчас я вряд ли нашел бы и по карте, ничего не помню, кроме того, что это был самый дальний из наших аэродромов в сторону Ленинграда. Говорили (я не уверен), что с этого аэродрома в войну летал Маресьев. Мы засыпали ВПП и РД гравием, залили битумом и перемешивали грейдерами до образования оптимальной смеси. Затем разровняли и укатали. С подобного покрытия должны были летать самолеты. Так делали дороги, которые хотя и были немного послабее асфальтовых, но стоили значительно дешевле.

И здесь произошел случай, который запомнился. Для окончательного выравнивания поверхности мы уже после укатки полили аэродром еще раз битумом, который через какое-то время должен был впитаться в смесь. Но на вторую или третью ночь после полива был перелет диких уток. Так как ночи были белые, утки, видимо, приняли аэродром за водную поверхность. Не менее полусотни уток сели на аэродром, измазались в битуме и все погибли, во-первых, от удара о твердую поверхность, а во-вторых, они били крыльями по битумной поверхности и еще сильнее прилипали. Нам досталось много дичи. Помнится, недели три мы ее жарили и варили. Пробовали мы их и выпускать, помыв сначала в бензине, а потом в воде. Отлетали на несколько шагов и было видно, что летать они не

смогут. А нам после зачистки аэродрома пришлось заново заливать полосу. Только теперь до полного застывания у нас круглосуточно дежурили солдаты, которые шестами отгоняли садящихся уток.

А вот о нашем пребывании на аэродроме Подужемье. Во-первых, командиром дивизии был генерал-майор, Герой Советского Союза, с которым мне пришлось общаться, т.к. Прыгунов уехал в отпуск, и я остался за него (я тогда был начальником штаба батальона). А когда в Андижане наш полк получил новые в то время истребители-перехватчики Су-15, то этот генерал еще с одним инструктором подполковником «доводил» наших летчиков. Он меня вспомнил, и мы поговорили с ним о севере. Он в это время уже служил в Москве. Во-вторых, туда прилетал генерал-полковник Савицкий. Кроме этого, я с ним встречался еще дважды (в Алма-Ате и Андижане), он к этому времени был уже маршалом авиации. В Андижане же встречался с его дочерью Светланой Савицкой. Теперь она летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза (а теперь еще и депутат Государственной Думы). Эти встречи ко мне относились не очень близко. И все равно впечатление они оставили не очень хорошее.

Видел в Подужемье деревянную церковь, построенную без гвоздей и на мху еще в честь приезда Петра Первого. Судя по ее состоянию, хотя она вся серая из-за непрерывных дождей и туманов, ей стоять еще не одну сотню лет.

Но самое большое впечатление - это залив и каскад водопадов, через которые пытается прорваться семга, идущая в сторону Финляндии метать икру. Громадная рыба прыгает навстречу водопаду, а их не один, а три. С одного захода с остановкой и отдыхом это удастся не каждой. Некоторые падают и получают ссадины. Их ловят и клеят какие-то «заплатки». Перед самым отъездом домой в Шонгуй я купил большую рыбину, которая едва уместилась в большом фибровом чемодане, согнутая пополам. Отдал 200 рублей (это было до хрущевской денежной реформы и мы вдвоем с Тоней получали в это время 5000 рублей в месяц).

В конце раздела я запишу схемой основные места, в которых я был, служа в Заполярье, а сейчас - несколько аэродромов, которые пришли на память: Лоухи, Кярг-Озеро, Олонец, Нурмолица.

А теперь вернусь к местам, где жила семья и были наши зимние квартиры. Первым таким местом был поселок Титан. Это было первое наше заполярное место. Здесь мы познакомились с длинной заполярной зимой. Кто-то нам дал собаку лайку. По незнанию я построил для нее утепленную двухкомнатную будку. Но она туда так и не зашла. В любую пургу она ложилась, свернувшись калачиком и накрыв морду хвостом. Через некоторое время ее заносило снегом. А утром, когда мы открывали

двери веранды или тамбура (двери там открываются вовнутрь, иначе не открыть - занесет снегом), собака выкарабкивалась из-под снега, совсем не замерзшая и вообще довольная жизнью. Я видел, как она ела голубику, которой там очень много. Она набирала ягоды в пасть вместе с ветками, а когда пятилась назад, ветки оставались снаружи, а ягоды внутри. А когда она чем-то заболела, кто-то из старожилов посоветовал ее выпустить. Она убежала в тайгу, где пробыла несколько дней и вернулась совершенно здоровая.

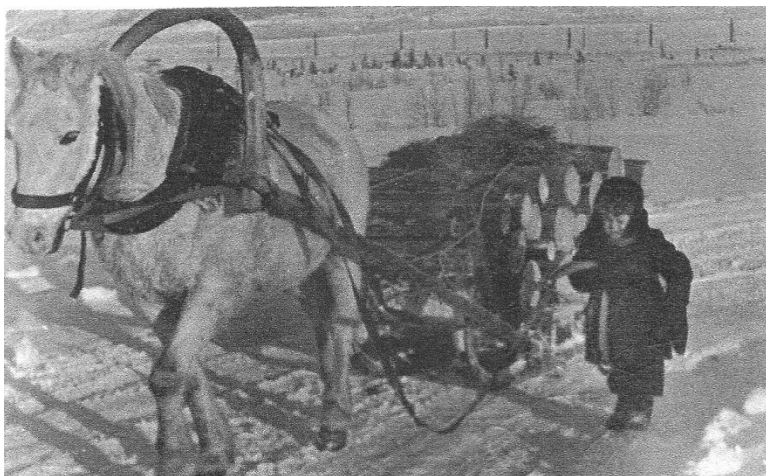
Зимой в Титане я начал активно заниматься фотографией и обучал этому Колю Хандожко и Алексея Башкова. Мы выезжали на аэродром не раньше мая, а возвращались уже в октябре, так что дома были больше, чем раньше. И еще такое. За поселком были горы. Если и не очень крутые, то с достаточно длинными спусками - это предгорья Хибин. Я помню, как Юра (а он не ходил еще в школу) спускался на лыжах, мелькая между пеньками, камнями и кустарниками там, где многие наши офицеры боялись спускаться. А как сейчас мы оберегаем Бориса от всех резких поворотов и движений! В чем дело: сын - внук? Или 30 - 75 лет? Юра ходил в детский сад, но несколько раз сбегал оттуда, катаясь на лошадях с солдатами, которые возили дрова со станции. Тоня работала в школе завучем.

Я сейчас просто не помню, как это произошло, но меня месяцев на восемь-десять перевели в Зашеек. Это тоже на Кольском полуострове, но несколько южнее, ближе к Канда拉克ше. Там стояла авиационно-техническая дивизия, в которую входили все ОБАТО, склады ГСМ и авиационно-технического имущества. Мне кажется, что это аналог РАБ (района авиационного базирования) военного времени. Меня назначили начальником маскировочной службы (тоже подтверждение моей предыдущей мысли о РАБе). Так как мне делать было практически нечего по своей службе (замаскировать аэродром реактивной авиации силами того времени было практически невозможно), то я в основном исполнял обязанности коменданта гарнизона. Правда, по линии маскировочной службы я разослал за подписью начальника штаба дивизии (я ему подчинялся) документ с требованием «расписать» камуфляжем все здания штабов и аэродромных построек. Проверить это мне не удалось - дивизию расформировали. По комендантской линии организовал гарнизонную и караульную службу с разводами, проверками и т.п. Командование дивизии в общем было довольно. В Зашейке Тоня тоже работала. А так как это был все тот же Кировский район Мурманской области, то когда после расформирования дивизии меня вернули в свою часть, то и Тоню вернули простым

Наше Заполярье. Поселок Титан (Google Earth)

В Титан мы приехали из Архангельской области зимой 1955 г. Здесь Юра впервые пошел в школу. Здесь, правда, в расположенном совсем недалеко городе Кировск, родился Витя. Титан расположен на короткой железнодорожной ветке Апатиты - Кировск. Прожили здесь, кажется, два или три года и переехали еще севернее - в Шонгуй. Титан - это уже Заполярье.

***На первом снимке Титан.** Юра с солдатами занят вывозкой дров. Надо полагать, что он сбежал из детского сада (за ним такое водилось) и пристроился возить дрова с железнодорожной станции в воинскую часть.*

***На втором снимке Шонгуй.** Сыновья возле нашего офицерского городка. В верхнем правом углу виднеется крыша финского дома, где мы жили.*

переводом в титанскую школу, только теперь уже директором. В Зашейке мы познакомились с директором ГЭС, и я видел, как глушат рыбу электропроводом. А еще помнится, как мы до полуночи искали Юру, который с кем-то из мальчишек сбежал на рыбалку. И хотя ночи были белые, все равно переволновались.

После возвращения в Титан мы разместились в двух комнатах большой трехкомнатной квартиры. Это был наробразовский дом. Но самое главное событие этого времени - 5 февраля 1957 года родился Витя. Сейчас ему более 42 лет - вот как быстро пролетело время. На помощь Тоне приехала ее мама Анастасия Ефимовна. Пробыла у нас она не очень долго (точнее не помню). К тому же, через какое-то время мы перебрались еще севернее и разместились в поселке Шонгуй. Там что-то плохо было с отоплением жилых домов - вспомнилась тамошняя наша жизнь. А ведь прошло с тех пор совсем без малого сорок лет.

Разместились мы в финских домах, построенных еще во время войны совсем рядом с железной дорогой на Мурманск. А сразу же за железной дорогой протекала быстрая и холодная река Кола, впадавшая в Кольский залив. С другой стороны на срезанной горе прямо над нами был маленький заброшенный аэродром военного времени. В домиках было по два этажа. Нам достались две комнаты на втором этаже. На первом этаже в двух комнатах жила семья Копанева, а в одной - врач Володя и Шура. В полуподвале была автономная котельная, которой отапливался дом, и ванная, согревавшаяся от колонки (а тепло от котла). Наши женщины, которым поочередно (кажется, по 10 дней) приходилось топить этот котел, называли его «Крокодилом» - он съедал несметное количество угля, а тепло сохранялось только при постоянном горении.

Витя у нас рос настоящим полярником. Коляску мы ставили с подветренной стороны дома. Закутывали его в пуховое одеяло, а сверху закрывали моей плащ-палаткой, оставляя ему для дыхания дырочку. Через какое-то время коляску заносило снегом. И там Витя спал. Оглядываясь назад, думаю, что сейчас я бы просто не отходил от коляски. А тогда... были молодые... и глупые. Зима была очень длинная, и офицеры проводили вечера за преферансом и «кингом». Должен признаться, что я так и не осилил карточную науку. Позже мудрый Файнберг (наш зам. командующего армией и мой начальник) меня просвещал: начальник от командира части и выше обязательно должен владеть этим искусством, чтобы не быть белой вороной в компании приехавшего начальства. Не осилил. Не играю и сейчас со стариками, которые ежедневно собираются в клубе, где забивают «козла» или увлекаются совсем простым «подкидным дураком». Видимо, интеллект дальше перетягивания каната не развился.

Зашеек (Google Earth)

Зашеек - это маленький поселок. Расположен вблизи железнодорожной станции Африканда (по дороге Мурманск-Кандалакша). Вокруг много озер, в которых водилось громадное количество различной рыбы. В Зашейке стояла техническая дивизия, в которой я служил некоторое время. Тоня работала в школе. Это, в общем, не так и далеко от Титана, где стоял наш инжбат.

Шонгуй (Google Earth). Слева от железной дороги - место, где стояли финские дома военного городка и где мы жили

Через какое то время мы купили хороший телевизор, кажется, «Темп-3». Это был первый и единственный телевизор в нашей части. Одну из комнат мы превратили в своеобразный просмотрный зал. Вечерами десятка полтора-два соседей рассаживались на полу и смотрели все мурманские передачи подряд.

В теплое время года на склоне горы, ведущей к бывшему аэродрому, вырастало столько грибов, что выражение «грибов - хоть косой коси» было вполне уместно: ведро, а то и больше, можно было собрать не сходя с одного места. Там эти грибы называют моховиками. Они сильно напоминают среднерусский подосиновик. Мы их мариновали в трехлитровых банках, которыми были заставлены все места на чердаке. Мы, помнится, настолько «избаловались» (какое бы тут придумать другое более удобоваримое слово), что банками закатывали совсем малюсенькие грибные шляпки, выбрасывая ножки (где еще такое делается?)

На веранде у нас почти всегда лежала на клеенке (теперешней пленки тогда не было) засаливаемая семга, в магазинах не переводилась черная и красная икра. Всего 19 рублей (после денежной реформы 61 года - 1 р. 90 коп.) стоил в магазинах копченый окуневый (из морского окуня) балык и многое-многое другое из того, о чем мы не могли и мечтать до переезда в Заполярье. Впрочем, я думаю, что мы о многом просто и не знали. Юре купили хороший спиннинг, и он с одного захода приносил по полной противогазной сумке форели, которой было много в реке Коле. Я мог бы записать несколько наименований сельди, которой изобиловали магазины. Много было мяса, различных жиров, солений и свежего картофеля. После нашего отъезда в феврале 1961 года, а точнее, несколько ранее, усилиями Никиты Сергеевича Хрущева, который в свойственной ему манере взялся доказать, что Кольский полуостров и Крымский полуостров по климатическим условиям почти одинаковы, снабжение постепенно, но уверенно, стало ухудшаться. Я видел наших (из нашей дивизии) офицеров, которые служили на побережье Ледовитого океана (в Гремихе) в конце 60-х годов, они рассказывали, что даже со сливочным маслом там были большие проблемы.

А тогда у нас была полуторная выслуга (год за полтора), нам платили полуторный оклад и давали богатый паек. Тоня работала директором школы, о своем обеспечении я уже написал - получали мы по дореформенным ценам по пять тысяч рублей в месяц. В это время к нам в воен-торговый магазин пришел мотоцикл М-72 кофейного (очень красивого) цвета. И стоил он всего пять тысяч рублей. Купили. Где-то на Беломорье (кажется, недалеко от Беломорканала) я купил настоящий персидский настенный коверик, а потом и наш большой ковер. А потом нам повезло - мы выиграли пять тысяч рублей, на которые тогда же купили Тоне в

Мурманске чернобурку за 2,2 тысячи рублей (ее потом в Алма-Ате украли в школе) и последнюю тогда модель фотоаппарата Киев-3А. О фотоаппарате хочется сказать вот такое. В его инструкции написано, что это не ФЭД, он требует очень нежного обращения. Фотоаппарат у нас («у нас» - потому что его многократно брали в отпуска и просто на гулянки и Юра, и Витя) уже четыре десятилетия, и мы им разве что гвозди не забивали. А фотографий я им нащелкал великое множество. У меня стало плохо со зрением, не всегда добиваюсь нужной резкости при фотографировании. Появилась (в Израиле) мысль купить «мыльницу», которая не требует наведения на резкость, но сравнил несколько фотографий, сделанных моим аппаратом, с фотографиями Юры и Олега - совсем не то.

И еще вспомнил: купили двое золотых женских часиков: Тоне и маме (хоть чем-то я должен был отблагодарить за наше нахлебничество!). Тоня перед отъездом в Израиль подарила эти часы кому-то из внуков, а мама после смерти папы вернула часики нам, и мы использовали (корпус, конечно) на золотые коронки.

И вот еще два момента из нашей жизни в Шонгуе. Андрей Ревин стал заниматься стрельбой из малокалиберной винтовки с нашими детьми и женами. Стреляли они очень много и хорошо. Юра вообще из винтовки с диоптрическим прицелом (не оптическим) не выпускал из круга девять. Эту винтовку ТОЗ-8 я купил в Мурманске, и документы ее ходили за мною до самой Алма-Аты, пока я не подарил ее нашей школе.

Примерно в это же время пришел приказ министра обороны маршала Жукова, согласно которому требовалось пять раз в неделю по одному часу заниматься стрелковой или физической подготовкой. Это касалось офицеров и сверхсрочников. Мы это решили так: за час до обеденного перерыва мы выходили от штаба на лыжах. А в пяти километрах я дожидался всех. Обратный путь шли без нормативов: кто хотел, мог тянуться хоть весь обеденный перерыв, а к началу работы нужно было быть в штабе. Но все хорошо подогнали лыжи и на дистанции не валяли дурака. Стоит похвастаться: где-то в середине семидесятых годов, когда мне уже перевалило за пятьдесят, народный отдел образования устроил для учителей соревнования, кажется, на 7,5 км. Я пропустил вперед лишь трех или четырех преподавателей физкультуры, до и то - молодых ребят.

Ну а стрельба из пистолета, насколько я помню, офицерам никогда не была в тягость. После многократных тренировок к концу зимы у нас редко кто не выбивал 48 или даже 49 из 50. Это уберегло меня от неприятности, когда комиссия штаба округа обнаружила, что мы значительно «пережгли» годовую норму расхода патронов, результаты покрыли пережог.

И вот еще. Мы часто стреляли из пистолета Марголина с крыльца штаба в сторону поднимавшейся рядом довольно крутой горы. Я стрелял просто отлично. В это время приехал из отпуска Прыгунов. Где-то на Лиговском базаре он купил у иностранных моряков пишущую ручку с силуэтом женщины, которая в зависимости от положения пера одевалась или раздевалась. Пospорили на один выстрел против бутылки армянского коньяка - разбил в брызги.

Где-то в конце шестидесятых годов Прыгунова, Вишнякова и меня вызвали в Архангельск в штаб армии и дали команду готовиться к перебазированию в Узбекистан: после пролета Пауэrsa туда стали стягивать силы ПВО.

Пропустил, поэтому допишу сейчас: какое-то время мы занимались прямо-таки идиотизмом: Хрущев заявил, что мы ракеты делаем «как колбасу» (это его выражение), поэтому стали ломать фронтовые бомбардировщики Ил-28. Вот в этом варварстве и мы принимали участие. А китайцы после соответствующей реконструкции на этих самолетах летали еще лет тридцать.

И второе: на какой-то аэродром по моему вызову к нам приехала комиссия ГАИ. Многие сдали на права. Я сдал на права шофера (мои права от 42 года устарели), тракториста и мотоциклиста.

Вообще-то с переездом в Узбекистан с нами поступили нечестно: мы отслужили в Заполярье пять лет и имели право на замену по своему выбору, а нас в полном составе перебросили в Карши, одно из самых жарких мест Союза. Перед отъездом я послал все наши личные дела на подсчет выслуги лет в финансовое управление ЛенВО. После это выслуга не пересчитывается, а просто к ней добавляется время, которое идет после такого подсчета (у меня эта выслуга с учетом войны и Заполярья). Уезжали двумя эшелонами. Тоня с ребятами осталась до конца учебного года. Итак, закончился северный период моей армейской службы. Вот коротко его результаты.

Приехали на север (в Плесецк) мы в апреле 1948 года, а уехали (уже из Заполярья) в самом начале февраля 1961 года, прослужив на севере без самого малого 13 лет, в том числе 5 лет в Заполярье.

Приехал я на север в должности зампотеха роты в звании старшего лейтенанта, а уехал начальником штаба своего же батальона и майором. Вообще-то не бог весть какая карьера, но в условиях нашего батальона я ведь один из офицеров нашей части достиг и этого. Хотя, конечно, особенно завидовать нечему.

А вот это достижение: мы приехали на север с Тоней вдвоем, а уехали с двумя сыновьями. Юре было 12 лет, а Вите - 4 года.

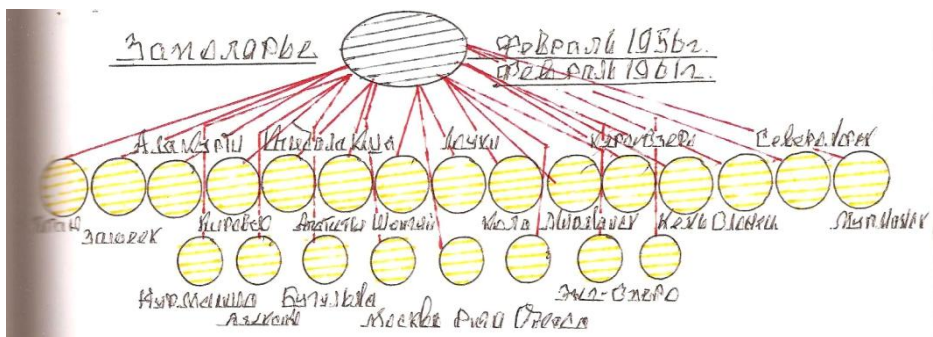
За это время я поступил и окончил академию. Это хотя и не помогало мне: военно-юридическая академия - не тот профиль, который нужен для аэродромной специальности, но все же поддерживала меня «на плаву», особенно в период моей службы в армии, в том числе и на севере.

За это время сменился практически весь офицерский состав, в том числе: командиров - 5 человек, начальников штаба - 5 человек, замполитов - 5 человек, замполитов - 4 человека.

За время службы в Заполярье у меня к 5 календарным добавились 2,5 года «северной» выслуги лет.

Находясь на севере, мы 3 года занимались лесозаготовками в районе теперешнего космодрома «Плесецк», строительством, ремонтом и реконструкцией многих аэродромов в районе Беломорья, в Заполярье, в Карелии. Все их я, конечно, не помню, но подсчитал, что семья за это время сменила 8 квартир.

И вот еще такой итог: на север мы приехали с двумя тощими чемоданчиками, а там не то чтобы разбогатели, но немного прибрахлились - все-таки работали вдвоем.

Кого я видел и с кем встречался в этот период

И.Г. Попов - командующий 10 армией ПВО

А. Ревин

Н.Я. Прыгунов

Н.Н. Вишняков

В.А. Фомин

Полковник Кантур

Полковник Якобсон

УЗБЕКИСТАН

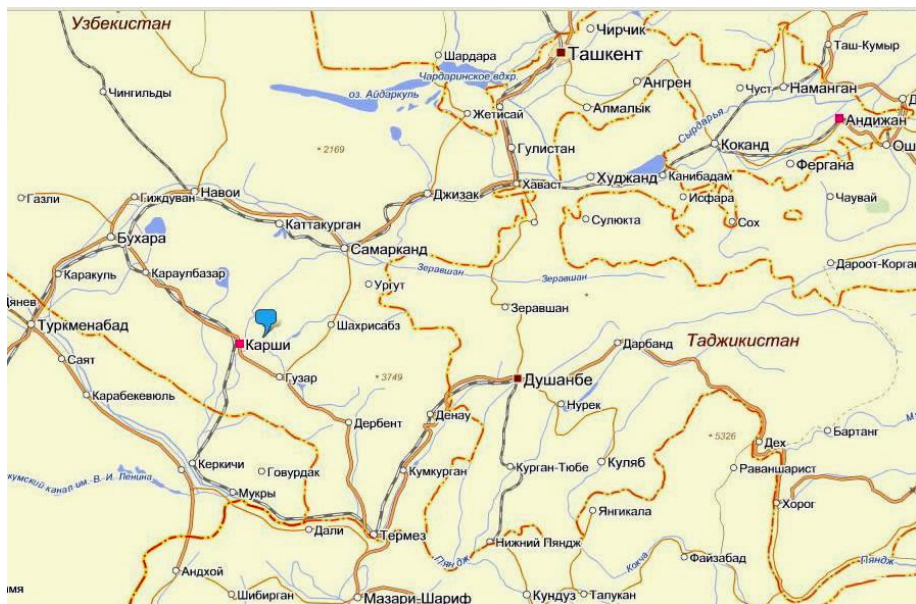
Февраль 1961 года - октябрь 1969 года

Итак, нас опять перевели и на этот раз на совершенно другой конец страны - в Узбекистан. Я помню, как молодые офицеры вспоминали (им это было легче вспоминать, так как они сравнительно недавно позаканчивали средние школы), что в школьных учебниках писалось о том, что царское правительство, чтобы убить Т.Г. Шевченко, сделало это резкой переменой климата, переведя его из Петербурга на Каспий. Нас же перевели аж из Заполярья.

Во главе первого эшелона уехал Прыгунов. Мне же достался второй эшелон. Сложность была не только в том, что на мою долю осталась подчистка всего и вся, но и в том, что наступили ужасные холода, температура опускалась ниже 40°. Это привело к тому, что у многих машин позамерзали задние мосты и коробки передач (масло в них, конечно), и мы просто «порвали» несколько мостов, поскольку пришлось таскать машины «юзом». Были большие сложности с крепежом техники: проволока на морозе лопалась. Погрузка длилась несколько суток, и мы так устали, что после отправки сразу завалились спать и проснулись не раньше чем через сутки.

В Карши, проехав поперек весь Советский Союз, мы прибыли 22 февраля 1961 года. Я помню, как встречавший начальник политотдела истребительной дивизии, куда нас поставили на обеспечение (наши, конечно, тоже все были), уговаривал нас одеть шинели. У них это называлось зимой, а нам после 13 лет службы на севере это казалось летом. Мы даже и не представляли себе, какое оно там лето!

Штаб и солдаты разместились за железнодорожной станцией в восточного типа казармах, которые назывались «Буденновские казармы». Надо полагать, что это были отголоски борьбы с басмачеством. Офицеры и сверхсрочники разместились в общем-то нормально, т.к. из военного городка недавно куда-то перевели авиационный полк, и рядом со штабом авиационной дивизии освободилось больше количество жилья. Мне достались две большие комнаты и кухня. В этой же квартире были еще две небольшие комнатки, куда потом вселились старший лейтенант Тилидида - начальник технического снабжения и служащая - Мария Тимофеевна. Я купил холодильник «Саратов», а потом по предложению мамы поменял его на её «Зил», который прослужил у нас лет тридцать, до самого отъезда в Израиль.

Карши

Город в Кашкадарьинской области Узбекистана. В период с 1926 по 1937 годы назывался Бек-Буди. Имеется один пединститут, мечеть Кок-Гумбес (16 век).

Прибыли мы из Заполярья 22 февраля 1961 года. Я уехал в конце 1962 года. Воспоминания - самые «жаркие», особенно после 13 лет службы на севере.

Был там еще неделю-полторы зимой 1968 года, когда наш полк летел с Ханабадского аэродрома (это 10-12 км от Карши).

С Севера нас отправили совсем плохо. Как это часто делается в армии, укомплектовали самыми разгильдяями, собрав их из разных частей. Да и встретили нас не очень... Наши солдаты, прибыв в северном суконном обмундировании, так и ходили в нем до самой сильной жары. Нас влили в состав корпуса ПВО, которым командовал генерал-майор Вотинцев Юрий Всеволодович. Позже я узнал, что это сын одного из руководителей установления советской власти в Узбекистане, где-то в районе вокзала в Ташкенте стоит памятник.

Почему-то это поручили мне, и я несколько раз звонил Г.И. Файнбергу, заместителю командира корпуса по тылу, с просьбой ускорить поставку нашим солдатам обмундирования по сезону. Несколько раз он мне объяснял что он «выбивает» обмундирование в округе и немедленно вышлет нам, как только оно поступит. А когда я ему надоел, он посоветовал записать мою просьбу на магнитофон и ежедневно включать: обмундирование, обмундирование, обмундирование...

А вспомнилось мне это потому, что в 1968 или 69 году, когда я был уже командиром ОБАТО в Андижане, а Г.И. Файнберг заместителем командующего 12-й армией ПВО по тылу, где-то между Красноводском и Ашхабадом селевым потоком размывло железнодорожные пути и у нас образовался дефицит керосина. Мы из-за этого прекратили полеты, и я так же бомбардировал его и командующего просьбами о поставках горючего, а он повторил тот же совет, порекомендовав записать просьбу на магнитофон и каждое утро повторять ему: горючее, горючее, горючее...

И следует признаться, что если отсутствие обмундирования я по незнанию относил на счет недоработки нашего ближайшего начальства, то с керосином я понимал их бессилие, но все равно звонил, чтобы потом меня не обвинили в недостаточной требовательности, таковы были правила игры. Правда, с керосином дело обстояло иначе: у меня в НЗ были две тысячи тонн, а это примерно на полтора месяца полетов полка, но «НЗ» - это неприкосновенный запас.

В конце концов обмундирование нам дали. Но у нас появилась новая «болячка»: не приученные на севере остерегаться, многие наши солдаты рвали тутовник, который в сочетании с сырой водой давал обильные желудочные заболевания. Дело дошло до того, что к нам из Термеза прибыл эпидемиологический отряд. Трудно давалась нам акклиматизация. Не всем шла пища после мытья с хлоркой рук да и посуды. Многие не могли пить настоей верблюжьей колючки - самое распространенное средство среди местного населения и солдат от желудочных расстройств, с мучениями привыкали к горячему да еще и зеленому чаю вместо привычной сырой и холодной воды. Дело дошло до того, что некоторые офицеры стали писать рапорта об увольнении. Хорошим воспоминанием остался

отличный дешевый и в большом количестве виноград и много хорошего трикотажа, который напрямую в Узбекистан поставляла Япония, видимо, в обмен на хлопок.

Первым аэродромом, на который мы выехали, был аэродром Ак-Тепе (вблизи железной дороги Ашхабад-Красноводск) марыйской дивизии, где размещался полк Як-25. По дороге мы попали под «афганец» - природное явление похуже израильского «хамсина».

Пока разгружались на железнодорожной станции, Прыгунов, Вишняков и я поехали посмотреть близлежащие туркменские населенные пункты. И вот здесь запомнилась такая картинка: милиционер-туркмен толк сапогом помидоры у женщины-туркменки в большой корзине. Оказывается, у них было решение, по-видимому, сельсовета продавать помидоры по пять копеек килограмм, а она продавала по 7 копеек. Было это и дико и необычно: во-первых, для нас, северян, что по 5, что по 7 копеек помидоры были задаром, а потом, сам факт способа установления цен был необычен. Впрочем, мы потом довольно быстро привыкли к местным ценам на фрукты: очень крупные помидоры продавали по 15 копеек за 2 кг, а персики продавали в ларьках на улицах по 12 копеек за килограмм. Это я к тому, что потом писали, что Рашидов отобрал под хлопок практически все земли, в том числе и частные огороды. Не знаю, т.к. не касался этого, но базарные цены помню.

Аэродром строили, вернее реконструировали точно так, как это делали на севере, когда к нам на него села стая диких уток - перемешивали гравий с битумом. Для аэродромных работ погода здесь была значительно лучше, чем на севере: при сорокаградусной жаре смесь готовилась быстрее и качественнее, но для нас пекло было убийственным. Рядом с аэродромом протекал маленький арык с нежным названием «Золотой ключик». Беда была в том, что невдалеке выше по течению мыли и поили овец. Жара не давала возможности обращать на это внимания. Никто и не обращал. Я помню, как рядом со мной вынырнула голова с моржовыми усами, это был генерал Котов, командир Марыйской дивизии. Помнится, его потом назначили начальником штаба Ленинградской армии ПВО. Прямо, как Т.Г. Шевченко, только с точностью до наоборот.

За время работы на аэродроме мы один раз съездили в Фирюзу, бывшую шахскую (иранского шаха) резиденцию, расположенную в горном ущелье с большим количеством зелени и холодных источников. А один раз спустились к подземному озеру, расположенному, во-первых, на самой границе (за погранзаставой), а во-вторых, на глубине, семидесяти метров. Температура воды была не ниже 40 градусов с очень сильным сероводородным запахом. Говорили, что это древний целебный источник,

помогающий от кожных заболеваний. Нечто подобное я видел позже и на Памире, но температура воды там была не более 25-30 градусов.

Но самым главным событием того года было то, что меня избрали секретарем парторганизации. Я и сейчас не очень четко представляю, как это могло случиться. А так как должность эта была «освобожденная», а я не принял во внимание опыта того инженера-подполковника из Архангельска (на аэродроме «Васьково»), то на должность начальника штаба тут же прислали какого-то старого майора на «дослуживание». Это сначала обернулось для меня печально, но потом все выровнялось и, больше того, дало мне возможность получить сносную должность и городскую квартиру в Алма-Ате (сначала, правда, в Андижане). Но об этом позже.

На следующий год мы готовили аэродром для новых тогда самолетов Су-15, готовили бетонное покрытие впервые за мою службу в инжбате. В этот же период уволился Николай Яковлевич Прыгунов, а на его место пришел подполковник Борисюк Алексей Павлович, а на его место начальника штаба - подполковник Климов Алексей Георгиевич. А я к осени 1962 года оказался за штатом, имея 20 лет календарной выслуги лет. Правда, для пенсии мне бы этого хватило, т.к. у меня было около 3-х лет фронтовых и 2,5 северных льготных лет выслуги. Но надежнее было иметь 25 календарных лет выслуги, да и уходить с должности секретаря парторганизации - капитанской должности - тоже не хотелось. И когда я просто отказался от следующего переизбрания на должность секретаря парторганизации, то оказался за штатом. Кадровики умеют утихомиривать заштатников. Сначала мне предложили должность замполита зенитно-ракетного дивизиона. Но, во-первых, я не политработник, во-вторых, я совершенно не представлял систему ЗРВ, а ехать переучиваться мне что-то не очень хотелось, и, в-третьих, там, где мне предлагали службу, не было ни места для учебы детей (их куда-то возили), ни для работы Тони, ни вообще мало-мальских условий жизни.

А когда у меня закончился двухмесячный срок нахождения за штатом, и мне стали платить только за воинское звание, а это совсем мало, я, кажется, стал более сговорчивым. Я и сейчас помню это состояние, состояние заштатника: туманные намеки и никакой ясности, «отфутболивание» наших кадровиков к кадровикам-политработникам и обратно, чувство невозможности обеспечить семью. Это особо было заметно после прямо скажем «сытой» жизни в Заполярье. Где-то я понимал, что «носятся» со мной лишь потому, что меня поддерживала академия с ее «поплавком». Но все эти рассуждения хороши, когда они касаются кого-то другого, а тут, я помню, состояние у меня было просто угнетенное.

И вот в этой обстановке от и.о. начальника аэродромного отдела подполковника Мороза Григория Лаврентьевича (наш инжбат был в его подчинении) поступило предложение: должность командира аэродромной роты в Андижанском ОБАТО. Прямо следует отметить: было обидно возвращаться к должности, которую занимал десять лет назад, да и по штату это была капитанская должность, а я давно уже был майором. Кроме того, я четко представлял, что меня встретят минимум с недоумением: майор, да еще и с академическим значком, на аэродромной роте - это мог быть только проштрафившийся офицер. Это мне, кстати, вскоре после прибытия и высказал тогдашний начальник авиации армии генерал Рубахин. Но было и другое: я возвращался в более-менее знакомую стихию. ОБАТО - это, конечно, не инжбат, но намного ближе зенитно-ракетного дивизиона, и главное, Андижан - областной город, значительно лучший даже, чем Карши, не говоря уже о месте дислокации дивизиона ЗРВ. Короче, я согласился во время телефонного разговора и тут же получил телеграмму о назначении.

О прибытии в ОБАТО следует рассказать подробнее, потому что уже сам момент прибытия сыграл большую роль в моей последующей военной судьбе.

Андижан того времени - областной зеленый и достаточно дешевый город, думаю, тысяч на 250-300 жителей. Расположен он в Ферганской долине, самой плодородной и густонаселенной области Узбекистана. Я позже побывал в Фергане, Намангане, Мургабе, Каканде и еще некоторых больших городах Узбекистана. Так вот, больше Андижана мне понравилась лишь Фергана с ее старинными, видимо еще дореволюционными частными русскими домиками со ставнями.

Маленькое отступление. В Андижанском полку вольнонаемным работал отставной подполковник, оставшийся от бывшей там когда-то дивизии. Он работал начальником учебного корпуса, но все (он тоже) называли его «начальником корпуса». У него был большой и сравнительно обустроенный частный дом с баней, виноградником и прочими благами. Так вот он по этому поводу говорил, что он строит социализм в отдельно взятой семье - для того времени достаточно смело, но близко к истине.

Наш авиационный полк воевал еще под Одессой. Там же ему было присвоено звание «гвардейский», а именно - «9-й гвардейский ордена Суворова 2-й степени Краснознаменный истребительный авиационный полк». Когда я был в Одессе, там чтили память летчиков полка: шесть первых могил у Могилы Неизвестному матросу - могилы летчиков нашего полка, погибших в боях за Одессу. А за время войны полк дал 24 Героя Советского Союза, в том числе четверо - дважды Герои: А.В. Алелюхин, В.Д. Лавриненков, П.Я. Головачев, Ахмет-Хан Султан (где-то прочитал

«Амет») - его я видел еще в сорок четвертом году в Крыму в Воронцовском Дворце. Командиром полка в это время был подполковник Фетисов.

В Андижане также стоял радиотехнический полк, пять радиотехнических рот которого размещались по Памиру (от г. Ош до Хорога), отдельный дивизион светорадиообеспечения полетов (подполковник Долганов), ТЭЧ полка и 212-й ОБАТО, куда я и прибыл командиром роты.

Командир ОБАТО - подполковник Старостин Петр Петрович, начальник штаба - майор Мякушин Павел Кондратьевич, заместитель командира - майор Вторушин Александр Афанасьевич, зам. по тылу - майор Муравьев Александр Степанович, начальник автослужбы - капитан Княжев Михаил Ефимович. Имя и фамилию замполита забыл, он вскоре умер. Надо отдать им должное: все кроме Старостина, да и тот сомневался только первое время, встретили меня с пониманием и доброжелательно. Мало того, Павел Кондратьевич Мякушин, оставаясь за Старостина, что было довольно часто, через пару месяцев стал назначать меня и.о. начальника штаба. И еще о нем же. Когда я пришел в батальон уже командиром части, Мякушина уже не было. Он ушел куда-то в район Ставрополя командиром части.

Но вернусь к первой встрече, т.к. она предопределила всю мою дальнейшую службу. В штаб я прибыл уже под вечер. Мне сказали, что командир находится в районе гостиницы (это на территории военного городка). Возле гостиницы стоял полковник с артиллерийскими эмблемами. Создавалось новое формирование - дивизия ПВО в Алма-Ате, куда вливались все андижанские части, подчинявшиеся до этого прямо армии. Это был Деев Владимир Степанович, новый командир дивизии. В связи с этим он и объезжал части и знакомился с ними. Рядом с ним находился Старостин. Испросив по-уставному разрешения старшего по званию, я представился Старостину. Он выразил явное неудовольствие и сказал: «Ночуйте. А завтра я выясню все в отделе кадров армии». Я понимаю, Старостин стоял рядом с командиром дивизии, который, вполне возможно, делал ему какие-то замечания (позже я убедился, что Деев умел это делать), но его явное неудовольствие и вид, что он меня совершенно не знает (а мы с ним несколько раз встречались еще на севере, когда оба были начальниками штабов, да и аэродром мы у них ремонтировали месяц или полтора назад и тоже не раз встречались), все это сильно било по самолюбию. Впрочем, я был готов, что меня не будут встречать «у трапа самолета».

Мест в гостинице не было, и Деев пригласил меня к себе в номер, выделив мне диван и даже одну из своих подушек. Я не представлял, что в авиационной части делает артиллерийский полковник, но он стал меня расспрашивать, и я поделился с ним своей эпопеей. Он тоже кое-что рассказал мне о своей жизни. Позже, когда я уже служил в дивизии, мне го-

ворил Владимир Антонович Якубов, инженер дивизии, что ему как-то обо мне рассказывал Деев.

Андижан (фото icevolf)

После 13 лет службы по медвежьим углам на севере (в том числе 5 лет в Заполярье) да Карши, да Ак-Тепе - Андижан мне понравился. Областной центр Андижанской области. На 1991 год там проживало 298 тысяч жителей. 4 вуза. Практически рядом Фергана, через которую нам приходилось ездить на запасной аэродром (Яильма). По дороге можно было заехать в Маргелан и Коканд. Это уже Ферганская долина с ее тенистыми местами, самыми дешевыми овощами и фруктами. В древности назывался Андукан. В сторону Памира - киргизский город Ош, где был не один раз. В общей сложности прослужил здесь около трех лет.

А с утра я стал командиром роты...

Я уже говорил, что служба в инжбате тяжелее службы в ОБАТО. Там строительство с неустроенным бытом, а здесь эксплуатация с постоянным местом дислокации. Здесь более или менее устроены семьи, да и жизнь в областном городе это не жизнь на еще не построенном аэродроме в лесу и в палатках. Должен отметить, что с первых же дней я влился в коллектив, который принял меня как своего. Подружился также с летчи-

ками и техниками. А со спецификой новой службы я довольно быстро ознакомился. Мякушин (умница) дал мне возможность «обкататься».

И еще одно. Помпотехом мне дали бывшего командира роты из Ха-набада капитана Феофанова, снятого за пьянство. Но первое время он держался. А дело он знал. А я был без семьи и почти все время находился в роте. Рота быстро стала лучшей в батальоне. Феофановского терпения хватило ненадолго и он запил. Правда, это случилось уже к концу моей службы в батальоне. Как-то раз я видел такую картинку: сильно пьяный Феофанов идет от аэропорта в сторону аэродромной роты. А кто-то из метеослужбы привязал на полутора-двухметровых стропах с двух сторон за брючный ремень два метеозонда - такие небольшие, сантиметров по 80 в диаметре, воздушные шары. Поднять они его не могли, но когда он делал шаги, шары приподнимали его и получались как бы прыжки по 5-7 метров в длину - запоминающееся зрелище, особенно, если знаешь, что это офицер в звании капитана. В общем, его быстро уволили.

К этому времени я почувствовал и разницу в бытовом обустройстве и это при том, что меня не покидало чувство обиды за понижение. Мне выделили квартиру с совершенно отдельным входом и малюсеньким садиком. Я купил кое-что из мебели, а потом перевез семью из Карши. Оглядываясь назад и прослужив несколько лет «под знаменами» генерала Деева, который просто был болен желанием строить и, надо отдать ему должное, многое построил. Только в Алма-Ате - трехэтажный штаб дивизии, большой подземный командный пункт в Бурундае, полноценный стадион с бассейном, громадный спортзал со службами, несколько жилых домов, стоянку для истребителей на ГВФ-овском аэродроме и многое другое. На этом фоне Старостин смотрелся неважно: он не только не построил ни одного курятника, но и на полеты-то обычно направлял своих заместителей и помощников. Во всяком случае, когда я бывал дежурным по полетам, я ни разу не видел там Старостина. И все же, несмотря на многое положительное в моей службе, особенно устройство семьи, я, конечно, был недоволен своим служебным положением.

Я довольно быстро разобрался в структурном построении нашего участка ПВО (в инжбате такие вопросы и не возникали): армия - дивизия - истребительный полк вместе с ОБАТО. Я напоминал о себе начальнику отдела кадров дивизии Л.П. Селиванову (позже я убедился, что сам он все равно ничего не решал, но быть у него в памяти было не лишним), войсковому инженеру дивизии В.А. Якубову, помощнику Киселева Алексею Цветкову. Но главное, я думаю, когда в штабе дивизии освободилась должность, пусть и майорская, то вспомнил обо мне не кто иной, как командир дивизии. К нам приехал зам. командира дивизии по тылу подполковник Киселев Всеволод Петрович. Я не знаю, бывал ли он у нас до это-

го. Управление дивизии только формировалось и вполне возможно, что знакомство с подчиненными частями он начал не с авиации, а с частей ЗРВ и РТВ. Короче говоря, кажется в начале сентября я уехал в Алма-Ату начальником аэродромной службы дивизии, опять оставив семью одну. Теперь, правда, в городе со сравнительно недорогой жизнью и в хорошей по тогдашним меркам квартире. Когда я потом приехал в Андижан за семьей, Старостин мне сказал, что будь он в то время в части, он бы меня не отпустил.

И здесь у меня опять два замечания: во-первых, он не знал Киселева и Деева, как я их потом узнал, никуда бы он не делся и отпустил, и, во-вторых, его слова - это показатель того, как многие командиры подходили к выполнению приказов вышестоящих начальников.

Но так или иначе, а я уже был в Алма-Ате.

АЛМА-АТА

В дивизии кроме аэродромной службы на меня «нагрузили» еще и квартирную службу. Генерал Деев был начальником Алма-Атинского гарнизона, а квартир в то время нам выделяли много. 20 ноября 1963 года во время заседания квартирной комиссии, которая проходила в КЭЧ района, мне позвонил дежурный по управлению дивизии и передал мамину телеграмму о смерти папы. Я сообщил об этом телеграммой Тоне и вылетел в Алексин. На похороны прилетел Женя Деев из Одессы, Ося с Дальнего Востока. Эта смерть не была для меня неожиданностью: в предыдущий мой отпуск сначала Клава Ефремова, она работала старшей медсестрой больницы, потом мама, а потом и сам папа (и все по секрету) сказали мне, что у папы рак. О похоронах писать не буду. Дело это тяжелое. И хотя прошло уже 36 лет (сегодня 3 ноября 1999 года), вспоминать не хочется.

Разве только вот что: мама мне сказала, что ее предупредили о том, что кладбище в старом Алексине закрывается (папу похоронили одним из последних), а через 20 лет это кладбище вообще снесут. Она с этим согласилась. Кладбище стоит до сих пор. Там даже открыли мемориал погибшим воинам 30-й Гвардейской дивизии - освободителям Алексина. Давно умерла мама и похоронена в Уссурийске. А смогу ли я побывать на папиной могиле? Здоровье совсем неважное.

Но вот два неприятных замечания.

Кажется, в 1985 году я был в Алексине и, конечно, сходил на кладбище: Какие-то мерзавцы ударили бутылкой по папиной фотографии на памятной плите (еще осколки бутылки валялись). А в сентябре 97 года Костя мне написал, что отвалилась вся плита с фотографией и надписью. А в этом году написал, что и сам памятник сильно покосился. Наверное это можно и восстановить, но Косте самому близко к восьмидесяти и он часто болеет, а потом для него это неподъемно и в материальном плане. Если дотяну и смогу попасть в Алексин, попытаюсь исправить.

Алма-Ата тогда хотя и была столицей, но по сравнению с теперешним мегаполисом была сравнительно небольшим городом (около полу-миллиона жителей), зато очень зеленым (сейчас много хуже). Это потом население за счет интенсивного строительства и присоединения пригородов значительно увеличилось и к концу 80-х годов составило 1,2 миллиона человек. Но при этом Алма-Ата потеряла значительную часть садов, т.к. раньше в городе большая часть домов были частными и следовательно имелись частные же сады.

Вскоре на 9-й линии (очень удобная для ориентировки система названия улиц) мне дали квартиру и под Новый 1964 год наша семья собралась вместе.

Я не знаю причины, но думаю, что из-за самовольства Деева (майорские категории были все-таки в армейском, а не дивизионном подчинении), но меня какое-то время не утверждали в должности. Помнится, я тогда про себя решил, что если меня куда и назначат в другое место, то квартиру я не отдам (у нас был и ордер и алма-атинская прописка), а буду добиваться увольнения: после двух десятков лет жизни в дырах одна другой хуже получить квартиру в Алма-Ате и вдруг отдать ее - не самое умное решение.

Впрочем, в приемный день я прорвался к генералу и рассказал ему, что я до сего времени все еще не утвержден и фактически числюсь в должности командира роты в Андижане. Помню, он спросил: «А тебе здесь нравится?» И когда я ответил утвердительно, сказал: «Ну и служи и не беспокойся». А нравилось ли мне? Это после землянки в «Качай-Болоте», это после барака в бывшем лагере заключенных 5-ОЛП, по полгода каждый год (а на юге и больше) жизни в отрыве от семьи, это даже после Карши и даже после Андижана?.. Это в Алма-Ате-то с ее красивейшими горными заснеженными вершинами, с ее яблочным и прочим в то время изобилием, с трамваями и троллейбусами, с большим количеством кинотеатров, с театрами, институтами, большим количеством школ и наконец с настоящей городской квартирой!.. Совсем недавно я не мог об этом даже и мечтать. Несомненно, мне нравилось в Алма-Ате. И наконец я увидел, что бывает и другая армейская жизнь, не такая, какой я жил до этого. И хотя меня в любое время могли назначить в наряд или послать в командировку, все это не шло ни в какое сравнение с лесозаготовками или копанием в болоте с утра до ночи при строительстве аэродромов и даже - хотя это и было немного легче - с обеспечением полетов. Я и раньше никогда не ходил небритым и старался соблюдать форму одежды, но здесь это стало и одним из показателей моего добросовестного отношения к службе.

То ли армейские кадровики выдерживали время (я уже написал, что переведя меня в Алма-Ату, Деев как бы нарушил субординацию, т.к. хотя эта должность и была в его подчинении, она не относилась к категории, которую утверждает командир дивизии), то ли повлиял разговор с командиром дивизии, но вскоре пришел армейский приказ с утверждением меня в данной должности.

Я прослужил без самого малого 28 лет, со льготной выслугой 32 (позже добавились при новом перерасчете еще года, но они были уже сверх пенсионного «потолка», итого - 34 года). Многие прослужили и

больше, но совершенно на другой службе. Я помню, как покойный Павел Григорьевич Гладченко удивлялся, почему я так рано (его выражение) уволился, он-то прослужил календарных 34 года. Но я был командиром части с громадной ответственностью во всех отношениях и с личным составом в придачу, а он был дивизионным шифровальщиком, сидел в кабинете и в пять часов вечера закрывал свою комнату и уходил домой, а я не знал покоя ни днем ни ночью (ночью бывало еще беспокойнее). А сколько офицеров прослужили службу на различных военных кафедрах, военпредами и в других военных учреждениях. Впрочем, я там не был и всего не знаю: может быть, и у них были свои «прелести» и их «легкость» казалась таковой только со стороны... И все равно, я считаю, что уйти из инжбата мне следовало на десяток лет раньше. Ведь ушли же Смехов и Пушкин, Шуб и Поляков и многие-многие другие, не имевшие моего академического образования. В этом виноват только я (наверно и терпимое отношение Тони, которая никогда не «пилила» меня по этим вопросам), а во мне - привычка к старым знакомым и боязнь незнакомой службы (например, в ОБАТО), которую я видел прежде только издалека.

Ну то, что я «приклеился» к инжбату - мое дело. Но за что я таскал по медвежьим углам севера Тоню, а потом и ребят? А ведь когда я ушел, даже с понижением, я очень быстро не просто акклиматизировался, но и достаточно быстро пошел на повышение (чего бы не сделать это раньше?). Впрочем, подобное самоедство дело пустое: что было, то было и прошло. А как живут сейчас в солдатских казармах семьи офицеров, выведенных из Германии и своих «горячих точек»? А что ждет тех, кто попадет под обещанное полумиллионное сокращение? Обещаний различных благ «на потом» наслушалось не одно поколение офицеров!

Отдел штаба, куда я попал, возглавлял заместитель командира дивизии по тылу подполковник Киселев Всеволод Петрович. Он рассказывал, что был командиром базы 1 разряда где-то на северо-востоке, но только сейчас мне подумалось, что он мог быть и просто командиром ОБАТО: звание полковника он получил только в Алма-Ате, после того, как мы совместно прослужили 4 года, значит, и подполковника он получил незадолго до того, как прибыл в Алма-Ату в 1963 году. Его заместителем (он, правда, немного не так назывался) был Алексей Васильевич Цветков, знающий дело работник, но беспардонный хапуга (я видел сам). Он раньше служил у Файнберга в Ташкенте, а потом его прислали к нам за подполковничьим званием. Потом Файнберг забрал его обратно в Ташкент, а потом, как я слышал, послал его на какую-то полковничью должность в Прибалтику. После Цветкова к нам прибыл полковник Сыромолотов Владимир Кузьмич. Но о нем позже и подробнее.

Начальником электрогазовой службы был Коля Сергиенко, но он поменял Алма-Ату на Елизово (Камчатка), и вместо него к нам прибыл майор Щербаков Николай Андреевич. Он оставался в Алма-Ате (уже в запасе) и после моего отъезда в Израиль в 1994 году.

Начальником службы ГСМ был исключительно порядочный человек, майор Мильман Исаак Ефимович. Он в очень тяжелом состоянии за полгода до нас уехал в Израиль и вскоре умер в Иерусалиме.

Начальником продовольственно-вещевой службы был Игорь Владимирович Малютин. Хороший парень, но любитель выпить. После его увольнения к нам пришел бывший начпрод из радиотехнического полка, окончивший заочно в Алма-Ате торговый институт, Николай Беглов.

Должен признаться, что какое-то время я иногда терялся, особенно когда проводились учения или проверки и к нам приезжало большое начальство. В инжбате мне с этим не приходилось сталкиваться. И еще одно и тоже из не очень приятного. На меня возложили размещение приезжающих, и мне приходилось мотаться по гостиницам и заводить соответствующие знакомства по всем гостиницам вплоть до совминовских: каждому приехавшему нужна была гостиница согласно его чину.

Весной 1964 года Владимиру Степановичу Дееву присвоили звание генерал-майор.

Зимой 1964 года я продал мотоцикл, и мы купили автомобиль «Москвич-403». Жили в это время мы уже около штаба дивизии. Это практически в самом центре города. Юра, правда, остался учиться в той же школе №22. Окончил он ее с золотой медалью. А еще в Андижане мы ему купили очень красивый изумрудного цвета аккордеон, и он и тоже с отличием окончил при Алма-Атинском окружном Доме офицеров музыкальную школу. Вите же мы купили пианино и он (и тоже с отличием) окончил там же, где и Юра, музыкальную школу.

Через два-три года ни у Юры, ни у Вити от умения музицировать ничего не осталось. Витя, правда, еще какое-то время исполнял, как он его называл, «Собачий вальс», и все. Уже когда я был в запасе, нам с трудом удалось за бесценку избавиться от пианино - дома стало совсем тесно. Аккордеон продали перед отъездом в Израиль.

Тоня устроилась в одну из центральных школ города, школу №56, где и проработала с небольшим перерывом, когда я опять уезжал в Андижан уже командиром части, до пенсии.

Несколько слов о других начальниках из управления дивизии, хотя их, наверно, следовало бы написать раньше там, где я их начал перечислять.

Заместителем командира дивизии был полковник Плешков Михаил Иванович. Как и командир, он окончил Академию Генерального штаба,

но служба почему-то дальше (выше) не пошла. В прошлом он был командиром полка морской авиации, награжден четырьмя или пятью орденами Красного знамени. От нас он ушел заместителем начальника штаба армии. После увольнения поменял квартиру на Киев, а после Чернобыля уехал в Тамбов, где жил его сын. Переписывались (по праздникам) до самого нашего отъезда в Израиль. Сюда он на мое письмо не ответил. У нас с ним сложились довольно доверительные отношения. О нем же - два «между прочим»: во-первых, у него жена еврейка, и, во-вторых, где-то еще в начале тридцатых годов его отец работал на железнодорожной станции Алексин сцепщиком.

Начальником политотдела дивизии был полковник Николайчук Николай Андреевич. В дивизии, между собой конечно, его звали «Чапай». Запомнилась его формула - установка при выставлении оценок солдатам на политзанятиях: «Мычит - пять, не мычит - четыре».

После него пришел полковник Семин Виктор Иванович. После моего увольнения Семин стал начальником политотдела гражданской обороны республики, а после увольнения в запас он организовал Совет ветеранов 7 дивизии ПВО. Раз в два-три в год нас собирали и давали возможность пообщаться с бывшими сослуживцами. Впрочем, нам приходилось (и чем дальше тем больше) общаться и на похоронах: в последние годы что-то вообще с этим зачастили.

Полковник Антонов был начальником штаба недолго. Юра говорил, что после увольнения в запас Антонов был заведующим кафедрой ГО в политехническом институте. После Антонова начальником штаба совсем недолго был один из командиров ЗРБ полковник Егоров, а после него пришел настоящий штабист (в моем представлении) полковник Чемерикин Николай Васильевич. Умер - рак желудка. Антонов тоже давно умер.

Начальником ЗРВ был полковник Каплинский Виктор Иванович. С ним у меня было мало соприкосновений. Тоже умер в конце 80-х годов.

Начальником РТВ был бывший командир РТП в Ханабаде (это еще Карши) полковник Серый Михаил Натанович, исключительно интеллигентный человек. Когда мы уезжали из Алма-Аты, он где-то еще работал.

Начальником истребительной авиации был бывший командир истребительного полка Су-9 в Ханабаде полковник Гольдберг Константин Иванович. Коротко о нем. Заслуженный летчик СССР, награжден пятью орденами Красного Знамени. В войну сбил 19 самолетов. Звание Героя Советского Союза давали за 15 сбитых самолетов. Ему не дали. Ходили разные разговоры о причинах, но точно я не знаю. Давно умер, причем, прямо в самолете по пути в отпуск в Карелию.

Начальником оперативного отделения и постоянным исполняющим обязанности начальника штаба (Чемерикин часто болел) был полковник

Высоцкий. Он прибыл с Новой Земли, где, похоже, нахватался радиации «под завязку». Тоже умер.

В управлении дивизии работали, похоже, больше сотни офицеров, да командный пункт с целой ротой и несколько штурманов наведения, да узел связи, а это целый батальон связи. В общем, было много народа, и всех я вспомнить не сумею, поэтому кроме уже перечисленных, только троих.

Ходоров Хаскель Яковлевич - инженер-полковник. Инженер по вооружению истребительной авиации. Вскоре после нас уехал в Израиль. Связи нет.

Колосов Карл Александрович - инженер-подполковник. Инженер по спецоборудованию истребительной авиации. Мы с ним после увольнения много лет работали военруками.

Гладченко Павел Григорьевич. И служили вместе, и после увольнения вместе работали военруками. В конце восьмидесятых умер в Алма-Ате.

При всем моем уважении к командирским навыкам и знанию службы служить под руководством Киселева В.П. было непросто. Если другие заместители командира дивизии отпускали своих подчиненных по домам, как правило, после окончания рабочего дня, а сами оставались в штабе, пока там оставался командир дивизии, так было принято, то Всеволод Петрович держал нас при себе обычно часов до восьми-девяти вечера. Ходили разговоры, что у него было «рука» в Москве, вот он и сидел допоздна, опасаясь пропустить московский звонок (три часа разницы из-за часовых поясов). В общем-то это похоже на правду. От нас еще в звании подполковника он ушел заместителем командира Ростовского корпуса ПВО по тылу, а оттуда, правда, уже полковником, в Ленинград - заместителем командующего армией ПВО по тылу. Генеральского звания он, как и Файнберг, так и не получил. Но если у того причиной было то, что он еврей, то у Киселева повесилась жена (причин не знаю) - тоже не дали генерала.

Теперь несколько наиболее запомнившихся случаев из моей службы в Алма-Ате, не считая, конечно, командировок во все части (не был только в Джезказгане). Впрочем, и об одной такой командировке тоже стоит написать - о командировке на Памир. Было это где-то в 65 или 66 году. После медицинского освидетельствования мы на двух машинах ГАЗ-69 проехали почти весь Памир от Андижана через Ош до города Хорог - это уже Горно-Бадахшанская область, где и до настоящего времени (1999 год) идет гражданская война. Видел весь Памир (по нашим измерениям - это пять радиолокационных рот) с километровыми ущельями и горными ре-

ками и с ледниковыми вершинами, знаменитые пики Ленина и Сталина. Самый высокий перевал, через который мы переехали - 5,5 километров.

Из экзотики. Видел горного козла, который громадными скачками уходил по довольно-таки крутой горе. В какой-то роте старшина показал нам просто громадное сердце козла (мне оно сейчас видится с зимнюю солдатскую шапку). Видел удивительное явление, хотя это, конечно, обыкновенный оптический обман: ручейки и целые речушки, образованные тающими снегами и ледниками, текли снизу вверх.

И еще - это чисто национальное восточное: на Памире в городке Мургаб посередине улицы устроен тротуар (не вдоль домов, а именно посередине довольно широкой улицы из маленьких домиков - длиной, наверно, метров сто пятьдесят-двести). По нему с соблюдением субординации (впереди секретарь райкома и председатель райисполкома) прогуливалась группа мужчин человек в 8-10. Это было в воскресенье. В пальто и шапках и, главное, в красных сапогах с галошами - на Памире и летом холодно. Нашу группу возглавлял начальник политотдела, и он счел нужным представиться секретарю райкома, на территории которого находились несколько наших радиолокационных рот. Это также было принято. К нашему счастью, претензий к нашим не было. Да и не пойдут русские ребята к киргизским и таджикским девчонкам. В Душанбе, Гиссаре, Кок-Тюбе - другое дело, а в сельской местности - нет, могут побить, а сейчас и убить.

Теперь не по службе. Юра плотно уселся мне на шею, и я дал ему самостоятельно ездить на машине (он уже получил любительские права). И вот однажды вечером, не имея достаточных навыков, а дело было после небольшого дождя, намочившего пыльный асфальт, он перевернулся. Сам он, слава Богу, не пострадал, а вот машину помял. С помощью нашего технического дивизиона машину мы дотащили до гаража, а ремонт затянулся даже на период после моего увольнения в запас. Следующую машину у Юры украли от института и сильно разбили, тоже стоило много нервов, времени и денег, чтобы ее восстановить. А две следующие - синюю Жигули - «двойку» и оранжевую «013» - он забрал уже полностью, и уже мне приходилось у него ее выпрашивать при нужде. Нужно отдать ему должное: содержание и ремонт были его.

Следующее воспоминание - о строительстве на ГВФ-овском аэродроме в Алма-Ате самолетной стоянки для звена (она была даже чуть побольше) истребителей МиГ-17, это было решение штаба армии. И сейчас мне кажется, что это было, так сказать, «авиационно-наземное» решение: каждому технарю хотелось иметь свой «техпункт». В то время да и много раньше на аэродромах размещалось множество различных будочек и других нетиповых сооружений (типовые, конечно, тоже были), в которых

размещались различные службы, не желавшие совместно хранить свое имущество, даже если это всего-то и пара пустых газовых баллонов, свой верстачок и т.п. хозяйство. Так и здесь. А ведь совсем недалеко находится военный аэродром «Николаевка» (ВВС), где без помехи для существующих можно было разместить и наши истребители. Помню, как я мотался, разыскивая железнодорожный тупик для разгрузки обещанных бетонных плит для стоянки. Когда же нашел, то в армии решили, что на стоянке не будут стоять самолеты тяжелее МиГ-17 и 19. А для этих вполне достаточно и асфальтового покрытия. Но тут возникла новая сложность: вплотную к ВПП подходили поливные земли колхоза, и строить стоянку нужно было на их землях. У нас об этом ничего не знали. И вот в один из дней я пошел по инстанциям, так сказать, по «присутственным местам», выпрашивать землю. Кто никогда не ходил, не представляет, что это такое: начальника нет, а заместитель или не компетентен или просто не полномочен, - «это вообще не в нашей компетенции», «загляните через недельку»... ну и тому подобное.

Как-то (это на ту же тему, но не в связи со строительством стоянки) я стоял в коридоре, ожидая приема у начальника штаба дивизии. Видимо, долго стоял, раз заметил вслух: «У меня из выслуги лет следует вычсть минимум год-полтора - это время, что я простоял в приемных...». Рядом стоял комендант штаба. Ему это понравилось и он рассказал начальнику штаба, тот мне как-то об этом напомнил. И Мизиев напоминал об этом при всех встречах много лет после моего (и его тоже) увольнения - наши дачи были по одному автобусному маршруту.

Понимая, что строительство стоянки - это дело аэродромной службы, т.е. мое кровное дело, я активно включился в него. Председатель колхоза мне посочувствовал. Больше того, он мне сказал (я через пару дней бесплодных посещений попал на заседание правления колхоза), что такой маленький участок земли для него не проблема, но сделать этого он не имеет права. Единственное, что я от него получил, так это надпись на нашем отношении: «Рекомендую обратиться в сельхозотдел облисполкома». Сначала я поехал в г. Талгар, т.к. это была территория его района. Там мне сказали, что зав. сельхозотделом выходит из отпуска в следующий понедельник. Начальство любит на службу ездить не на автобусах, а на персональном автомобиле (мое начальство тоже). До Талгара около полусотни километров и я туда добирался на попутных или на автобусах. Еще недели две ушли у меня, чтобы получить отказы в облсельхозотделе и у замминистра сельского хозяйства (езде нужно было попасть в «присутственные часы», а не во время различных заседаний и ухода руководителя «по начальству»). Единственный четкий совет я получил у замминистра: «Ты, парень, зря ходишь. Ну кто, скажи, пойдет на нарушение Ре-

шения ЦК и СМ КазССР «О запрещении выделения поливных земель», которое принято совсем недавно?. И все же я прорвался и к министру, хотя его секретарь не хотел меня пускать, я просто взял и зашел в кабинет... Тот же результат.

Естественно, обо всех своих «походах» я докладывал Киселеву, а тот генералу, т.к. строительство стоянки было на контроле в армии. Не знаю, куда уж после этого ездил Киселев, но, понимая, что я работник его отдела, он знал, что спросят и с него, а у него в это время «горела» путевка в санаторий. Вернувшись из какого-то «присутствия», он прямым ходом пошел к генералу, откуда быстро вернулся и сказал мне, что генерал мною недоволен, что ему нужно «решение об отводе земли, а не перечень всех колхозников, с которыми я разговаривал». Прямо скажем, чувствовал я себя неважно: во-первых, я заваливал первое же серьезное дело, и дело по моей аэродромной службе, а во-вторых, я уже успел убедиться, что от серьезного неудовольствия и до увольнения у генерала Деева обычно проходило не более полугода. А после всех моих медвежьих углов служба в Алма-Ате была совершенно новым качеством. Значит, я не пригоден к такому? Значит, место в инжбате - это и есть мое место? Ну и тому подобное. А здесь был целый букет недовольства мною: Деева подпирал армейский контроль, у Киселева срывался очередной отпуск, Гольдберг был больше всех заинтересован в стоянке.

Оставалась последняя надежда: Деев ту «отказную» бумагу оставил у себя. Но следующий день был таким же. Деев даже не заехал в штаб дивизии, а бумагу прислал с шофером. Он побывал у министра сельского хозяйства, но вернулся с тем же ответом, какой получил и я. А то, что этого не смогли пробить Киселев и генерал Деев, было для меня слабым утешением.

Тогда я решился на отчаянный поступок: на следующий день с 8 часов утра я стоял у здания ЦК компартии Казахстана. А так как тогда в само здание пускали по партбилетам, то с началом рабочего дня я попросился на прием ко второму секретарю ЦК В.Н. Титову (я его просто оставил у его дверей и попросился на прием). Он меня принял. Сейчас я уже и не помню, какие я приводил ему доводы. Кажется, что-то насчет того, что от этой стоянки зависит защита неба Алма-Аты. Говорил, видимо, что-то еще. Убедил. Он при мне позвонил министру сельского хозяйства и сказал, что это исключительный случай и им (нам) следует помочь. Министр, видимо, сказал, что я нахал, раз дорвался аж до Титова (туда и министр не каждый день попадал). Но Титов сказал, что это не нахальство, а решение поставленной задачи «во что бы то ни стало», что и нам (им) не мешало бы перенять. Потом я опять прошел по всей цепочке только теперь сверху вниз. Времени у меня было мало: нужно было «добивать во-

прос» по горячим следам. Правда, теперь у меня была резолюция Титова: «Нужно помочь». И наконец, часам к четырем я уже был в штабе дивизии. Причем, был не только с решением правления колхоза (при таком «ускорителе» они все быстро оформили), но и со счетом на оплату земли.

Киселев, встретивший меня с явным неудовольствием, все-таки, я отсутствовал на службе до 4-х часов дня, помчался к генералу, куда через пять минут был вызван и я. Генерал, удивившись моему нахальству (все-таки не каждый решится прорваться к 2-му секретарю ЦК компартии республики, он-то к нему не пошел), подписал денежный документ и приказал мне дать шифрограмму командующему с просьбой помочь техникой. Киселев тут же уехал в отпуск, через несколько дней уехали и Гольдберг, и сам генерал. Помнится, я запросил «с запасом», знал, что работать-то придется мне. На следующее утро мой армейский начальник из Ташкента начал «оттягивать» меня за такие аппетиты: «Может, тебе целый инжбат выслать?» Я запросил два экскаватора, восемь самосвалов, автогрейдер и тяжелый каток. Прислали экскаватор, автогрейдер, тяжелый каток, с нашими набрали четыре самосвала.

Строительство стоянки - это мое родное инжбатовское дело. Этим я занимался много лет и ничего трудного для меня не было. Вспомнил свою службу в инжбате и с семи утра и дотемна (а это часов в девять вечера) я выстаивал в авиационной фуражке, брюках от аэродромного комбинезона и без рубашки. А часто, вообще, в одних трусах. За время работы я загорел до черноты. И когда генерал увидел меня на стоянке, то сказал, что я обогнал его по загару, хотя он был в Крыму.

И тут еще два замечания: за гравием для основания я забрался на земли пригородного совхоза (в инжбате в тайге привыкли «партизанить», не испрашивая согласия у местных властей). Опять повезло, хотя бумага от облисполкома здорово напугала оставшегося за командира дивизии М.И. Плешкова и В.К. Сыромолотова, и.о. моего начальника. Оказалось, что директором пригородного совхоза был отец Юриного одноклассника и товарища, Володи Зорикова.

И второе: асфальтировать я нанял специалистов, сам же только контролировал их работу. А контролировать было что: эти ловкачи часто клали асфальт слоем, тоньше предусмотренного, а оставшийся, так сказать, «сэкономленный», асфальт продавали. Много позже, уже после моего увольнения в запас, мы у таких работяг заасфальтировали всю территорию гаражей, а многие - и внутри гаража (я тоже).

Работа по асфальтированию - работа каторжная. А там были и женщины. Хотя просто перенести большую совковую лопату с горячим асфальтом - дело не для каждого мужика подъемное (я пробовал), но здесь

больше платили. Вот и шли женщины таскать асфальт, трамвайные и железнодорожные рельсы, катать тачки с горячим кирпичом.

К строительству стоянки я подошел серьезно. Сделал довольно глубокую обводную канаву, чтобы не подтапливало в случае сильного снеготаяния, и уже по колхозной земле вывел её в овраг. Основание засыпал толстым слоем гравия и укатал тяжелым катком. Заасфальтировали по всем правилам - в два слоя, хотя работники и остались не очень довольны. Я им, правда, растолковал, что воровать можно при строительстве дорог, что они всегда и делают, а здесь будут стоять самолеты. Первым возвратился из отпуска Константин Иванович Гольдберг, который, увидев готовую стоянку, просил и обещал вечную дружбу. Раньше ему и инструкторам-летчикам приходилось в Андижан и Сары-Озек летать рейсовыми самолетами или поездом добираться. И уже там получать необходимый им налет часов. А теперь они это делали уже по пути из Алма-Аты.

Когда из отпуска вернулся генерал, все заместители встречали его в аэропорту, и К.И. Гольдберг привез его прямо на стоянку. Она была уже готова, мы залили ее битумом и к этому времени засыпали песком. Я, правда, не знал о возвращении генерала и был в грязных (в битуме) ботинках и трусах. Докладывать в таком виде, вроде бы, было и не совсем сподручно, но главное - стоянка была готова. Сошло. Позже М.Н. Серый рассказывал мне, что по пути домой генерал рассказал им о нашей первой встрече в Андижане, когда я прибыл туда на должность командира роты, а он, еще полковник, принимал части дивизии.

Перечитал. Похоже, что я сам себя не забыл похвалить, как в таких случаях говорят: «Раз никто не хвалит, приходится делать это самому».

Я уже записал, что за время командования дивизией генерал Деев уделял много внимания обустройству частей гарнизона. Позже, будучи командиром ОБАТО я убедился, что он прощал разные мелкие упущения (не в боеготовности, конечно) тем, кто занимался строительством. Слишком уж жалкий вид имели совсем старые казармы, отсутствовали складские помещения, не было мест для строевых и физических занятий. Я уже перечислил, что он построил в Алма-Ате. Но наиболее трудоемким его детищем был спортивный комплекс с полным набором полагающихся сооружений вплоть до плавательного бассейна с прыжковой вышкой, а также с большим спортивным залом и многими залами для борьбы, тяжелой атлетики и т.п. Когда штаб дивизии перевели в Бурундай, весь спортивный комплекс перешел к штабу округа. Но это позже. А тогда, я помню, меня вызвал генерал и, не знаю, чем он руководствовался, сказал, что для каких-то штукатурных работ нужна дранка. И добавил, что уже дважды посылал офицеров - не достали. Я поехал и часа через три или четыре привез дранку (ее и нужно-то было не очень много). Так за мною утвер-

дилась слава как человека пробивного: как же, пробил разрешение на отвод земли под стоянку и это после неудачных попыток Киселева. А уж он-то умел это делать. Да и сам генерал... И «доставалой» прослыл - как же, привез дранку, тогда как ездившие дважды офицеры не смогли этого сделать. И, наконец, умеющим строить - быстро и качественно построил стоянку. А это, последнее, в глазах нашего генерала стоило многого.

На самом же деле все было не совсем так. То, что прорвался к Титову - так это с отчаянья, от безысходного положения. А то, что Титов помог... Так он мог так же и отказать. А то, что достал дранку (тоже мне, подвиг), то дело было так: подъехал я к самому закрытию склада (тоже случайно успел), когда кладовщик запирает ворота. Их контора находилась где-то в стороне, и я все равно в нее не успевал бы. Кладовщик запросил, кажется, рублей пятнадцать и я отдал свои деньги - «доставала» - и мы с ним вместе погрузили дранку на машину. Но мнение сложилось, мне потом об этом говорил Сыромолотов. И то, что я быстро и качественно построил стоянку - так ведь сколько у меня было подобного за почти два десятилетия службы в инжбате. Стоять на аэродроме от рассвета и дотемна - дело тоже обычное, а за три или четыре года, что прошли с момента, как я сменил профиль службы, еще не успел разучиться. И все это делалось на фоне офицеров, не знакомых с подобными делами. Они были хорошими ракетчиками и связистами, авиаторами и зенитчиками, но им никогда не приходилось «доставать», а не получать в плановом порядке, допустим, трос для экскаватора, они совершенно не представляли, как работает скреперная лопата или как безопасно валить лес и, тем более, строить аэродром. Не сомневаюсь, что выполняя их работу, я «пускал бы пузыри». А скорее всего, я и «пузырей» бы не сумел пустить.

И еще одним делом я укрепил свои позиции у генерала. Он в присутствии нескольких человек поделился опасением в связи с завершением работ по строительству спортивного зала высотой в три этажа, а именно, что солдаты могут упасть с самодельных лесов, а это были молодые солдаты, т.к. только что были уволены старослужащие. Я поехал к центральному стадиону, где недавно видел женщин, работавших на побелке какого-то здания. Привез с собой бригадира, которая посмотрела и дала согласие на побелку, назвав цену (инструмент и побелочный материал они обязались представить свой). Маляры очень хорошо побелили все, что было нужно, мы расплатились с ними по трудовому соглашению. Так мы сняли сразу две «головные боли»: во-первых, солдаты, конечно, не смогли бы так качественно произвести покраску, и во-вторых, это был вопрос безопасности.

Как начальник аэродромной службы я ездил на Андижанский запасной аэродром, где вместе с Николаем Хандожко мы строили полевые

укрытия для самолетов. С полевого аэродрома я летел с командиром полка первый и, похоже, последний раз на вертолете. Это был один из первых тогда легких вертолетов Ми-1, кажется. Впечатление просто незабываемое. Особенно, когда вертолет проваливается в глубокую воздушную яму. Ладно я, но и Фетисов, командир истребительного авиаполка, мягко говоря, чувствовал себя неудобно.

Однажды я с офицерами штаба дивизии летал на закрытый аэродром-полигон Сары-Озек. На меня почему-то забыли оформить пропуск и я дней семь-восемь к всеобщей зависти резался в гостинице в бильярд. Допуск пришел в конце командировки, и я лишь один день был на полигоне.

А где-то в начале зимы на базе одного из дивизионов ЗРВ был создан дивизионный полигон, куда стянули восемь зенитных дивизионов. Они вели условный огонь по двум истребителям МиГ-17 (Гольдберг и Меньших), которые заходили к нам с разных сторон и на разных высотах, в том числе, и на самой малой вдоль реки Или. И то, что я слышал на разборах (а меня почему-то назначили начальником тыла сборов - это-то уж совсем не по профилю), было далеко от того, что в свое время говорил еще Н.С. Хрущев, что, мол, мы собьем любую цель и на любой высоте и, главное, с первого выстрела. На сборах я впервые встретился с членом Военного Совета нашей армии генералом Мирским. Позже я с ним еще дважды встречался (один раз, когда он уже служил в Москве). Мерзкий человек. Впрочем, я от кого-то слышал, что его в частях (между собою, конечно) так и называли - генерал Мерзкий.

В 1966 году Юра окончил школу. Интересное совпадение: когда Юра окончил школу, то все школы Союза переходили с 11-летнего обучения на 10-летнее. А когда школу оканчивал внук Олег - с 10 на 11-летнее. 22-я школа, которую заканчивал Юра, была какой-то специализированной. Там учились с 8-го по 11 классы. А в связи с переходом на десятилетнее обучение там было 18 выпускных классов. На всех дали только 2 золотые медали, в том числе одну - Юре. Это я вспомнил еще и к тому, что в семидесятые-восемидесятые годы, когда я работал военруком в казахской средней школе №12, школа умудрялась выдавать по 10-12 медалей (а один раз, даже 18). Уверен, что это было не столько повышение качества обучения, сколько снижения требований к этому качеству.

Впрочем, я просто не помню, как с этим было в русских школах. Я-то работал в казахской школе. Юра поехал в Москву поступать в МАИ. И не поступил. Год он проработал в лаборатории академического института металлургии и обогащения, а на следующий год поступил без труда на энергетический факультет политехнического института.

И тут мы (в основном я) допустили ошибку. По рекомендации института Юра дал согласие на перевод в Новосибирский электротехнический институт (связи). Когда мы проводили Юру, я поехал в командировку в город Сары-Шаган, а через пару дней, позвонив домой, я узнал, что Юра вернулся. Учиться дома и учиться в чужом городе, проживая к тому же в общежитии, совсем не одно и то же. Не в обиду будь сказано, тем более, что виноваты мы были сами, Юра был здорово избалован, он у нас был (и много лет потом тоже) «пуп земли». В Алма-Ате его к этому времени уже отчислили из института и о восстановлении не хотели и разговаривать, хотя я, забросив работу, мотался от ректора института до министра высшего образования. И никого не интересовала его золотая медаль. К тому же (думаю, что это было главным!), это был период, кстати, и много позже тоже, когда в институтах Алма-Аты процветало взяточничество, а национальным абитуриентам отдавалось негласное предпочтение.

Но мир не без добрых людей. Михаил Иванович Плешков устроил мне встречу с зав. орготделом ЦК компартии Казахстана В.К. Севрюковым. И тот с Юриным личным делом (без меня, конечно) пошел к самому Д.А. Кунаеву. Юру восстановили в институте. Тоня рассказывала, что ей позвонили из института и просили прийти с личным делом. Встретили так, как будто это приехал сам Кунаев. Нашлось и место, и все остальное.

Это была самая большая радость того года. Еще бы: окончить школу с золотой медалью, поступить в институт первым по списку и вдруг остаться за бортом. Выражаясь армейской терминологией, Юра не один раз сам создавал трудности с тем, чтобы потом их «героически» преодолеть... В этой истории, выражаясь «по-ученому», было несколько нюансов, но они касались отношений Плешкова с Севрюковым, а меня и тем более Юры - никаким боком, поэтому и вспоминать о них ни к чему.

Итак, с сентября 1967 года Юра стал студентом политехнического института. Я думаю, что из этой истории он тоже многое понял. Во всяком случае, когда дело еще не было решено, он, помнится, говорил, что очень хочет попасть в институт: «Ты знаешь, как я буду учиться!». И в этом он не подвел, окончив институт с отличием (с «красным дипломом»). Но мои волнения в этом году еще не закончились.

Киселев к этому времени ушел в Ростов-на-Дону, а Владимир Кузьмич Сыромолотов, исполняя обязанности заместителя по тылу, заметно сблизился с Деевым. И с подачи Сыромолотова наш командир дивизии совершенно неожиданно для меня предложил мне должность командира Андижанского ОБАТО.

КОМАНДИР ОБАТО

После Старостина в течение нескольких лет командиром 212 ОБАТО был Михаил Александрович Журавлев, которого теперь переводили заместителем командира Фрунзенской бригады ЗРВ. Я понимал наличие значительных сложностей в утверждении меня на этой должности в первую очередь в связи с моим еврейством, о чем разговоры пошли сразу же после предложения генерала. Поэтому я не очень обольщался, хотя, по правде говоря, служба у меня шла к завершению и получить подполковника хотелось. Армейская служба так построена, что получение очередного воинского звания является зачастую чуть ли не основным стимулом. Ради следующего звания идут из хороших мест служить в глухомань. А у меня уже давно было просрочено майорское звание.

Это сейчас в связи с явным нежеланием служить в армии и войной в Чечне «нарисовали» много очередных и внеочередных званий. Раньше было немало полковников на должностях командиров дивизий, а сейчас при штатном звании генерал-майор многие командиры дивизии носят генерал-лейтенантские погоны. И еще прочитал, да и по телевизору показывали и рассказывали, что сейчас на одного младшего офицера приходится несколько старших офицеров. Правда, в последнее время много говорят о сокращении. Тогда же с получением следующего воинского звания, особенно если это было звание старшего офицера, дело обстояло совсем трудно.

Однако сказать «я согласен» еще далеко не означало, что я стал командиром ОБАТО. Офицеры, получившие подполковничьи звания в семидесятых и особенно в восьмидесятых годах, часто говорят, что дело это обычное. Но, во-первых, как мне потом говорил М.И. Плешков, если я стану командиром ОБАТО, я буду первым евреем на этой должности. ОБАТО - это далеко не просто отдельный батальон, допустим, мотострелковой части. Я не умаляю их значения теперь в военное время в Чечне, Дагестане и других местах. Я говорю о том времени (1967 г.).

В вопросе назначения комбатом ОБАТО мне виделись как минимум три сложности.

Первая. Куда нам деть Юру? Где ему жить? Несколько моих попыток найти ему жилье закончились безрезультатно. Это уже после моего отъезда Тоня каким-то образом устроила его на жилье к Цысям, родителям его институтского товарища.

Вторая, не менее сложная. Мне предстояло пройти через Военный Совет армии, который тогда возглавлял генерал Мирский, об «особом» отношении которого к евреям ходили разговоры. Но здесь я просто не учел опыта генерала Деева, который, зная всю эту кухню, заранее обгово-

рил все вопросы с командующим и поставил об этом в известность Файнберга, получив и от него согласие.

Третья причина была скорее этического плана. И хотя она и не имела решающего значения, некоторое облачко было. Дело в том, что если я становился командиром части, то моим заместителем оставался майор Вторушин Александр Афанасьевич. Но надо понимать, что до этого он был заместителем у Журавлева, до этого у Старостина (кстати, в свое время я, хоть и недолго, но все же был у него в подчинении), а до него был заместителем у Мороза... Дальше просто не знаю. По всем внутрибатальонным прикидкам, да и по совести, командиром батальона следовало назначить Вторушина. Но батальон входил в состав дивизии, а командир дивизии выдвинул мою кандидатуру: я ему приглянулся за те несколько лет, что служил с ним, а Вторушина он не знал. Да и кто стал бы спорить с командиром дивизии, который к тому же так плотно обговорил своё предложение во всех инстанциях. Думаю, что и Файнберг чувствовал перед Вторушиным определенную вину, он-то все это знал лучше Деева. Во всяком случае, очень скоро Вторушин ушел от нас комбатом в Мары (это, правда, далеко-далеко не Андижан).

А теперь по порядку, насколько позволит память. Когда наш генерал был в отпуске, а я в командировке в Андижане, меня вызвал к телефону Михаил Иванович Плешков и приказал назавтра с утра быть в Ташкенте на Военном Совете. На совещаниях подобного уровня мне до этого присутствовать не приходилось. Позже, когда был командиром ОБАТО - не раз - и всегда по каким-нибудь неприятным вопросам, а тогда впервые. Председательствовал, как я и предчувствовал, генерал Мирский (командующий был в отпуске в Ялте). Меня представлял Михаил Иванович Плешков, исполнявший в тот момент обязанности командира дивизии. Перелистав мое личное дело, Мирский стал приводить доводы для отказа: я и старый (мне было уже 42 года), и зачем меня переводить из «хорошего» места (Алма-Аты) в «хорошее» (Андижан). При этом 13 лет службы на севере не упоминались. Приводил еще какие-то причины, но мне виделась одна - мое еврейское происхождение. Умница Михаил Иванович Плешков попросил не принимать никакого решения, подождав до возвращения из отпуска командира дивизии. Его поддержал новый тогда зам. командующего (бывший командир Семипалатинской дивизии ПВО). Спросили мнения Файнберга, тот сказал: «Как командир дивизии». К вечеру я вернулся в Андижан и ночью позвонил на квартиру к В.К. Сыромолотову, который мне ответил, что завтра из отпуска возвращается генерал Деев.

Как мне потом рассказывал Сыромолотов, Деев говорил по телефону с Ялтой, и командующий отдал приказ о моем назначении, проигнори-

ровав Военный Совет. И еще - это было несколько раньше - Сыромолотов мне рассказывал, что у командующего были очень натянутые отношения с Мирским еще с тех пор, как сам Шевелев был в должности заместителя командующего. И мне, конечно, пришлось бы совсем нелегко между такими жерновами. Но Мирского вскоре перевели в Москву (почему-то мне кажется, в систему ГО). Правда, он еще один раз сумел меня «лягнуть» (правда, безболезненно, т.к. это было в последние дни моей службы).

Итак, я стал командиром 212 ОБАТО АП. Перед отъездом в Андижан я зашел «за благословением» к Михаилу Ивановичу Плешкову. Он поздравил меня. Посоветовал найти время для беседы с каждым офицером и сверхсрочником в отдельности, несмотря на то, что текучка обрушится на меня валом. Это его напутствие я выполнил не полностью, оправдываясь тем, что почти всех офицеров и практически всех сверхсрочников я знал по совсем еще недавней совместной службе в этой же части. Деев обещал всяческую помощь. Она и была, в основном в виде финансовой поддержки всех моих строительных начинаний и снисходительного отношения к моим «ляпам» в первое время. Кроме того, он сказал фразу, которая была у него в характере, но конкретно насчет ОБАТО, я уверен, ему подсказал Сыромолотов, который любил повторять: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое». А Деев прямо сказал (это из копаневского «неча стесняться в родных коноплих»): «Пусть у нас это будет как бы ферма», и добавил, что с Журавлевым у них это не получалось. Я понимаю, что Журавлев был независим, т.к. назначен был в первые месяцы командования Деева и смотрел он больше в сторону штаба армии, а не дивизии. Он, конечно, не выдержал бы давления Деева, но тот сам редко что-нибудь просил, предпочитая делать это через Сыромолотова. Я же прямо-таки был вытасчен Деевым с должности командира роты, на которой я мог бы и остаться до самого увольнения. Короче, я был в полной зависимости от Деева и моральной, и фактической. Своим продвижением я был полностью обязан ему. И на ОБАТО я шел выдвиженцем Деева. Тем не менее, я не сразу понял смысл слова «ферма», хотя скоро дошло: раз ферма, значит, будут «доить». К тому же он сказал это не тогда, когда предлагал должность, а тогда, когда я уже был назначен.

И еще одно напутствие: начальник финансовой службы Новиков попросил не очень «партизанить», т.е. не очень нарушать финансовую дисциплину.

О генерале Дееве я продолжу позже, а сейчас о Сыромолотове, который «подсказывал» Дееву, имея определенный опыт. Правда, кое-что я видел сам, а о прошлом были разговоры. Я уже написал, что Владимир Кузьмич Сыромолотов прибыл к нам из Ташкента. В службе Файнберга все офицеры были с академическим образованием, и Сыромолотов туда

просто не вписывался. Файнберг практически отфутболил его к нам. Судя по многим фактам, у него даже была какая-то связь с командующим (похоже, что они если и не дружили, то были знакомы семьями, причем, еще откуда-то из-под Москвы). Впрочем, точно я ничего не знаю, так что и писать не буду. И вместе с тем, когда от нас ушел Киселев, то Сыромолова даже и не представляли на должность заместителя командира дивизии, хотя он и исполнял ее в течение длительного времени.

По поводу грамотности - такой пример. Штаб дивизии - это много пишущая (хотя и не только) организация. Когда же Владимир Кузьмич исполнял какую-нибудь бумагу, то очень часто просил меня: «Борис, проверь с точки зрения юридической». А вся «юридическая» проверка сводилась к исправлению дичайших грамматических ошибок (например, слово «шинель» он писал и говорил «шанеля», и т.п.) Он это знал. Знал также, что я никогда никому об этом не говорил. Но сидели-то мы вчетвером в одном кабинете, так что все знали. Но он был старше нас по возрасту да и полковник по званию, а мы в дивизию попали не из училища...

Вместе с тем службу он знал вполне достаточно. Говорили («говорили», т.к. других источников у меня не было), что его раньше сняли с командования базой 1 разряда где-то под Москвой за нарушения имущественного характера. Впрочем, я допускаю, что и за недостаток грамотности. Уволился он (впрочем, это я уволился, а его уволили) вскоре после меня. Умер Владимир Кузьмич где-то в начале семидесятых годов в каком-то прибалтийском санатории. Также вне дома умер (кажется, в санатории «Архангельское») Григорий Никитич Слабинский, бывший заместитель командира полка РТВ, а потом военрук алматинской физматшколы во время учебы там Вити. А Константин Иванович Гольдберг, как я уже писал, умер вообще в самолете по пути в отпуск в Карелию. Всех их доставляли на самолете в Алма-Ату и хоронили на одном кладбище; там похоронено очень много офицеров из нашей дивизии.

Но продолжу об Андижане. Владимир Кузьмич представил меня личному составу батальона, и после предусмотренного УВС опроса я приступил к исполнению обязанности командира части. Опрос личного состава проводился так: был выстроен батальон, при этом старшие офицеры стояли на некотором расстоянии от младших офицеров, так же – сверхсрочнослужащие, а потом сержанты и отдельно солдаты. Я обошел всех, спрашивая о наличии жалоб или претензий к Журавлеву. Кажется, два или три солдата заявили, что им обещали отпуска. Я тут же уточнил это у Журавлева и сразу приказал начальнику штаба оформить отпускные документы.

Затем я представился командиру полка. Фетисов уже уволился, и командиром полка был подполковник Мальцев Игорь Михайлович, кото-

рый был лет на 8-10 моложе меня. Стоит отметить, что за все время нашей совместной службы у нас с ним не было никаких тренировок. Больше того, он меня постоянно похваливал и перед командиром дивизии, и перед армейским начальством. О нем стоит поподробнее. Это был просто красивый парень, отличный летчик, умевший к тому же хорошо выступать с модным тогда обещанием «чистого неба».

Некоторую странность или необычность я увидел в первые же дни во время прилета командующего, у которого был свой самолет Ил-14. Он не раз прилетал вместе с женой и адъютантом, молодым капитаном Игорем. Мы представились командующему. И тут я увидел такое, что открыл рот. Жена командующего обняла Мальцева за шею и назвала Игорьком. Когда они прилетели в следующий раз, я преподнес ей громадный букет роз кремового цвета (они росли в гражданском аэропорту, а те «паслись» у меня насчет бензина, машин и т.п.), правда, добился лишь улыбки и «спасибо».

Не знаю, в какой степени родства состоял Игорь Михайлович с известным тогда генералом армии Мальцевым. Но вот его армейский путь. Менее двух лет - командир авиационного полка, полгода - начальник боевой подготовки авиации армии (чтобы получить полковника), год или чуть больше - командир дивизии в Мары, Академия Генерального штаба - генерал-майор авиации. Затем - начальник учебного центра в Степнянке - генерал-лейтенант, командующий армией ПВО.

Это из его армии улетел в свое время Беленко. Поснимали многих офицеров и генералов. А Мальцев стал заместителем начальника Главного штаба войск ПВО страны в Москве. После того, как немец Руст сел на «пчелке» на Красную площадь, уволили министра обороны маршала Соколова и многих других начальников, а Мальцев стал начальником Главного штаба войск ПВО страны, а вскоре и генерал-полковником. Споткнулся он на Форосе - против Горбачева не потянул - уволили в запас. Мое мнение: без сильной поддержки такая карьера просто невозможна. С другой стороны, никакая поддержка не помогла бы, если бы не было личных качеств. А они у него были. Мне позже рассказывал командир нашего корпуса (он образовался на базе нашей дивизии), генерал-лейтенант, что Мальцев неоднократно выступал в Академии Генерального штаба перед слушателями с лекциями, и они (слушатели) считали его первым претендентом на должность Главкома ПВО. Не повезло. Пару последних месяцев моей службы полком командовал другой командир, прибывший с должности заместителя командира полка из Сары-Шагана.

Командующий 11-й армией ПВО генерал-лейтенант И.М. Мальцев
(<http://leonidbrezhnev.narod.ru>)

И коротко об одной неприятной для меня личности в полку, с кем, хотя и не очень тесно, но иногда мне приходилось сталкиваться по службе. Это был начальник штаба полка Василий Иванович Нагорный. Мое еврейство ему не давало покоя. Он и называл меня не иначе как Борис Матвеевич. Я его (не очень, наверно, умно) называл просто «Нагорный», без «товарищ» или «подполковник». Он пытался заставить нас обустроить его штаб, пытался отобрать для себя один из имевшихся у нас двух легковых автомобилей (один предназначался для начальника комендатуры) и многое другое - все безуспешно. А приказания, которые он пытался отдавать мне «от имени начальника гарнизона», я просто устно или по телефону решал с Мальцевым. Но главная неприятность была в другом. Он буквально собирал все дисциплинарные нарушения, которые совершали наши солдаты, и сообщал о них в штаб армии, минуя дивизию, делая это обычно по телефону, так сказать, «не оставляя следов». Но телефонистки-то были наши, а не полковые.

Как-то раз генерал Деев провел в нашем гарнизоне совещание. Среди прочего он потребовал соблюдения субординации в вопросах доклада в армию. Это соответствовало уставу. Да и просто нелогично, когда командующий армией спрашивал с командира за какие-то беспорядки, а он об этом и не слышал. А вскоре ночью наш пьяный солдат в карауле произвел два выстрела вверх. Нагорный, вот же пакостник, тут же позвонил

начальнику штаба армии. Я в это время был на полетах, но поехал в караул и, разобравшись, снял солдата с караула и посадил на гауптвахту, проспаться. А через час-полтора позвонил командир дивизии и стал меня «облаивать». Я ему доложил, что не произошло ничего такого, о чем следовало бы докладывать ему ночью. Наши офицеры всё вокруг проверили, а солдат сидит на гауптвахте. Утром в дивизии будет ЗАСовская шифротелеграмма с докладом обо всем происшедшем. Но его, судя по всему, больше всего беспокоило не то, что не доложили в дивизию, а кто и почему доложил в армию. Узнать было совсем несложно - телефонный коммутатор был через стенку с моим кабинетом. В следующий приезд командир дивизии посоветовался с Мальцевым, который, кстати, тоже был недоволен Нагорным, а этот случай был прямым игнорированием приказа командира дивизии. Нагорного представили к увольнению.

Я уже писал, что вскоре после моего назначения к нам прилетел с супругой командующий округом. Оказывается, ему исполнилось пятьдесят лет и его в связи с этим наградили орденом Красного Знамени. Вот он и облетал гарнизоны. Впрочем, не берусь судить, облетал ли он все гарнизоны или только авиационные, такие, как наш. Организовали застолье или, как тогда говорили (как я услышал) узбеки, а потом и казахи - «дастархан». Было и областное начальство. Как это все было организовано, я имею в виду материально - все-таки присутствовали человек тридцать - я не имел понятия. Я только заступил в должность и все легло на плечи Александра Степановича Муравьева.

И мне просто повезло, что почти до самого конца моей службы у нас был Александр Степанович Муравьев. Это был знающий и многоопытный хозяйственник. За пару месяцев до моего увольнения Муравьева перевели в какой-то полк ЗРВ «за подполковником». Там он и умер прямо на работе от инфаркта.

7 ноября в городе была демонстрация. Секретарь обкома партии пригласил командиров частей на трибуну, а потом их же в ресторан. Помнится, в это время в Андижане гостила какая-то делегация из Болгарии. Женщина-болгарка спросила, почему за столом одни мужчины. Русский зампред облисполкома (там, да потом и в Казахстане, я видел, что если начальник узбек (казак), то его заместитель обязательно русский). Так вот, этот русский начальник объяснил болгарке, что после демонстрации у них принято устраивать «мальчишник» - ерунда, конечно. Просто там женщины на подобные мероприятия не допускались. Как-то после Нового года я с ним летел в Москву. Так вот, он сетовал, что в Самарканде нашли какой-то памятник старины и им выделили деньги на юбилей. Хорошо бы, мол, и в Андижане им найти какой-нибудь «объект» под финансирование.

Перелистал последние записи: создается впечатление, что я только тем и занимался, что устраивал различные застолья. Это далеко не так, хотя без этого тогда не обходилось. А когда к власти пришел Андропов, то вышло даже постановление, запрещающее подобные мероприятия. Вот тогда, уверен, вздохнули командиры частей, освободившись от тяжелого оброка. Впрочем, судя по телевизионным передачам, сейчас эта практика вернулась и стала еще более обстоятельной. Тогда же это было правилом. В частности, когда позже я работал военруком, видел, что и директору школы и тем более зав РайОНО приходилось изыскивать на это средства.

Сделаю три замечания.

Первое. Я пишу не дневник, а воспоминания о событиях более чем тридцатилетней давности. Застолья отложились в памяти.

Второе. Все эти выпивки и угощения, если они были в нашем гарнизоне, проводились за наш счет, да и просто у нас. И лишь однажды Деев, а он, как я уже писал, не очень стеснялся «в родных коноплях», после отъезда какой-то московской комиссии, которая, кстати, тоже сидела на нашей шее, дал команду Сергею Калабухову (зам. по тылу радиотехнического полка) организовать отдых на берегу реки. Должен сказать, что это далеко не одно и то же, организовать или быть приглашенным. Я много разговаривал с командирами ОБАТО, в том числе и с уволенными, везде все эти мероприятия наваливали на наши части, а не на ЗРВ - РТВ.

Третье. Я уже записал, что Александр Афанасьевич Вторушин ушел от нас на Марыйский ОБАТО, где вскоре получил звание подполковника. И вот однажды мы втроем - я, Сонин и Княжев - прилетели в Ташкент на какое-то совещание. В аэропорту (было около 2-х часов ночи) объявили о посадке самолета из Ашхабада. А это значило, что прилетит Саня Вторушин и следует отметить его новое звание. Так и произошло. У Александра Афанасьевича была фляжка спирта, но в буфете оказалась лишь одна закуска - горячий прямо-таки кипящий кисель. Так мы и обмывали его звезду: неразведенным спиртом под горячий кисель - не совсем обычное сочетание, особенно если учесть, что кисель был очень сладким.

И наверно сюда же. Я все жизнь прослужил в авиации, где, как говорят: «Пьют все, кроме автопилота». Но, я в этом убедился, пьют там умеючи. А тех, кто не умеет вовремя тормозить, просто выгоняют. Если вспомнить навскидку, не копаясь в памяти, то у нас по этой причине уволили Волошина, Ревина, Феофанова, Чучкалова, Костю (фамилии не помню), да и не только их.

С первых дней службы в должности командира я столкнулся с не совсем обычной для армейский отношений ситуацией: некоторые заместители в неформальной обстановке обращались ко мне на «ты», т.к. я совсем недавно был их подчиненным. Я - по той же причине - на «вы».

Впрочем, скоро все встало на свои места. А вообще-то с батальоном мне повезло, общую обстановку я там знал досконально, т.к. совсем недавно служил да и позже бывал там многократно. Мальцев относился ко мне доброжелательно и во внутренние дела батальона не лез совсем (у многих командиров полков это было), а главное - вполне приличные условия жизни в Андижане (это не Ханабад, не Мары и уж совсем не Ак-Тепе) «просеяли» личный состав, сформировав хороший коллектив сверхсрочников и офицеров, на которых можно было положиться. А заместители командира служили там задолго до того, как я попал туда еще командиром роты.

Все это и благожелательное отношение Деева, Файнберга, да и командующего тоже, привели к тому, что по итогам учебного года полку и нам, ОБАТО, были присвоены звания «Отличная часть». Было тогда такое веяние. Я сомневаюсь, что батальон в полной мере соответствовал этому званию, у нас все-таки были сотни солдат, сверхсрочнослужащих, офицеров да и вольнонаемных, которые зачастую не находились под постоянным контролем: на запасном аэродроме, в рейсах, в оцеплении во время полетов и т.п. Просто дела у нас обстояли лучше, чем в других частях. Вот нам и присвоили звание «Отличная часть», наградив к тому же Знаменем ЦК Комсомола.

Я помню, как ко мне пришел старшина аэродромной роты Саттаров, который был старшиной еще моей роты, и спросил: «Товарищ командир, для чего нам нужно это звание «отличная»? Сейчас нам не дадут жить различные гости и комиссии». Я это конечно понимал. Но не мог же я заявить командиру дивизии, что мы отказываемся от этого звания. У нас, правда, был своеобразный «предохранитель» - полку ведь тоже присвоили звание отличный, а у него был просто-таки героический боевой путь (все-таки двадцать четыре Героя Советского Союза в войну), поэтому все корреспонденты, а они стали приезжать очень часто, основное внимание уделяли полку, хотя, конечно, и нас не забывали.

Зная особое отношение командира дивизии к вопросам строительства, мы у себя в батальоне тоже этому уделяли серьезное внимание: заасфальтировали двор, завершили строительство гаражей, построили централизованную заправку, установили навес и сетчатое ограждение для кухонь «НЗ», теплицу, на территории одного из караулов склад ГСМ, построили, правда не до конца, большое подземное убежище.

После неоднократных обращений к командиру дивизии, Файнбергу, да и к командующему мне удалось добиться решения о переносе в Чирчик большого аэродромного склада: от когда-то стоявшей здесь дивизии бомбардировщиков осталось большое количество ФАБ-250, хранившихся под открытым небом и проросших тростником - для чего мне были нужны

лишние «приключения»? В случае поджога или диверсии от детонации могло так рвануть, что от аэродрома ничего не осталось бы. Кроме того, там же хранилось большое количество патронов и еще чего-то из боеприпасов. По армии был издан очень удобный для меня приказ: на кого-то (точно не помню) возлагалась перевозка. Мы же помогали в погрузке на транспортные самолеты Чирчикского отряда, куда, кстати, и перевозились ФАБ-250. И вот однажды, будучи уже только с грузом авиапатронов, самолет завернул в Алма-Ату, чтобы завести врача Гену Сидорова (мы с ним, кстати, в Алма-Ате жили в одном доме). А в Чирчик самолет прилетел уже в сумерки и «потерял» землю. Ударился, переломился, стали рваться патроны, экипаж и самолет сгорели. Винават, конечно, пилот, нарушивший НПП - наставление по производству полетов, зашедший на посадку на аэродром, не оборудованный для посадки в темное время. Пилот погиб и с него нечего спросить. Но виноват и диспетчер, разрешивший завернуть в Алма-Ату. На память приходят слова Константина Ивановича Гольдберга, который не уставал повторять: «НПП написано кровью летчиков». У меня потом раза три настойчиво допытывались армейские контрразведчики: «А почему вы так настоятельно добивались вывоза склада боеприпасов, который на этом месте лежал много лет?»

С этой организацией мне пришлось встретиться еще раз. Как-то во время полетов (с переходом со дня на ночь) нас с Мальцевым (полеты должны были начаться часов в шестнадцать, а было около часа дня) вызвали на аэродром, и три человека в гражданском представились полковниками (они показали, конечно, документы) и сказали, что ожидается правительственный самолет. А потом потребовали от меня письменной гарантии безопасности посадки самолета. Я ответил, что никакой расписки я давать не буду т.к., я не комендант правительственного аэродрома, но на наш аэродром с его бетонной полосой может сесть самолет любого класса, и что у нас садились даже более тяжелые военно-транспортные самолеты. Они меня поугадили разными карами, а потом сошлись на том, что мы обошли все вместе всю полосу пешком. Аэродром был в идеальном состоянии. Вскоре сел ТУ-104. Прямо к трапу выскочили «Чайка», а за ней с десяток черных «Волг». Прилетели Рашидов и Полянский. Они тут же уехали, а самолет улетел. Вместе с сопровождающими улетели и полковники.

Как правило, полеты проводились в две смены: днем летали две эскадрильи, а ночью одна (или наоборот). И если полк работал посменно, то нам приходилось работать круглосуточно. Ну а как-то так уж повелось, что я был практически на всех полетах, хотя на каждую смену назначался дежурный по полетам, а над ним - один из заместителей. Александр Степанович Муравьев на полеты, как правило, не ездил, но и домой, обычно,

не уезжал. Он или начпрод обеспечивали доставку питания на аэродром, а это три нормы - летчикам, техникам и нашим офицерам и солдатам (полковым, нашим и ОДСРПС). Это была, конечно, серьезная работа, требовавшая серьезной организации. В связи с этим вот такая шутка: как-то мне пожаловался Михаил Дмитриевич Сонин, что уже дважды срывались политзанятия. Присутствовавший при этом Муравьев заметил: «Ты дважды пропустил политзанятия. Ну и что? Что стряслось от этого? А вот представляешь, что было бы, если б я хоть один раз сорвал обед или завтрак?» Но проведения политзанятий требовали строго, и нам приходилось крутиться между потребностями полка и своими. Миша Сонин был, в общем, хороший парень, и мы с ним жили дружно. Поэтому я ему как-то рассказал анекдот, который сам услышал от начальника политотдела зенитно-ракетной бригады: «Чтобы солдаты не ходили в самоволку, командир дивизиона окружил территорию колючей проволокой в два ряда, а между ними пустил львов. Однажды пропал начальник штаба. Командир дивизиона вызвал к себе старшего льва и стал его ругать. Вернувшись тот, собрал всех львов: «Ребята, ошибка вышла, съели нужного человека. Вон замполита съели - до сих пор никто не хватился, а две недели прошло». Но вообще-то с Сониным мы жили дружно и я его поддерживал в меру сил. Правда, вначале он попытался занять исключительное положение, заявив, что он здесь представитель партии. Их так наставляли, конечно. Но я ему сказал, что я в партии столько лет, сколько ему от роду. Он успокоился и стал поддерживать меня во всех делах. Он ценил, конечно, что ругань начальства я, как правило, принимал на себя, а не делил ее со своими подчиненными, никогда не подставляя их. Впрочем, у меня все расхождения с «линией партии», которую он поставлен был блюсти, были, разве что в частом пользовании матюками. А на это начальство не очень реагировало, т.к. они сами были мастаками в этом вопросе.

Начальником штаба батальона был майор Левинский, но он вскоре уволился, а вместо него пришел молодой и энергичный парень Володя Моисеев. Помня Копанева, я сказал Моисееву, что между командиром и начальником штаба должны быть более доверительные отношения, чем между командиром и другими заместителями. Он не должен ждать указаний, а представлять свои предложения. И еще. На Моисеева обрушивался целый шквал телефонных звонков из дивизии, армии, округа, а я целыми днями был на запасном или основном аэродромах, в караулах, на складах. Туда при острой нужде можно было, конечно, дозвониться, но первые звонки и первые вопросы падали на начальника штаба. Через какое-то время он освоился в этом «сумасшедшем доме», и когда я появлялся в штабе, то слышал от него доклад о том, какие за день были «вводные» (позже в школе это называлось «озадачить») и как они были решены. Ес-

ли ему что-то было «не по зубам», он разыскивал меня по телефону, а на запасном аэродроме по радио. Хорошо обстояли дела по всем службам у Муравьева. И когда вместо него пришел Иванов, я почувствовал разницу. Хорошо, что у меня служба шла к концу, да и работая с Муравьевым я кое-чему научился. Несколько раньше уволился в запас начпрод капитан Еренбург. Это был опытный работник, большой знаток своего дела. В полку было много техников, которые по два или более сроков переходили в звании «старший техник-лейтенант». Должность начпрода соответствует капитанскому званию. Многие из техников приходили ко мне проситься в начпроды и даже писали Файнбергу. Помню, он позвонил мне и в свойственной ему манере сказал: «Вы что как богатая невеста капризничаете с выбором?» Я ему сказал, что основная масса претендентов представляет, что начпрод - это тот, кто ест икру большой ложкой, а начпрод в ОБАТО - особая фигура. Файнберг это, конечно, представлял лучше меня. Ну а кроме всего прочего, я твердо обещал Муравьеву, что решать с выбором будет он.

Кажется, в конце 1968 года пришло новшество: командир ОБАТО стал одновременно заместителем командира авиаполка по тылу. Получилась несколько странная ситуация: я как заместитель командира гвардейского полка получил гвардейское звание, а батальон остался не гвардейским. С одной стороны, я получил какие-то преимущества, даже зарплату немного увеличили. А с другой, Константин Иванович Гольдберг стал все больше накладывать руку на батальон (полк ему подчинялся, а я как бы вошел в полк). И здесь стоит отметить, что ни Гольдберг, ни Файнберг никогда для себя ничего не просили. Заместитель командующего (фамилии его я не помню) как-то зимой позвонил и сказал, что выдает дочь замуж, попросил прислать зелени к свадьбе. Вообще-то говоря, это не было большой проблемой, но ведь и в Ташкенте это не было дефицитом. А с его зарплатой - совсем простой вопрос. А прибывший после него генерал Брюханов попросил серо-голубой комбинезон. Я сказал ему, что они на персональном (по количеству летчиков) учете и предложил ему комбинезон песочного (какой был у меня) цвета, он отказался. И сюда же (для контраста, что ли). Когда еще до моего назначения в Андижан, я узнал, что Юра вернулся из Новосибирска (я писал, он не стал там учиться в институте), а мы прилетели из Сары-Шагана в Алма-Ату, Михаил Иванович Плешков позвал меня в павильончик в Парке Панфиловцев. Там мы с ним немного выпили и я рассказал ему о Юриной эпопее. Михаил Иванович не только помог мне, выведя меня на Севрюкова, но и в тот раз остановил меня, расплатившись сам, сказав при этом: «У меня побольше возможностей». Действительно, он получал раза в два больше меня. Под Новый Год, приехав уже из Андижана в Алма-Ату за семьей, я привез ему в не-

большом чемоданчике какой-то зелени, в Алма-Ате купил и вложил в тот же чемоданчик бутылку коньяка. Все это в его отсутствие я занес ему в его кабинет. Вечером Михаил Иванович неожиданно пришел к нам на квартиру, принес мой чемоданчик и ту бутылку коньяка, которую мы с ним и распили. Он научил пить коньяк с выдохом через нос... Приятно.

Несколько слов о том, как мы устроились в Андижане. Нам выделили «командирскую» квартиру, в которой жили все командиры до меня. Это была большая трехкомнатная квартира на проспекте Навои, рядом с горкомом партии. В соседнем доме жил заместитель командира радиотехнического полка, а чуть дальше - Долганов. На улицу выходил маленький полукруглый балкончик, а во двор - очень большая застекленная веранда. После нашего северного жилья, да по правде сказать, и даже после Алма-Атинской двухкомнатной квартиры, это была просто роскошная да и великоватая на троих (Юра ведь был в Алма-Ате) квартира. Но мы подружились с соседями по лестничной площадке Полянскими. К нам в Алма-Ату они несколько раз приезжали, а их сыновья, окончившие Алма-Атинское пограничное училище, были у нас несколько раз. Переписывались некоторое время. Тоня устроилась в школу, которая находилась недалеко от дома.

Теперь коротко о том, как нас «доили». Всего, конечно, не вспомнить, но практически ни один приезд любого начальства не обходился без этого. Как-то еще в начале моей работы позвонил армейский врач, полковник, и попросил прислать ящик гранат. В это время у нас находился Файнберг и слышал эту просьбу. Я вслух удивился: «А что, разве в Ташкенте нет гранат?» Файнберг мне объяснил вполне доходчиво: «Конечно, есть. Но их нужно покупать, а ваши будут бесплатными». Я понимаю, что они (начальники) и сами делились с Москвой, но мне-то от этого было не легче. Хотя, наверно, мне все-таки было легче: у меня был батальон с его возможностями, а у них - только такие как я. И их начальники, похоже, не страдали отсутствием аппетита. Вот на нас и сыпалось: достать! А что его доставать, когда он свободно продается в магазинах, скажем, полсотни пачек индийского чая, но как мне было разъяснено на примере с гранатами, те продавались, а эти - «за спасибо». Небольшие начальники сверху облагали данью начальников служб. Более крупных приходилось обеспечивать мне. А запросы были самые разнообразные: отправить в Ленинград (а потом и в другие места) пару ящиков винограда, достать грецких орехов, горного меда и многое другое. Самые маленькие начальники просили фляжку спирта. А перед моим увольнением Сыромолотов от имени генерала Деева запросил 20-литровую канистру спирта. Были и «веселые» просители, которым давать было даже приятно. В управлении боевой подготовки авиации нашей армии был полковник (мне он был совсем не

начальником, но хороший и веселый мужик), который в какой-то красивой книге Карла Маркса вырезал в середине, оставив немного первых и немного последних листов, отверстие по форме аварийной фляги, которая крепилась к парашюту - 1380 грамм - туда ему и заливали спирт. Он прилетал в полк, а мне звонил или приходил и спрашивал: «Как, командир, насчет Карла Маркса?» Я у него как-то поинтересовался, не боится ли он таких «шуточек?». Не боялся, видимо. Он так и ходил (у нас, во всяком случае) с томом Карла Маркса, в котором таскал эту фляжку со спиртом. Мог бы, наверно, и другого автора найти. Хотя, конечно, звучало бы не так выразительно. Или вот такое. Начальником автослужбы дивизии был подполковник Жнакин Иван Иванович. В одно из моих посещений штаба он мне прямо сказал, что скоро будет у нас, и полушутя добавил, чтобы я приготовил «кашу» - угощение с пловом. А от него зависело количество автомашин, которые мы должны были выделить для отправки на целину. Оттуда машины возвращались разбитыми вдребезги. Вот и приходилось крутиться между количеством выделяемых для уборки урожая машин и «кашей». Впрочем, с первого взгляда найти эту связь непосвященному человеку было совсем непросто, ведь никто не называл эти вещи своими настоящими именами, но я уже улавливал. Хорошо, что у меня были хорошо налажены отношения с председателем соседнего колхоза, который щедро нас снабжал. Да по правде сказать, все это и стоило не так уж и дорого. На свободных землях, которых у нас было немало, мы организовали посадку арбузов, помидоров и т.п. А когда мы с замполитом через женсовет собирали жен офицеров и сверхсрочников да и просто вольнонаемных, и я предложил им бесплатно собрать все, что они там пожелают (а там были и дыни, и лук, и картофель, и перец, и многое другое), то никто не поехал, хотя я давал машину и ящики. А когда я поинтересовался у председателя женсовета, то она мне сказала: «Борис Владимирович, ну кому это нужно, копаться в грязи на узбекском солнце, если на базаре помидоры стоят пять копеек килограмм, остальное примерно столько же и на рубль можно купить столько, что хватит на ползимы». Я уже писал, что тогда на каждом перекрестке продавались персики по двенадцать копеек килограмм, а для любителей «экзотики» вдоль гор росли целые заросли персиков, абрикосов, урюка, да и с виноградом не было никаких проблем. Во времена моей службы еще в Алма-Ате я видел, что и Киселеву, и Плешкову, и многим начальникам служб да и самому генералу Дееву приходилось заниматься тем же самым. А когда я стал командиром в Андижане, генерал для выполнения своих обязательств использовал меня, думаю, не забывая и самого себя. Не они это придумали. Так было принято. Я, кажется, уже где-то сказал, что командиры, наверно, радовались (я-то к этому времени был уже в запасе), когда Андропов строго запретил

подобные вещи. А чтобы не создавалось впечатления, что мои начальники только и приезжали, что за поборами, то скажу, они и сами вкалывали от души. Если я не ошибаюсь, у нас в дивизии было более десятка различных частей (все они давно расформированы и разграблены) - это ведь Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан... Все офицеры дивизии постоянно мотались по этим частям, где проводили различные учения, проверки, инспекции и т.д. Кроме того, мне следовало бы извиниться, ведь: «О мертвых или хорошо, или ничего», - прошло более тридцати лет и многие, о ком я вспомнил в своих записках, умерли. И все же стоит вспомнить еще два случая, чтобы показать московские масштабы. Однажды ночью мне позвонили из штаба армии и сообщили, что из одного знаменитого Московского КБ к нам вылетел бомбардировщик - облет после ремонта - и сказали, что нужно помочь ему с фруктами. Думаю, что керосина он сжег на тот «облет» не в одну тысячу раз больше, чем стоили все фрукты и даже по московским ценам. А в другой раз к нам сел Ан-12, и мне командир-подполковник передал записку: «Уважаемый Борис Владимирович, убедительно просим Вас помочь загрузить самолет помидорами» - тоже с подмосковного аэродрома. А в этот самолет вошло бы столько помидоров, что не хватило бы всех андижанских базаров. Это далеко не ящик абрикосов, которыми я обычно отделявался. И ещё раз: жаль, что мне не довелось служить после андроповского постановления.

А теперь несколько воспоминаний из другой области. В авиации пугающим было слово «предпосылка» (предпосылка к авиационному происшествию). Страшнее этого было только «авиационная катастрофа». Не вдаваясь в подробности, несколько воспоминаний. Когда мы еще с инжбатов были на аэродроме Васьково, между аэродромом и Молотовском (Северодвинск), упал в болото и глубоко зарылся самолет МиГ-15. Кажется, мотострелковый полк, если не дивизия, был задействован для поисков. Только через полгода нашли следы. Тогда, да и много времени потом (не знаю, как сейчас), существовало правило, согласно которому семья погибшего летчика не получала пенсию, пока не были обнаружены обломки, а также труп летчика. Боялись, не улетел ли он за границу (а кому там нужен был этот МиГ?). Вот семья летчика и жила на птичьих правах. Летчики собирали деньги, ОБАТО незаконно кормил семью в столовой, иногда изыскивая какие-то возможности для помощи продуктами. У нас в Андижане во время учебного воздушного боя загорелся над Памиром МиГ-19. Летчик не успел катапультироваться. Самолет упал в глубокую, больше километра глубиной, расселину в скалах. Обломки - части самолета и куски одежды - через несколько месяцев нашел охотник. Там же в Андижане тоже, когда я был еще командиром роты, у опытного летчика, командира эскадрильи (еще участника ВОВ), майора Ипполитова

самолет МиГ-17 перевернулся в воздухе на взлете и упал вниз кабиной. Были еще приключения. О начальнике ПДС (парашютно-десантная служба) Володе Рыжакове я постараюсь вспомнить попозже, а сейчас вот о чем. Я не помню, в какое время это было, но наше большое начальство, видимо, решило попугать китайцев, и на Памир была сброшена большая группа парашютистов. Я помню шикарные цветные фотографии на обложках «Огонька». Не знаю, сильно ли перепугались китайцы, но несколько человек попали на ледники, а с них соскользнули в пропасть. Эти, конечно, разбились. Вытаскивать их прислали альпинистов (и те и другие были из лучших - все мастера спорта). Достали не всех. Мы посылали туда «Уралы» с лебедками. Через полгода или год слышал, что пастухи или охотники кого-то нашли. Я вспоминаю это всегда, когда слышу разговоры о том, что летчики много получают и по льготным нормативам уходят на пенсию. Боязнь создать условия для авиакатастрофы и породили особое отношение к понятию «предпосылка». Как-то раз у нас из свинарника (я там до этого ни разу не был) на ВПП выскочили с полсотни свиней. Хорошо, что в этот день не было полетов. Был случай, когда из соседней деревни в разрыв в колючей проволоке во время полетов выскочил ишак. Хорошо, что солдат из оцепления его вовремя заметил и пристрелил. Но самое серьезное происшествие было, когда во время посадки у Су-15 лопнуло колесо. Руководил полетами штурман дивизии Василий Леонтьевич Жовтый. Он тут же обвинил ОБАТО в плохой подготовке аэродрома. А это такая «предпосылка», что не только звания «отличный» лишили бы, но и стоять бы мне навытяжку на Военном Совете - и это самый легкий вариант. Я сказал Василию Леонтьевичу (мы с ним три года служили вместе в Алма-Ате в штабе дивизии), что он как руководитель полетов принимал у меня ВПП и расписался, подтвердив хорошее качество аэродрома. Но он не стал слушать и записал в журнале об аварии «по вине ОБАТО». Тогда я потребовал, чтобы он приостановил полеты и пошел вместе со мной искать дефект полосы. Он отказался. Тогда я, дождавшись, что все самолеты были на земле, поставил посередине полосы машину КПМ (за одно это могло крепко влететь). Жовтый хотел звонить в армию, но я ему напомнил, что за это наш генерал уволил Нагорного. Он тогда позвонил командиру дивизии. Я в свою очередь доложил командиру дивизии, попугав его при этом, что если полоса действительно плохо подготовлена к полетам, то и другой самолет может порвать покрышку. Генерал поддержал меня, и мы целой группой (Жовтый, Мальцев, кто-то еще из полка и все наши, присутствовавшие на полетах) пошли по полосе. Конечно, там мы ничего не нашли. Да это было ясно и так. Летчик при посадке превысил скорость, оборвал тормозной парашют и так зажал тормоза, что одно колесо лопнуло. Это, конечно, было видно и Жовтому,

который решил свалить вину летчика на нас. Да и сам он как руководитель полетов, видя, что самолет идет на посадку с большой скоростью, мог отправить его на второй круг. Когда кончились полеты, и Василий Леонтьевич перестал быть лицом официальным, я его в присутствии Мальцева обматерил от души. Он в Алма-Ате, конечно, пожаловался Дееву. Предвидя такую возможность, я с самого раннего утра дал листах на пяти телеграмму ЗАС, в которой подробно изложил все, что произошло. Дивизия всё «спустила на тормозах». После увольнения в запас Василий Леонтьевич Жовтый был начальником или зам. начальника аэроклуба республиканского ДОСААФ. А когда я уволился, он приглашал меня к себе на работу. Да и так мы с ним нередко встречались, т.к. жили по соседству. Генерал, когда бывал в Андижане и особенно во время полетов, не отпускал меня от себя ни на шаг. Всерьез или в шутку, но он мне несколько раз повторял: «А то я вам принесу «предпосылку». Но стоило мне перевести его на другую сторону аэродрома, где стояла радиолокационная станция «Дубрава» радиотехнического полка, он просто преображался: там он во всем разбирался. Ожидая его, я обычно сидел в стороне: слушать как «разносят» других было совсем неинтересно - слишком все знакомо.

Кстати, о подготовке аэродрома к полетам. Аэродром у нас был к этому времени бетонный и главным делом была подготовка ВПП. Ямочного ремонта мы не производили, а только подметали полосу: сначала автомашинами КПМ, потом с вениками проходила аэродромная рота, только потом мы сдавали ВПП руководителю полетов. Мы тогда первыми перешли на самолет Су-15 (21 метр длины и 18 тонн веса) с подвесными баками. Прошло 30 лет. Их давно уже сняли с вооружения. А недавно по телевизору показали уже Су-37. И вот такая многотонная металлическая стрела (крылья были очень маленькими) шла на посадку со скоростью 280-290 км в час. Все это, конечно, требовало особого внимания при подготовке аэродрома к полетам. Посередине ВПП (ориентиром служил домик ИКП – Инженерно-командный пункт) летчик выбрасывал тормозной парашют. Если парашют выбрасывался раньше или скорость при пробеге была больше нормативной, парашют (были случаи) могло оборвать, тогда вся надежда была на то, что выдержат покрышки. Вся ВПП - 2400 метров плюс по 200 метров с каждого конца грунтовый участок, плюс еще по 200 метров (и тоже с каждого конца) вспаханная полоса (во время дождей она превращалась в сплошное болото). А потом в сторону города (а в том направлении, в основном, и производились полеты) – глубокая канава, т.к. дальше самолету пришлось бы катиться до самого города, а совсем вблизи располагался какой-то большой курятник (кажется, птицефабрика). В этой же стороне стояла поднимающаяся с СКП сеть, которая долж-

на была остановить самолет, проскакивающий и бетон, и грунтовые полосы. Слава богу, за все время, что у нас были Су-15, не было ни одного вынужденного подъема сетей, которые еще со времен МиГ-17 называли «мигоулавливателями». И все же один раз я видел ее в работе. По какой-то причине, кажется, была сильная гроза, чужой Су-9 запросил у нас посадку (у нас или не было полетов, или мы их приостановили к этому времени). Самолет сел с видимым на глаз превышением скорости, оборвав при посадке тормозной парашют. Совсем не тормозя по мокрому бетону (а шел сильный дождь), самолет заскользил как по мылу с заторможенными колесами, и остановился в самом конце грязной полосы, лишь будучи пойманным в тормозную установку, даже наклонился носовой частью в овраг с водой. Летчик, а это был совсем молодой парень, видимо, сильно перепугался т.к. вылезая из самолета, плакал и сказал: «В гробу я видел эту авиацию». Самолет мы вытащили двумя тракторами, слегка помяв его при этом. А вообще я что-то и не помню приказов с обвинением командиров ОБАТО в некачественной подготовке аэродромов: или все к этому подходили с ответственностью, или руководители полетов не принимали некачественно подготовленный аэродром. А скорее всего, и то и другое вместе. За общий беспорядок в батальоне сняли командира Ханабадского ОБАТО - солдаты напились в карауле и перестрелялись. Через два года после моего увольнения сняли по похожему поводу Михаила Княжева, а чтобы за провинности в обеспечении полетов (а это и качество керосина, и состояние аэродрома, и своевременность и качество питания и обмундирования, это и боепитание, и автообслуживание, и многое-многое другое), чтобы снимали за это, не слышал. Правда, зимой 68 года у нас на аэродроме был сильнейший гололед, а мы, как и все батальоны на юге, не имели тепловых машин для стаивания наледи. Я сейчас точно не помню, но задолго до гололеда наш полк перелетел на аэродром Ханабад, откуда и летал. Помнится, там в первое время были какие-то трудности с горючим и оплатой жилья, но это вскоре (я туда приезжал на неделю-полторы) было решено. Зато там я встретил своих старых инжбатовцев: встретил Любу Дементьеву, побывал у Аси и Володи Коваленко и, главное, заехал в штаб инжбата, а потом в их сопровождении был на кладбище, где похоронены наши сослуживцы. А с гололедом мы расправились самым что ни на есть варварским способом: вылили на ВПП 70 тонн (вот такой у нас были размах) керосина и подожгли. Полосу ото льда мы освободили, но из города (а это 10-12 км) прибыли пожарные команды - было очень сильное и высокое пламя, и высокий черный дым поднялся над аэродромом. Также мы не учли, что наша полоса односкатная и сожгли часть кабеля осветительных фонарей. Дважды к нам на аэродром садились чужие самолеты в большом количестве. Один раз в воскресенье

сел полк десантников (на самолетах, а не парашютированием) из Феганы. Помню, просто восхитила их организованность и, главное, утром я вообще не обнаружил следов их пребывания, не оставили даже окурков. А это был все-таки целый полк солдат. На наш аэродром садились и гражданские самолеты (был здесь даже аэропорт), хотя аэродром был военный. С одной стороны, это были лишние приключения - пассажиры забредали в неположенные места, а самолеты (большинство это были Ил-18) винтами нагоняли пыль на ВПП. С другой - начальник аэропорта иногда занимал у нас керосин, да и вообще во многом от нас зависел, поэтому с билетами на самолеты (самолеты летали даже в Ленинград, Москву, Новосибирск, а транспортники - даже на Чукотку) проблем не было. А это для меня было немаловажно: на своих самолетах прилетало только очень большое начальство (от командующего армией и выше), остальных нужно было не только встретить, но и вовремя отправить обратно. А с билетами у нас, как всегда и везде, была «запарка». Мало этого, когда я уволился, то обнаружил, что главным диспетчером в Алма-Атинском аэровокзале работала женщина, работавшая до этого в нашем Андижанском аэровокзале, это тоже снимало многие трудности. Однажды поступило штормовое предупреждение, и к нам один за другим сели пять или шесть больших пассажирских самолетов, которые просидели у нас пять или шесть суток (помню, один самолет шел на Тбилиси). Пришлось в срочном порядке строить временные туалеты (все-таки аэродром не был рассчитан на такое количество людей, тем более что это был не десантный полк с его высокой организацией). Потом нам пришлось подвозить воду и построить упрощенные умывальники. А после приказа из штаба армии нам еще пришлось организовывать на аэродроме питание. А это и устройство упрощенных столов, это и продукты (весь продовольственный НЗ израсходовали), это и посуда и многое-многое другое, к чему я лично совершенно не был готов. Даже сняли с НЗ полевые кухни. Наши тыловики отлично справились с этим. Хорошо, что в эти дни были отменены все полеты нашего полка. Было и положительное: мы списали «под это мероприятие» весь запас продовольственного НЗ и нам прислали новый, а также списали все недостатки посуды, ложек и т.п. Правда, после разлета самолетов пришлось приводить аэродром в божеский вид. Это не десантники... Потом мне еще звонил командир десантного полка и спрашивал, нет ли претензий после их у нас ночевки, и поблагодарил за гостеприимство.

Что-то я растянул этот раздел своих записей. Наверное это потому, что конец службы был у меня наиболее насыщенным и разнообразным, но и несмотря на сложности - наиболее приятным. И все же еще несколько моментов. Как-то в воскресенье к нам пришла телеграмма за подписью

командующего войсками округа генерал-полковника Белоножко: он ехал проездом через Андижан из Оша. Просил встретить на окраине Андижана и заказать обед на шесть-семь человек. Мы его встретили с Мальцевым и привезли в нашу столовую. Оказалось, что он просил заказать обед в военторговской столовой. Похоже, что наземные офицеры не были избалованы так, как у нас в авиации. Он даже пытался заплатить за обед. Но у нас не военторг – куда бы я дел эти деньги. Я ему сказал, что командир дивизии оторвет мне голову, если узнает, что я взял деньги с командующего ТуркВО за обед. Тем более что в воскресенье половина офицеров вообще не ходили в столовую. Вот вспомнил и такое: я где-то уже записал, что у нас образовался перебой с керосином, где-то под Красноводском селевым потоком разрушило железнодорожную линию, и мы вынуждены были прекратить полеты. Правда, самолеты стояли заправленными. Правда и то, что у нас в НЗ было более двух тысяч тонн керосина (полковая заправка была 220 тонн, значит, у нас в НЗ было десять полковых заправок). Как бы предчувствуя, что будут посягательства на НЗ, я позвонил командиру дивизии и доложил ему о наличии приказов главкома и командующего войсками округа о строжайшем запрещении расходования любого имущества НЗ без соответствующего разрешения. Он дослушал все и приказал: «Не давать». Этим я как бы прикрылся от Мальцева и Гольдберга, которые, правда, не приказывали, а как бы просили. Файнберг сказал: «НЗ есть НЗ», - и положил трубку. Я, конечно, почти ежедневно (из предосторожности) звонил, писал и давал телеграммы. Хотя отлично понимал, что они мне не «нарисуют» горючего, а только первая поставка это 15-20 железнодорожных цистерн. Но однажды на МиГ-17 к нам прилетел начальник авиации армии генерал Ефромеев и прямо на СКП стал требовать, чтобы я выдал керосин из НЗ, т.к. летчики теряют навыки. Он мне сказал, что он не посторонний человек и тоже отвечает за наличие и расход НЗ. В душе я его понимал: за НЗ с него то ли спросят, то ли нет, а за потерю навыков летчиками в первую очередь отвечает он. Сейчас, когда по телевизору показывают, как при так сказать «точечных» бомбардировках ключья летят от обычных гражданских домов - это и есть потеря навыков у летчиков - и все из-за отсутствия керосина и сокращения в свое время учебных полетов. Я как дисциплинированный воин стоял по стойке «смирно», а генерал кричал на меня и угрожал всеми возможными карами: звание «отличный» с батальона грозил снять немедленно, т.к. это мы (я, в первую очередь, и это в общем-то правда) отвечаем за наличие керосина и всестороннее обеспечение полетов. Все было правдой. Но правда была и в том, что не я, а тыл армии обязан был снабжать меня всем для обеспечения этих полетов. Я при нем прямо с СКП снял телефонную трубку и приказал отсоединить всех абонентов, а меня

соединить с генералом Деевым. Он оказался в кабинете. Не знаю, был ли он не в духе, но мне он ответил совсем коротко: «Пошли его...», - и бросил трубку. Я, конечно, не осмелился передать генералу Ефромееенко до-словно, но, думаю, он и так слышал, у нас все-таки была хорошая связь. Мальцев-то слышал, он мне потом рассказал. И все-таки мой даже сильно смягченный ответ привел Ефромееенко в ярость. Пригрозив мне лично, он улетел. Правда, когда керосин появился и полеты возобновились, и генерал Ефромееенко был на полетах, он даже и не намекнул, что помнит о происшедшем. Файнберг, тот не мог не подковырнуть: как-то при встрече он «подначил» (не больше того), сказав, что я быстро стал смелым - даже приказы генералов не выполняю. Но все эти «веселые» приключения не остались бесследными: у меня временами стало побаливать сердце. Помню, как уже после увольнения в Алма-Ате я разговорился возле гаража с Николаем Васильевичем Кирсановым, бывшим командиром ОБАТО в Ханабаде. Он мне сказал, что ничего не принимал близко к сердцу и знал только обеспечение полетов. Но как-то он снял рубаху, и я увидел, что все тело у него в коросте, а это, говорят, на нервной почве. И еще с Ефромееенко. С ним у нас произошел такой казус. Как-то весной он прилетел к нам на МиГ-17. На этом самолете летали и Гольдберг, и Жовытй, и Меньших, им не давали допуска на Су-15. Ефромееенко не стал, как это положено, рулить по РД (начальник, все-таки, да и МиГ-17 заканчивал пробег не как Су-15 в конце полосы, а в середине ее). Он развернулся чуть дальше середины ВПП, там, где остановился. При развороте (чтобы рулить к СКП) он провалился одним колесом на обочине по самую ступицу, была весна и обочины еще не до конца просохли. Хандожко вместе с техником и механиком тягачем «Урал» вытащили самолет на полосу. А когда Ефромееенко стал пенять на непросохшую обочину (интересно, чем бы это я ее высушил!), Коля Хандожко - об этом потом рассказывал тех-ник самолета - ответил: «Чего орешь? Летать не умеешь. Чего не рулил, как положено - по кругу?» Не знаю, не узнал ли он генерала, тот был в комбинезоне, в которых летом летали все летчики, или у Николая Мака-ровича такой уж характер (он мне как-то сказал, что зря я поделikatни-чал, когда после разговора на СКП насчет НЗ не передал Ефромееенко до-словно, куда велел его послать генерал Деев). Надо сказать, что Ефромееенко вообще никак не отреагировал на это. Вообще стоит отметить, что в авиации было значительно меньше показной субординации, что, правда, не мешало выполнению и приказов и стоящих задач в целом. Думаю, это потому, что в воздухе, а тем более в воздушном бою, все были одинако-выми летчиками: и генерала, и лейтенанта можно было сбить одинаково. Да и от всех наземных служб их жизнь тоже зависела в одинаковой сте-пени. Я помню, как ранней весной 1944 года на аэродроме под Гениче-

ском, откуда самолеты летали на Крым, я был свидетелем такого. После боя на аэродром сели два Ил-2. Пилот одного (я помню, что он был в кожаном реглане и белом кашне) упрекал пилота второго самолета, который был ранен в руку и его перевязывали прямо возле самолета: «Я же тебе кричал, что сзади мессер!». Чуть позже я узнал, что ранен в руку был подполковник, а второй пилот капитан. И еще одна неуставная особенность: это, говорят, только в авиации и на флоте. Ко всем офицерам обращались по воинскому званию, а к командиру в нарушение всех воинских уставов - «товарищ командир». Наш генерал был требовательный уставник, и все к нему обращались только по воинскому званию и лишь один Константин Иванович Гольдберг – «товарищ командир», это у него, видимо, в крови еще с летного училища. Ко мне так обращались практически все летчики и техники ИАП. Даже много лет спустя штурман и зам. командира полка, а также начальник ПДС армии при встрече в Алма-Ате, где они осели после увольнения, называли меня не иначе, как «командир». В связи с этим у меня произошла забавная история. Начальником штаба дивизии был у нас Николай Васильевич Чемерикин, артиллерийский полковник и большой любитель всестороннего соблюдения уставов. Правда, ко всем командирам частей он обращался по имени и отчеству (и они к нему тоже). В частях он бывал редко, т.к., как выражался наш генерал, оставался «на хозяйстве» - руководил из штаба, поскольку Деев постоянно мотался по частям. Как-то, когда у нас были очередные командирские занятия в штабе дивизии, Чемерикин вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что скоро будут армейские учения и нам надлежит надеть полевую форму (хороший шерстяной материал) и португеи. Я ему сказал, что у нас не Алма-Ата, у нас +40° в тени, а на аэродромах мы все в комбинезонах. Он, совершенно не представляя, что это такое, сказал, чтобы мы надели погоны и португею на комбинезоны (вот было бы смеху по всей авиации!). Я не стал пререкаться. Учения длились дня три или четыре. А потом к нам прилетел наш генерал. Видимо, в штабе армии ему дали самолет для облета своих частей после учений. С собой он взял и Чемерикина, который был у нас впервые. С тем чуть не стало плохо, когда он увидел, что солдат-шофер и все офицеры были в одинаковых комбинезонах песочного цвета. У меня, правда, была повседневная фуражка, тогда как у остальных - панамы или береты защитного цвета (это у офицеров). А различить их можно было лишь, если знаешь в лицо. А когда ко мне кто-то обратился «товарищ командир», Чемерикин стал меня ругать, делая упор на то, что я совсем еще недавно служил в штабе дивизии, где было строго с требованиями уставов. Деев засмеялся и спросил: «Как они отлетали во время учений»? Чемерикин ответил, что отлетали на «отлично». Тогда генерал сказал: «Ну и пусть ходят хоть в трусах, лишь бы хо-

рошо летали, а то, — он назвал какую-то ЗРБ, — все в начищенных сапогах и с портупелями, а отстреляли плохо». Впрочем, насчет «трусов» — это он сказал просто для красного словца: я не забыл, как он измерял у меня стрижку на висках и проверял, не стоптаны ли каблуки на ботинках. И в комбинезоне я бывал только на полетах, а в кабинете у меня постоянно находились китель и брюки.

Как-то в нашу армию, а потом и к нам в дивизию, прилетел первый заместитель главкома ПВО, генерал армии Щеглов. Разбор итогов года как всегда носил характер «разгона». Для меня это усугублялось тем, что Щеглов по своему положению имел право снимать командиров моего уровня без согласования с кем бы то ни было. Мы, правда, по многим показателям ходили в передовиках (нам недавно присвоили звание отличной части, а вот Духовников — командир радиолокационного батальона из Джезказагана — погорел. Но сейчас немного о другом. Утром, захватив нашего командующего и командира дивизии, а также меня, Щеглов (у него был свой самолет) вылетел в Андижан (Мальцев прилетел в Алма-Ату на своем истребителе и улетел самостоятельно). Над Фрунзе мы попали в сильную грозу (вернее, было две грозы на разных высотах, а мы попали между ними, и нас сильно кидало). Ладно Щеглов и Деев (и я, конечно), но и наш командующий, в прошлом летчик и Герой Советского Союза, здорово перетрусил. Нас бросало от одного грозового разряда к другому, а потом мы проваливались в воздушные ямы. Летчик поймал «окно» и сел во Фрунзе. Начальство уехало с ночевкой во Фрунзенскую бригаду ЗРВ, а мне командующий сказал: «Иди хоть пешком через Памир, а утром к нашему прилету будь в Андижане». Билетов, конечно, как всегда не было. Мне повезло: командир пассажирского самолета, который летел в Ош, часто бывал в Андижане (это Ошский авиаотряд) и знал, что я командир ОБАТО — взял без билета. С самолета он дал в Андижан телеграмму и в Оше меня встречала машина. К нашему счастью, Щеглов основное время в Андижане был не у нас, а в радиотехническом полку. Но я слышал, как он, правда, без матюков, но достаточно болезненно и даже с долей издевки ругал нашего генерала (как ругают генералов я слышал впервые, хотя, конечно, представлял, что бывает и такое), правда, не за нас, а за какие-то другие дела. Я видел только трех командиров дивизий и несколько генералов в должностях, примерно равных с должностью командира дивизии, и считаю, что Деев был наиболее сильным из них — все равно, ругали. Разница в служебном положении между Деевым и Щегловым была примерно такая же, как между мной и Деевым.

К сожалению, наш генерал завершил службу не так, как мог бы. Когда я уже уволился, его направили с повышением командиром корпуса ПВО на Дальний Восток. Проповедуя уже известное правило «неча стес-

няться в родных коноплях», он затеял охоту с вертолета на маралов - грубейшее браконьерство, конечно. Потом он по этому же поводу нагрубил первому секретарю Приморского крайкома, а это уже совсем серьезно. По словам (всё по словам) Слободана Мунтяна, бывшего офицера из нашей дивизии, который после увольнения осел на жительство в Архангельском, Деева выручил член Политбюро Соломенцев. Во время селевого потока на реке Иссык в 1963 году, когда Соломенцев был вторым секретарем ЦК КП Казахстана, они вместе занимались спасательными работами. Отделался увольнением в запас и строгим выговором по партийной линии. Получил квартиру в Архангельском. Потом поменял ее на Москву. Работал в Моссовете. Нам не писал. Возможно, ему было стыдно перед бывшими подчиненными.

Думаю, что можно было бы еще что-нибудь из армейской жизни вспомнить, все-таки это почти 28 лет, которые я считаю самыми важными в ней. В это время со службой у меня было все нормально. Отношения с начальством сложились вполне хорошо, можно было бы продолжать служить. Но в это время далеко не официально, но стали просачиваться слухи. А начались они с того, что к нам прилетел в сопровождении командующего очень известный и не только в наших кругах человек. Он давно уже умер и мне просто не хочется упоминать его имя (уточняя: я ошибся, это было еще до Щеглова). Когда после решения служебных вопросов мы обедали в отдельной комнате, оборудованной для встреч начальства при летной столовой (после известной миниатюры Аркадия Райкина ее стали называть «Греческим залом»), с небольшой при этом выпивкой, я услышал несколько фраз, которым тогда не придавал значения, потому что у меня не было и мысли, что такое возможно. Вскоре после этого я поехал в санаторий в Одессу и узнал, что Женя, мой двоюродный брат, сын тети Цили, собирается с семьей уезжать в Израиль.

А когда после отпуска я вернулся в Андижан, то услышал несколько отдельных фраз, оброненных большим начальством. Соединив это с тем, что я слышал еще до отпуска, я сделал (к своему ужасу!) для себя вывод: после поражения арабов в шестидневной войне против Израиля собирались использовать нашу авиацию. А так как наш полк был лучшим полком истребителей-перехватчиков в ПВО, то мне стало думать, что пошлют именно нас. Никто конкретно не говорил, но когда начальство ослаблялось в «Греческом зале», что-то и проскальзывало, тем более что я видел только такой исход.

К счастью, послали не нас, а две дивизии фронтовых истребителей МиГ-23. Они принимали участие в боях войны Судного дня (1973 года). Это не скрывают ни здесь ни там. Вышла даже кинокартина «Вербовщик» с Александром Михайловым в главной роли. Но тогда я думал лишь про

свой полк и в первую очередь про себя: у меня, еврея, брат, пусть и двоюродный, в Израиле, о чем я не торопился докладывать начальству. Значит, скрыл. Меня, конечно, отстранили бы от этой командировки. А если бы нет? Короче говоря, у меня достаточно сильно стало побаливать сердце. А если к этому добавить неопределенное положение с жильем у Юры и постоянные волнения о нем? А если добавить то, что, выражаясь армейским сленгом, меня «достали» всевозможные поборы. И я написал рапорт об увольнении.

Прямо скажем, уволился я в условиях значительно лучших, чем у подавляющего большинства увольняемых офицеров во все времена:

- выслуга лет у меня была по предельной необходимости – 32 года;
- пенсия тоже по «потолку» – две сотни (предел для старших офицеров в то время);
- генерал Деев дал мне в Алма-Ате квартиру в центре города (в том же доме, где я жил до отъезда в Андижан);
- лет мне было только 45;
- во дворе дома стоял мой гараж, в котором стояла, правда, не до конца отремонтированная после Юриной аварии, машина;
- у меня был диплом об окончании не общевойсковой, а военно-юридической академии;
- Юра учился в институте, с работой у Тони не было проблемы;
- я отправил вещи контейнером, а двое солдат – алматинцев, которых я отпустил в отпуск, помогли их разгрузить;
- в Алма-Ате мы прописались (я, правда, по справке, т.к. у меня еще не было паспорта и я считался военнослужащим). Тоня тут же устроилась в ту же 56 школу, где работала до отъезда.

А вот несколько дней назад (это уже конец XX века) по телевизору передавали, что в Тюмень прибыли пять сотен семей уволенных офицеров. Они уволились, не дожидаясь сокращения армии, чтобы успеть занять очередь на квартиру (в Тюмени такое реально существует). У меня – готовая квартира да еще при стабильной обстановке, а у них - лишь обещание очереди на квартиру. Да и Алма-Ата 1969 года - это далеко не Тюмень 1999 года. И сейчас я подумал: как после всего этого можно заинтересовать молодежь службой в армии?!

Устроив семью, я поехал в Андижан сдавать должность. В это время стало известным, что у нас будет проверка Генерального Штаба с развертыванием до штатов военного времени. Кто с этим не знаком, тому, прямо скажем, крупно повезло. А кто знаком, тот может представить мою месячную нервотрепку с формированием новых частей, сбором новой техники, призывом большого количества солдат и т.п. И ко всему этому в составе комиссии оказался генерал Мирский, который прямо у трапа са-

молета напомнил мне о том Военном Совете, где меня назначили командиром части.

Однако все закончилось благополучно. Мне было бы просто неудобно перед нашим генералом, если бы что-нибудь прошло не так, т.к. при всем, что было, я очень многим обязан генералу Дееву Владимиру Степановичу, в том числе и только что полученной квартирой в Алма-Ате.

После отъезда комиссии я передал батальон Княжеву Михаилу Ефимовичу (председателем опять был Владимир Кузьмич Сыромолотов), но уехал не сразу. Через день или два из Ташкента приехал начальник аэродромной службы армии полковник Сергей Ермилович Гневашев, и мы (а это человек десять) крепко «попрощались» на берегу Сыр-Дарьи. А утром стало известно, что ночью наши солдаты на топливозаправщике сбили двух узбеков - велосипедистов. Но это уже была забота Княжева.

Перед отъездом офицеры подарили мне хорошее ружье ИЖ-12 и отличный альбом с фотографиями из жизни нашей части, а моя (по 1963 году) аэродромная рота - узбекский халат, тюбетейку, поясной платок и узбекский нож-пчак. Я, в свою очередь, подарил нашему генералу отличный охотничий нож с лезвием из бронеспинки и ручкой из рога горного козла и ножнами, инкрустированными силуэтами наших ракет из серебра: не с бутылкой же мне было к нему идти с благодарностью за квартиру, да и не только за квартиру... А наши умельцы могли и не такое сделать.

Вот я и стал гражданским человеком, офицером запаса. Должен признаться, что переход в это качество я принял достаточно болезненно. И когда стоя на балконе новой квартиры, я увидел строй офицеров штаба дивизии, которые шли к площади для тренировки к параду 7 ноября, да еще кто-то из строя крикнул мне: «Командиру отличного батальона!» - у меня на глазах выступили слезы. Прослужив без малого три десятилетия в армии и полностью сросшись с нею, я совершенно не знал «гражданки» и поэтому боялся ее.

Я уже перечислил те льготы, которые получил при увольнении. Добавлю, что Юра учился уже на третьем курсе института (и учился только на «отлично»), а Витя поступил в ту же школу, где стала работать Тоня.

За время службы в армии я побывал на Эльбе на Западе (и ещё Польша, Чехия, Словакия, Германия, Австрия), добирался до Владивостока на Востоке (Хабаровск, Уссурийск, Тихий океан), прошел от Петсамо (Белое, Баренцево моря) на Севере до Кушки (Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия) на Юге. И вот сейчас я в Израиле. Я постараюсь ниже собрать вместе (по памяти, конечно) кое-какие данные, но и сейчас, если брать укрупнено... Тоня за это время сменила 10 мест работы, а я ведь порой служил и в таких местах, где для нее не

было работы. Юра поменял места учебы в шести школах (плюс институт и аспирантура). Витя учился в пяти школах и институте. Как мне сейчас кажется, я всегда завидовал тем, кто жил на одном месте и обрстал соседями и хозяйством (Костя Ефремов, например). Мы ведь только в Андижане, после двадцати лет службы, приобрели хоть какую-то мебель, да и ту доломали, т.к. не менее пяти раз перевозили ее с места на место, в том числе и железнодорожными контейнерами. До этого, и это в лучшем случае, были казенные стулья с бирками и гвозди в стене в качестве вешалки. Были, конечно, и воинские части и, особенно, учреждения с более обустроенным размещением семей, но там, где служил я, было именно так. И все же это был родной и привычный уклад жизни, а ждало меня новое и незнакомое и я побаивался.

И когда, стоя на балконе и глядя на проходящий строй офицеров, я осознал, что я теперь не с ними, не в их рядах, да еще и не в каких-то других, я вспомнил стишок, который мне подсказал Мальцев, узнав, что я увольняюсь:

«Что стоишь, качаясь, офицер запаса,
Ты теперь не рыба, ты теперь не мясо»...

Это было про меня.

Это Андижан 1969 года

Наверно, это последний мой армейский снимок. Смотр. Наш начальник авиации любил изредка устраивать общегарнизонные строевые смотры.

Слева направо:

Подполковник Подъяпольский (не уверен), командир радиотехнического полка. Слышал, что уже после моего увольнения он уехал на Дальний восток с повышением (возможно, генерал Деев забрал его с собой).

Подполковник Игорь Михайлович Мальцев, командир истребительного авиационного полка.

Подполковник Борис Владимирович Белиловский, командир ОБАТО.

Подполковник Александр Долганов, командир ОДСРПС (отдельный дивизион светорадиопосадки), уволился вскоре после меня.

Начальник ТЭЧ (не помню). Тоже уволился вскоре после меня.

ВСЁ, ЧТО ОТНОСИТСЯ К МОЕЙ АРМЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

1. Учился - это имеет отношение к армии

1931 г.	Поступил в Алексинскую среднюю школу.
1932 г.	Принят в пионеры.
1937 г.	Принят в комсомол.
1937-1941 г.г.	Волейбол, футбол, гимнастика, лыжи (1 разряд), плавание, гребля, подводный спорт.
Бугульма	Военный всеобуч; курсы и работа шофером.
Москва (Болшево)	(август 1942 - сентябрь 1943 г.): Московское воен-но-инженерное училище.
Фронт	В феврале 1945 г. на Одерском плацдарме принят в ВКП (б).
1947-1952 г.г.	Москва-Ленинград-Москва, Военно-юридическая академия Советской Армии.
1954 г. (I-II)	Курсы мобработников.
1954-1955 г.г.	Двухгодичный университет марксизма-ленинизма при Архангельском ОДО.
1958 г.	Курсы шоферов 3 класса, трактористов 2 кл. и мотоцикл.
1966-1967 г.г.	Двухгодичный университет марксизма-ленинизма (исторический факультет) при Алма-Атинском ОДО.
1969-1972 г.г.	Трехгодичный университет марксизма-ленинизма (общий факультет, высшее политическое образова-ние) при Алма-Атинском ОДО и горкоме партии.
В течение всей военной службы: занятия в системе командирской учебы.	
1972-1989 г.г.	Занятия в системе подготовки военных руководи-телей средних школ.

2. Служба в армии. Последний оклад денежного содержания и пенсия

Выслуга в календарном исчислении:

11(12) августа 1942 г. - 1 октября 1969 г.: 27 лет, 2 месяца, 19 дней.

Фронт: 1.10.1943 г. - 12.5.1944 г.
29.5.1944 г. - 7.9.1944 г.
14.11.1944 г. - 11.5.1945 г.

Итого фронтовых (год за три): 2 года, 9 месяцев, 18 дней (подсчет 1965 г.,
Подольск, Архив Советской Армии)

Заполярье: 9.2.1956 г. - 10.2.1961 г.

Итого Заполярье (год за полтора): 5 лет и 1 день плюс 2 года и 6 месяцев.

Всего на 1 октября 1969 г. (день увольнения):

календарных – 27 лет, 2 месяца, 19 дней,

со льготами – 32 года и 2 месяца (нужно для пенсионного «потолка» 32 года).

С 1990 года выслугу лет в военное время, но не на фронте (у меня это военное училище и несколько дней при переезде с одного фронта на другой: Из Крыма в Белоруссию, Из Литвы на Сандомирский плацдарм) - стали считать не 1:1, как было до этого, а 1:2, после чего у меня стало 34 года выслуги (с точки зрения размера пенсии это ничего не дало, т.к. все равно в зачет для пенсии «потолком» считались 32 года).

Получал в армии:

Оклад по должности - 170 р.

Воинское звание подполковник - 110 р.

Итого: 280 р.

Надбавка 30% за выслугу лет - 84 р.

Всего: 364 р.

Размер пенсии:

За 25 лет выслуги (50% от «Итого») - 140 р.

За 7 лет (по 3% за год = 21% от «Итого») - 58 р. 80 к.

Всего начислили пенсию 198-80.

Можно было дополнительно зарабатывать $280 - 198,8 = 81,2$ р.

Мне было 45 лет, я был здоров, имел диплом об окончании Военно-юридической академии и опыт работы с людьми и техникой. А 81 рубль - это оклад уборщицы в школе.

3. Воинские звания

Июнь-июль 1942 г.	Боец всеобуча.
Август-октябрь 1942 г.	Курсант училища.
Октябрь 1942 г.	Ефрейтор (курсант училища).
Январь 1943 г.	Младший сержант (курсант училища).
18 сентября 1943 г.	Младший лейтенант.
Март 1945 г.	Техник-лейтенант.
Апрель 1948 г.	Старший техник-лейтенант.
Март 1953 г.	Капитан технической службы.
Март 1958 г.	Майор технической службы.
Январь 1967 г.	Подполковник технической службы.
Май 1967 г.	Гвардии подполковник технической службы.
1 октября 1969 г.	Подполковник технической службы запаса.
1 января 1985 г.	Подполковник технической службы в отставке.

4. Награды. Знаки отличия

Ордена и медали

1945 г.	Орден «Красная Звезда», Медаль «За Победу над Германией»
1948 г.	Медаль «XXX лет ВС»
1949 г.	Медаль «За боевые заслуги»
1954 г.	Орден «Красная Звезда»
1958 г.	Медаль «40 лет ВС»
1962 г.	Медаль «XX лет безупречной службы»
1965 г.	Медаль «XX лет Победы»
1968 г.	Медаль «50 лет ВС»
1970 г.	Медаль «25 лет Победы»
1975 г.	Медаль «30 лет Победы»
1977 г.	Медаль «Ветеран ВС»
1978 г.	Медаль «60 лет ВС»
1985 г.	Орден «Отечественной войны 2 степени», Медаль «40 лет Победы»
1988 г.	Медаль «70 лет ВС»
1995 г.	Медаль «50 лет Победы» Медаль «Жукова»
1996 г.	Медаль «50 лет освобождения Украины»

Знаки

1952 г.	«Военно-юридическая академия»
1968 г.	«Гвардия»

1975 г. «Отличник народного образования КазССР»
1984 г. «Отличник просвещения СССР»
1990 г. «Войска ПВО страны»

Также значки ГТО, гражданской обороны, ДОСААФ... что-то еще.

Знаки Тони:

Знак «Ветеран труда»,

Знак «Отличник народного образования КазССР»,

Знак об окончании университета.

Чтобы закончить раздел «Награды» - маленький стишок:

«Скоро в путь. Куда? - Понятно...

Дети с внуками помянут.

Оставляю им на память

Пятьдесят похвальных грамот...»

Все награды переданы на хранение внукам

5. Основные этапы армейской жизни

1942 г. Бугульма - Призыв в армию.

1942-43 г.г. Болшево - Московское военно-инженерное училище.

1943-1945 г.г. Фронт:

Украина - Крым - Белоруссия - Литва (до Прусской границы) - Сандомирский плацдарм - Польша - Германия – Эльба (встреча с союзниками).

1945-1948 г.г. Белоруссия (Хойники)

1948-1951 г.г. Беломорье (Плесецкая)

1951-1956 г.г. Беломорье. Строительство аэродромов вокруг Белого моря и в Карелии

1956-1961 г.г. Кольский полуостров. Аэродромы в Заполярье

1961-1962 г.г. Узбекистан (Карши, Ак-Тепе, Мары и др.)

1962-1963 г.г. Узбекистан (Андижан)

1963-1967 г.г. Казахстан (Алма-Ата)

1967-1969 г.г. Узбекистан (Андижан)

1 октября 1969 г. Андижан-Алма-Ата: увольнение в запас

Итог:

11(12) августа 1942 года - Бугульма - призыв в армию -

1 октября 1969 года - Андижан - увольнение в запас.

6. Некоторые правила и приметы армейской жизни. В своем роде неофициальный кодекс. (Серьезно и не очень)

Есть такая профессия - защищать Родину!

Офицер во все времена звучало гордо! А Хрущевский майор Чиж - не звучит, раз из офицеров переквалифицировался в свинари.

Оскорбление младшего по званию - стыд не для него, а для начальника.

Служить, как получится, а расставаться следует по-хорошему.

Кто хочет, тот делает, а кто не хочет - придумывает причины.

Приказ выполняется так, как он отдается.

Субординация: Власть требует уважения, а уважение - расстояния.

В основе субординации - формула: Ты начальник - я дурак, я начальник - ты дурак.

Непререкаемость. Старшина дает команду: «Взять люминивые ложки!» Его поправляют из строя: «Товарищ старшина, не люминивые, а алюминивые». Старшина обрывает: «Старшина сказал, люминь, значит, люминь». И сюда же: «Прав тот, у кого больше прав».

Обмен мнениями с начальником. Зашел к начальнику со своим мнением, а вышел - с его.

Четкость и конкретность армейской команды: «Стоить здесь, иди туда!», «Копай канаву от забора и до обеда!», «Как сказано, так и не сделано».

Из аттестации: «Имеет образование ЦППШ (церковно-приходская школа), плюс ВППШ (высшая партийная школа), плюс 25 лет командирской учобы».

Методика армейского обучения. Краткий рассказ, образцовый показ и тренировка до обалдения.

Карьерист. У нас пьяный технарь кричал на аэродроме, что он карьерист - прослужил в армии 25 лет и дослужился до звания старший техник-лейтенант.

Старинное успокоение. Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут.

Некоторые моменты из опыта армейской службы:

Не вноси предложений - самого заставят их выполнять.

Не подходи к зазвонившему телефону - куда-нибудь пошлют.

Трамвай обходи спереди, а автобус и начальника сзади.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра.

Лучше переесть, чем недоспать.

Не спеши выполнять приказание. Оно может быть обдуманно и отменено.

Подходя к начальнику, постарайся споткнуться. Глядишь, и усмотрит в этом рвение.

Выговор не рак - с ним можно жить долго.

Не огорчайся, когда начальство ругает, зарплата начисляется и за это время.

Стать генералом - дело нереальное, но мечта об этом - дело совсем не постыдное. Генерал - он и в Африке генерал.

Не обгоняй начальника. Он в этом может усмотреть желание обогнать его и по службе.

С начальством ругаться, что с тигром целоваться: удовольствия не получишь, а страху натерпишься.

А это вирши об армии.

Старинные:

«Красавцы в артиллерии,
танцоры в кавалерии,
умники на флоте,
а дураки - в пехоте».

Современные:

«Кому живется весело на службе боевой:
начальнику химической,
начальнику физической,
всем - по политической
и зам по строевой».

И просто страшная фраза, бытующая после Афганистана и Чечни:
«От поражения к поражению... и так - до полной победы».

Думаю, следует чтить этот кодекс, хотя он и не официальный.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ОБ АРМИИ

Прослужив совсем без малого три десятилетия в армии, да и потом до 65 лет, т.е. до полного ухода на пенсию, будучи связанным с армией, я думал, что мне будет совсем не сложно изложить обобщенно свои представления об армии. А когда стал писать, ничего не получилось (допускаю, что я просто устал писать, все-таки непрерывно, хотя и о разном но почти пять лет все пишу, пишу, пишу...). Изложу, пожалуй, в виде отдельных мыслей, которые не обязательно будут связаны между собой и наверное размещены не в хронологическом порядке. Конечно, следовало начать хотя бы с краткого экскурса в историю создания российской армии, но не имея ни одного справочника, я просто не справлюсь с этим. А в настоящее время все три российских канала телевидения и все доступные для меня газеты говорят об армии только плохое. Я же, несмотря на то, что служба у меня была, в общем-то, тяжелая, за время этой службы все-таки утвердился в мысли, что «есть такая профессия - защищать Родину». И думаю, что если составить перечень всех существующих профессий, то военная была бы в этом перечне в самом начале!

Итак, некоторые замечания.

1. Армия комплектуется из людей гражданских, поэтому, несмотря на специальную подготовку и специфику службы, армия не может очень уж сильно отличаться от гражданки. И если сейчас развал и безобразие во всей стране, то примерно то же самое и в армии. Думается, что просто в армии это наиболее заметно. Но мне, прослужившему основное время в относительно спокойной обстановке (я не говорю о войне), просто дико то, что сейчас говорят об армии. А говорят много и чаще о плохом.

Вот только одно сообщение о боеготовности. Сейчас соотношение российской армии и вооруженных сил НАТО по обычным (без ядерного) вооружениям составляет 1:3. Удивительно ли это, если по оценке ЮНЕСКО России определили балл жизнестойкости 1,4. При этом ЮНЕСКО разъясняет, что при величине этого балла ниже 1,4 любая помощь такой стране бессмысленна, т.к. страна не имеет внутренних источников для поступательного развития и иммунитета. Ее удел - медленная деградация. Пусть даже они что-то и врут, но не настолько же.

Промышленные и особенно бюджетные организации (и даже пенсионеры) по многу месяцев не получают зарплату. То же и в армии. Я всю жизнь был связан с истребительной авиацией и видел, как бережно относились к летному составу (мне просто не простили бы самой малейшей недоработки в этом деле), а недавно по ТВ показывали летчиков, которые после полетов идут на разгрузку вагонов с картошкой: нечем кормить семьи. А какой-то капитан первого ранга, командир крейсера, рассказывал

по телевидению, что к нему на корабль прислали группу молодых матросов, так он, договорившись с местными властями и получив от них дополнительные продукты, поставил, как он выразился, «на откорм» этих молодых ребят и горько пошутил: «Боюсь, чтобы их не сдуло с палубы», так все далеки от нормальных физических кондиций.

В стране криминальный беспредел. То же повторяется и в армии. Арестован за хищения генерал армии (!) Кобец, заместитель министра обороны, предан суду бывший командующий Тихоокеанским флотом... А те, что пониже, распродают оружие и боеприпасы и воруют все, что могут. Пару дней назад (в ноябре 1999 года) по телевидению показали группу расхитителей. Военпреды подмосковного (кажется, в Раменском) военного завода воровали и кому-то продавали приборы точного наведения для бомбометания (ведь это даже не чеченцам, у которых и авиации-то нет). А еще раньше показывали командира группы торпедных катеров, который со своими подельниками воровал аккумуляторы с боевых торпед, которые после запуска не шли к цели, а тонули - нет тяги.

Толстой, Лермонтов, Куприн, да и не только они, писали, что в старой царской армии офицеры при одном подозрении на нечестность вызывали на дуэль, или просто стрелялись, а сейчас «господа офицеры» воруют, как каптерщики. Когда я в восьмидесятые годы был у брата Оси в Приморье, то Юлия, его жена, рассказывала, что у старшины из расположенного рядом с ними военного автомобильного училища она купила мешок гречки. А вот что говорил генерал Лебедь, который, будучи секретарем Совета Безопасности России, побывал в Чечне: «С такой армией пора кончать. Я видел на блокпостах испуганных заморышей, одетых в бабьи кофты, сюртуки и камзолы. Это были усталые и равнодушные мальчишки, которых пригнали в чужую страну в качестве пушечного мяса. Они пригодны только чеченским боевикам, когда тем потребуются 10-15 автоматов. И они их получают непременно». Вот так, наша «непобедимая и легендарная»...

А кто-то Хаенко (не записал, кто он, и забыл) пишет, что в настоящее время боевые возможности российской армии таковы, что если бы не ядерное оружие, то ее могут победить финны или турки (впрочем, с финнами мы уже пробовали, оставив самым позорным образом около 200 тысяч убитых и замерзших в лесах и болотах в войну 39-40 годов.) Он же - вот гад! - говорит и такое, что для нас, участников Великой Отечественной, просто «не лезет ни в какие ворота»: «Россия никогда воевать не умела, не умеет и в обозримом будущем, похоже, не научится этому».

2. О войнах. Мы победили немцев в Великой Отечественной войне 41-45 г.г. Но вот что пишет писатель Виктор Астафьев: «Да, мы победили немцев... Вдесятером против одного. Но мы не победили их в той войне.

Мы завалили их собственными телами и утопили их в собственной крови...». Обидно до слез читать подобное. Но если взять цифру в 27 миллионов погибших наших и 6 миллионов немцев, получается пять к одному. А пять миллионов наших пленных, кстати, сдавшихся в плен в основном в 41-42 г.г., и 1 миллион пленных немцев, получается тоже пять к одному. После войны (кажется, уже после смерти Сталина) появилась теория, что без подобных жертв победить было просто нельзя. Не знаю. Быть может, это и так. Но тысячи и тысячи убитых только потому, что нужно было освободить Киев именно к 7 ноября 1943 года, а Берлин взять к 1 мая 1945 года... Да разве только эти города!?. А развязанная нами война в Афганистане принесла нам не только многотысячные потери, но и не прекращающуюся там до сего времени гражданскую войну (слышал, что там погибло более миллиона местных жителей), да и рецидивы ее у нас на Кавказе, в Таджикистане, Киргизстане, Узбекистане...

И уж полный позор для нас - очевидная небоеготовность армии в войне в Чечне (сейчас в октябре-ноябре 99 года какие-то выводы сделали, но ведь жертвы среди мирного населения неисчислимы, а это не какие-то «абстрактные» чеченцы, это граждане России). Воистину, как процитировал Лукин (думский председатель по международным вопросам): «От поражения к поражению. И так до полной победы!»

Как же это получилось, что наша родная армия, наша Красная Армия, о которой было столько хвалебных песен («...От тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее...»), которой мы так гордились, превратилась в то, что она представляет собой сейчас!? Думается, что одной из причин (наверное не единственной) было то, что нам, как и во многих других вопросах, «лапшу на уши вешали»: «Мы победим врага на его территории, притом малой кровью». А вместо этого отступили до Волги, погубив по пути столько своих солдат. Думается, что это полнейшая бездарность наших высших чинов первого времени войны (Ворошилов, Буденный, Тимошенко...), да и полнейшая неподготовленность самой армии. Финский позор тоже ничему не научил. И если отступление в первое время объясняли и неожиданным нападением, и тем, что Сталин «выбил» командные кадры перед войной и преимуществом немцев в технике, то и в Афганистане, и в Чечне армия оказалась в положении, будто у нее и не было опыта ведения четырехлетних боев. Дураки учатся на своих ошибках, а кто же мы, если ничему не научились ни на чужих, ни на своих ошибках. А ведь особенно в Чечне-то у армии были и территориальное преимущество, и преимущество в вооружении (не было разве что атомного). А результаты?..

И, пожалуй, к тому же. Здесь, в Израиле я увидел, как берегут своих солдат. Как берегут солдат в США. В войну в Югославии в плен к сербам

попали два американских солдата (больше у них, кажется, вообще, не было потерь), так они подняли на ноги всю международную общественность, а у нас? Я понимаю, что это кино, что это идеализированно, но все же... В одном кинофильме генерал Апраксин говорит: «Ничего. Наши русские бабы еще нарожают».

3. После Великой Отечественной войны оказалось много недостаточно грамотных офицеров. Они, несомненно, имели определенный боевой опыт, но для руководства армией в условиях мирного времени не были подготовлены. Многих увольняли без должного пенсионного обеспечения. А если учесть, что в большинстве своем они повидали, как живут побежденные немцы, а также граждане «опустошенных» войной Чехословакии, Венгрии, Болгарии, да и Польши тоже, а наши вернулись в полностью разрушенную страну, понятно, было много недовольных. Не берусь утверждать, но вот такое мое личное наблюдение: судя по Алексею Толстому, Булгакову и другим, офицеры разбитой белой армии варили гуталин, работали шоферами и официантами (в эмиграции). Наши же в значительном количестве ушли в криминал.

4. В нашей армии было самое плохое материальное обеспечение из всех армий, о которых мне приходилось слышать. Лет пять назад (первая половина девяностых) тогдашний политический обозреватель газеты «Известия» (сейчас он, кажется, опять там же) Александр Бовин писал, что ефрейтор Кувейта живет лучше нашего генерала. Тогда я принял это за журналистский прием, а сейчас, наслушавшись об обеспечении израильских офицеров, понял, что в этих его словах много правды.

Еще в петровские времена мы взяли у немцев формулу «Солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули неприятеля». А это очень сильно сдерживало инициативу. Я помню по себе, как я боялся встречи с большим начальством - Главный Маршал авиации Судец, Маршал Советского Союза Батицкий. Трижды встречался я с маршалом авиации Савицким и от этих встреч остался неприятный осадок. А ведь у меня в части было значительно лучше, чем во многих других частях. Боялся «палки капрала». Но мы не взяли у тех же немцев (и из того же времени) правило, которое сформулировал еще Фридрих: «Дисциплинарное взыскание накладывается не сгоряча, а только на третий день после совершения проступка, три дня даются для оценки и обдумывания».

А это застал и я: в нашей армии оружие оберегали от своих же солдат. Но вот, помню, что рассказывал бывший начальник АВОКУ генерал Власов, с которым мы соседствовали гаражами в Алма-Ате. Он прибыл в кавалерийский полк в 1937 или 38 году и запомнил длинную коновязь с подвешенными возле каждой лошади карабинами и шашками и лишь

двумя охраняющими все это богатство солдатами по концам коновязи. А уже в шестидесятые годы в солдатских казармах даже при наличии типовых оружейных комнат оружие стали заковывать толстенной арматурой. В школах, несмотря на отлично (у нас в районе - точно) оборудованные оружейные комнаты, отобрали учебное и малокалиберное оружие, а потом и отменили начальную военную подготовку вообще (ну какая же это НВП без оружия!?). А здесь в Израиле солдаты (да часто и солдатки) ходят домой ночевать с оружием, и я что-то и не слышал о самовольном использовании оружия или, тем более о его хищении.

5. Отношение к армии. Об Отечественной войне 1812 года писали Толстой, Лермонтов, Пушкин, Давыдов (это первое, что сейчас пришло на память). О русско-японской войне - Степанов («Порт-Артур»), песни «Варяг», «На сопках Манчжурии». О Великой Отечественной - К. Симонов, А. Твардовский, Б. Слуцкий, К. Ваншенкин, Ю. Друнина, Б. Васильев, Ю. Герман и многие-многие другие. А позже и Таривердиев, Френкель, не перечислять всех. Об Афганистане я слышал только бардов, а о Чечне - и того меньше...

6. Прочитал вот такое. После Великой Отечественной войны Сталин (?) отменил празднование Дня Победы как государственного праздника, отменил льготы награжденным орденами и медалями. Сейчас совсем не редкость, когда на улице старухи, у которых, вполне возможно, мужья остались на войне, говорят: «Навешал железок». Ордена и медали продают и меняют на базаре. Сталин отправил Жукова на Урал, а Рокоссовского в Польшу. Адмирала Флота Советского Союза (это флотский Маршал Советского Союза) Кузнецова разжаловал до контр-адмирала (армейский генерал-майор). Посадил в тюрьму маршалов авиации Новикова и Ворожейкина, маршалов артиллерии Яковлева, Худякова, адмиралов Алафузова и Галлера.

А Л.И. Брежнев в 1966, 1976, 1978, 1981 году четырежды присвоил себе звание Героя Советского Союза, присвоил звание Маршала Советского Союза, наградил орденом «Победа» (он-то к этому какое отношение имел?). Все это да и многое другое и в первую очередь развал Советского Союза и всех составляющих его систем и привели в результате к развалу армии.

Я уже записал, но повторюсь. Об армии по телевидению и в газетах - сплошная чернуха: воровство от замминистра до солдата, дедовщина, побег и самострелы солдат. Летчикам (это летчикам!) нечем кормить семьи. На Тихоокеанском флоте умерли от голода (от голода!) несколько матросов. В армию, как во время войны, идут призывники, имеющие судимости, они переносят тюремные отношения на отношения армейские. В

армию идут с физическими и умственными недостатками. И это далеко не все. Но хватит и этого.

Нужно (жаль, что я там не советник):

Значительно сократить армию.

Хорошо обеспечить армию материально, памятуя мудрое указание еще Наполеона: «Кто не хочет кормить свою армию, тому придется кормить чужую».

Поднять уровень военно-патриотической работы с обязательным воспитанием чувства любви к армии и вообще военнослужащему. С детского сада, в школе восстановить на более высоком, чем прежде, уровне начальную военную подготовку. Поднять статус военнослужащего и особенно офицера. Я бы для поднятия авторитета ввел форму обращения «Господа офицеры» (сначала), а потом и «Ваше благородие» или что-то аналогичное. Думаю, что «их благородие» не будет воровать, хотя и картошку разгружать ему тоже не следовало бы. Кажется, что-то и делается: Штандарт Министра обороны, кадеты, «Честь имею»... Быстрее все это нужно сделать. Хорошо бы восстановить в старинном понимании «Офицерские суды чести», но чтобы они разбирали не дисциплинарные или служебные недоделки офицера (плохая дисциплина, рота получила плохую оценку на строевом смотре и т.п.), а именно вопросы офицерской чести!

ПЕРЕД ПЕНСИЕЙ

Как бы хорошо ни складывалась у Тони работа в школе, но возраст брал свое. И 1980 году в возрасте 55 лет Тоня вышла на пенсию. Тогда существовало правило, согласно которому жены офицеров не лишались пенсионных льгот за вынужденные годы без работы (был маленький ребенок, муж служил в местах, где не было работы и т.п.). Короче, Тоне начислили пенсию в полном размере.

Я продолжал еще девять лет работать и то, что с выходом Тони на пенсию у нас несколько уменьшились общие денежные доходы, мы почти и не почувствовали (я вместе с военной пенсией продолжал получать около пятисот рублей). Но Тоня по складу характера не могла просто находиться на пенсии, и райком партии быстро выдвинул её на должность секретаря парторганизации пенсионеров, которая была сформирована при домоуправлении. Не знаю, какие проблемы их там волновали, но только сбору взносов Тоня уделяла много времени (многие старики болели, и ей приходилось ходить по домам). Я посмотрелся на это и когда сам вышел на пенсию и остался в школьной парторганизации.

В ЗАПАСЕ

Начинаю писать новый раздел и это о совершенно новом и совершенно незнакомом периоде жизни - о жизни в запасе. Как я уже писал, с квартирой и пропиской у меня все было решено во время моего последнего отпуска. А паспорт и пенсионное удостоверение я получил без особых затруднений. Вот вспомнил, что когда получал военный билет, то на вопрос работницы РВК, какую ВУС - военно-учетную специальность - мне поставить, я ответил, что мне безразлично. Но она разъяснила, что это совсем не так. Несмотря на то, что я уволился из авиации, должность у меня была «командир отдельного батальона», а это, как и должность «командир мотострелкового полка», подпадает под военно-учетную специальность №1. Это наиболее беспокойная ВУС в смысле привлечения на различные сборы. И она мне посоветовала, а потом и записала ВУС (номер не помню), «офицер по строительству ракетных площадок», хотя я их и в глаза не видел. Это не редкое явление в военкоматах. А потом в части попадают офицеры, совершенно не разбирающиеся в специальности, по которой они были приписаны. Во всяком случае, когда нас перед моим увольнением проверял Генштаб с развертыванием до штатов военного времени, такое было. Военкоматы, правда, за это здорово ругают. Но зато до самого перевода меня из запаса в отставку я так ни разу и не привлекался ни на какие сборы. Правды ради следует сказать, что с 1972 года я стал работать в школе военруком, а их все равно ни на какие сборы не привлекали (кроме своих военруковских, конечно).

Я не знаю, как сейчас, но тогда существовало правило, согласно которому уволенный из армии офицер имел право не поступать на работу в течение трех месяцев, непрерывный стаж при этом сохранялся. Я, правда, и сейчас не знаю, нужен ли был для меня непрерывный стаж, пенсия-то у меня была военная. Но так уж было принято, что офицеры устраивались на работу в течение трех месяцев со дня увольнения. Так или иначе, а к концу первого месяца я стал томиться от безделья и пошел по нашим офицерам-отставникам узнавать о работе.

Вспомнилось, как офицеры моего поколения постоянно подсчитывали, сколько осталось до пенсии, и постоянно бравировали бытовавшей тогда «формулой»: «Хорошо бы попасть на кадрированную пасеку: чтобы мед был, а пчел не было». А когда дошло до дела и нужно было подыскать работу, я почувствовал растерянность и дискомфорт, тем более что меня сдерживал «потолок» в зарплате - всего 81 рубль. А я, здоровый сорокапятилетний мужик, имел академическое образование и большой опыт работы с людьми и техникой. Это была, несомненно, искусственно скрываемая безработица да и простое наше разгильдяйство и бесхозяйствен-

ность. Вот и сидели здоровые мужики, на которых, прямо скажем, можно было еще долго и успешно пахать и которые умели хорошо работать (не умевших увольняли раньше времени), в различных конторах, перебирая бумажки, с которыми с успехом могли бы справиться выпускники школы, не поступившие в вуз. В лучшем случае они устраивались различными пожарными инспекторами, в отделы техники безопасности или по линии гражданской обороны. И еще вот подумалось, а как сейчас приходится тем офицерам, которые увольняются без квартир, многие без пенсии и очень многие даже без перспективы устроиться на работу.

Но тогда у меня были свои проблемы. Было (посоветовали наши офицеры-пенсионеры) несколько приличных мест работы, но эти работы не соответствовали моему «потолку» 81 рубль (это зарплата, как я потом узнал, уборщицы в нашей школе). Приглашали, например, в аэропорт по профилю аэродромной службы. Конечно, бывший командир ОБАТО - это просто находка для начальника аэропорта, тем более, что он во время войны был командиром полка Ил-2. Но увы, там оклад был 250 рублей, высчитывали бы столько, что я получал бы много меньше, чем свои родные 81,2 рубля. Приглашал Константин Иванович Гольдберг в создаваемый им Республиканский ОСВОД. Приглашал в Республиканский аэроклуб ДОСААФ Василий Жовтый, но все это не подходило. В Казпотребсоюзе работали Исаак Ефимович Мильман, Григорий Островский и Абдулла Гасанов. Они тоже были готовы составить мне протекцию.

Находились среди нашего брата и такие (очень мало, правда), которые вообще не работали. Моя двухсотрублевая пенсия - это оклад директора вполне приличной школы, а учителю за такую зарплату нужно было набирать часов значительно больше своей ставки и вкалывать до умопомрачения (я видел это, работая потом в школе). Но прожитые в постоянном напряжении годы не давали возможности остановиться, тянуло на работу да и просто к людям. Я не мог сидеть дома или, обсуждая международные проблемы, сидеть на лавочке (мне сейчас почти 76 лет, а я так и не научился этому).

Была, правда, работа - в школах стали вводить начальную военную подготовку, а военруку денежный «потолок» не засчитывали, т.к. он готовил молодежь к службе в армии, а наша пенсия тоже шла от армии, вот они и не высчитывали «излишки». Но Тоня настоятельно отговаривала меня (она по себе знала работу в школе), и я ее послушался. А зря. Недаром одно из шуточных житейских правил гласит: «Слушай жену во всем и поступай наоборот». Зря еще и потому, что, в конце концов, в 1972 году я, все-таки, начал работать военруком, нашел себя там и проработал почти 17 лет, до 65-летнего возраста. Но это было потом. Да, забыл: побывал я и в Институте криминалистики, приглашали идти работать следователем

милиции, но, во-первых, менять авиационную форму на милицейскую - меня не поняли бы наши офицеры, а потом - ну какой из меня следователь. Юридическую академию я окончил в 1953 году, а тут заканчивался 1969 год, я не работал по академической специальности 16 лет. Забыл, конечно, все... Короче, не пошел.

Поиск работы продолжался не менее недели, и я, в конце концов, поступил в... магазин-салон «Приборы». Десять из двенадцати работников были старшие офицеры-запасники, в том числе трое из нашей дивизии (они меня туда и пригласили). А директором был бывший начальник штаба стрелковой дивизии. Но главное, это был магазин только по названию. Мы организовывали лекции по внедрению новых приборов для сотрудников научно-исследовательских институтов, читать эти лекции приезжали из Москвы или Ленинграда сами разработчики этих приборов. А потом наши НИИ покупали через нас и, главное, по безналичному расчету, эти приборы. Там было тепло и чисто, а обедать я ходил домой, т.к. это было совсем рядом (угол Красина-Курмангазы). Но темп работы (если это, вообще, можно назвать работой) был таков, что можно было просто уснуть - сильный перепад в нагрузках на организм после «сумасшедшего дома» в ОБАТО. За день к нам заходили не более двух десятков человек, из которых половина - просто поглазеть, увидев, какой-нибудь осциллограф на витрине. А если вдруг появлялся настоящий покупатель, каждый из нас старался затащить его к себе в отдел, т.к. мы просто дурели от безделья. А это было тяжело, тем более что у меня как-то не получалось сидеть, положив перед собою какой-нибудь лист или накладную, и изображать, что я занят изучением данного документа.

В армии, конечно, тоже разные нагрузки в разных службах, но мне после ОБАТО, где только личный состав совсем не давал скучать, не говоря о прочем, такое сидение было явным отступлением от нормы, к которой привык организм за многие годы армейской жизни. Конечно, мы там устраивали различные политзанятия, проводили другие занятия, занимались погрузкой и разгрузкой прибывающих грузов. Все это было не то, чего хотелось. И, проработав чуть более года, я ушел к Володе Лобанову в армейскую окружную кинопрокатную базу начальником отдела секретных и учебных кинофильмов.

И здесь мне хочется отметить одно наблюдение: редко кто из тыловиков нашей дивизии шел работать после увольнения на должности, так или иначе связанные с материальными ценностями, т.к. они представляли, что это такое. И, наоборот, офицеры других служб пробовали себя в этом качестве, полагая, видимо, что не боги горшки лепят. В итоге один еле выпутался с должности начпрод (какой он начпрод, если всю жизнь проработал в моботделе) военного госпиталя, другой до самой смерти радо-

вался, что успел «соскочить живым» с должности начальника снабжения меховой фабрики, третий что-то выплачивал за недостачу имущества высокогорному катку «Медео», где он немного поработал... А мой приятель полковник Соколов быстренько выскочил сначала из окружного военторга, а потом и с должности начальника управления парками города. А Феликсу Басину за то, что мешал воровать в том же парке, устроили «подставу», и он 3 или 4 месяца отсидел в КПЗ, пока его не оправдали по суду.

Должен покаяться: пока я не стал командиром части, я не очень уважительно относился к тыловикам (не раз слышал приписываемую Суворову фразу: «Интенданты и прочая сволочь - на левый фланг!»). И когда я познакомился с этим, став командиром части, я просто благодарил бога за то, что у нас в части были крепкие тыловики. А сколько командиров были сняты с должности за то, что проворовался или просто просчитался начпрод или начвещ... Это, так сказать, наблюдение в защиту тыловиков.

После того, как я проработал у Лобанова где-то около полугода, меня вызвал наш районный военный комиссар полковник Рамазанов (умер давно-давно). Он знал меня еще по дивизии, куда он ходил с просьбами о квартирах к нашему генералу. Он стал меня «сватать» на должность военрука, предлагая любую школу района по моему выбору (у меня все-таки была академия, а она и на гражданке - академия). Дело в том, что с сентября 1972 года начальная военная подготовка вводилась во всех школах Союза, а для этого военкоматам предстояло подобрать большое количество офицеров запаса. До этого НВП была (для пробы) введена лишь в 40% школ. По рекомендации Рамазанова я согласился на СШ №12 - школа с казахским языком обучения, но преподавание НВП во всех школах Союза предполагалось на русском языке, а городские казахи говорили по-русски просто хорошо (фактически - второй родной язык) - и на полставки в СШ №28 им. Маншук Маметовой, в которой был всего один девятый и один десятый классы и отдельный военрук им не полагался. Директором нашей (12-й) школы была Рафика Бекеновна Нуртазина, с которой я проработал около пятнадцати лет, а в СШ №28 - Галина Тимофеевна Пшенина. Школы располагались рядом и имели общий двор (на втором этаже был даже переход из нашей школы в 28-ю). Июнь я еще оставался работать на кинобазе и имел возможность запастись некоторыми материалами для оформления будущего военного кабинета.

В порядке отступления хочу отметить одно немаловажное в моей жизни событие: 7 февраля 1972 года мы с Тоней отпраздновали серебряную свадьбу. У нас сохранились несколько фотографий этого мероприятия. И здесь еще один момент: пережив с Тоней и золотую свадьбу, мы так и не обменялись золотыми кольцами, хотя различных золотых украшений ко времени нашего отъезда в Израиль у Тони набралось около по-

лутора десятков. И все это Тоня раздала внукам. Среди этого, правда, было и обручальное кольцо, которое я подарил ей к серебряной свадьбе. Себе я так и не удосужился приобрести. В феврале 1947 года было не до этого, для свадьбы я даже продал одну пару сапог... Ничего, по-моему, обошлось.

Алма-Ата. На серебряной свадьбе

7 февраля 1972 года мы с Тоней отметили серебряную свадьбу

ВОЕНРУК СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Июль 1972 года я был на городских установочных сборах, которые проводил республиканский военный комиссариат. Как всегда, на такие сборы в качестве руководителей (преподавателей) привлекались не только те, кто знакомил нас с совершенно новой для нас отраслью, например, методикой преподавания, делился опытом работы с детьми (НВП вводилась в 9-х и 10-х классах, но военрук становился полноправным учителем и ему приходилось иметь дело со всеми категориями учащихся) и вообще с основами педагогики. В пединститутах учатся по пять лет, а нам обо всем этом, хотя и до безобразия коротко, нужно было рассказать в течение одного месяца. Так вот, кроме нужных (это мое определение) преподавателей по этому новому делу, были и люди, которые рассказывали нам об уставах советской армии (большинство из нас прослужили в армии по два-три десятка лет и об уставах-то мы были «наслышаны» досыта), или о победах Советской Армии в Великой Отечественной войне (больше половины из нас были участниками той войны и рассказать о ней каждый из нас мог не меньше нашего наставника), ну и тому подобные вещи. Как мне показалось, а после некоторого времени работы в школе я в этом убедился, эти люди сами не имели опыта в подобном деле, план сборов поручили составить человеку тоже неопытному, вот они и заполняли «пустые места».

К тому же и состав военруков был очень разнородный: по возрасту - от армейских пенсионеров до лейтенантов, уволенных из армии, например, по состоянию здоровья; по образованию - от людей, имеющих академическое и университетское образование, до военных сверхсрочников; по опыту работы с личным составом во время службы в армии - я был командиром отдельного батальона, были заместители и начальники штаба батальона и полка, а были и офицеры, прослужившие всю службу начпродом, начвещем и т.п. По моим наблюдениям, прошло года два или три, пока подобрался более-менее ровный состав военруков города: ушли те, кто с первых же дней не сошелся с директором школы, с коллективом, кому не понравилась черновая работа от оборудования класса до уборки его, кто, наконец, не смог найти себя в отношениях с ребятами.

Тогда в городе были, кажется, более ста двадцати школ, с десятков-полтора техникумов различной направленности, да видимо, столько же ГПТУ, были железнодорожные школы. И у всех военруков было свое начальство по линии образования, но все также подчинялись военкоматам по территориальному признаку. Наши городские школы были самыми массовыми, мы подчинялись ГорОНО. С остальными военруками мы общались в основном на различных общегородских (иногда и общеобласт-

ных) сборах или совещаниях, «разборах полетов» по моей прежней терминологии. Уверен, что изначально самыми подготовленными к работе военруками были уволенные в запас бывшие преподаватели военных училищ (в городе было два полноценных высших военных училища - АВОКУ и пограничное). Офицеры эти были отлично подготовлены во всех отношениях, да и курсанты первого курса - это прошлогодние ученики 10 класса. Но в конце концов выявились приоритеты и определились лучшие (по результатам проверок и обустройству, ведению уроков и по знаниям учащихся) военные руководители.

А самое главное, что я «ухватил» на этих сборах - основой начальной военной подготовки является учебно-материальная база. И дело не в армейской «показухе», на что пытались указывать некоторые коллеги-военруки, которые так и не создали требуемой базы. Да и многие проверяющие особенно из военкоматов и даже штаба армии (по этой линии мы подчинялись зам. командующего округом по ВВУЗам генерал-лейтенанту Тюкачеву) не всегда глубоко вникали в суть дела при проверках, ограничиваясь зачастую констатацией формального соответствия учебно-материальной базы требованиям инструкций.

Но, проработав почти два десятка лет в школе, я убедился в правильности выбора приоритета. Имея учебно-материальную базу, можно было освоить программу, хотя, конечно, можно было этого и не добиться. Но не имея материальной базы сделать этого было нельзя, это уж точно.

Конечно, хорошо, когда кабинеты математики или, допустим, русского языка и литературы хорошо оборудованы. Но, в конце концов, имея классную доску и мел, хороший (конечно, только хороший) учитель сможет многому научить ребят. Но самый лучший, пусть лучший из лучших военрук не сможет научить ребят стрельбе, не имея оборудованного стрелкового тира или просто стрельбища (но это, конечно, в сельской местности), строевым приемам без строевого плаца или, например, переползать, бросать гранату, рыть окопы и многому-многому другому из предусмотренного программой НВП. И в самом деле, нельзя же на асфальте научить окапыванию, а без турника подтягиванию. У меня все сложилось хорошо. Дальше я опишу все подробно, а сейчас совсем бегло.

Директор школы, Нуртазина Рафика Бекеновна, Герой Социалистического Труда (уже при мне она стала кандидатом педагогических наук по вопросам преподавания русского языка и литературы в национальной школе). Умный человек, она, мне кажется, быстро поняла, что на модной в это время волне (а эту моду всячески подогревали мы, военруки) можно поднять престиж школы (никому не в обиду будь сказано, но мне с первых дней показалось, что ее устраивают далеко не все её учителя).

Рафика Бекеновна Нуртаева (www.kazpravda.kz/c/1299367043)

Мне работа понравилась, а потом и увлекла, а после моего, прямо скажем, богатого армейского опыта да на фоне зачастую инертных или просто не умеющих что-то организовать учителей, я быстро освоил эту часть деятельности в школьных условиях. А вскоре я сумел заинтересовать и ребят.

У нас были прекрасные и богатые шефы, «Госкомсельхозтехника». А наш главный шеф, зам. председателя этой организации Евгений Антонович Каменев, крайне доброжелательно к нам относился. Ну а я, исповедуя доброе старое правило «Да не оскудеет рука дающего - да не отсохнет рука берущего!» (а еще во время моей службы в инжбате этот метод был чуть ли ни единственным способом снабжения), сумел подключить к этому делу и Казахскую Академию наук, штаб ГО республики, Институт геологии и другие организации города, где я частенько бывал. А так как НВП была делом новым и такие пробивные учителя тоже были для них внове, то с самого начала я собрал достаточно много для оборудования своего кабинета. Короче говоря, скоро у меня был один из лучших военных кабинетов в городе. Чуть позже понятие «Военный кабинет» стало включать в себя все, что входило в перечень инструкции об оборудовании «Полного комплекса начальной военной подготовки».

В 1972 году меня одного (остальные там были от начальства) послали в Москву на всесоюзную конференцию по НВП. Потом я еще трижды принимал участие в подобных мероприятиях: В Караганде, Ставрополе и Намангане. Все это давало общение с другими военруками, я слушал выступления союзного министра Прокофьева и, главное, я видел лучшие школы (показывали ведь лучшие) Москвы, Караганды, Ставрополя, Узбекистана, было что перенять и использовать у себя. Но это было позже.

А когда в августе 72 года Рафика Бекеновна вернулась из отпуска и увидела, сколько за это время я успел сделать по оснащению своего кабинета, ей все очень понравилось. Во всяком случае, на первом же педсовете она меня очень хвалила. А совсем скоро учителя по-настоящему приняли меня в свой коллектив. И за 17 лет моей работы в школе отношения у нас были самые наилучшие.

Казахи вообще люди гостеприимные, а по отношению к тем, кому симпатизируют, особенно: за время работы в школе меня приглашали на свадьбы и различные юбилеи, на всевозможные мероприятия, проводимые как в школе, так и дома, все это сопровождалось, как они говорили, «дастарханом». К сожалению, ответные приглашения я сумел сделать только дважды: первый раз в школе, когда мне исполнилось пятьдесят лет - это для всех, и второй раз - на свадьбу Юры в городском ресторане. Но впервые с «дастарханом» я познакомился в августе 1972 года. Учительница Алия Аяповна Дуйсенова (кстати, кавалер Ордена Ленина) летом женила сына, а так как все учителя были в отпусках, в августе решила повторить (в сокращенном варианте) и для своих учителей, которых она пригласила к себе домой. Помню, как Рафика Бекеновна, открывая это хорошее мероприятие, сказала: «Первый тост из уважения к Борису Владимировичу на русском языке». А потом мне в уголочке поставили большое блюдо бешбармака (свидетельствую: отличная вещь, а с бутылкой коньяка, которую мне выделили - вдвойне). И должен признаться (к стыду своему, конечно): за без малого два десятка лет совместной работы с казахами я так и не осилил казахский язык. То ли я такой бестолковый, то ли просто лодырь. Наверное скорее второе, хотя и первое отвергать не могу. И еще: за все время совместной работы я так и не уяснил, откуда у моих коллег были возможности довольно-таки свободного пользования денежными средствами (я имею в виду для себя, а не для школы). Правда, многое (мясо в основном) поступало из аулов, в которых у них было много родни.

В школе я столкнулся с несколькими особенностями. Во-первых, это был почти полностью женский коллектив. Из пятидесяти (а в конце более семидесяти) человек, кроме меня были мужчины: историк, физик, трудовик, физкультурники. Впрочем, похоже, так было во всех школах. Во-

вторых, для меня совершенно неожиданным оказалось, что я совершенно не знаю, как вести себя с ребятами. Я почти тридцать лет общался с солдатами, а тут вдруг оказалось нечто иное. Усугублялось это еще и тем, что в 1972 году НВП только вводили - не было ни традиций, ни преемственности. Это потом ребята младших классов, глядя на занятия старшеклассников, как-то заранее подготавливались к этому. Плюс ко всему, 1972/73 учебный год десятиклассники занимались по отдельной программе, рассчитанной всего на один год. А кроме того - малознакомая специфика национальной школы... У меня иногда даже появлялось желание бросить школу, казалось, что я сел не в свои сани. Этот дискомфорт прошел в основном с началом следующего года. В коллективах обеих школ ко мне отнеслись доброжелательно, а посещения моих уроков директорами и завучами помогли понять азы педагогики, точнее построения урока.

С ребятами я сжился еще и потому, что с 1973 наш Витя пошел в 9-й класс и я как бы «преломлял» на них свои отношения с Витей. И еще, я думаю, сыграло свою роль то, что ребята видели, как я вкалываю с утра до позднего вечера, а это несомненно ими ценилось и они, наверное, прощали мои непедagogические ляпы.

В это время Рафика Бекеновна привела ко мне и определила моим лаборантом хорошего парня. Это Ермек Хабибулович Макулбаев (*в 2015 году его сын Куаныш написал мне, что правильно читать Ермек Хажиевич. Спасибо. Юрий Белиловский*). Он был толковым художником, умевшим оформлять в армейском духе (без «петухов») все, что я ему поручал по военному кабинету. Ермек позже окончил художественный факультет Казахского педагогического университета (сегодняшнее название), а потом и аспирантуру. Но у нас и в это время, и потом он периодически появлялся и помогал с оформлением. Особо ощутимую помощь он оказал мне при оформлении первого варианта военного кабинета.

Я уже отмечал, что в школе ко мне было самое доброжелательное отношение и это сохранилось до самого конца работы. Кажется, лет четырнадцать я работал при директорствовавшей Рафике Бекеновне, потом директором стала Дамеля Нугмановна Даниярова, а после декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате директором школы была назначена бывшая второй секретарь обкома партии Шамша Копбаевна Беркимбаева. После нее (я уже уволился) директором поставили снятую с нашего же РОНО Алию Каирбековну Каирбекову, а потом опять появился новый директор. Это я к тому, что за первые 14 лет (из моих 17) в школе директором была только Рафика Бекеновна Нуртазина, а за оставшееся время (примерно 3 года) директора менялись очень часто. Еще больше сменилось за это время завучей и организаторов внеклассной работы. Со всеми у меня были хорошие отношения. И это при том, что между собой у педа-

гогов отношения были неважные: было много дрызг и жалоб... Здесь я вижу три причины.

У меня в самом деле всё было хорошо и школа, как правило, из-за НВП позитивно упоминалась на разных уровнях. А я часто подчеркивал, что все, что сделано в школе, не моя (не только моя) заслуга, а плод труда всего коллектива. Это нравилось.

На мои учебные часы никто не претендовал (как и я на их часы). Я и так вместе с пенсией получал более чем в два раза больше директора школы, а дележ нагрузки был основным поводом для различных жалоб.

Я вообще старался (и это получалось) держаться в стороне от всяких внутришкольных «подводных течений», тем более, что они в основном были между женщинами.

Стоит похвастаться и тем, что мой авторитет в школе настолько быстро поднялся, что и срок моего отпуска, и мое расписание занятий, и многое другое (например, распределение технических средств, добытых Рафикой Бекеновной) нередко согласовывались со мной. Поэтому, когда в 1983 году меня первым среди военруков (в Казахстане - это точно, но в минпросе говорили, что и в Союзе) представили к награде знаком «Отличник просвещения СССР» (довольно редкая награда в то время), были многочисленные поздравления в мой адрес.

В 1976 году было завершено строительство новой школы (три этажа, 1176 учащихся) по адресу: угол ул. Красина - Комсомольская, и мы переехали туда. Мне кажется, что Рафика Бекеновна шла навстречу мне еще и потому, что основную заботу по устройству комплекса НВП и, главное, по выколачиванию денег на это, я взял на себя. А директор в основном подписывала приготовленные мной (у меня была печатная машинка) бумаги. Ну не мог же я в самом деле с моим тридцатилетним армейским стажем идти к ней и просить, как, допустим, учительница географии, купить мне глобус или географическую карту. Это, кстати, помогало мне забирать некоторую часть материалов: больших листов оргстекла, картона, ватмана да и другого, что добывала Рафика Бекеновна. Я как-то умел находить доказательства того, что мне это нужнее, чем другим.

Но главным моим достижением было то, что мне выделили не только военный кабинет и оружейную комнату (это было заложено и в проект здания), но и дали комнатку, в которой я оборудовал методический кабинет по НВП. Т.к. во многих школах не было не только методического кабинета НВП, но и общешкольного методического кабинета, то (от греха подальше) я назвал его общерайонным методическим кабинетом НВП (я был к этому времени как бы старшим военруком района). Я не слышал, а побывав я во многих городах страны и интересовался этим, чтобы такой кабинет был где-то еще. Выделили мне и большую комнату, где мы обо-

рудовали кабинет ГО. А чуть позже на третьем этаже мне дали еще один кабинет, где мы создали Музей Боевой Славы.

Впрочем, со временем я прибрал больше половины рекреации первого этажа, почти весь подвал и большую часть земельного участка во дворе. Помню, как зав. ГорОНО, побывав в школе, заметил: «Это конечно, впечатляет, что вы оборудовали, но у вас все-таки обычная учебная средняя школа, а не военное училище».

Я понимаю, что не в каждой школе директор так был расположен к начальной военной подготовке, далеко не у всех были такие шефы, не все военруки умели, а главное, хотели ходить от шефов до горкома партии и минпроса и пробивать средства для школы. Вспомнилось, когда я в обход директора достал 8 тысяч рублей на строительство стрелкового тира, и Рафика Бекеновна на педсовете сказала: «Имей совесть, поделись хоть немногим и со школой!» - не поделился, самому были нужны.

И еще хочу сказать о разговоре с военруком средней школы №33 Сергеем Андреевичем Маштаковым. Когда я был в Андижане командиром части, Сергей был командиром автомобильной роты (это я к тому, что разговор у нас был без особого стеснения). Так вот, он мне сказал, что я вкалываю с утра до ночи, а добился того, что кроме своих проверяющих (РОНО, ГорОНО, РВК, минпрос, штаб округа) меня представляют всем московским комиссиям, всяческим сборам и гостям. Его же проверили всего один раз, убедились в убогости и вот уже 10 лет к нему никто не ходит и никого не присылают. А зарплата у нас с ним одинаковая, у меня, правда, пенсия побольше. Но это я заработал не в школе. Больше того, есть школы, где военрук получает больше меня: зарплата военрука зависела не от успехов и даже не от наличия учебно-материальной базы, а от количества 9-х и 10-х классов. Не сомневаюсь, что этот вопрос не был достаточно проработан. И Маштаков в чем-то был прав. Но у меня был другой подход к этому. Работа в школе мне нравилась, создавать требуемую учебно-материальную базу тоже нравилось. А когда нашу школу на различных совещаниях и сборах ставили в пример, было вдвойне приятно (говорят, что и кошке, когда ее хвалят, нравится).

Кажется, в конце семидесятых годов школы города проверял штаб ГО. Нашу школу проверял начальник ГО города полковник Гирш. В составе комиссии был и бывший начальник политотдела нашей дивизии полковник Семин Виктор Иванович. После проверки в здании старого дворца пионеров состоялся разбор. Там так расхвалили нашу школу, что было даже немного неудобно. В результате проверки председателем горисполкома (он был начальником штаба ГО города) был издан приказ, согласно которому в каждом районе требовалось создать по одной базовой школе ГО. И в качестве образца была названа наша школа.

Ниже я постараюсь перечислить все, что мы создали в школе, а сейчас совсем коротко: в 1976 году мы перешли в новое здание школы, хотя сама школа существовала с 1924 г., нам как новой школе выделили какую-то сумму для обустройства. Не дожидаясь дележа этих денег, я заказал в художественной мастерской пединститута однотипное художественное оформление своих кабинетов. Фанеру для стендов я достал в какой-то организации, подключив к этому райисполком. А в городской организации ДОСААФ я заказал много стендов на металле для строевого плаца, площадки ГО, караульного городка, военно-физкультурного городка и для стрелкового тира. Там же я заказал большой (примерно 3х2 метра) макет местности с имитацией ядерного взрыва. Для этого макета мы изготовили специальный стол, за которым могли разместиться 18 человек.

В это время на командном пункте «моей» дивизии проводилась реконструкция, и начальник КП Боря Воронов отдал мне много цифровых индикаторных ламп, а потом его же солдаты оборудовали мне на этом столе главный и 18 локальных пультов. Я попробовал и увидел, что за один урок можно задать и получить по десятку ответов у 30-35 учащихся. Правда, для этого мне пришлось разработать целую книгу вопросников, которую (экземпляров пятьдесят) я отпечатал в типографии какого-то института (помог чей-то папа). Кроме того, когда я еще работал по совместительству в СШ №28, там учился сын генерал-лейтенанта Алибекова, начальника штаба ГО республики. Я прорвался к нему на прием и выпросил штук 16-18 защитных костюмов, много списанных противогазов и штук 15-17 различных приборов. В это время в штабе ГО начальником ремонтных мастерских работал наш бывший начальник РТВ дивизии Михаил Натанович Серый, он мне отремонтировал эти приборы. Таким образом, я мог на уроке одновременно одеть всех парней в защитные костюмы, тогда как в других школах их было по одному, в лучшем случае по два. У меня было по одному прибору на двух учеников, тогда как в большинстве других школ их практически не было. И противогазов у меня было штук 220-250.

Кстати, о лаборанте. Мне он не был положен по штату. Но я расписал всю свою учебно-материальную базу (в том числе еще и не сделанную, а только планируемую), заручился визами ГорОНО и отдела НВП минпроса, и дошел до заместителя министра, который ввел мне в штат должность лаборанта НВП. Рафика Бекеновна удивлялась такой хватке и тому, что я многое делал без согласования с ней, но она видела результат. Ну, а должность лаборанта мне очень помогла при оформлении кабинетов чеканкой, изготовлением и установкой приборов, электростендов и т.п.

Ко мне на уроки часто приводили директоров, завучей, не говоря уже о военруках, для которых достаточно часто приходилось давать от-

крытые уроки. И если директора, завучи, да и просто учителя были специалистами по вопросам построения урока и замечали малейшие мои промахи в этой части, то военруки видели другое: неточности в оформлении военного кабинета, ошибки в форме или содержании доклада командира взвода, форме одежды учащихся, правильности моих команд да и многих других элементах НВП. Но думаю также, что многих из гостей я просто «давил» богатством и насыщенностью кабинетов, поэтому они и были вполне снисходительными в оценке урока. Помню, как на разборе одного урока в присутствии директора института усовершенствования учителей завуч одной школы сказала: «Вы обратили внимание, что он (я, то есть) за весь урок не взял в руки мел». А зачем он мне был нужен? Тема урока и вопросы высвечивались на электрическом табло. По самым мелким вопросам у меня было по три-четыре красочных плаката, результаты опроса выдавала моя машина - пульт с электрическими цифровыми лампами. Хронометраж, допустим, по нормативам разработки и сборки АКМ, одевания противогаза и др. высвечивался на больших специальных часах, домашнее задание было записано на отдельном стенде... Сюда же стоит добавить, что я научился достаточно чутко улавливать веяния моды: межпредметные связи, партийность и материалы последнего съезда или еще какие-то последние указания я обязательно включал в открытые-то уроки. В то же время, у многих военруков проявлялся какой-то зуд: они просто выискивали малейшие несоответствия инструкциям или тому, что лично им казалось правильным.

Нужно заметить, что мое поколение военных руководителей в значительной массе были участниками войны. Многие из них не имели не только высшего, но даже и среднего образования. В порядке шутки вспомнились такие их «перлы»: «Учителька», «Давайте поздороваемся»... И все же несмотря на дополнительный труд при подготовке к открытым урокам и волнение при их разборах, я извлекал много полезного для себя и со временем по оценке Рафики Бекеновны, а она для меня в вопросах педагогики была непререкаемым авторитетом, я стал давать вполне приличные уроки. Впрочем, со временем я стал и своё мнение отстаивать. Вот три вспомнившиеся случая, без особых подробностей:

Наши завучи сделали мне замечание, что у кого-то из учеников по огневой подготовке, которая проводилась в течение всей четверти, в журнале стояли оценки, допустим, 1-2-3-4-5, а я поставил ему за четверть «отлично». Я понимал, что педагогические правила не разрешают подобного при освоении разных разделов программы: например, Пушкин, Лермонтов, Тургенев. Но у меня-то только стрельба. За что же я поставлю тройку или четверку, если он стреляет на отлично, хотя в начале четверти стрелял и слабо. Он научился и сейчас стреляет отлично. Я, правда, чуть

ли не с самого начала (а у меня сохранились журналы за все семнадцать лет) вел еще и свой журнал, прикрываясь тем, что у меня недопустимо корявый почерк, да и журналы наши велись на казахском языке.

Как-то один из проверяющих был у меня на первом и третьем уроках (оба урока были в параллельных десятых классах и по одной теме). А потом при разборе сделал замечание, что оба урока были одинаковыми, не внес, мол, разнообразия. Не знаю... Классы и ученики-то были совсем разные - другие.

Я несколько расширил ритуал начала урока. Построение перед началом урока я проводил в коридоре перед дверьми класса, где у меня было устроено прекрасно оборудованное место для построения. Проверку и доклады командиру взвода делали командиры отделений, а он уже мне - тем самым я привлекал много учеников к строевым действиям и, главное, к тому, что в армии называется строевой сплоченностью, в данном случае взвода. Обвинили, что отрываю время от урока. Ну, во-первых, кроме двух-трех первых уроков, когда я учил их этому, времени на все это уходило не более трех минут, которые компенсировались тем, что тема урока у меня высвечивалась на табло, перекличку я не проводил, т.к. командир взвода давал мне маленькую строевую записку, которую он составлял по результатам докладов командиров отделений во время построения. А там кроме отсутствующих были и опоздавшие, что было крайне редко, и нарушившие форму одежды. Но главное: а почему предупредительное построение само по себе не является уроком?

Конечно, как и все учителя, к открытому уроку я готовился специально. Хуже было, когда на урок приходили неожиданно, без предупреждения, особенно если приходило большое начальство. Так однажды минуты через 3-4 после начала, не предупредив даже директора школы, ко мне на урок пришел заместитель министра Сидоров и привел с собою человек десять заведующих ОблОно (они были у него на каком-то совещании). Другой раз на урок по строевой подготовке мой министерский шеф Петр Фомич Коротков привел начальника отдела НВП минпроса СССР полковника Аверина. Ну а наши военные от РВК до штаба округа вообще не имели привычки предупреждать о своем прибытии в школу - приезжали и прямо вваливались на урок. И ладно если это был наш райвоенком полковник Жуматаев, хуже, когда ко мне дважды на урок пришел зам. командующего округа по ВВУЗам. Я понимаю, что не могли его везти в плохую школу, но позвонить-то можно было бы. Я просил их об этом. Обещали. Но продолжалось по-прежнему.

Прежде чем описать всю учебно-материальную базу, которую нам удалось создать к началу восьмидесятых годов (мы всё закончили к 82 или 83 учебному году, значит на это ушло 10 лет работы в школе), рас-

скажу еще об одном из многих случаев «выбивания денег», которые давали нам возможность довести учебно-материальную базу до полного соответствия нормативным требованиям. Я уже написал, что нас проверял штаб ГО, после чего вышел приказ о создании в каждой базовой школе специального оборудованного класса ГО и о выделении для этого денежных средств. Так вот, в семь районов такие деньги выделили, а нам не дали, сославшись на то, что в приказе сказано, что у нас уже имеется кабинет ГО. А деньги нам нужны были позарез и не для класса ГО, а для стрелкового тира, который по значимости составил бы большую половину всего учебного комплекса НВП. Перечислю, где с просьбой о выделении денег на строительство стрелкового тира побывал я не единожды: РайОНО, ГорОНО, минпрос, рай- и облвоенкоматы, штаб округа, райком и горком партии. При этом я ходил не просто с разговорами, а с примерными чертежами и расчетами стоимости. Везде мне выражали сочувствие и понимание и давали советы типа «найдите себе шефов, которые помогут построить тир». Подобная «помощь» у нас была хорошо отработана. И это останавливало многих: походят-походят и плюнут.

Я пошел на определенную провокацию: взял и написал жалобу в горисполком на своего начальника, заведующего ГорОНО, в которой указал, что распоряжение горисполкома тот не выполняет. Рафика Бекеновна, прочитав, сказала, что я сошел с ума - жаловаться на зав. ГорОНО. Я все равно поставил две подписи. Сам подписал, а против фамилии директора написал, что она отказалась подписывать. Школы в городе курировала Нина Николаевна Жаворонкова, очень жесткий человек. Я пару раз присутствовал при ее разговорах с различными работниками: металла в ее голосе хватало. Наш зав. ГорОНО боялся ее как огня. Письмо попало к ней. Она дала команду, и нам немедленно выделили 8 тысяч рублей, которые я просил. Сумма для школы в то время достаточно большая.

Нужно сказать, что в подготовительных работах по строительству нашего тира принимали участие все школы района. Когда у нас при школе был районный лагерь, я уговорил военруков, чтобы они по одному дню отработали на углублении земли, затаскивании кирпича и т.п., а потом я им давал пострелять, т.к. наш тир был первым в районе и одним из первых в городе. Таким образом, к началу восьмидесятых годов у нас был оборудован полный комплекс начальной военной подготовки. Еще один полный комплекс был в СШ №5. Но им было легче, т.к. их шефом был штаб КСАВО. Правда, после большой проверки в 1983 году штабом КСАВО школ города и области эта работа активизировалась, и к моему увольнению в 1989 году в городе было примерно 40% школ, имеющих, разного качества, конечно, полные комплексы учебно-материальной базы НВП.

Мне хочется перед самым собой похвастаться. Приятные воспоминания - это приятные эмоции. Тем более что как бы я в своих разговорах ни притягивал коллектив школы в качестве соавтора создания учебно-материальной базы НВП, и я, да и все, кого это касалось, знали, что это в основном моя заслуга.

Но до этого еще одно. Где-то с конца семидесятых годов я стал штатным инспектором РайОНО по НВП, что-то вроде старшего военрука. Правда, курировала НВП и ГО кто-то из штатных инспекторов РайОНО. Но она, во-первых, была сильно загружена общешкольными вопросами, а во-вторых, очень во многих вопросах НВП просто не разбиралась, хотя мы и звали ее «нашим фельдмаршалом». И по всем вопросам НВП и ГО она полностью полагалась на меня.

Я начал эту работу с того, что активизировал связку РайОНО-РВК-школы: не было дня, чтобы между ними не проводились хоть какие-то переговоры. Потом совещания, разбор ситуации. Думаю, что решающим было то, что я сумел вовлечь в эту работу райисполком (сначала Бориса Васильевича Мещерякова), а потом и райком партии (сначала Андрея Поликарповича Заикина, бывшего полковника-пограничника, затем Валентину Григорьевну, а потом и второго секретаря Прибосного Василия Карповича). Получилось, что различные указания, которые готовил я, давались как бы от имени райкома партии. А это уже было совсем другое звучание. И через пару лет наш район вышел по НВП на первое место в городе, состоявшем из 8 районов.

А теперь более подробно о нашей материальной базе. Перечислю не по важности, а начиная с угла школьного здания.

Комната для хранения оружия находилась в небольшой комнатке (стены, полы и потолки бетонные). Двойные двери выходили в военный кабинет и были связаны с пультом сигнализации вневедомственной охраны милиции. Комнату я разделил на две части металлической решеткой. В большей части находились защитные костюмы, около сотни макетов автомата Калашникова, которые изготовили в специализированной мастерской ДОСААФ Ростовской области, а я упросил АН КазССР их оплатить. Там же было много другого вспомогательного имущества. В маленькой половине находились металлические сейфы, в которых хранились малокалиберные винтовки, учебные АКМ, мины и гранаты. Порядок хранения оружия проверяли (и довольно часто) КГБ, МВД, райотдел милиции, РВК, ГорОНО, минпрос, а в остальных школах района проверял еще и я.

Военный кабинет располагался в самом большом классе (12 метров в длину). Так как из-за длины мне плохо было бы видно ребят, сидящих сзади, я упросил строителей и они сделали полы «лесенкой». Стены были оформлены солидно и красиво в художественной мастерской пединститу-

та. Оформление точно соответствовало требованиям инструкции. Небольшая самостоятельность допускалась только в оформлении, а порядок размещения, содержание и другое должно было точно соответствовать инструкции. Столы, покрытые светлым пластиком, были пронумерованы, и за них садились постоянно одни и те же ученики, а состояние столов контролировали командиры отделений. И если Рафика Бекеновна регулярно меняла мебель в учебных классах, то я, как получил мебель в 1976 году, так и сдал при увольнении в 1989 году (ни на одном столе не было ни выбоин, ни царапин). На столе, на тетради, на противогазе, на учебнике и др. у каждого ученика стоял свой номер (один и тот же), это приучало ребят к порядку, а мне было легче контролировать состояние имущества. Передняя стенка была отодвинута от основной кирпичной стены на три четверти метра, она была сделана из фанеры на каркасе из толстых брусьев. На стенке кроме положенного по инструкции оформления были встроены четыре больших электрифицированных стенда, изготовленных в досафовской мастерской: «Разборка и сборка АКМ», «Траектория полета пули», и др. Управление всеми стендами было выведено на общий пульт, с которого я имел возможность их демонстрировать. Вверху высвечивались тема урока и основные вопросы. Там же были установлены радиоприемник и телевизор, магнитофон, магнитная доска, за которой был экран для демонстрации кино (экран был дневного видения, а кинопроектор «Украина»). Учебные кинофильмы мне давали по старой памяти у Володи Лобанова на окружной кинопрокатной базе. На роликах передвигались две большие классные доски.

Большой стол учителя был покрыт толстым текстолитом, на нем, как правило, ребята сдавали зачеты по сборке и разборке АКМ. В стол под толстым оргстеклом были вмонтированы проигрыватель и магнитофон. На столе при необходимости я устанавливал большие (50х50 см) часы-табло, где показывалось не время, а оценки за разборку и сборку АКМ, одевание противогаза и другие нормативы: 2,3,4,5. У меня был и обычный секундомер, а этот использовали ученики при тренировках. И интересно, и помогало.

Оформление военного кабинета в сжатой форме, конечно, раскрывало все содержание учебной программы, но у меня были и около двухсот больших и красочных плакатов, с двух сторон наклеенных на картонное основание, множество диафильмов и диапозитивов (о кинофильмах я уже упоминал). Главной задачей военного кабинета я считал создание атмосферы военного помещения: ученики были в военных рубашках, столы в классе стояли на установленном УВС (устав внутренней службы) отдалении от стены, были внутренние описи и прочее. Бесцельно рассматривать картинки и очень хорошо исполненные чеканки я ребятам не позволял.

Впрочем, один из первых уроков я тратил на то, чтобы детально знакомить ребят со всеми элементами учебно-материальной базы.

Методический кабинет НВП. Я уже рассказал, что отдельного методического кабинета по НВП в других школах Казахстана не было. Нашим же пользовались многие военруки и не только нашего района: они брали у меня различные методические разработки, плакаты, диафильмы и многое другое (возвращали, обычно, после многократного напоминания). Оформление кабинета я взял из Тониных книг по методике преподавания истории, приспособив материал к НВП. Кроме того, у меня был большой стенд с фотографиями всех командиров отделений и взводов за все семнадцать лет моей работы. Были и фотографии наших выпускников - курсантов военных училищ и тех, кто стал офицером. Но главным, конечно, было большое количество различной литературы (учебников). Ребята, так сказать, «добровольно-принудительно» сдавали мне свои учебники после окончания школы, а т.к. все учебники и тетради были обернуты выданной мной специальной белой толстой бумагой и имели однотипные надписи, то при сдаче всё было аккуратным, без «картинок» и ненужных надписей.

И все это было сведено в картотеки, общую и по темам программы, что было очень полезно, т.к. открыв какую либо карточку по определенной теме, можно было найти целый перечень источников из имеющегося у меня материала. Правда, для создания всего этого, мне пришлось очень много потрудиться. Но мне нравилось. И я не просто это делал, а все время думал, что бы сделать еще.

Кабинет Гражданской Обороны (ГО). Так же, как и военный кабинет, он был оформлен в мастерской пединститута (военный кабинет, кабинет ГО и рекреации были оформлены в едином стиле, но отличались по цветовой тональности). Здесь также была фанерная стена, в которую были вмонтированы четыре электрифицированных макета приборов ГО и проигрыватель. Посередине стоял большой стол-макет местности и места для размещения 18 учеников (остальные сидели за столами, как в военном кабинете). Макет был огорожен оргстеклом. Это я сделал после пары набегов малышни, которым очень нравилось таскать маленькие макеты танков, пушек, солдат и т.п. Была у меня длинная указка с электролампочкой на конце, а в передней стенке из оргстекла было вырезано круглое отверстие 20-25 см диаметром. Все приборы были запитаны через понижающий 12-вольтный трансформатор, который мне изготовили в мастерской у Володи Лобанова.

Зал-рекреация. Все три перечисленные кабинета выходили в одну рекреацию, которую я превратил в зал, оформленный по военно-патриотической тематике. На полу ярко и красиво было обозначено место построения взвода (класса), как это предусмотрено строевым уставом.

Перед строем - большое зеркало и образцы формы одежды и причесок. Был большой стенд с нашими наградами: от РайОНО до минпроса СССР - получали практически ежегодно, а также от космонавта Берегового и маршала Баграмяна, который ведал всесоюзной игрой «Зарница». Был стенд с показом образцов основных видов вооружения НАТО, которые я раздобыл в разведотделе нашей дивизии, отдельный стенд с чисто армейской доской документации дежурного по роте с набором всего положенного: повязка, ремень, макет штык-ножа, все подходящие инструкции, «грибок», тумбочка и другое. Невдалеке стояло знамя с орденскими лентами. Был стенд с погонами от рядового до полковника. То, что было много настоящего, а не на картинках, значительно облегчало ребятам запоминание - все это входило в учебную программу.

Другое. Далее по коридору были стенды по межпредметным связям, связям различных предметов с военным делом, о значении русского языка в военном деле. Школа у нас была городская, и большинство ребят прекрасно говорили по-русски. Но то, что понятно городскому парню, не всегда давалось, допустим, девочке из аула. А у нас были и ребята из отдаленных областей, которые многое из имеющегося у нас видели впервые. Настоящие погоны, знамя, пост дежурного, разметка строя на полу и многое другое - все это значительно облегчало им изучение материала НВП. Дальше по длинному коридору был большой стенд во всю его длину с исполненными чеканкой и раскрашенными цветной эмалью (точно как настоящие) всеми боевыми орденами и медалями от Золотой Звезды Героя Советского Союза до медали «За Победу» с описаниями-статусами внизу.

Большая раздевалка в школе (1176 учеников) была ограждена красивой фигурной решеткой. Я завесил ее большой картой Великой Отечественной войны, а вокруг - картами отдельных боевых операций (10 Сталинских ударов).

Вспомнил, что в первом зале через всё помещение была протянута проволока, на которой висел выполненный Еремком макет американского военного самолета, а перед ним флажки с указанием упреждений при стрельбе по нему на 1, 3, 5 корпусов самолета, было понятно, что это такое.

В коридоре к 40-летию Победы мы установили мраморный памятник (это в основном заслуга Рафики Бекеновны) с электрической имитацией Вечного огня и фамилиями наших школьных участников войны, в том числе погибших.

Музей Боевой Славы. Для музея мне выделили один из классов на третьем этаже (музей или уголок Боевой Славы входил в перечень полного комплекса УМБ НВП). Бывая в разных школах страны, я видел и со-

всем примитивные (просто набор картинок), и очень богатые музеи (40-я школа Москвы, где шефом музея был генерал Батов). У нас был достаточно хороший музей с набором различных экспонатов от осколков снарядов до Сталинских приказов. Но наш музей имел одну особенность, похвастаться которой могли далеко не все школы: в Алма-Ате жили и принимали самое активное участие в работе музея шестьдесят ветеранов 30-й Гвардейской Рижской Краснознаменной стрелковой дивизии, которая формировалась в Алма-Ате и не только принимала участие в освобождении Прибалтики, но и освобождала мой родной Алексин. Там, кстати, похоронен и командир дивизии, умерший в Воронеже, но перевезенный по его завещанию в Алексин. Наши старики выступали перед ребятами, помогали в переписке с ветеранами, собирали экспонаты. Должен сказать, что когда я выбирал дивизию для базы при создании музея, выбрать именно эту мне посоветовала Тоня, она обратила внимание, что эта дивизия освобождала Алексин. Кстати, в этой дивизии служили наши алексинцы. Я знаю Василия Малютина, умершего совсем недавно, Нину Богородицкую, Нину Полякову, Анну Будылину и других – это мои одноклассники.

И совсем не радостное: когда после декабрьских событий 1986 года в Казахстане стал усиливаться национализм, у нас в школе я услышал голоса, что нужно было за музейную основу брать более «казахскую» воинскую часть (сейчас в группе ветеранов был только один казах – Халимуллин Акинтай).

Наружная (во дворе) часть комплекса. Кроме одного прохода между корпусами школы, где была дорожка к входу в школу со двора, все остальное я «прибрал к рукам». Рядом со своим кабинетом я заасфальтировал всю площадку и расчертил строевой плац, немного, правда, уменьшив размеры - ребята и особенно девочки были у нас не крупные. Там же оборудовал полный караульный городок и площадку ГО. Все это я оснастил настоящими, как в армии, стендами на металле. А рядом с забором на многослойной фанере почти в натуральную величину установил профиль танка с ярко выделенными наиболее поражаемыми его точками. С другой стороны двора я оборудовал военно-физкультурный городок с армейскими специфическими агитационными стендами. Должен признать, что этот объект был больше для счета: наши физкультурники туда не очень-то рвались.

Стрелковый тир. Тир, несомненно, самое трудоемкое в строительстве и самое опасное при эксплуатации сооружение. Я проверял практически все школы города (по поручению ГорОНО, минпроса, горкома партии), но наш тир мне нравился, скажем так, больше других, хотя были тирры и на 50 метров. Правда, к концу 80-х годов в городе на 131 школу было

уже 75-80 стрелковых тиров. Точнее, их следовало бы назвать местами для стрельбы из малокалиберного оружия, т.к. к ним относили и просто подвалы с подведенным освещением.

Наш тир был 25 метровый на 4 стрелковых места. На стенах (в начальной части тира) были плакаты на металле с правилами стрельбы, безопасности и нормативами. Один из моих помощников изготовил для каждого стрелка указатели попаданий на цифровых лампах, что давало им возможность корректировки стрельбы после каждого выстрела, а также позволяло каждому производить до 20 выстрелов за урок. У нас была годовая норма расхода патронов 8 штук на человека, попробуй тут научить. Но я доставал патроны, и наши ребята стреляли вдоволь, отсюда и высокие результаты. А основной акцент в НВП делался на стрелковую, строевую и физическую подготовку.

Я вспомнил мою Алексинскую школу, где перед входом вывешивались фамилии парней 9-х и 10-х классов и количество раз, которое они сумели подтянуться. И позор был тому, кто не укладывался в нормативы ГТО - очень желательно на «отлично». По аналогии с этим я изготовил стенд с не очень педагогичным названием «М-а-з-и-л-ы!», на котором вывешивал результаты стрельб, причем, плохие показатели записывал красным карандашом. Первоклашки постоянно крутились возле этого стенда, а слабых стрелков так и называли - «мазилы».

Малый класс ГО. Рядом с тиром была маленькая комната, в которой я оборудовал тоже маленький класс, убежище ГО - небольшую копию всего того, что должно быть в настоящем убежище.

Тактическое поле - это, пожалуй, сказано слишком громко. Но так было записано в инструкции. Можно ли было в городских условиях создать все, что предусмотрено инструкцией. У нас было немного свободной земли, и я всю ее забрал. А в большинстве школ не было и половины необходимого места для оборудования всего, что требовалось. Мы отрыли окопы, изготовили профиль танка, по которому бросали болванки противотанковых гранат. Кажется, вспомнил все, что было сделано в части учебно-материальной базы НВП. Появилась возможность для качественной подготовки к НВП.

Где-то в середине семидесятых годов в ГорОНО ввели должность инспектора по НВП. С подачи Нины Николаевны Жаворонковой, с которой мне несколько раз пришлось контактировать, зав ГорОНО предложил эту должность мне. В минпросе у Петра Фомича Короткова я отбил от этого предложения: во-первых, мне нравилась работа в школе, нравилась и получалась. Во-вторых, здесь я имел дело с одной, хотя и довольно беспокойной, школой. Там же мне пришлось бы отвечать за все школы города. И, наконец, я потерял бы более ста рублей зарплаты, а с тем, что мне и

за нештатную должность в РОНО немного приплачивали - и того больше. Наверно, это тоже сказалось не в последнюю очередь.

Я уже писал, что меня бесконечно проверяли. Добавлю, что у меня трижды был полковник Витренко, начальник боевой подготовки штаба ГО СССР (по учебным заведениям). Один раз, правда, заранее предупредив, он привел с собой начальников отделов боевой подготовки ГО всех республик Союза. Я давал для них открытый урок. Понравился. А в союзной методичке по ГО меня просто расхвалили.

Был у меня на уроке и главный редактор «Учительской газеты» с группой работников редакции. После этого в «Учительской газете» появилась большая статья о постановке начальной военной подготовки в нашей школе. Были у нас и космонавты, в том числе Береговой и Севастьянов. Я сейчас, конечно, не смогу вспомнить всех, кто у нас был, но что-то не помню, чтобы в других школах побывали такие люди. Все эти посещения меня не пугали, т.к. у нас было лучше, чем в большинстве известных мне школ. А к открытым урокам можно было подготовиться, тем более что с моей материальной базой это не составляло особого труда. Правда, я опасался, что когда-нибудь проверка в таком плане сменится обычной проверкой знаний у ребят.

Такое случилось в 1983 году. Штаб округа организовал проверку тридцати школ города и тридцати школ Алма-Атинской области. Пригласили к этой проверке офицеров военных училищ и офицеров военных кафедр вузов. Не знаю, каким образом их там «накачивали», но проверяли они по-зверски: до мелочей придирались к правильности поведения на огневом рубеже и у спортивных снарядов. Придирались к таким мелочам, как наличие или отсутствие кнопки телефонного вызова в караульном городке. Но главным все же было выполнение требований программы: проверяли стрельбу, строевую и физическую подготовку, защиту от средств массового поражения, теорию огневой и тактической подготовки, организационное строение Вооруженных Сил. Меня проверяли два человека: русский полковник и украинец подполковник (об этом написал потому, что если бы были офицеры-казахи и поставили хорошую оценку, обязательно были бы разговоры об их пристрастии к казахской школе).

Из тридцати школ города только одной нашей поставили оценку «отлично». Я здорово переволновался. Помню, тогда подумал, что трушу больше, чем на выпускных экзаменах в академии: там я отвечал то, что было у меня в голове, а здесь ребята отвечали то, чему я их научил. Обошлось. После многих лет похвал, после многочисленных посещений мною школ, после моих замечаний в адрес этих школ, хотя в основном и по вопросам создания учебно-материальной базы, которую я постоянно связывал с грядущими успехами в учебе - и вдруг получить неудовлетвори-

тельную оценку, имея эту самую базу в наилучшем исполнении, было бы не просто стыдно... Про себя я решил, что если такое произойдет, уволюсь из школы. Видимо, получив результаты этой проверки и выставленную нам оценку, к нам из штаба округа прибыл офицер, перепроверить, что ли? И хотя мне он сказал, что приехал просто посмотреть, я думаю, он проверял объективность моих проверяющих. Но проверял то он теперь только материальную базу. А такой проверки я не боялся.

Итоги подводились в большом зале Окружного Дома офицеров. В армии умеют проводить подобные мероприятия. Собрали всех заведующих РайОНО города и области, всех работников военных комиссариатов, председателей райисполкомов, а от города - всех военруков. В президиуме сидело все начальство вплоть до секретаря обкома партии. А когда я увидел на громадном ватмане оценки проверенных 60 школ города и области, всех РайОНО, ГорОНО и ОблОНО и среди них лишь одну строку красной тушью - нашей школе - «отлично», только тогда спала напряженность. А Рафика Бекеновна, которая на совещание приехала прямо из какой-то командировки, увидев, а потом и услышав похвалы в свой адрес, сказала: «Ну, Боря, ты даешь!»

Потом к нам еще пару дней все шли и шли директора и военруки школ из области (городские, кажется, все побывали). Уроки на эти дни у меня отменили, и я выполнял роль экскурсовода и принимал поздравления. Вскоре пришел приказ с благодарностью от министра, а за ним и от командующего округом.

Эта проверка и, главное, внимание, которое ей уделили и горком, и обком партии, сильно подтолкнули создание учебно-материальной базы НВП в школах города и области. Через два-три года в нашем районе почти во всех школах были созданы полные комплексы НВП, а в СШ №19, 64 и 30 - не только отличное оформление, но и 50-метровые стрелковые тиры. В других школах тоже было все, что требовалось по инструкции, но не так богато.

После получения отличной оценки (главное - мы единственные) на инспекторской проверке меня, во-первых, первым из военруков Казахстана наградили знаком «Отличник просвещения СССР», райком партии выпустил буклет, посвященный моей работе в школе, а штаб ГО республики - большой плакат. Следует отметить, что и поток гостей после этого усилился. Республиканский институт усовершенствования учителей избрал нас своей базовой школой, и мне часто приходилось принимать военруков сельских школ.

Да, еще забыл: я написал, а минпрос опубликовал в сборнике «Русский язык в казахской школе» о нашем опыте и некоторых особенностях НВП в национальной школе. Но этим дело не ограничилось, и меня за-

ставляли делиться этим опытом с военруками сельских школ. Кстати, тогда я увидел разницу между городскими и сельскими военруками. А от этого, в первую очередь, зависел и уровень постановки НВП.

Я уже отмечал, но скажу еще раз: если в городе многие военруки были старшими офицерами (многие из них участники войны и многие с высшим образованием), то в сельских школах военруками в подавляющем большинстве были сержанты с соответствующим образованием. Многие военруки вообще были не из строевых подразделений. Да и отношение к НВП в деревне было далеко не то, что в городе. Одни из посетителей интересовались, не стоим ли мы на особом финансовом довольствии в минпросе (самое большее, что я имел от них - методички, которые они печатали в основном для сельских школ, а мне они перепали потому, что и минпрос был заинтересован в нас). Другие, в основном из областных центров, с ехидцей интересовались, как я использую всю эту красоту в учебном процессе, не для показухи ли она у меня создана. На это у меня был очень весомый аргумент - отличная оценка на проверке.

Третьи (городские, но не нашего района) давали различные советы (не имея при этом у себя ничего похожего на наш комплекс). Но это уж болезнь военруков. Через пару месяцев после той большой проверки к нам в сопровождении нашего секретаря райкома прибыл кто-то из административного отдела ЦК компартии Казахстана. В книге посещений он поставил «Превосходно» и опять дал совет. Узнав, что я возглавляю райметодобъединение военруков района, он посоветовал довести все школы до такого же уровня, а школ в районе в это время было около полутора десятков.

Наш райком принял этот совет за указание. И если раньше я только изредка обращался в райком с просьбой кого-нибудь «подтолкнуть», то теперь меня стали приглашать в райком, а потом и в райисполком на все мероприятия, хоть краем имеющие отношение к НВП или военно-патриотической работе. Я выступал даже на бюро райкома партии с докладами по этим проблемам.

А вот курьезный случай. Однажды меня вызвала зам. председателя райисполкома (она курировала школы), кажется, ее звали Тамара Иванова, и сказала, что до нее дошли слухи, что один из военруков крутит любовь с завхозом своей школы, и поручила мне, видимо, как руководителю методического объединения разобраться с этим. Помнится, меня и возмутила, и одновременно рассмешила ее попытка «нагрузить» меня. Я ей ответил, что насколько я понимаю, мое дело следить за качеством НВП и созданием учебно-материальной базы, а разбираться с тем, что она мне поручила, дело директора, да они и сами не школьники. В заключение же я сказал просто по-солдатски: «В здоровом теле - здоровый дух!» Это ее

Из опыта работы военрука казахской
средней школы № 12 им. С. М. Кирова
Фрунзенского района города Алма-Аты
подполковника запаса

БЕЛИЛОВСКОГО
Бориса Владимировича

*Заглавный лист буклета, изданного
Фрунзенским райкомом компартии Казахстана
Алма-Ата. 1983 г.*

возмутило и на зимней учительской конференции она во всеуслышание дословно озвучила эту мою формулу. Это вызвало сильный смех и, как мне кажется, без осуждения. И потом знакомые учителя часто напоминали мне об этом. Думаю, что-нибудь еще можно было бы вспомнить о моей «руководящей и направляющей» роли на ниве начальной военной подготовки, но, пожалуй, хватит и этого.

Кстати, если зав. РайОНО Иннокентий Петрович мало внимания обращал на НВП, то пришедший вместо него Тохтар Жамалбекович прямо-таки таскал меня за собой, помнится, даже в горисполком. А на всех совещаниях и конференциях мне приходилось выступать не по поводу своей школы, а обо всех школах района. Директора и завучи школ, которые я посещал, относились ко мне доброжелательно: во-первых, я не конфликтовал с ними и, во-вторых, я говорил обычно только о создании учебно-материальной базы или о хранении оружия, т.е. о том, о чем я имел моральное право говорить, что было подтверждено инспекторской проверкой.

Тогда я как-то об этом не думал, а сейчас мне кажется, что от постоянных похвал да и от выступлений, которые меня заставляли делать и в которых я как бы всех поучал (а у меня ведь и в самом деле было лучше), я понемногу стал зазнаваться. Правда, это выражалось только в том, что я стал как-то небрежно относиться к рядовым урокам: во-первых, меня просто приучили к открытым урокам, на которых присутствовало большое количество гостей и начальства, а во-вторых, директор и завучи нашей школы смирились с мыслью, что я чуть ли не в большей мере работник РайОНО, чем своей школы. А так как буквально с первых дней моей работы в школе ко мне не было претензий, то они месяцами ко мне не заглядывали, освободив меня даже от педсоветов (там говорили в основном на казахском языке). В общем, сама Большая проверка да года три-четыре после нее были прямо-таки моим «звездным часом».

Но примерно к 1988 году оформление всего моего комплекса несколько потускнело, да и просто примелькалось тем, кто имел отношение к начальной военной подготовке в городе и области, а воссоздать все в обновленном виде у меня не было силенок (шел уже семнадцатый год моей работы в школе и шестьдесят пятый год мне самому). Да и в школу-то я пришел не из пединститута, а после трех десятков лет службы в армии. Наверное не последнюю роль играло и то, что во многих школах за это время было создано много интересного. Кроме того, я стал значительно хуже слышать и стали появляться «провалы» в памяти: среди урока я вдруг забывал, о чем я только что говорил. Кроме всего этого, мы с Тоней получили однокомнатную кооперативную квартиру, находящуюся доста-

точно далеко от школы, а также дачный участок. Все это требовало сил и времени.

Конечно, на старом багаже (и заслугах) я мог бы еще какое-то время продержаться даже в передовиках. По насыщенности техническими средствами, оснащению и оформлению все еще единственного методического кабинета, да и по другим показателям я все еще был в первых рядах. Но (это проистекало из всего перечисленного и стало решающим), если раньше работа в школе была для меня в радость, то теперь зачастую в тягость.

Помня мудрость о том, что уходить нужно вовремя, в январе 1989 года (19 января мне исполнилось 65 лет) я написал заявление с просьбой об увольнении (Тоня уволилась в 1980 году в возрасте 55 лет).

И теперь несколько моментов, о которых по частям я, возможно, и вспоминал.

За счет чего нам удалось добиться успехов в начальной военной подготовке и военно-патриотической работе?

Самое благожелательное отношение к НВП директора школы Рафики Бекеновны Нуртазиной (а потом - по традиции - Дамели Нугмановны Данияровой, а позже и Шамши Копбаевны Беркимбаевой). Пусть с улыбкой и снисхождением, но все они соглашались с моей позицией: «Главным предметом обучения в школе является начальная военная подготовка». Я и сейчас считаю, что любой учитель-предметник должен считать свой предмет главным.

Работа в школе пришлась мне по душе, а помощь директора и завучей дали и какое-то умение.

Почти тридцатилетняя служба в армии, а это громадный опыт работы с людьми, опыт организаторской работы, мое умение привлечь себе в помощь практически весь педагогический коллектив, а позже в каком-то смысле РайОНО и даже райисполком и райком партии - все это дало свои плоды. «Орленком» я сумел заставить заниматься организатора внеклассной работы, а гражданской обороной - первого завуча школы, хотя я и не стоял в стороне от этого. К НВП имели прямое отношение партийная и комсомольская организации, а потом и многие районные организации и родители. Думаю, что многолетний опыт общения с людьми помогал мне поддерживать хорошие отношения со всеми членами нашего коллектива, а также и с начальством.

У нас были очень состоятельные и доброжелательные шефы «Госкомсельхозтехника». После одного-двух «ознакомительных» походов к ним вместе с Рафикой Бекеновной я стал выходить на них напрямую и значительная часть шефской помощи оседала у меня («волка ноги кормят»). Я также не очень робел, когда можно было что-то выбить в мин-

просе или в городских организациях (я часто видел, что для многих учителей, в том числе и военруков, сходить даже в РайОНО было непосильным делом, похоже, боялись начальства).

Я не был крохобором, за пару бутылок водки строители (наши или с соседнихстроек) делали мне очень многое. Затраты в конце концов были небольшие, а дело было сделано. Кроме того, я еще с установочных сборов уяснил для себя, что хорошая учебно-материальная база - основа успеха. Ей я и уделял все свое время и старание.

И знаю, когда в какой-нибудь школе выпадал хоть один из перечисленных пунктов, то дело там не клеилось: отношение директора, а через него и всего коллектива, добросовестное отношение и желание военного руководителя, состоятельные и доброжелательные шефы. А мне приходилось слышать от военруков (я много с ними общался), что не клеятся отношения с директором или вообще с коллективом, что директору «до лампочки» или, что еще хуже, самому военруку «до лампочки», мол, не для того увольнялся он из армии, чтобы еще здесь пахать. У нас все условия работали на НВП, поэтому что-то и получалось.

А потом я выяснил для себя, что я ужасно тщеславный и даже завистливый. Мне очень нравилось, когда меня (школу, конечно) хвалили, и на этой волне готов был делать еще больше. Я болезненно переживал, если узнавал, что где-то создали такое, чего у меня нет, и тут же старался «затмить».

И еще: мне повезло со школой, и я семнадцать лет проработал там с удовольствием.

А теперь главное: каковы итоги, результаты семнадцатилетней работы.

За семнадцать лет работы в школе (в системе НВП) мы выпустили (ребят, закончивших 10 классов) такое количество учащихся, из которых можно было бы сформировать 18 мотострелковых рот.

За это же время в военные училища поступил 51 наш парень. Это, конечно, поменьше, чем в 30-й школе, где училась основная масса детей офицеров-пограничников. И поменьше, чем в 5-й школе, где училась основная часть детей офицеров штаба округа. Это, наконец, меньше, чем в 51 школе, где учились дети офицеров воздушной армии (против семейных традиций и благожелательного отношения родителей к семейным традициям нам нечего было противопоставить). Но если раньше наши мальчишки если и шли в военные училища, то это было Алма-Атинское пожарно-техническое училище или Карагандинская школа милиции. А теперь наши выпускники служили офицерами в авиации и на флоте, в ЗРВ и ВДВ, в мотострелковых и артиллерийских частях.

И это наверное самое главное (а приятное - так это точно) - десятки писем из воинских частей, в которых командиры благодарили нашу школу за качество подготовки ребят к службе в армии.

В ходе всех записей после каждого раздела я как бы подводил итоги этому периоду жизни. Здесь это будет выглядеть так.

Где-то на одной из моих последних учительских районных конференций один из в общем-то хороших директоров (это был директор специализированной математической школы) в своем выступлении высказал такую мысль: «Следует отменить в школах начальную военную подготовку, а эти часы использовать для эстетического воспитания детей». Не согласовав со мной, председательствовавшая новая зам. председателя райисполкома Н.Н. Воронцова, которая совсем недавно была нашим «фельдмаршалом», вне всякой очереди и записи предоставила мне слово, как я понял, для ответа на выступление того директора. Я сказал, что можно было бы и согласиться с таким предложением при условии, что есть гарантии, что ребята не будут служить в армии, где неподготовленным приходится очень тяжело. И еще сказал, что печальная статистика свидетельствует о том, что во время войны необученных убивают значительно больше, чем подготовленных (хотя пуля - она и дура). Пусть этот директор расскажет обо всем этом родителям, а потом спросит, стоит ли заменять начальную военную подготовку музыкой или изящной словесностью.

Вне всякой связи с этими мнениями, но позже все-таки отменили в школах начальную военную подготовку. Сначала отобрали учебное и малокалиберное оружие, т.к. в школах начались хищения оружия. А без огневой подготовки - это не НВП. Вот здесь в Израиле, и это с непривычки резко бросается в глаза, очень многие солдаты срочной службы (парни и девушки) едут домой ночевать. И едут с оружием: винтовкой или автоматом и с боевыми патронами.

После моего увольнения в школе мне устроили проводы. Подарили часы, которые «тикают» и до сего времени. Я не сразу порвал со школой: ходил и немного помогал новому военруку (им стал один из наших физкультурников, лейтенант запаса). Приказом ГорОНО меня ввели в состав аттестационной комиссии по присвоению квалификации «Военрук-методист».

Но начальная военная подготовка шла (катилась) к закату. Перед отъездом в Израиль я заходил в школу попрощаться. Обошел все и ужаснулся (когда я потом позвал Рафику Бекеновну посмотреть, она отказалась, сказала, что не хочет расстраиваться). Много, чтобы не сказать почти все, что мы создавали и собирали в течение 17 лет, поломали и растащили. Но самое печальное - не стало Музея Боевой Славы. А ведь там

были не только стенды и плакаты, туда жены умерших ветеранов сдавали после их смерти боевые ордена и медали. Там были письма ветеранов практически со всех концов страны. Там были подлинные приказы командующих фронтами и Верховного Главнокомандующего с поощрениями за боевые подвиги. Там было много-много другого, что мы скрупулезно собирали и отбирали. Многие экспонаты сложили в подвал, где при постоянной сырости, все пришло в негодность. А ведь в школе осталась в целости сравнительно большая оружейная комната, где можно было разместить не только музей, но и многое ценное, оставшееся от начальной военной подготовки. В тот раз новая (опять новая) директриса сказала мне, что ходят разговоры о возможности восстановления НВП. Не знаю, восстановили ли?

Начальная военная подготовка просуществовала 20 лет (правда, она была еще и до войны). Не сомневаюсь, что она сыграла большую роль в подготовке молодежи к службе в армии и вообще в военно-патриотическом воспитании. Громадную роль сыграло то, что практически все военруки были офицерами запаса, многие из них - участниками Великой Отечественной войны. В Алма-Ате это направление возглавляли полковник Михейкин Борис Владимирович, бывший до этого начальником учебного отдела АВОКУ, и полковник Сашихин Алексей Михайлович, инициативный и исключительно добросовестный человек. В минпросе НВП возглавлял капитан 1 ранга Коротков Петр Фомич. На флоте он был руководителем учебного подразделения, а после увольнения (уже в Алма-Ате) - сначала директором школы, а потом и зав. РайОНО. Были там: полковник Макогон Иван Васильевич, бывший командир учебного дивизиона погранучилища, Атаманюк Михаил Иванович и другие. Еще более сильная группа руководителей НВП была в Москве. Возглавлял ее полковник Аверин, который имел академическое и гражданское педагогическое образование и в течение многих лет после войны был начальником Суворовского училища.

Развалили всю эту систему очень быстро, хотя для того, чтобы выйти на мало-мальски приличный уровень, потребовалось 7-8 лет.

Сейчас в России идет реорганизация армии, так называемая реформа. В борьбе с разгильдяйством и дедовщиной сильно могла бы помочь (конечно, в качестве одной из составляющих) начальная военная подготовка и широко организованная военно-патриотическая работа, которую обязательно нужно поднять на общегосударственный уровень. Конечно, нужно изменить программу, исключить ненужное и наносное, значительно поднять статус военного руководителя, оговорить обязанности руководства всех звеньев, обязательно подключив местные органы власти. Подключить к этому важному делу директоров предприятий и других ру-

ководителей производства (у них есть средства). Уверен, что восстановленная (и обновленная) начальная военная подготовка поможет общему укреплению порядка и борьбе с разгильдяйством и тем бардаком, который проел сейчас всю армию, да и страну тоже.

В январе 1989 года я бросил работу окончательно, проработав в различных государственных структурах 47 лет (думаю, что достаточно для моих 65 лет к тому времени). Впрочем, правильно говорят, что человек предполагает, а бог располагает: после пяти лет вкалывания на даче (что, видимо, не считается - дело личное и добровольное) я вот уже около четырех лет мою в своем подъезде полы. Вот бы пересчитать, сколько взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек я вымыл и вычистил за это время. Или хотя бы в гектарах... Везде старался (как получалось - не знаю) работать добросовестно, а последние пять лет в армии (я не считаю фронт и время учебы в академии, там другие измерения) и время работы в школе - с интересом и удовольствием.

Имена и фамилии тех, с кем довелось встречаться в этот период

Щербаков
Сидоров
Лобанов Володя
Семин В.И.
Шумейко Н.М.
Соколов Л.Н.
Дроздов Федор
Заикин А.П.
Коротков П.Ф.
Аверин
Акылов Мажит
Михейкин Б.Вл.
Сашихин А.М.
Тюкачев

Атаманюк М.И.
Макагон И.В.
Басин Ф.М.
Колосов К.А.
Гладченко П.Г.
Нуртазина Р.Б.
Даниярова Д.Н.
Пшенина Г.Т.
Дуйсенова А.А.
Жаворонкова Н.Н.
Марниц Г.Э.
Рыжков Володя
Богаев Б.П.
Ружицкая

Марышев И.П.
Крашенинникова Л.
Мещеряков Б.В.
Ушакова В.Г.
Воронцова Н.Н.
Воронов Борис
Прибосный В.К.
Крючков Е.Н.
Халимулдин А.К.
Цыганков
Беркимбаева Ш.К.
Кадырбекова А.К.

ПЕНСИОНЕР

Летом 1988 года, когда я был на недельных сборах военруков, Тоня получила дачный участок в 6 соток на хорошем ровном месте возле Приютских (Первомайских) озер. В первое время на не огражденном еще участке мы что-то посадили («что-то» - потому что мы ничего не понимали в этом деле). Кроме деревьев посадили малину и смородину. К 1993 году, а это был последнее лето, когда мы занимались своей дачей, у нас стоял бетонный домик 3х6 м с кирпичной верандой чуть меньшего размера. Был погреб с электрическим освещением и вентиляцией, сарай, который я сначала наскоро построил из фанеры, а потом обил кровельным железом и покрасил зеленой краской. К сараю позже пристроил душевую с «предбанником» и построил туалет. Сразу у входа в сарай была довольно глубокая яма с навозом - вполне приличный запас. А за домом располагался, так сказать, хозяйственный двор: трехкубовый в форме лежащего цилиндра бак для воды, поднятый на метр-полтора, что было очень удобно для полива сразу двумя шлангами, остатки строительного материала: полтысячи штук кирпича, песок, опилки, которые мы добавляли в землю, гравий.

Недавно, уже осенью 1999 года, получил от сына Вити фотографию дачи: все сильно заросло, все-таки 10 лет даче. У нас было много малины (в том числе черной), смородины черной и красной, а один куст - просто белой (никогда раньше не встречал), вишня, черешня, слива, яблоки, несколько очень хороших груш «Дюшес». Виноград у нас почему-то рос плохо (всего несколько веток), и мы его использовали в качестве декоративных зарослей: оплели подходы к сараю - получилась такая тенистая аллея - и две стороны дома, стало очень красиво. Да, было еще одно абрикосовое и одно персиковое дерево (плодоносили почему-то по очереди). Было очень много крупной и вкусной клубники (в том числе немного так называемой «долгоиграющей» и просто много разнокалиберной), много помидоров от совсем маленьких для закатки до больших «бразильских». Было несколько кустов «Черного принца» - помидоры вкусные, но очень уж изогнутые. Был совсем маленький участок картофеля в основном для пользования прямо на даче, красный болгарский перец, зеленый лук, а на зиму мы высаживали чеснок и летом собирали 100-120 головок крупного свежего чеснока - хватало на весь год и нам, и ребятам. Огурцы у нас почему-то росли плохо: сегодня его еще рано срывать, а завтра-послезавтра он уже согнулся и горчит (говорили, что у многих так).

Как и у всех, было очень трудно с доставанием материалов. Там рассказывали, а здесь в Израиле я увидел: для того, чтобы что-то построить, нужны только деньги. Никто не ищет краску (ее полно в магазинах),

гвозди, цемент и другое, из за чего я намотал не одну сотню километров на машине (а у кого не было машины?). Здесь нанимают каблана (аналог нашего дореволюционного артельщика), и тот берет все заботы на себя, плати только деньги (будто там это доставалось даром!).

И если еще на сетку для заборов, линолеум, нужные гвозди, петли и т.п. можно было случайно напасть в магазинах, мотаясь по Алма-Ате и пригородам, то шифер, крагис, фанера, приличная краска были дефицитом, который доставался или с переплатой, или, что реже, но иногда бывало - с удостоверением участника войны. Постановлений по этому поводу было много, но на деле они далеко не всегда выполнялись. А потом, отсутствие практического опыта приводило к тому, что многие вещи: фундамент, дорожки, кровлю и что-то еще я переделывал по нескольку раз, пока не доводил «до ума». А места складирования песка, кирпича, гравия я менял раз по пять, перетаскивая их на руках или в ведрах.

От нашей дачи до автобусной остановки было пару километров и идти особенно с двумя ведрами «дачных даров» было совсем не просто. Позже через речушку, впадающую в пруды, сделали мостик, что сократило путь до 400-500 метров. Правда, пакостники-шоферы, водители автобусов, иногда не останавливались, хотя у нас оборудовали настоящую автоостановку. Дело в том, что основная масса наших дачников были участниками войны и ездили без билетов, а шоферам это было просто невыгодно.

Из дома (остановка была прямо против нашего дома) мы выезжали в 5-55: подъем в 4-30, быстрый туалет, завтрак (все, что брали с собою, готовили с вечера) и - вперед. У железнодорожного вокзала была остановка, откуда в сторону нашей дачи ходили несколько автобусов. На дачу мы прибывали около 8 часов утра. Работали с небольшим перерывом на обед до 3-х часов. Наш наиболее удобный автобус проходил в 16 часов (а потом через час). Целый рабочий день вдали от автомашин и городского шума, без всяких суетных мыслей в голове, которые выбивались работой, мы и не замечали, что вкалывали по-настоящему (вот что значит свое, частная собственность) на земле под достаточно горячим алма-атинским солнцем. Где-нибудь часов в 12 был обед иногда с предварительным «омовением» под душем или просто в бочке с водой или под краном, шлангом и т.п. С собой мы брали хлеб, сало мне и масло Тоне. Заварка, соль и т.п. были на даче. У нас была маленькая электроплитка и мы варили картошку (очень редко суп с консервами) и готовили чай. А помидоры (были такие, что одного хватало нам на двоих), маленькие огурчики (на дачную трапезу хватало), перец, зеленый лук, укроп - это прямо с грядки (такого не бывает в магазине). Потом чай, а потом при желании - яблоко, груша, персик, абрикос, вишня, слива - что душе угодно. После обеда

можно было и подремать полчаса в двух креслах, на кровати или раскладушке.

Домой с двумя пересадками мы попадали часам к 16-17. После ванны и обеда дома сразу отправлялись спать (почти без газет, тем более книг и телевизора, т.к. рано утром все повторялось сначала). Как правило, если не было каких-то отвлекающих дел, то дачей занимались 4-5 дней в неделю. А когда наша очередь на полив выпадала на воскресенье, то ездил я один, т.к. с транспортом было еще труднее, в этот день на дачу ехали не только пенсионеры, но и рабочий люд.

Обычно большинство работ, связанных с выращиванием урожая, делала Тоня, а я значительную часть времени занимался строительством, хотя полив, как и многое другое: вскапывание, разбрасывание навоза, опилок и т.п. - было за мной.

Алма-Ата. Первомайские пруды. Дачи – на другом берегу (Google Earth)

Когда пошли большие урожаи, главной трудностью оказалось то, чтобы привезти все домой. Мы на целый год были обеспечены всем с сада и огорода и это было большим подспорьем зимою, тем более что Тоня на всю зиму заготавливала с десятков сортов варенья, разные томатные пюре, маринады и т.п. Чеснок мы заготавливали по две полулитровые банки, и в холодильнике он сохранялся значительно дольше, чем поспевал следующий урожай.

Кроме того, поздней осенью - ранней зимой я закупал по 5-6 кг сала на базаре, сам его засаливал с чесночком и отвозил на дачу, где прятал

А это дед со своими внуками

Олег. Алма-Ата. 1986 год. Учащийся 3-4 класса

Стас и Саиа. Алма-Ата. 1994 год. Учащиеся 1 и 3 классов

Борис. Нешер. Израиль. 1995 год. День Победы

под застрехой, отвозя домой по мере необходимости. Тоже хватало на всю зиму. Заготавливали и листья смородины, вишни, душицы, и др., которые в сушеном виде добавляли в чай - вкуснятина!

К этому же времени (еще в 1988 году в конце) мы получили однокомнатную квартиру на Комсомольской улице (позже - Толе би). Квартира была кооперативная, но мы быстро расплатились (деньги стали быстро девальвировать). Многим пенсионерам помогли полностью выкупить квартиры предприятия, с которых они ушли на пенсию, но школа - это бедная организация, и нам пришлось рассчитывать только на себя. Правда, это было при моей пенсии вполне по силам. Квартира тоже требовала, особенно поначалу и, что важно, без практического у меня опыта определенных затрат, средств и времени: установка стеллажей для книг, оборудование кладовки (что бы мы без нее делали?) шкапами и тоже стеллажами, строительство антресолей в коридоре (раньше все барахло мы выносили в гараж, а теперь пришлось все расталкивать по дому). На все это тоже ушло время. Так мы прожили еще пять лет в общем без серьезных «болячек».

В Израиль мы уехали 20 апреля 1994 года. Но об этом в следующей тетради.

Там я запишу последний раздел главы: «О себе» - время пребывания в Израиле и все, что с этим связано, запишу все, что я собрал «о евреях», и закончу разделом «Мировые религии».

Вместо послесловия

Я прочитал записки отца. Всё, что он изложил, мне знакомо: предвоенные, военные и послевоенные годы - по рассказам родителей, остальное происходило на моих глазах. Ничего особенного, обычная жизнь обычной семьи. Вот только когда я смотрю на этого юного улыбчивого курсанта, то понимаю вдруг, что на фотографии он моложе моего младшего сына, а эти ребята на фото «10 класс А» - и есть тот самый выпуск сорок первого, о котором написаны книги и сняты фильмы. Читаю его: «погиб», «погиб», «пропал» - и чувствую, как из его юной жизни уходили навсегда дорогие ему люди. Как будто из моей.

Из своего детства я вынес ощущение, что отец всегда рядом. При этом я точно знаю, что он отсутствовал месяцами - строил и ремонтировал аэродромы где-то далеко, ненадолго заезжая домой. Наверно, мама поддерживала во мне ощущение его близости, а когда он был дома, то мы всегда были вместе.

Мне дороги все его воспоминания. Алексин - потому что я тоже провел там лучшие дни своей жизни - беззаботное детство, долгожданый и радостный «отпуск» после долгой северной зимы. Имена его сослуживцев - для меня это живые люди. Места его службы - я помню даже запах косого серого сентябрьского дождя в заполярном поселке Шонгуй...

Что я понял и почувствовал? Отец был хорошим, честным и сильным человеком. Он любил маму. Он любил нас, сыновей. Он любил внуков. Он любил семью. Конечно, это не открытие. Просто жизнь состоит из отдельных поступков, а отдельные поступки воспринимаются нами поштучно, без обобщения. Теперь вот - итог жизни. И этот итог хороший.

Отец печатал свои записки на старенькой пишущей машинке, так ему было удобнее. При переработке текста в современный формат появились некоторые опечатки, которые пришлось исправить. Заменены на удобочитаемые некоторые иллюстрации, взятые в конце 90-х из Интернета. Добавлено несколько новых иллюстраций. Уверен, отец не стал бы возражать. И нужно учесть, что все упоминания о времени в тексте относятся к концу 90-х годов XX века.

Записки - это короткое описание жизни нашей семьи, увиденной глазами отца. Наверное они и интересны главным образом нашей семье. И это хорошо. Пусть семья знает свои корни.

Спасибо, отец.

Сын Юрий

О Г Л А В Л Е Н И Е

О СЕБЕ	3
О РОДНЕ	6
МОЙ АЛЕКСИН	14
НАЧАЛО ВОЙНЫ И ЭВАКУАЦИЯ	62
ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ	75
НА ФРОНТЕ	90
НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ВОЙНЕ	130
БЕЛОРУССИЯ	150
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ	165
ПЛЕСЕЦКАЯ	187
БЕЛОМОРЬЕ	194
ОТПУСКА И ВСТРЕЧИ С РОДНЫМИ И БЛИЗКИМИ	194
СЛУЖБА В БЕЛОМОРЬЕ ПРОДОЛЖАЛАСЬ	211
ЗАПОЛЯРЬЕ	224
УЗБЕКИСТАН	243
АЛМА-АТА	253
КОМАНДИР ОБАТО	268
НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ОБ АРМИИ	303
ПЕРЕД ПЕНСИЕЙ	309
В ЗАПАСЕ	310
ВОЕНРУК СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ	315
ПЕНСИОНЕР	342
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	347